

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВЫПУСК 7

ISSN 2079-1488

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»

КАФЕДРА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ

**STUDIA HISTORICA
EUROPAE ORIENTALIS**

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Научный сборник

Основан в 2008 году

ВЫПУСК 7

Минск
РИВШ
2014

УДК 94(4-11)(082)
ББК 63.3(0)4
И87

Рекомендовано
Советом Государственного учреждения образования
«Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 36-12 от 23 декабря 2014 г.)

Редакционная коллегия:

- А. В. Мартынюк* – кандидат исторических наук, отв. редактор (Минск)
Г. Я. Голенченко – доктор исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
О. А. Яновский – кандидат исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
А. А. Любая – кандидат исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
Ю. Н. Бохан – доктор исторических наук (Минск)
М. Вайерс – доктор исторических наук (Бонн)
В. А. Воронин – кандидат исторических наук (Минск)
О. И. Дзярнович – кандидат исторических наук (Минск)
Д. Домбровский – доктор исторических наук (Быдгощ)
Л. В. Левшун – доктор филологических наук (Минск)
А. В. Любый – кандидат исторических наук (Минск)
И. А. Марзалюк – доктор исторических наук (Могилев)
В. Назирный – доктор истории (Краков)
Н. В. Николаев – доктор филологических наук (Санкт-Петербург)
В. А. Теплова – кандидат исторических наук (Минск)
В. А. Федосик – доктор исторических наук (Минск)
А. И. Филюшкин – доктор исторических наук (Санкт-Петербург)
А. Л. Хорошкевич – доктор исторических наук (Москва)
В. Янкаускас – доктор истории (Каунас)

Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории
И87 Восточной Европы : науч. сб. Вып. 7. – Минск : РИВШ, 2014. – 338 с.

В научном сборнике представлены актуальные исследования белорусских и зарубежных ученых, посвященные широкому кругу проблем истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. Сборник включен ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам.

Адресуется студентам, аспирантам, преподавателям и научным работникам, а также всем, кто интересуется историей восточных славян.

УДК 94(4-11)(082)
ББК 63.3(0)4

© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Трачук А. В.** Металлургия хорватов, уличей и тиверцев
Поднестривья в VIII–X вв. 7
- Бессонов И. А.** Религиозный и культурный контекст
«движения волхвов» в 1060–70-е гг. 22
- Дзярновіч А. І.** Візантыйскае выгнанне:
эпапея полацкіх князёў у XII ст. і пазней 55
- Темущев С. Н.** Проблема образования Древнерусского
государства в ранних исторических трудах (до начала XIX в.) 65
- Шеринёва-Цитильская И. И.** Политико-правовая доктрина
«симфонии властей» в истории российских государственно-
церковных отношений X–XVI вв. 86
- Келлер О. Б.** Сфера распространения и влияния права
средневековой Германии на землях Тевтонского Ордена
и в Ливонии 105
- Мартынюк А. В.** Под стягом святого Георгия:
австрийские крестоносцы в походах на Литву и Русь..... 119
- Рассадин С. Е.** «Ездец московский» и его двойник литовский..... 135
- Дедук А. В.** Договорная грамота рязанского великого князя
Ивана Васильевича и рязанского князя Федора Васильевича
1496 г.: историко-географический комментарий..... 166
- Русина Е. В.** Литературные памятники XV–XVI вв.:
наблюдения и заметки 186
- Брыль А.-Ф.** Назва «Murata Gueranony» ў дакументах
1510–1523 гг. і датыроўка геранёнскага замка 201
- Пруднікаў А. А.** Яўрэі ў каталіцкіх гарадах і мястэчках
на Беларусі ў сярэдзіне XVII–XVIII ст. 204
- Любы А. У.** Адна дынастыя для двух гісторый: польская
гістарыяграфія аб Вялікім Княстве Літоўскім эпохі Ягелонаў 213

Сосна У. А. Палітычная гісторыя познафеадальнай Беларусі ў працах выкладчыкаў кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў БДУ: традыцыя і сучаснасць.....231

ИСТОЧНИКИ

Полехов С. В. Castrum nostrum Mensko.
Из истории династической войны в Великом княжестве
Литовском в 30-е годы XV века 247

Гаркович Н. В. Катехизис Стефана Зизания (Вильна, 1595 г.)..... 258

РЕЦЕНЗИИ

Глинский Е. С. «Studia Slavica et Balcanica Petropolitana»:
2007–2014 гг. 301

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дзярновіч О. І. Как рождаются традиции? Деятельность
семинара «Актуальные проблемы изучения и преподавания
истории» в 2007–2014 гг. 315

Мартынюк А. В. У подножия Спишского Града
(V Международная научная конференция из серии
Colloquia Russica «Русь и Центральная Европа в XI–XIV вв.»)..... 322

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 324

РЕЗЮМЕ..... 326

SUMMARY 331

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ..... 337

СТАТЬИ

Трачук А. В.

МЕТАЛЛУРГИЯ ХОРВАТОВ, УЛИЧЕЙ И ТИВЕРЦЕВ ПОДНЕСТРОВЬЯ В VIII–X ВВ.

В VIII в. восточные славяне состояли из тринадцати известных по летописям племенных групп, которые объединялись в крупные союзы-княжения, создавая предпосылки для возникновения древнерусской государственности [1, с. 248]. Изучение археологических памятников VIII–X вв. на территории Поднестровья, где жили хорваты, уличи и тиверцы, приводит к выводу, что материальная культура этих союзов племен имеет много общего, что зафиксировано в райковецкой культуре [21, с. 298].

Вместе с тем, на отдельных территориях существуют локальные особенности в ремеслах [13, с. 70–71], в металлургии в частности. На карте Восточной Европы, считает Б. Рыбаков, «возможно проследить основные этапы хозяйственного развития значительного пространства летописных племен с учетом особенностей каждой отдельной его части» [12, с. 35].

Одной из особенностей племенной культуры славян во второй половине I тыс. н.э. является гнездовое расположение поселений антов, склавинов и летописных племен. Поселения, отмечает Н. Тельнов, нередко располагались достаточно плотно, на расстоянии от нескольких сотен метров до 3–7 км друг от друга, образуя племенные гнезда. В их состав входило различное число синхронных поселений, иногда до 8–10 и более. Племенные гнезда поселений обычно имеют естественные границы. Чаще всего, справедливо обращает внимание известный исследователь, они располагаются в бассейне одной реки, ручья или долины. По данным исследований племенные гнезда обнаружены практически на всем ареале славянских племен [17, с. 167].

На восточнославянских землях на основании анализа погребального обряда исследователям удалось выделить племена, входившие в союзы радимичей (8 племен) и вятичей (6 племен) [16, с. 139–140]. Предположив, что и союзы хорватов, уличей и тиверцев включали не меньшее количество племен, тогда на землях Поднестровья для трех союзов можно насчитать 18–24 племени.

Производство железа является той отраслью хозяйственной деятельности, которая оказывала самое значительное влияние на экономику

и социальное развитие союзов независимых племен лесной и лесостепной зон: тиверцев, уличей, древлян, северян, хорватов, дреговичей, кривичей, вятичей и других, – но в племенном аспекте археологами почти не исследовалась. От уровня развития производства железа, его масштабов и технологического совершенства, зависело развитие земледелия, ремесел, военного дела и быта каждого племени. Этим, на наш взгляд, и определяется роль племенной металлургии железа, наиболее изученной в аспекте размещения археологических памятников и групп поселений за последнее столетие археологами Молдовы, Украины, Беларуси и России.

Металлургические центры гнезд поселений хорватов. На территории Северной Буковины городища принадлежали: в междуречье Днестра – Прута тиверцам, а в междуречье Прута – Сирета хорватам. Племенная граница между ними, отмечает М. Кучера, проходила не по Пруту, а скорее по Днестру. Эта граница соответствует территориальному членению Днестро-Сиретской группы городищ на две части: западную – хорватскую и восточную – тиверскую [7, с. 108]. Области распространения городищ прикарпатских хорватов в VIII–X вв. по сравнению с другими союзами летописных племен, считает исследователь, занимают наибольшую территорию (300 × 50/150 км), уличей – 100 × 50 км. Кроме того, отдельным племенам принадлежало по несколько укрепленных областей: тиверцам – в Нижнем и Среднем Поднестровье, хорватам – по обе стороны от Карпат [7, с. 112].

Богатые залежи болотной руды в Сиретско-Днестровском междуречье определяли для хорватов специфику ремесленного производства отдельных городищ и поселений региона [3, с. 442]. Значительная работа археологов проведена по изучению «гнезд» поселений племен склавинов и их потомков – хорватов, которые в течение пяти веков (VI–X вв.) постоянно проживали на обширной территории Поднестровья (Черновицкая обл.), где исследовано более 30 «гнезд», почти в каждом гнезде уже выделен производственный центр [17, с. 169]. Однако, археологи (Б. Тимошук, И. Русанова, Л. Михайлина) не рассматривали вопроса обеспечения племен хорватов железом и существования племенных металлургических центров, которые, на наш взгляд, имели значительное влияние на формирование хозяйственной и социальной структуры союза племен хорватов не только на Буковине, но и в других регионах Поднестровья.

Опираясь на систематические исследования гнезд поселений славян райковецкой археологической культуры VIII–X вв. между Днестром и Прутом Б. Тимошука [20] и других археологов, предлагаем рассмо-

треть обеспечение в этот период племенных гнезд летописных хорватов кричным железом.

Баламутовское гнездо поселений хорватов расположено на правом берегу Днестра (Заставнинский р-н Черновицкой обл.) на территории сел Баламутовка, Онут и Ржавинцы. Гнездо состоит из городища и четырех поселений [20, с. 144–146, рис. 36, А]. Племенной металлургический центр IX–X вв. Баламутовского гнезда поселений, который имел несколько горнов, обнаружен возле с. Онут на правом берегу Днестра (рис. 1.1), рядом с поселением хорватов райковецкой культуры [9, с. 135].

Беловское гнездо поселений хорватов расположено на территории с. Белая Кицманского р-на и в западной части г. Черновцы, на обоих берегах Прута. В его состав входят городище и пять поселений. Племенной центр исследован в с. Белая. Он состоит из большого поселения (1000 × 150 м) и соседнего городища-убежища (рис. 1.13). На территории поселения VIII–XI вв. обнаружено большое количество полуземлянок с печами-каменками, из которых исследовано четыре. Тут, возможно, действовал металлургический центр, о чем свидетельствуют находки большого количества железных шлаков [20, с. 96, 146].

Волоцкое гнездо поселений хорватов расположено в бассейне р. Дереглуй, на территории сел Волока и Валя Кузьмина (Глыбоцкий р-н Черновицкой обл.). В его состав входят городище и шесть поселений. Большое поселение VIII–X вв. находится возле с. Валя Кузьмина, на левом берегу р. Дереглуй, в урочище Поселок (рис. 1.10). Здесь обнаружены три железоплавильные горна [20, с. 148–150, рис. 47].

В Заставнинском р-не возле с. Горишние Шеровцы и Задубивка, в верховье р. Чоботарка (бассейн Прута), размещалось одно из гнезд поселений хорватов, оно датируется IX в., состоит из двух городищ, шести поселений и курганного кладбища. Городище, племенной центр IX в., размещается в юго-восточной части села, на высоком холме, в урочище Толока (рис. 1.6). На укрепленной площадке городища найдено обломки посуды хорватов IX–X вв., железные шлаки и обожженные камни [19, с. 164–165, рис. 76].

Грозинецкое гнездо поселений одного из племен союза хорватов расположено на территории сел Грозинцы и Калинкивцы Хотинского р-на Черновицкой обл. (бассейн Прута). В его состав входят городище, пять поселений [20, 154–155, рис. 50–а]. Племенной металлургический центр действовал в IX–X вв. на городище у с. Грозинцы, которое находится в 2 км к северу от центра села, на высоком холме, в урочище Городище (рис. 1.4). Он обеспечивал потребности Грозинецкого племенного гнез-

да поселений хорватов до завоевания Киевской Русью. Центр, который состоял из значительного количества горнов, действовал до IX в, пока не были разрушены железоплавильные горны, а на их месте в X в. был насыпан древнерусский земляной вал [19, с. 167].

В Прутско-Днестровском междуречье исследовано Добрыновское городище (Заставнинский р-н) хорватов VIII–IX вв., которое было племенным ремесленным центром. К Добрыновскому гнезду поселений кроме городища относятся еще три большие неукрепленные поселения и племенное городище-святилище Ржавинцы. Начало формирования этого гнезда приходится на VI–VII вв. (в центре с. Добрыновцы обнаружены жилища-полуземлянки склавинов пражской культуры). Ремесленное поселение здесь сформировалось значительно позже, около рубежа VIII–IX вв. [19, с. 134, рис. 75]. Раскопками здесь обнаружены 15 ремесленных мастерских, расположенные рядом с жилыми строениями. На городище было сосредоточено металлургическое (в трех мастерских), кузнечное и ювелирное производство (рис. 1.2). В других мастерских в материковых стенах землянок раскопаны нишеподобные печи, которые имели разное производственное назначение, в частности, использовались для прямого восстановления железа (в них найдены железные шлаки) [19, с. 133, рис. 73]. Продукцией Добрыновского металлургического и кузнечного центра обеспечивались жители не только самого городища, но и соседних, возможно и более отдаленных поселений [18, с. 109–113] союза племен хорватов.

Добрыновское городище является типичным ремесленным поселением, на территории которого были сосредоточены ремесленники, которые уже не занимались сельским хозяйством. Они владели передовыми средствами производства и высокой по тем временам техникой. Остатками такого поселения является городище Ревное ПА. В VIII–IX вв., когда восточные славяне еще не имели феодальных городов, ремесленные поселения были главными производственно-хозяйственными центрами [19, с. 134] у летописных хорватов.

В связи с возникновением ремесленных поселений и развитием специализации ремесленного производства распространяются новые орудия труда, резко увеличивается ассортимент изделий, идет процесс быстрого развития техники. Спектральный анализ железных изделий показал, что у племен склавинов VI–VII вв. большинство предметов изготавливались простым способом из наиболее дешевого кричного железа, реже – из грубой малоуглеродистой стали. В VIII–IX вв. ремесленники летописных племен уже умели изготавливать орудия с повышенной твердостью путем сварки узких стальных и железных полос [20, с. 92–94].

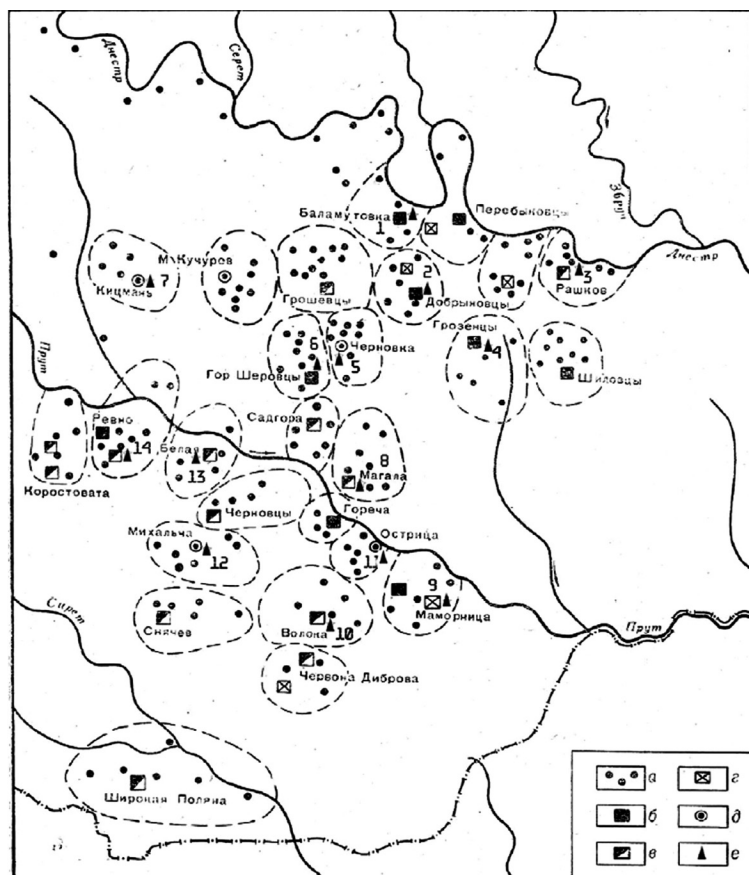

Рисунок 1. *Металлургические центры племенных гнезд хорватов VIII–X вв.:*

а) поселение; б) городище административно-хозяйственный центр;

в) городище-убежище; г) городище-святилище;

д) поселение общинный центр; е) металлургический центр:

1. Баламутовский

2. Добрыновский

3. Рашковский

4. Грозинецкий

5. Черновский

6. Горышине Шеровский

7. Кицманский

*Крутиловский – выше по Збручу,
за пределами карты.*

8. Магальянский

9. Маморницкий

10. Волоцкий

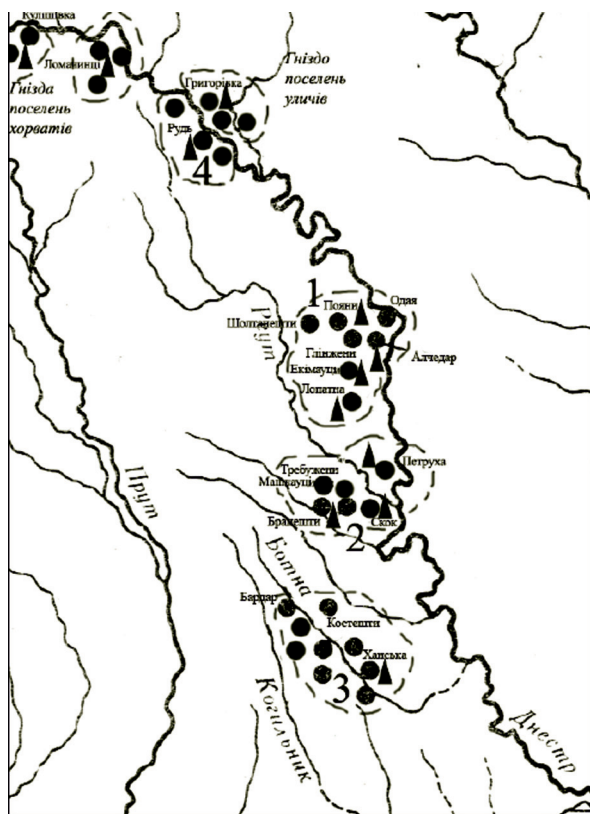
11. Острицкий (Кодин)

12. Михальчанский

13. Беловский

14. Ревнянский

*Кулиивский, Ломачинский – на восток,
ниже по Днестру, см на рис.2.*

Условные обозначения:

- поселение; ▲ металлургический центр; ○ гнезда поселений.

Рисунок 2. Металлургические центры племенных гнезд тиверцев VIII–X вв.:
1 – Черновский; 2 – Реутский; 3 – Ботненский; 4 – Рудь.

В результате наших исследований оказалось, что в междуречье Прута и Днестра племенные металлургические центры хорватов обнаружены на 17 из 30 ранее изученных археологами гнезд поселений (рис. 1). Это Баламутовское, Беловское, Волоцкое, Горишне Шеровское, Грозинское, Добрыновское, Крутиловское, Кулишиевское, Кицманское, Ломачинское, Магальянское, Маморницкое, Михальчанское, Острицкое, Рашкивское, Ревнянское, Черновское гнезда поселений [20, 111–169]. Очевидно, дальнейшие археологические исследования смогут обнару-

жить племенные металлургические центры и в других 13 гнездах хорватского союза племен или их кооперацию.

В годы правления Русью князя Владимира земли, заселенные хорватами, были включены в состав Киевского государства, очевидно об этом упоминает Летопись в 992 году, сообщая о «войне хорватской». По-другому это сообщение трактует В. Татищев, который считает, что 992 г. князь Владимир частично крестил местное население, а в 993 г. совершил карательный поход против непокорных племен. Косвенным подтверждением этому является информация в «Записках греческого топарха», где сообщается о карательных действиях князя. Подтверждают это и археологические материалы, которые свидетельствуют, что большинство племенных городищ хорватов были уничтожены [10, с. 11].

Обращает на себя внимание то, размышляет Б. Тимошук, что властью киевских князей Рюриковичей одновременно со строительством княжеской крепости в Ревном (рубеж IX–X вв.) были сожжены все ближайšie племенные городища-убежища хорватов: в Белой, Коростуватой, Красной Дубраве, Верхних Становцах, Волоке, Новой Жучке, Черновцах. При ликвидации племенного убежища в с. Белая (в 5 км от Ревного) пожаром были охвачены не только городище, но и жилища воинов-земледельцев. В раскопанных здесь жилищах-полуземлянках найдены оставленные во время пожара целые глиняные сосуды. Такая же картина наблюдается и на других, ликвидированных в это время хорватских центрах Поднестровья [20, с. 123].

Построенные в X в. на территории летописных хорватов новые княжеские крепости имели сложную систему укреплений. На укрепленных площадках крепостей Ревно и Горишние Шеровцы раскопаны жилищно-хозяйственные постройки, входивших в конструкцию оборонительного вала. В нижних помещениях найдены уже древнерусские железные шлаки, обломки глиняных тиглей, точильные бруски, которые свидетельствуют об использовании этих помещений для хозяйственных нужд и занятий ремеслом. В жилищно-хозяйственных срубах вала после перестройки уже жили древнерусские дружинники, которые в свободное от военных занятий время занимались также металлургическим и кузнечным ремеслом [20, с. 57–59].

Металлургия племенных гнезд тиверцев. В Повести временных лет племена славян Великой Скифии – тиверцы и уличи – расположены по Днестру: «приседяху к Дунаеви ... оли до моря», а в Ипатьевской летописи – «по Бугу и Днепру и приседяху к Дунаеви ... оли до моря». Если первоначальное проживание уличей по Днепру подтверж-

дается сообщениями Новгородской первой летописи, то подобное подтверждение о тиверцах отсутствует [15, с. 314]. С тиверцами связывают, в основном, древности Прутско-Днестровского междуречья (на землях Молдовы) [22, с. 250–259].

В бассейне Днестра во времена Руси пограничной полосой между хорватами и тиверцами, отмечает Б. Тимошук, стал верхний Прут, текущий вдоль восточных склонов Карпатских гор. Княжеские крепости в Кучелмине, Бакоте, Ущице, Калиусе были пограничными. Далее к югу от этих крепостей находились племена тиверцев [19, с. 86]. Но сам факт проживания между Южным Бугом, Днестром и Дунаем во второй половине I тыс. н. э. летописных уличей и тиверцев, подчеркивает А. Моця, не являлся аргументом для установления тут власти древнерусских князей в X–XII вв. Славяне проживали и в более ранние времена и на более значительных по размерам причерноморских землях, но земли уличей и тиверцев, отмечает исследователь, «не вошли в состав Киевской Руси» [8, с. 88].

И. Рафалович выделил на территории Молдовы племенные гнезда тиверцев VI–IX вв., открытые в бассейнах рек Реут, Чугур, Черна, Ботна. Гнездовой характер расположения поселений объясняется как сообщениями военного порядка, так и связями с патриархальным, хозяйственным и родоплеменным строем славян [11, с. 51, 53].

Реутский племенной металлургический центр гнезда поселений тиверцев райковецкой археологической культуры, открытых в бассейне реки Реут (Требужены, Брэнешть I, Брэнешть XI, Брэнешть XIII, Машкауцы, Петруха, Скок) [11, с. 51], находился на поселении Скок (рис. 2.2). На этом металлургическом центре действовало 17 сыродутных горнов, три купольные и две ямные печи [17, с. 212]. Два горна сохранились практически полностью, что позволило археологам основательно изучить их конструкцию. Горны устроены в материковых ямах, стенки которых обмазаны огнеупорной глиной. В нескольких случаях прослеживаются два слоя обмазки. Горны имели форму конуса, они расширены ко дну и сужены к колошнику, средняя их высота – 0,6 м. Пол железоплавильного горна овальной формы и имеет размеры 0,5 × 0,4 м. Наименьший диаметр имела верхняя часть печи у колошника 0,10–0,12 м. Верхняя часть печи находилась на уровне древнего горизонта. В передних стенках горнов были устроены отверстия в виде арки размерами 0,25 × 0,17 м. Они предназначались для извлечения крицы. Здесь же вмурованы глиняные сопла для нагнетания воздуха. Перед отверстиями печей – глиняные площадки,

которые представляли собой продолжение пода. Перед этими глиняными площадками расположены круглые в плане ямы [9, с. 136]. Поселение Петруха (с. Пехерничены Оргеевского р-на), вероятно, тоже обеспечивало железом Реутское гнездо тиверцев. Здесь исследовано два сыродутных горна и одну купольную печь, связанную с металлургией железа [17, с. 212].

Производство железа на металлургическом центре Реутского племенного гнезда поселений было интенсивным. Так, найденные на поселении тиверцев Брэнешть остатки производства железа (несколько сотен сопел, концентрация шлака на площади до 60 кв. метров) свидетельствуют, что здесь металлургическое производство имело постоянный характер, а его общий объем (в том случае, если сопло использовалось только для одной плавки и его продуктивность достигала 4 кг железа) составляет около 2 тонн железа. Учитывая, что 30 кг железа нужно на одно хозяйство, этого металла должно хватить для обеспечения железом и изделиями из него около 70 хозяйств. Следовательно, труд металлурга-ремесленника обеспечивал существование ему и его семье и не требовал участия в сельскохозяйственных работах. О существовании распределения между трудом металлурга и кузнеца в часы ранних славян, по мнению С. Панькова, свидетельствуют находки не только отдельных кузнечных мастерских, но и криц, представлявших собой специально сформированные мастером-металлургом куски металла, определенного веса и размеров, которые поступали к кузнецам для изготовления из них различных изделий [2, с. 40–41] и были удобными для межплеменного обмена и торговли.

Значительный для Поднестровья металлургический центр, который обслуживал Черновское гнездо поселений тиверцев райковецкой археологической культуры, исследованных в бассейне реки Черны (Одая, Алчедар, Пояны, Глинжены, Шолданешты) [11, с. 51], вероятно, находился на поселении Алчедар (рис. 2.1), где было обнаружено 16 целых и несколько десятков разрушенных сыродутных горнов и 8 печей для обогащения руды. Возможно, в зоне влияния Черновского гнезда поселений находилось Екимауцкое поселение (Резинский р-н Молдовы), где исследованы производственная печь и остатки сыродутных горнов, среди которых два хорошо сохранились [17, с. 211–212]. На Екимауцком городище X–XII вв. найдены железные изделия тиверских кузнецов: лемех с череслом, мотыга, 3 серпа и коса [5, с. 44]. Еще в одном поселении IX–X вв. черновского гнезда поселений племен тиверцев – Поянах (Резинский р-н Молдовы) обнаружено прямоуголь-

ное наземное строение, в северо-восточной части которого находилась горн, где были обнаружены кости домашних животных, железные шлаки [2, с. 67].

Подъем металлургического производства у тиверцев в последней четверти I тыс. н.э. привел к его выделению в отдельную отрасль хозяйства, которую обслуживали несколько родов одного из племен. В пользу этого мнения говорит «гнездовое» планирование Алчедарского поселения. Жилища здесь расположены группами по 2–5 в гнезде. На каждую такую группу жилищ приходится общий металлургический комплекс, включающий один или несколько горнов. Горны находились около жилищ или в их окружении. Достаточно большие объемы произведенного железа у тиверцев свидетельствуют о торговле железом и кузнечными изделиями за пределами племенного рынка [9, с. 139], используя реки Реут, Чугур, Черна, Ботна и Днестр.

На Ботненском гнезде поселений тиверцев, расположенных в бассейне реки Ботна (Ханская I, Ханская II, Костешт II, Костешт V, Бардар II) [11, с. 51], в VI–XII вв. сначала у склавинов, а позже у их потомков – тиверцев, на поселении Ханская – Лимбар – Кепрерия (рис. 2.3) тоже действовал племенной металлургический центр. Он имел шесть сыродутных горнов, которые были расположены на правом берегу ручья Большой Каникаш, впадающего в реку Ботна [17, с. 157, 211–212].

Отдельным топографическим типом гнезд поселений тиверцев, на которых производилось железо, был водораздельный. К такому типу можно отнести поселение VIII – X вв., расположенное в 2 км к северу от села Рудь (рис. 2.4), где действовал металлургический центр. Здесь исследованы две полуземлянки, пять сыродутных горнов, печь для обогащения железной руды [17, с. 163, 169].

Итак, в Днестро-Прутском междуречье в бассейнах рек Реут, Черна, Ботна, а также на водоразделе у с. Рудь в VII–IX вв. действовали металлургические центры отдельных племен (гнезд) тиверцев (рис. 2). В центрах известны два вида металлургических сооружений, которые различаются конструктивно и по функциональному назначению. По наблюдениям Н. Тельнова, к первому относятся стационарные сыродутные горны многоразового использования, которые служили непосредственно для восстановления железа из руды. Ко второму относятся стационарные печи, которые по конструкции и, возможно, функционально делятся на два типа: подбойные и ямные. Подбойные печи могли служить для обогащения руды, а также, возможно, для восстановления железа. Ямные – для обогащения руды перед ее плавкой [17, с. 214].

Металлургия уличей. Ипатьевская летопись размещает уличей на Южном Буге и Днестре до моря, а Новгородская летопись сообщает о переселении уличей в середине X в. с Днестра в междуречье Буга и Днестра. Уличам принадлежит группа археологических памятников второй половины I тыс., которые распространены в Среднем Поднепровье южнее полянской территории – в бассейне р. Тясмин и в Надпорожье (пеньковский тип). Ближе к ним стоят также поселения Южного Буга, которые характеризуются многими общими чертами. Бесспорно, что население, которое их оставило, было родственным между собой. Вероятно, эти памятники можно отнести к антам и последующим уличам, поскольку ни с какими другими племенами летописи не связывают территорию Нижнего Днестра. Области размещения в IX–X вв. летописных уличей М. Кучера определяет в бассейне среднего течения Южного Буга [6, с. 376–377].

К сожалению, на территориях расселения племен уличей археологических исследований по выявлению гнезд поселений не проводилось, да и металлургический центр выявлен только один. Металлургический центр уличей (рис. 2) VIII–IX вв., значительный для своего времени, открыт на Среднем Днестре на Григорьевском городище (Могилев-Подольский р-н Винницкой обл.). Здесь сохранилось 30 железоплавильных горнов, имевших вид небольших глиняных конусообразных сооружений высотой до 0,7 м [14, с. 187] и объемами от 0,02 до 0,06 кв. метров. В нижней части лицевой стенки горна устроено отверстие-устье, которое выходило в предгорновую яму.

На синхронных южно-бугских и поднепровских городищах уличей и тиверцев (Сажев, Чернове, Глубоке) повышается технический уровень по сравнению с предыдущим периодом, увеличивается число находок железных предметов, среди них стальных – 64%. Технический прогресс носит здесь скорее количественный, чем качественный характер. Ассортимент металлических изделий по сравнению с предыдущими этапами немного меняется, но по-прежнему указывает на обеспечение потребностей сельского хозяйства [4, с. 32].

Последующие исследования памятников уличей позволяют определить способы обеспечения железом отдельных племен в междуречье Днестра, Южного Буга и Днестра, которые входили в большой племенной союз уличей.

Ремесленные поселения, возникшие в VIII–IX вв. у союзов племен тиверцев, уличей и хорватов Поднепровья, в том числе племенные металлургические центры, являются важным показателем значительных

социально-экономических изменений. У склавинов VI–VII вв. ремесленные поселения неизвестны. Вероятно, тогда каждое племя имело одного или нескольких ремесленников-универсалов (металлургов-кузнецов), которые за натуральное вознаграждение удовлетворяли бытовые и хозяйственные нужды членов родов племени в ремесленных изделиях. Ремесленные поселения – это качественно новое явление в социально-экономическом развитии восточных славян. Их производство было во многих случаях уже специализировано и рассчитано на обслуживание не только своего племени, но и соседних племен. Только этим можно объяснить тот факт, что на территории отдельных поселений производилась продукция в таких масштабах, которая в несколько раз превышала потребности племенного гнезда поселений, в состав которого они входили. Следовательно, такие поселения могли появиться только тогда, когда появилась необходимость удовлетворить массовые потребности в ремесленных изделиях не только населения своего гнезда (племени), но и соседних гнезд [20, с. 91].

В VIII–IX вв. ремесленники племен Поднепровья уже умели изготавливать орудия с повышенной твердостью путем сварки узких стальных и железных полос [20, с. 92–94]. Железный инвентарь, выкованный из местного железа, на поселениях хорватов, тиверцев и уличей в VIII–X вв. значительно возрастает количественно. К IX в. были разработаны все основные разновидности орудий труда. Среди кузнечных изделий, в общем, возросла доля земледельческих и других орудий труда (их в различных коллекциях насчитывается около 30 разновидностей: наральники, чересла, мотыги, серпы, косы, бабки для отбивания кос, топоры, тесла, ножи разные, ножницы и прочее [2, с. 52–53]).

Несомненно, что, опираясь на производство железных орудий труда и вооружений поляне, древляне, дреговичи, вятичи, северяне, радимичи и все другие союзы племен сохранили и продолжили опыт государственного строительства, который проявил себя в реформировании князем Владимиром Святославовичем независимых союзов племен в вассальные племенные княжения. Автор «Начальной летописи» рассказывает, что когда-то было «княженъ в полях, а в деревлях свое, а дреговичи свое, а славени свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже полочане». Развернутая в дальнейшем, в годы Древнерусского государства, борьба князей древлян Мала, вятичей Ходоты и его сына с киевскими князьями не оставляют у П. Третьякова «сомнений относительно государственного характера летописных племен» [21, с. 299].

Выводы. У независимых от киевских князей союзов племен Поднестровья – уличей, тиверцев, хорватов – развитие ремесла в конце I тыс. набирает широкий размах. Количество железного инвентаря на поселениях летописных племен в VIII–IX вв. резко возрастает. К началу X в. были созданы все основные виды орудий труда, стабилизируется их форма, которая сохранились и в последующие века.

Как оказалось, в гнездах поселений металлургические центры были расположены, в основном, на самих племенных городищах или на соседних поселениях. В каждое племенное гнездо уличей, тиверцев, хорватов, возможно, входило 5–6 поселений-родов, которые объединялись вокруг племенного святилища, административного и производственного (металлургическо-кузнечного) центра. Каждое племенное гнездо было автономным организмом, который обеспечивал себя всем необходимым для жизнедеятельности и объединялся с соседними племенами в союз при межплеменной торговле, военных походах или необходимости защиты от врага.

Опираясь на материалы археологии Поднестровья и сведения летописей, предлагается новое направление исторических исследований – «племенное ремесло», и «племенная металлургия» в частности. Привлекая значительные наработки многих поколений археологов, на правом берегу Днестра удалось определить существование и деятельность 17 племенных металлургических центров на 30 гнездах поселений хорватов, 4 племенных металлургических центров на гнездах поселений тиверцев (рис. 1;2). Последующие исследования племенного ремесла в контексте истории славянских племен, в перспективе дают возможность заменить существующие в славянской историографии второй половины I тыс. н.э. условно названные в прошлом столетии археологические культуры (райковецкую, волынцевскую и роменскую) на известные из летописей союзы племен: хорватов, тиверцев, уличей, северян и др.

Список литературы

1. Баран, В. Д. Давні слов'яни / В. Д. Баран. – К.: Альтернативи, 1998. – 336 с.
2. Вознесенська, Г. О. Чорна металургія та металообробка населення східноєвро-пейського лісостепу за доби ранніх слов'ян і Київської Русі (друга половина I тис. – перша чверть II тис.) / Г. О. Вознесенська, Д. П. Недопако, С. В. Паньков // Колективна монографія. – К., 1996. – 192 с.
3. Возний, І. П. Історико-культурний розвиток населення межиріч Верхнього Сірету та Середнього Дністра у X–XIV ст. / І. П. Возний. – Частина 2. Матеріальна, духовна культура та соціально-історичний розвиток. – Чернівці:

Золоті Литаври, 2009. – 568 с.

4. Гопак, В. Д. Обработка железа у славянских племен юга Восточной Европы во второй половине I тыс. н. э. / В. Д. Гопак // Труды V Международного конгресса археологов-славистов (Киев, 18–25 сент. 1985 г.) – Т. 4: Секция I. Древние славяне / редкол. тома: В. Д. Баран (отв. ред.) и др. – К.: Наукова думка, 1988. – 256 с.

5. Довженок, В. Й. Землеробство древньої Русі до середини XIII ст. / В. Й. Довженок. – К.: АН УРСР, 1961. – 267 с.

6. Кучера, М. П. Городища / М. П. Кучера // Археология Украинской ССР в трех томах. – Т. 3: Раннесловянский и древнерусский периоды / Ред. кол. тома: В. Д. Баран (отв. ред.) и др. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 372–396.

7. Кучера, М. П. Исторична географія східнослов'янських племен між Саном та Дніпром за даними городищ VIII–X ст. / М. П. Кучера // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е. – К., Львів. 1999. – С. 107.

8. Моця, О. П. Південна «Руська земля» / О. П. Моця. – К.: Корвін пресс, 2007. – С. 88.

9. Михайлина, Л. П. Слов'яни VIII–X ст. між Дніпром і Карпатами / Л. П. Михайлина. – К., 2007. – 300 с.

10. Пивоваров, С. В. Историчний розвиток населення межиріччя Верхнього Пруту та Середнього Дністра в XI – першій половині XIII ст.: автореф. дис. на здобуття наук ступеня докт. іст. наук: спец. 07.00.01 – Історія України / С. В. Пивоваров. – Чернівці, 2007. – 25 с.

11. Рафалович, И. А. Славяне VI–IX веков в Молдавии / И. А. Рафалович. – Кишинев: Штиинца. 1972. – С. 51,53.

12. Рыбаков, Б. А. Ремесло древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М.: АН СССР, 1948. – 792 с.

13. Сміленко, А. Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II–XIII ст.) / А. Т. Сміленко. – К.: Наукова думка, 1975. – 211 с.

14. Сміленко, А. Т. Славянская культура VIII–IX вв. правобережья Днепра (памятники типа Лука-Райковецкая) / А. Т. Сміленко // Археология Украинской ССР в трех томах. – Т. 3: Раннесловянский и древнерусский периоды / ред. кол. тома: В. Д. Баран (отв. ред.) и др. – К.: Наукова думка, 1986. – С. 174–191.

15. Сміленко, А. Т. Союзы племен и археологические культуры / А. Т. Сміленко // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / редкол.: В. Д. Баран (отв. ред.) и др. – К.: Наукова думка, 1990. – С. 307–321.

16. Соловьева, Г. Ф. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. (вятичи, радимичи, северяне) / Г. Ф. Соловьева // Советская археология. – Т. 25. – 1958. – С. 139–170.

17. Тельнов, Н. П. Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII–X вв. / Н. П. Тельнов // STRATUM plus. – № 5. – 2001–2002. – С. 142–263.

18. Тимошук, Б. О. Слов'яни Північної Буковини V–IX ст. / Б. О. Тимошук. – К.: Наукова думка. 1976. – 176 с.

19. Тимошук, Б. О. Давньоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.) / Б. О. Тимошук. – К.: Наукова думка, 1982. – 206 с.
20. Тимошук, Б. А. Восточнославянская община в VI–X вв. н.э. / Б. А. Тимошук. – М.: Наука. 1990. – 185 с.
21. Третьяков, П. Н. Восточнославянские племена / П. Н. Третьяков. – М.: Наука, 1953. – 312 с.
22. Федоров, Г. Б. Тиверцы / Г. Б. Федоров // Вестник древней истории. – 1952, № 2. – С. 250–259.

РЕЛИГИОЗНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ «ДВИЖЕНИЯ ВОЛХВОВ» В 1060–70-е гг.

В 1060–70-е гг. Древняя Русь была охвачена социальными и религиозными волнениями. Половецкие набеги, неурожай, княжеские междоусобицы вызвали резкий рост психологической напряженности в древнерусском обществе. На фоне этих событий вся страна оказалась охвачена выступлениями волхвов – противников господствующей христианской религии. Большую часть сведений об этом движении до нас доносит летописная статья Повести временных лет за 1071 г. В ней сообщается об имевших большой резонанс выступлениях волхвов в двух главных русских городах – Киеве и Новгороде и о деятельности волхвов в Ростовской земле, где они избивали «лучших жен», пока не были арестованы и казнены боярином Яном Вышатичем.

Современные историки по-разному оценивают эти события и дают им различные интерпретации. Так, И. Я. Фроянов, А. А. Горский, П. В. Лукин, М. В. Печников [69; 11; 33; 48] склоняются к описанию этих событий как языческой реакции, объясняя действия участников движения сквозь призму архаических языческих практик. Напротив, В. Я. Петрухин пишет, что «древнерусские власти столкнулись в XI в. не просто с «языческой реакцией» на крещение, имевшей место в конце X в., а с эсхатологическим «пророческим движением», происходившим в экстремальных условиях – разрушения традиционных племенных устоев, княжеских поборов, христианизации, половецких набегов и голода» [46, с. 318]. Он сопоставляет движение волхвов с религиозными движениями колониальных народов, претерпевших христианизацию. Кроме того, он, вслед за дореволюционными исследователями, допускает связь движения 1060–70-х гг. с богомилством. Близкую точку зрения в своей работе «Язычество, христианство, двоеверие: религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках» высказывает А. В. Карпов [24, с. 120].

Таким образом, мы видим, что исследователи предполагают три возможных источника представлений волхвов: традиционное язычество, трансформированную в сознании жителей Древней Руси христианскую проповедь и занесенную на Русь из Болгарии богомилскую ересь. В нашей статье мы попытаемся выявить исторический фон деятельности

каждого из волхвов, религиозные и культурные основания их выступлений. Преобладание языческих представлений в проповеди и деятельности волхвов позволит нам толковать охватившее Русь движение как языческую реакцию, преобладание трансформированных христианских элементов – как эсхатологическое и мессианское, возможно с обычными для таких движений нативистскими чертами, преобладание богомильских элементов – как результат деятельности на Руси богомильских проповедников.

Мы начнем наше изложение с анализа выступления киевского волхва. В содержащейся в Повести временных лет записи за 6579 (1071) г. летописец сообщает [53, стб. 164]:

«В та же времена приде волхвъ, прельщень бѣсомъ. Пришедъ бо Киеву, глаголаше: «Явили ми ся есть 5 богъ, глаголюще: сице повѣдай людемъ, яко на пять лѣт Днѣпру потещи въспяты, а землямъ переступати на ина мѣста, яко стати Грѣчкой земли на Руской земли, а Руской на Грѣчкой, и прочимъ землямъ измѣнитися». Его же невегласи послушахуть, а вѣрнии насмѣхася, глаголюще ему: «Бѣсъ тобою игратъ на пагубу тобѣ». Еже и бысть ему: въ едину бо ночь бысть безъ вѣсти».

В науке давно утвердилось мнение, что хотя все рассказы о волхвах по ассоциации помещены в одну летописную запись за 1071 г., они явно приходятся на разные даты. Выступление киевского волхва обычно датируют началом или серединой 1060-х гг. Эта точка зрения была высказана уже А. А. Шахматовым, относившим его к 1064 г. По его мнению, первоначально описание явления волхва в Киеве находилось в стилистически близкой к нему записи за 6573 г. (1065), описывающей чудесные и устрашающие знамения, - при их изображении там дважды употреблено выражение «в та же времена» [72, с. 327]. Другой аргумент, выдвинутый А. А. Шахматовым, – это размышления киевлян на вече 1069 г., когда поляки вместе с изгнанным в 1068 г. князем Изяславом приближались к городу [53, 1962, стб. 162-163]:

«Мы же зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се ведеть на ны землю Лядскую, а поидете въ град отца своего. Аще ли не хочета, то намъ неволя: зажегши городъ *свой* <...> ступити въ Грѣцкую землю».

А. А. Шахматов предположил, что странная идея переселиться в Греческую землю была навеяна предсказанием волхва о перемещении земель. Исходя из указания о том, что волхв ожидал этих событий на пя-

тый год, он датирует его появление в Киеве 1064 г. При этом он дает такой комментарий к этому пророчеству: «Русская земля это Русские люди, ср. тут же: “а се ведеть на ны Лядскую землю”» [72, с. 326]. Таким образом, А. А. Шахматов фактически соглашается с трактовкой, впоследствии данной киевлянами загадочному пророчеству волхва.

Большинство исследователей, писавших об этом эпизоде, соглашались с этой датировкой пророчества, акцентируя его связь с событиями 1069 года. Обычно выступление волхва рассматривалось в контексте народного движения, охватившего Русь в 1060-е гг. Так, Н. Н. Воронин в статье «Восстания смердов в XI веке» предполагает, что волхв действовал незадолго до восстания 1068 г.; толкование его пророчества он дает в полном соответствии с версией А. А. Шахматова: «В этой угрозе [высказанной на вече 1069 г.] видно явное отражение «пророчества» киевского волхва, предвещавшего «преступление земель» – массовый уход сельского населения» [9, с. 60]. Б. Д. Греков полагал, что предсказание волхва о перемещении земель «указывает на происходившие во второй половине XI в. международные осложнения» [12, с. 236]. В. В. Мавродин также датирует явление киевского волхва 1060-ми годами, не давая его предсказаниям никакого толкования и не идентифицируя понятия «земля» и «народ». Он делает основной акцент на рассмотрении этого эпизода как части антифеодальных выступлений 1060-х гг. [34, с. 36–37]. Наконец, И. Я. Фроянов также упоминает версию А. А. Шахматова, судя по всему, солидаризуясь с ней [69, с. 148].

Как видно, историков преимущественно интересовала вторая часть предсказания волхва – странный образ перемещения земель. А. А. Шахматов и Н. Воронин полагали, что под «землями» следует понимать народы, но вряд ли это так: предсказание звучит слишком определенно. Волхв не говорит о «языках», «родах», «людех», но четыре раза повторяет слово «земля». Разумеется, в древнерусском языке, как и в современном русском, слово «земля» могло использоваться в метонимическом значении, обозначая проживающей на ней народ. Однако такое употребление является именно метонимией, встречающейся в некоторых контекстах, а не одним из значений слова «земля». В «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» авторы выделяют следующие значения этого слова: ‘земная твердь, суша (в противоп. небу и морю)’; ‘земная поверхность, верхний слой земли, почва, грунт’; ‘владение, угодье’; ‘земля как место обитания людей (в противоп. небесам)’; ‘страна, государство, край’ [61, с. 371–376]. Интересующая нас метонимия может возникать только когда слово «земля» используется в последнем значении. В словаре оно опре-

деляется как «население какой-либо территории». Несколько подобных примеров есть в Повести временных лет. В двух случаях оно возникает при описании посольств. Так, древлянские послы говорят Ольге: «Посла ны Деревьская земля, ркущи сице: мужа твоего убихомъ, бѣшетъ бо мужь твой яко волкъ, въсхыщая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьскую землю, да иди за нашъ князь за Маль» [53, стб. 44.]. Чешские послы в Константинополе также обращаются к императору: «Земля наша крѣщена, и нѣсть в нас учитель, иже бы нас училь и казалъ, и протококоваль свѣтѣя книги» [там же, стб. 18]. В целом подобное употребление является достаточно редким – в общей сложности, в Повести временных лет по Ипатьевскому списку мы обнаруживаем три подобных случая. Примеров же использования этого слова во множественном числе в метонимическом значении вовсе не встречается. Такое употребление, скорее всего, в принципе отсутствовало в языке, так как слово «земля» использовалось в метонимическом значении только при указании на конкретную страну, выступающую как политический субъект или географическое единство территории и населения.

А. А. Шахматов для обоснования своего тезиса приводит пример из записи 1069 г.: «а се ведеть на ны землю Лядьскую». Метонимическое употребление слова «земля» здесь вполне прозрачно, однако что побудило киевлян использовать такой оборот речи? Скорее всего, это точно такая же отсылка к предсказанию волхва, как и угроза сжечь город и уйти в греческую землю. Напомним, что согласно его пророчеству: «а землямъ переступати на ина мѣста, яко стати Грѣчкой земли на Руской земли, а Руской на Грѣчкой, и прочимъ землямъ измѣнитися» [там же, стб. 164]. Киевляне в 1069 г. констатировали, что пророчество сбывается: «Лядьская земля» уже перемещается к ним, и им ничего не остается как в соответствии с этим пророчеством «уйти в греческую землю» – идея достаточно фантастическая, несмотря на попытки ее рационализации со стороны современных историков.

Тем не менее, сложно согласиться с тем, что сам волхв хотел сказать именно о перемещении народов или с тем, что киевляне с самого начала понимали предсказание именно таким образом. Скорее всего, такую трактовку загадочному пророчеству они дали только в 1069 г. Мировая история и фольклор пестрят примерами загадочных предсказаний, смысл которых становился понятен только после их исполнения. Думается, что в нашем случае дело также обстояло таким же образом.

Как же понимал свое пророчество сам киевский волхв, и откуда происходят странные образы его предсказания? Картина текущей вспять

реки и меняющихся местами земель создает образ грандиозной эсхатологической катастрофы. Подобной точки зрения придерживался еще Н. М. Гальковский: «Так, появившийся в 1071 г. в Киеве волхв предсказывал, что через пять лет Днепр потечет обратно, земли перейдут с места на место: греческая земли станут там, где русская, а русская где греческая, то есть произойдет вселенская катастрофа. В этом предсказании малодушные могли усматривать наказание за измену старым богам; предполагалось, что для избежания великого несчастья следует оставить новую веру и обратиться к старому язычеству» [10, с. 133]. Возникающий в этом предсказании образ «перевернутого мира» является типичной чертой эсхатологических пророчеств во всех регионах мира. Так, мордовский пророк XIX в. Кузьма Алексеев утверждал, что с наступлением Страшного Суда «Солнце будет ходить на правую руку и восходить там, где оно ныне заходит» [19, с. 37]. Такой же образ Солнца, заходящего на Востоке, мы находим и в прорицаниях пророчицы южноафриканского народа коса Нонгкавусе, говорившей о скором наступлении конца света [76, s. 38]. Меланезийские пророки утверждали, что с началом эсхатологических событий «ямс, картошка и другие корнеплоды будут расти на деревьях как фрукты, а кокосы и другие фрукты будут расти как корнеплоды. Морские животные станут жить на суше, а сухопутные в море» [73, р. 85]. Тем не менее, общий психологический механизм осмысления конца света как времени переворачивания мира не освобождает нас от необходимости выявления конкретных источников мотивов, фигурирующих в эсхатологических предсказаниях. По нашему мнению, странное и не совсем понятное предсказание киевского волхва имеет книжное происхождение и восходит к тексту Священного Писания.

Следует обратить внимание на первую часть пророчества – «яко на пять лѣтъ Днѣпру потещи вьспять». Образ текущей вспять реки сразу отсылает нас к сюжету, связанному с праздником Крещения Господня – Иордан, когда в него входит Иисус Христос, обращается вспять. Этот образ восходит к описанию Исхода евреев из Египта, содержащемуся в 113 псалме. По нашему мнению, именно этот текст дает ключ к загадке происхождения странного предсказания волхва. Мы процитируем этот псалом по древнерусской рукописи XV в.: «В исходе Израилеви от Египта, дому Иаковля из люди варвар, бысть Иудеа святыни его, Израиль область его. Море виде и побеже, Иордан возвратися вспять. Горы възыграшася яко овни и холмы яко агнцы овчиин. Что ти бы море, яко побеже? И тебе, Иордане, яко возвратися вспять? Горы яко възягратесея

яко овни и холмы яко агнцы овчии? От лица Господня подвижесе земля, от лица Бога Иаковля» (Пс 113, 1–7) [51, л. 152–152 об.]. Мы видим, что в этом тексте присутствуют два уникальные для Священного Писания образа – реки, обращающейся вспять, и гор и холмов, прыгающих как бараны и ягнята. Мало того, псалмопевец заканчивает этот пассаж словами, прямо говорящими о «движении земли». Сочетание двух уникальных мотивов в 113 псалме и пророчестве волхва позволяет с большой уверенностью говорить о непосредственной связи между этими текстами. Судя по всему, киевский волхв почерпнул свое предсказание именно из этого псалма. Он сначала говорит об обращении Днепра вспять, поставив главную русскую реку вместо библейского Иордана. Затем он дает свое осмысление следующему пассажи псалма – описанию прыгающих, пришедших в движение гор и холмов и упоминания движения земли. Действительно, по словам волхва все земли будут охвачены хаотическим процессом перемещения, что явно вытекает из образов псалма, представляющих прыгающие холмы и горы. Предсказание о том, что Русская и Греческая земля поменяются местами, является самостоятельным творчеством киевского пророка. Скорее всего, оно навеяно образом текущей в обратном направлении реки – волхв осмыслил описанные в псалме события как предсказание эсхатологического «переворачивания мира» и развил этот образ применительно к странам. Выбор Греческой земли в качестве страны, с которой Русь поменяется местами, безусловно объясняется негативным отношением волхва к принятию греческой веры и сильному влиянию Византии на русскую культуру XI в. [10, с. 133; 41, с. 305].

Установив непосредственный источник пророчества киевского волхва, мы можем попытаться определить социальный и культурный контекст его деятельности. В первую очередь необходимо установить социальную среду из которой происходил киевский пророк. Мы не знаем, был ли языческим жрецом, «волхвом» в узком значении этого слова; точно так же мы не можем сказать ничего определенного о его происхождении, социальном статусе и уровне образования. Однако возможность сделать некоторые выводы по косвенным данным все-таки есть. В первую очередь, исследователи обращают внимание на слова волхва о явлении ему «пяти богов», которых обычно тем или иным образом связывают с шестью богами пантеона Владимира. Так, Е. В. Аничков полагал, что это пять мужских божеств пантеона, за вычетом единственного женского божества – Мокоши [2, с. 352]. Б. А. Рыбаков считал, что в видении волхва не фигурировал Симаргл, который к 1060-м гг. был

уже забыт [57, с. 453]. Особняком здесь стоит версия В. Я. Петрухина, который предполагает, что «пять богов, на которых ссылался волхв, относились не к богам древнерусского пантеона, а означали пять планет <...> на их астрологическое расположение и ссылался волхв» [47, с. 194]. По нашему мнению, эта версия все-таки плохо согласуется с текстом летописи, согласно которому пророчество волхва было основано на непосредственном визионерском опыте, а не каких-либо астрологических вычислениях. Приняв традиционную точку зрения о связи «пяти богов» с пантеоном Владимира, мы можем заключить, что по своему социальному происхождению волхв был как-то связан с Киевом и, возможно, с кругом старой аристократии языческой Руси. Во всяком случае, похоже на то, что он происходил из местности, лежащей вблизи Киева; весьма вероятно, что он и раньше бывал в столице.

Гораздо сложнее ответить на вопросы, был ли он язычником или двоевером и каков был уровень его образования. Использование 113 псалма определенно говорит в пользу второй версии. Мог ли русский двоевер XI в. быть грамотным и читать Священное Писание? Разумеется, в жизни встречаются самые маловероятные комбинации фактов, однако весьма произвольная интерпретация, данная волхвом 113 псалму, делает более предпочтительным предположение о том, что он услышал его чтение во время церковной службы.

Псалтирь традиционно была одной из любимых церковных книг, постоянно читавшихся во время богослужения. Разные уставы предписывают различный порядок чтения Псалтири. Господствующим церковным уставом в древнерусскую эпоху был Студийский устав, впервые введенный Феодосием Печерским в Киево-Печерском монастыре около 1070 г. [43, с. 23]. По предположению Н. Ф. Одинцова в 1040-60-е гг. в Киеве был принят устав константинопольского монастыря св. Георгия в Манганах, очень близкий к Студийскому уставу – «за немногими исключениями тот же Студийский устав» [там же, 29]. Согласно Студийскому уставу «летом полная псалтирь прочитывалась за три недели: короткой ночью на полунощнице читали лишь одну кафизму. На вечерне кафизма читалась только по воскресеньям. Но зимой на полунощнице читали сразу две кафизмы, и на вечерне еще одну, в результате вся псалтирь прочитывалась в течение одной недели. Во время Великого поста пенсум возрастал так, что полная псалтирь прочитывалась дважды в неделю» [65, с. 176–177]. Таким образом, киевский волхв в принципе мог услышать 113 псалом за любой церковной службой. Возможно и то, что он услышал этот псалом не на обычном богослужении, а накануне

праздника Богоявления. Этот день традиционно был одним из великих праздников православной церкви: он сопровождался освящением воды, которое согласно Студийскому уставу совершалось в навечерие Богоявления. Служба сопровождалась чтением «царских часов» – особого чинопоследования часов, совершавшегося накануне великих праздников – Рождества и Богоявления и в Страстную Пятницу. Девятый час содержит в себе 113 псалом, в котором мы и находим источник пророчеств киевского волхва. По утверждению Е. П. Диаковского «что касается самого последования царских часов Рождества и Богоявления с тропарями и чтениям, то оно было известно у нас с древнейших времен» [13, с. 217]. Так, в Алексеевском уставе XII в. мы находим упоминания о тропарях или стихирах царских часов. В славянском Стихираре XII в. полностью сохранились Богоявленские часы; читаемые на каждый час «псалмы не приводятся и, по всей вероятности, полагались повседневные» [там же, с. 217-218]. Тем не менее, уже в Афоно-Зографском Тифологии XIII в. подробно перечисляются все псалмы, входящие в царские часы навечерия Богоявления; 113 псалом читается на 9-й час службы, как и в современном последовании. Служба царских часов традиционно отличалась особой торжественностью; в Византии на царских часах присутствовали сами императоры, откуда служба и получила свое название [там же, с. 222]. Позднее, «обрядовая обстановка царских часов, перенесенная из Византии к нам на Русь, достигла здесь пышного расцвета» [там же, с. 224]. И если предположить, что богослужения царских часов в древнем Киеве отличались такой же пышностью, возможно, с присутствием на них великого князя, то кажется очень вероятным, что на них мог присутствовать и киевский двоever, который и услышал там 113 псалом, вызвавший у него эсхатологические ассоциации.

Новгород, второй по значению русский город, в это время также стал ареной выступления волхва. Согласно летописному рассказу, при князе Глебе там явился некий волхв, «глаголаше бо, яко «Все ведаю», хуля вѣру крестьяньскую, глаголашеть бо, яко «Преиду по Вольхову предь всеми» [53, стб. 170]. Народ, взбудораженный проповедью волхва, поднялся против епископа, желая убить его. Ситуацию разрешил новгородский князь Глеб, лично зарубивший волхва [там же, стб. 171]:

«Глѣбъ же, возма топорь подь skutь, и приде к вольхву и рече ему: «То веси ли, что утрѣ хочеть быти, что ли до вечера?» Онъ же рече: «Все вѣдаю». И рече Глѣбъ: «То вѣси ли, что ти хочеть днесь быти?» Онъ же рече: «Чюдеса велика створю». Глѣбъ же, выня топорь, и ростя и, и паде мертвъ, и людие разиидошася».

Признавая историчность описанных в летописи событий, историки дают им различные интерпретации. Обычно они рассматриваются как пример языческой реакции, возникшей в кризисный период. Так, Н. Н. Воронин датировал явление волхва в Новгороде 1066 г, считая его кульминацией борьбы местного простонародья против феодальной верхушки [9, с. 57–58]. Идеологами этого движения по его мнению стали волхвы, симпатиями которых пользовался Всеслав Полоцкий, в 1066 г. ворвавшийся в Новгород и уничтоживший феодальную часть города. Б. Д. Греков также писал, что «волхв агитировал против христианства за старую языческую веру» [12, с. 238]. Аналогичной точки зрения придерживался В. В. Мавродин, в своей работе о народных восстаниях в Древней Руси вкратце пересказавший содержание летописной статьи [34, с. 37–39]. О. М. Рапов также полагал, что бедствия, обрушившиеся на новгородцев в 1060-е гг. (поражение новгородского войска на реке Черехе, разорение города Всеславом, убийство епископа Стефана), привели к «оживлению языческих представлений», выразившемуся в выступлении волхва, произошедшем летом-осенью 1069 г. [55, с. 149].

Современные историки пытались дать выступлению новгородского волхва более определенные характеристики. Так, И. Я. Фроянов датирует выступление новгородского волхва 1070-ми годами, одновременно с неурожаем в Суздальской земле, полагая, что волхв убеждал новгородцев «принести владыку в жертву “за урожай”» [69, с. 122–123]. Это предположение кажется нам слишком смелым. В летописи ничего не говорится о неурожае в Новгородской земле, народ пытается умертвить епископа, представителя христианской Церкви, а вовсе не князя. Очень сомнительно, чтобы епископ мог считаться полноценным представителем языческого сообщества, ответственным за плодородие – скорее в этой роли могли выступать местные старейшины или князь. М. В. Печников в своей статье «Мятеж “при Глебе Новегороде”»: к изучению летописной статьи 6579 года» толкует встречающуюся в ней фразу «творяся аки бог» в том смысле, что волхв выдавал себя за бога Велеса. Автор апеллирует к тому, что «культ Велеса был связан с традиционными представлениями о загробном мире, границей которого служила водная преграда» [48, с. 267] и предполагает, что волхв обещал новгородцам вызвать дождь, на что оказался неспособен местный епископ. Эти предположения также кажутся нам необоснованными: в летописи нет ни слова о вызывании дождя, а текущий в центре Новгорода Волхов никак не мог считаться границей между нашим и загробным мирами. М. В. Печников также сопоставляет историю новгородского волхва

с рассказом Жития Оттона Бамбергского, согласно которому один из западнославянских жрецов якобы выдал себя за языческого бога. К этому эпизоду более подробно обращается П. В. Лукин в своей статье «Новгородский волхв и поморские жрецы» [33, с. 174]. Согласно рассказу биографов Оттона, некий вологодщинский жрец, облачившись в белые одежды, предстал в лесу перед местным крестьянином, выдавая себя за языческого бога и убеждая его обратиться к местным жителям с призывом отказаться от христианства. Этот рассказ не имеет ничего общего с историей новгородского волхва – перед нами рассказ не о чуде, а скорее о мошеннической проделке хитроумного жреца. По нашему мнению, правильную трактовку этого эпизода дал польский исследователь Г. Ловмянский: рассказ был придуман католическими священниками, чтобы дискредитировать видение, явившееся местному жителю, представив его как мошенничество языческих жрецов [32, с. 145].

Таким образом, ни одна из попыток дать толкование выступлению новгородского волхва в контексте традиционных языческих представлений не дает убедительного комментария к летописному рассказу. Более обоснованной нам кажется позиция В. Я. Петрухина, высказавшего осторожные сомнения в языческом характере движения волхвов. Он отмечает, что «чудо, которое обещал сотворить новгородский волхв, очевидно, претендует на повторение евангельского хождения по воде» [46, с. 317]. Действительно, хождение волхва по воде является демонстрацией его божественности; основную роль играет не сам переход реки, а его чудесный характер. Таким образом, сложно сомневаться в том, что здесь мы видим прямую отсылку к повествованию о хождении Иисуса Христа по воде (Мк 6, 45–52). Наименование Иисуса Христа «Богом» в данном случае вполне соответствует употреблению, характерному для древнерусских текстов, в частности обсуждаемой нами летописной статьи (см. ниже). Другие притязания волхва, отразившиеся в Повести временных лет, – всезнание и творение чудес – также, скорее всего, отсылают к Евангелию. Вероятно, мы находим здесь самоотождествление с Христом, творившим чудеса и, согласно православной традиции, обладавшим всеведением. Впрочем, возможно, что эти слова и не принадлежат самому волхву – так, в Летописце Переславля Суздальского отсутствуют упоминания о претензиях волхва на всеведение и хулении им христианской веры [30, с. 48]. Утверждение волхва, что он «чудеса великие сотворит», может быть принадлежащей летописцу аллюзией на Евангелие: «Востанут бо лжехристы и лжепророцы и дадут знамения веля и чудеса, якоже прельстити, аще возможно, и избранная»

(Мф 24,24). Аналогичный пассаж мы обнаруживаем и в Апокалипсисе, где говорится, что второй зверь – лжепророк – «сотвори чудеса велика» (Откр 13,13). В таком случае, можно заключить, что летописец видел в явлении новгородского волхва признак наступления последних времен и, скорее всего, считал его лжехристом – по-видимому, из-за его обещания пройти по водам Волхова. Принадлежность евангельской аллюзии летописцу, а не новгородскому волхву, кажется тем более убедительной, что в Новом Завете о «великих знамениях и чудесах» всюду говорится применительно к антихристу и его слугам, а не к Христу. Таким образом, исторически достоверными мы можем, в первую очередь, считать утверждения о намерении новгородского волхва перейти Волхов и возмущение народа против епископа. Волхв стремился убедить новгородцев в том, что является новым Христом и возбудил их против официальной церкви. Подобное поведение становится понятным, если мы предположим, что новгородский волхв был не представителем языческой реакции, а лидером богомильской или павликианской общины. После реконструкции А. А. Зализняком «скрытых текстов» найденного в 2000 г. Новгородского кодекса [18] мы знаем, что в начале XI в. в Новгороде создавались еретические тексты – соответственно, можно не сомневаться, что в городе велась пропаганда неортодоксальных религиозных воззрений. А. А. Зализняк предположил, что идеология прочитанных им «скрытых текстов» может быть связана с наиболее популярными в *Slavia Orthodoxa* ересями – богомилством или павликианством [там же, 207]. Мы попытаемся сопоставить поведение новгородского волхва с учением секты павликиан, которое, как нам кажется, может объяснить его притязания.

Первые упоминания о павликианах возникают в армянских источниках в VI в. н.э. [74, р. 131–132]. В Византийской империи павликиане появляются в VII в. н.э., причем распространение этой секты на востоке империи приписывается некоему армянскому проповеднику Константину-Сильвану [там же, р. 117]. В Болгарии павликиане впервые появились в 747 г., когда Константин V переселил часть армянских павликиан во Фракию. Второе переселение павликиан в Болгарию произошло в 972 г., когда Иоанн Цимисхий, после разгрома византийскими войсками располагавшегося в верховьях Ефрата павликианского государства, переселил оставшихся в Сирии армянских павликиан в Филиппополь. Судя по всему, именно павликианская проповедь стала источником богомилства и оба движения были весьма близки, если не составляли одно сообщество. Н. Гарсоян предполагает, что изначально движение

получило наименование от имени антиохийского епископа Павла Самосатского, отрицавшего божественность Христа [там же, р. 210–218]. Этого же мнения придерживались армянские павликиане – они считали Иисуса Христа человеком, в силу своей праведности ставшим Сыном Божиим. Из этого учения они делали весьма радикальные выводы, полагая, что любой человек может достичь духовного уровня Христа. На практике эта идея проявилась в приравнивании к Христу павликианских лидеров. Н. Гарсоян отмечает, что «в X в. Хосров Аньеваци осуждает современных ему еретиков южной Армении за неподобающее почитание, которое они оказывают своим лидерам: “Они молятся там, где находят удобным и, что еще хуже, они поклоняются не Богу, а человеку, созданному по Его образу и подобию, так как для молитвы они собираются в домах старейшин деревни, чтобы молиться не Богу, а им, как если бы они почитали их более, нежели Бога <...>”. Сын Хосрова, Григорий Варекский, также говорит, что “они именуют главу своей мерзкой секты Христом”. Далее он сообщает, что Самбат (армянский павликианский деятель начала IX в. – *И. Б.*) был убит из-за того, что утверждал, что является Христом, так как его убийца поспорил с ним, сможет ли он воскреснуть из мертвых. Он также сообщает, что Самбату поклонялись его последователи» [там же, р. 162]. Таким образом, самоотожествление с Иисусом Христом и претензии на творение аналогичных чудес были вполне обычным поведением для павликианских учителей. В конце XI – начале XII в. мы встречаем подобное явление уже среди болгарских богомилов. В конце XI в. там началась проповедь богомильского учителя Василия, впоследствии казненного в Константинополе. Ересиаρχа сопровождало 12 апостолов [1, с. 121], что явно указывает на его самоотожествление с Иисусом Христом. Равным образом Василий претендовал на творение чудес; в его необычайные способности верили не только богомилы, но сторонники официальной церкви [3, с. 424].

Реконструированные А. А. Зализняком тексты Новгородского кодекса позволяют утверждать, что уже вскоре после крещения павликиане проникли на Русь. В опубликованных А. А. Зализняком еретических текстах Новгородского кодекса очевидно проявляется большой интерес автора к армянскому народу, представители которого были основными носителями павликианства на территории Болгарии. Так, армяне поставлены им в начало списка народов мира, а себя он именует попом суздальской церкви св. Александра армянина, очевидно, одного из местных ересиаρχов. Разумеется, речь здесь идет о еретической общине, а не храме: подобное словоупотребление было типично для павликиан и бо-

гомилов, отрицавших внешние церковные обряды. Автору кодекса, как и болгарским павликианам и богомилам, было свойственно чрезвычайное почитание лидеров сектантских общин. Так, в Новгородского кодекса мы читаем следующую молитву: «Тебе молимся, отче Александре, отпусти нам грехы наша якоже хочещи и дай нам спасение и пищу Рая. Аминь» [18, с. 204]. Указанная молитва хорошо согласуется с упреками Хосрова Аньевази в адрес армянских павликиан, утверждавшего, что те молятся не Богу, а своим старейшинам. В том, что Александр был одним из лидеров местной секты нас убеждает следующий текст: «Александр же арменин преподобный воин велий беаше Христов: сему поклоняемся и сему воздаем хвалу и честь и преклонение и молитвы за него совершаем и просим Господа о сдравии его» [там же, 209]. Из текста очевидно, что Александр армянин, судя по всему руководитель суздальской павликианской общины, на момент написания рукописи (начало XI века) еще здравствовал; точно так же очевидно чрезвычайное почитание, которым он был окружен среди своих последователей.

Таким образом, предположение о том, что новгородский волхв был павликианским проповедником не кажется слишком смелым или неправдоподобным – в свете учения этой религиозной секты становится понятным его самоотождествление с Христом. Инициированное волхвом выступление против епископа также имеет очевидные параллели в истории павликианства: в 1079 г. в Болгарии произошло восстание, возглавленное местным павликианином Лекой, в ходе которого был убит софийский епископ [1, с. 119]. Таким образом, выступление в Новгороде можно объяснить той враждебностью, которую павликиане питали к православному духовенству. В описании противостояния мятежных новгородцев с местным епископом есть один эпизод, который также может указывать на павликианский характер движения: «Епископ же взял крест и оболкся в ризы, ста рек: “Иже хочет веру яти волхву, то да идет за нь, аще ли верует кто кресту, да идет к нему”» [53, стб. 170]. Как известно, павликиане и богомилы категорически отвергали почитание креста, считая его, так же, как и почитание икон, формой идолопоклонства [74, р. 165–166].

У нас есть еще одно любопытное подтверждение еретического характера новгородского выступления. В надписи, записанной на стене Софии Новгородской в 1050–1108 гг., мы читаем: «Господи, помилуй христиан, а еретиков прокляни». По мнению А. А. Медынцевой, эта запись, составленная по образцу антибогомильских анафем, скорее всего, была сделана во время выступления волхва [35, с. 110]. Это предположение

кажется очень вероятным и, безусловно, говорит в пользу павликианского, а не языческого характера новгородского движения.

Остается еще один вопрос: почему летописец назвал новгородского павликианского проповедника именно «волхвом», а, например, не «еретиком»? В первую очередь, следует отметить, что вопреки распространенному мнению, слово «волхв» в древнерусских текстах обозначало не языческого жреца, а скорее «колдуна», «чародея», «предсказателя» [60, с. 164–165; 24, с. 118], будучи эквивалентом греческого слова *μάγος*, передававшегося как «волхв» в славянских переводах церковной литературы [64, с. 118]. Претензии новгородского волхва на творение чудес и знание будущего, безусловно, позволили летописцу отнести его именно к этой категории лиц. Еще более важную роль здесь сыграла ассоциация с Симоном волхвом, несколько раньше упомянутым в той же самой летописной статье. Согласно Хронике Георгия Амартола, из которой летописец мог узнать историю прения апостола Петра с Симоном Волхвом, явившийся в Риме при Нероне Симон называл себя Христом и претендовал на повторение одного из его чудес — вознесения на небо [22, с. 252–258]. Разумеется, история новгородского учителя сразу вызвала у летописца ассоциацию с легендой о Симоне Волхве, что и побудило его назвать явившегося в Новгороде лжехриста таким же образом.

Наконец, летописная статья за 1071 г. содержит историю двух волхвов из Ярославля, которые в время неурожая в Ростовской земле отравились по Волге до Белоозера, истребляя «лучших жен», которые, по их мнению, «держат обилье». На Белоозере они были арестованы и убиты боярином Яном Вышатичем. Исследователи обычно относят эти события к 1070-м годам: так, О. М. Рапов полагал, что они имели место в правление князя Святослава (1073–1076 гг.) и, основываясь на дендрохронологических данных, датировал эти события осенью 1076 г. [55, с. 144]. Летописное сообщение о них восходит непосредственно к рассказу Яна Вышатича [34, с. 36; 55, с. 150; 24, с. 100].

Основным занятием ярославских волхвов были убийства «лучших жен», которых они обвинили в том, что те «держат обилье». Историки предлагали разные трактовки этих загадочных летописных свидетельств. В советской историографии преобладала концепция социальной борьбы смердов против местной верхушки, удерживавшей у себя запасы продуктов [9, с. 56–57; 11, с. 236–237; 66, с. 121; 34, с. 41]. Эта концепция, на наш взгляд, не выдерживает критики — летопись очевидно свидетельствует, что родственники женщин сами приводили их к волхвам с целью узнать, не они ли виновны в неурожае; хлеб и рыба не

просто отнимались у убитых женщин, а буквально извлекались из тел убитых [52, стб. 175], что, конечно, наводит на мысль о каком-то магическом ритуале, а не о социальной борьбе. Таким образом, следует признать, что «лучшие жены», по мнению волхвов, оказывали негативное мистическое влияние на урожай. В чем же оно заключалось?

Рассказ об убийствах «лучших жен», которые «держат обилье» на-поминает летописный рассказ о событиях 1024 г., когда в Суздале волхвы расправлялись со «старой чадью», которая «держит гобино» [53, стб. 135] (урожай). Неясность использованных летописцем выражений породила многолетнюю научную полемику, в детали которой мы не вдаемся, чтобы не уходить от основного предмета нашей статьи. Стоит отметить только то, что в данном случае очевидно, что «старая чадь», точно также как и «лучшие жены», по мнению волхвов некоторым мистическим образом препятствовала росту урожая: выражения «держат обилье» и «держат гобину» используются в летописи как синонимы [53, стб. 164, 166]. Полемика с языческими представлениями суздальских волхвов содержится и в речи, вложенной летописцем в уста Ярослава Мудрого: «Богъ наводит по грѣхомъ на куюждо землю гладомъ, или моромъ, или ведромъ, или иною казнью, а человекъ не вѣсть ничтоже» [там же, стб. 135]. Трактовку событий 1024 г. как рецидива архаических языческих представлений мы находим уже у Б. А. Рыбакова, который, впрочем, не пытается объяснить, в чем заключалось вредоносное воздействие «старой чади» на урожай [56, с. 19]. Н. Н. Велецкая и И. Я. Фроянов предположили, что в летописной статье 1024 г. речь идет об «отправлении на тот свет» уважаемых стариков [7, с. 66-67] или исторически близком «языческом ритуале убийства старейшин-вождей, обвиненных в пагубном влиянии на урожай» [69, с. 97]. Похожим образом Н. Н. Велецкая трактовала события 1070-х гг. – по ее мнению, волхвы убивали стареющих женщин, которые, по древним языческим представлениям, мешают созреванию урожая [7, с. 67–68]. Однако, по мысли И. Я. Фроянова, многие из упомянутых в летописном рассказе женщин никак не могут быть отнесены к разряду старых [69, с. 107]. Так, летописец свидетельствует, что волхвы «нарицаху лучшиѣ жены, глаголюща, яко «Си жито держить, а си – медь, а си рыбы, а сии скору си». И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя. Она же в мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, выиимаста любо жито, любо рыбы и убивашета многы жены» [52, стб. 175]. Когда Ян Вышатич, используя обычай кровной мести, организует убийство волхвов, он находит среди присутствующих родственников убитых женщин: «Рече Янь повозни-

комь: «Ци кому ж вась кто родинь убьень от сею?» Они же рѣша: «Мнѣ мати, другому сестра, иному роженье» [там же, стб. 178]. Таким образом, убитые женщины были разного возраста и, скорее всего, мы имеем дело не с малоизвестным и очень архаичным обычаем убийства стариков, а с широко распространенной по всей Европе традицией поиска ведьм, практикующих вредоносную магию. Указание на популярность подобной практики в Древней Руси мы находим, например, в проповеди Серапиона Владимирского, где он упрекает своих слушателей в том, что они «пожигают огнем невинныя человеки», обвиняя их во вредоносном колдовстве, вызывающем неурожай [6, с. 378–381]. Эта речь была произнесена Серапионом в бытность его епископом Владимирским в 1274 г. Таким образом, через 200 лет после выступлений волхвов на северо-востоке Руси там продолжали бытовать похожие представления и практики – в голодные годы местные жители разыскивали ведьм, чьи действия привели к гибели урожая. Судя по всему, то же самое происходило в 1070-е гг. Подобная точка зрения давно закрепились в научной литературе: ее высказывали М. Н. Мартынов [34, с. 35–36], А. Л. Монгайт [39, с. 120], Б. А. Рыбаков, [58, с. 438], В. Я. Петрухин [46, с. 316], И. Я. Фроянов [69, с. 101–116] и другие авторы.

Вторым элементом повествования является странный способ убийства «лучших жен» волхвами. По словам летописца «она же въ мьчтѣ прорѣзавше за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбы, или вѣверицу, и убиваша и да многы жены» [52, стб. 165]. Комментаторы давно сопоставили это описание с обрядом сбора припасов для мордовских молений, приведенным в «Очерках мордвы» П. И. Мельникова. Согласно его описанию, когда жрец, ответственный за сбор припасов, заходил в избу, замужние женщины становились спиной ко входу, закинув котомки с припасами на голые плечи. Жрец слегка колотил их в спину и плечи ножом, читая молитвы, затем перерезал тесемки, забирая мешочек с припасами [37, с. 341]. Сходство между описанным в летописи способом убийства предполагаемых ведьм и ритуальными манипуляциями мордовских жрецов представляется очевидным. Тем не менее, большинство авторов затруднялось дать предметное объяснение тому, как именно этот обряд связан с действиями волхвов и как объяснить странное описание извлечения припасов из тел убитых женщин. Об этом ничего не пишет сам П. И. Мельников; В. В. Мавродин осторожно резюмирует: «Посчитал ли летописец убитых жен «лучших мужей», виденных Яном Вышатичем, за жертв обряда, во время которого волхвы не кололи, а убивали (на что, как мы видели, были свои причины),

определить трудно» [34, с. 46–47]. И. Я. Фроянов попытался дать более обстоятельное объяснение этому загадочному эпизоду. Он полагает, что «фантастика» рассказа о «лучших женах» <...> проистекает из «совмещения в летописном повествовании двух разных ритуалов, бытовавших в Ростовской земле и знакомых автору Повести временных лет понаслышке» [69, с. 106] – сбора припасов для общественных молений и ритуальных убийств женщин, признанных ведьмами.

Похоже, что большинство историков смущала фантастичность рассказа, отражающего архаичные народные представления, поэтому они отказывались следовать буквальному повествованию летописца, достаточно прозрачному и недвусмысленному. Извлечение припасов из тел убитых женщин несомненно представляло основное доказательство чудесной способности ярославских волхвов определять портящих урожай ведьм: неслучайно они сразу предлагают Яну Вышатичу продемонстрировать ему этот трюк [52, стб. 166]. Таким образом, можно не сомневаться, что волхвы утверждали, что буквально вынимают хлеб или рыбу из тел убитых женщин. Каким же образом они это делали? Тут возможны два объяснения. Вполне вероятно, что они прибегали к несложному фокусу, демонстрируя заранее приготовленные припасы и меха как якобы извлеченные из тел «ведьм». Возможно и то, что они считали спрятанным хлебом, рыбой и другим «обильем» какие-либо внутренности убитых. В любом случае, представление о возможности извлечения из тела человека инородных предметов глубоко укоренено в мировом фольклоре. Так, при снятии порчи испорченные по многим свидетельствам изbleвывали жаб или мышей [44, с. 137; 70, с. 133]; сибирские шаманы утверждали о своей способности извлекать из своего тела шаманские инструменты, например, выbleывая их [63, с. 180–181]. Еще более близкие мотивы мы обнаруживаем в русских быличках о ведьмах, отдаивающих молоко у коров. Согласно одному сибирскому рассказу «один из попросившихся на ночь мужиков видел, как хозяйка улетев, а затем вернувшись в избу через трубу, подставила ведро и давай “рыгать – чистая сметана льется”: “молоко, знать, собирала со всех коров”» [27, с. 139]. Е. Е. Левкиевская отмечает, что согласно народным представлениям «ведьма может отбирать у коров молоко не только в определенные календарные даты, но и в любую ночь, пробравшись в чужой хлев в виде кошки, собаки, свиньи, а чаще всего большой жабы. Убьешь такую кошку или жабу, говорили в народе, из нее хлынет молоко» [29, с. 363]. Думается, в данном случае дело обстояло таким же образом: волхвы извлекали из тел предполагаемых ведьм украденное ими

«обилье». В самом способе ритуального убийства явно содержалась отсылка к местному обряду сбора припасов – пищу, по мнению волхвов, нужно было извлечь из тел «ведьм», которые таким образом скрывают ее, вместо того, чтобы пожертвовать на общественные нужды. Таким образом, способ убийства женщин волхвами однозначно указывает на народный и языческий характер этой практики.

Летописец свидетельствует о том, что волхвы и, вероятно, другие участники расправ, забирали себе имущество убитых женщин [53, стб. 165]. Именно эта информация долго заставляла советских историков трактовать события 1070-х гг. как восстание смердов. Согласившись с тем, что волхвы и их сторонники разыскивали портящих урожай ведьм, мы попытаемся предложить другую трактовку разграбления имущества «лучших жен». Скорее всего, сторонники волхвов действительно использовали преследование колдуний для пополнения своих запасов во время голода: вероятно, жертвами расправ в первую очередь становились богатые жительницы погостов. Летописец определяет их как «лучших жен». Советские исследователи традиционно интерпретировали это термин как указание на выдающееся социальное положение убитых женщин, определяя их как «большух гобиньных домов» (распорядительниц общественных запасов) [9, с. 56], «хозяек богатых домов» [34, с. 41]. Версия И. Я. Фроянова, предположившего, что «в устах летописца “лучшие” есть обозначение физических и нравственных качеств, которыми были наделены обитавшие в ростовских погостах “жены”» [69, с. 107] представляется нам менее убедительной: социальные коннотации древнерусского слова «лучии» (‘почтенный’, ‘родовитый’, ‘знатный’, ‘именитый’) [62, с. 436] достаточно очевидны. Тем не менее, мы можем заключить, что социальный статус семей убитых женщин не был принципиально отличным от статуса остальных жителей погостов: «проверке» со стороны волхвов подвергались все местные женщины, но ведьмами признавались именно «лучшие жены». Этот факт легко объясняется в свете традиционных народных представлений, фиксировавшихся еще в XIX–XX вв.: ведьма «отбирают урожай», благодаря чему зерно соседей переходит к ней, «отдает» молоко у чужих коров, таким образом пополняя собственные запасы [59, с. 298]. Таким образом, богатые крестьянки, менее других жителей погостов страдавшие от голода, в первую очередь возбуждали подозрения; накопленные их семьями запасы представлялись окружающим похищенным у них «обильем», что давало моральное оправдание их разграблению. Трактовка выступлений волхвов на русском Северо-Востоке как конфликта бед-

ного и зажиточного слоя внутри одного коллектива уже встречалась в историографии: применительно к событиям 1024 г. мы находим ее у Ю. В. Кривошеева [26, с. 38–48], 1070-х – у Б. А. Рыбакова. По его мнению, «во время голода бедные смерды, возглавляемые волхвами, использовали колдовство для конфискации имущества богатой части населения погостов. Это не было движением против феодальных порядков вообще, а являлось лишь борьбой за перераспределение жизненных запасов» [58, с. 438]. Безусловно, волхвы и их последователи верили во вредоносное колдовство, однако ведьмами они считали именно богатых крестьянок, и имущественное благополучие оказывалось только дополнительной уликой против них. Таким образом, в данном случае действительно можно говорить о социальном конфликте, который, однако, протекал в традиционной форме для русского Северо-Востока форме поиска ведьм, портящих урожай.

Большой интерес исследователей традиционно вызывала рассказанная ярославскими волхвами Яну Вышатичу легенда о сотворении человека [53, стб. 166]:

«Она же рекоста: «Вѣ два вѣдаевѣ, како есть створенъ человекъ». Онъ же рече: «Како?» Она же рекоста: «Мывся Богъ в мовьници и вспотився, отерся вѣхтемь, и свѣрже с небеси на землю. И распрѣся сотона съ Богомь, кому в немь створити человекъ. И створи дьявель человекъ, а Богъ душу во нь вложи. Тѣмже, аще умереть человекъ, в землю идетъ, а душа къ Богу».

В научной литературе для объяснения данной легенды традиционно предлагалось два контекста. Первый из них – богомильский. Эта версия была предложена уже В. Н. Мочульским, изложившим ее в своей статье «О мнимом дуализме в мифологии славян». Он выводит взгляд волхвов из учения богомилов, полагавших, что материальный мир есть создание иного бога, бога зла, в отличие от духовного мира, сотворенного благим Богом. По учению еретиков, сатана сотворил Адама, но не мог оживить его; по его просьбе, Бог вдохнул в Адама дух, что и объясняет двойственность человеческой природы [40, с. 173–174]. Впоследствии эта версия развивалась и другими исследователями. О влиянии богомильства на ярославских волхвов пишет Д. Д. Оболенский: «Если первая часть рассказа волхвов отсылает к популярной легенде, которая бытовала среди мордвы еще в XIX в., то вторая ее часть несомненно богомильская» [75, с. 278]. В советской историографии предположение о влиянии богомильства на взгляды волхвов высказывали Д. С. Лиха-

чев и Д. А. Казачкова [45, с. 209–210; 23, с. 308–309]. В 1990–2000-е гг. к нему снова обратился В. Я. Петрухин в своей работе «Древняя Русь. Народ. Князья. Религия» [46, с. 317–318].

Дореволюционные исследователи также давно обратили внимание на бытование легенды, рассказанной волхвами Яну Вышатичу, среди современной мордвы: очень похожий рассказ, записанный среди нижегородской мордвы, приводит П. И. Мельников [37, с. 324–325]. Одновременная связь рассказанной волхвами легенды с богомилством и с мордовским фольклором давно ставила в тупик исследователей. А. Н. Веселовский писал, что «возможно черемисская, мордовская и т. д. и южно-славянская легенды принадлежали первично одной и той же полосе развития и религиозного мирозерцания; богомилы лишь внесли в круг своих дуалистических мифов, может быть, не славянское представление, отвечавшее их целям, а черемисы и алтайцы получили обратно свой старый космогонический миф в освещении христианской ереси и апокрифов» [8, с. 32]. Таким образом, исследователь явно колебался возводить ли указанный миф к богомилству или к архаической уральской мифологии. Такие же колебания мы видим у Н. М. Гальковского, который, впрочем, все же склонен возводить указанный дуалистический миф к финно-угорской традиции и даже называет волхвов «финнами из ростовской мери» [10, с. 140]. В современной литературе финно-угорское происхождение рассказанной волхвами легенды постулирует И. Я. Фроянов, опять-таки со ссылкой на материалы П. И. Мельникова [69, с. 105].

Таким образом, вопрос об урало-алтайских или богомилских истоках рассказанной волхвами легенды о миротворении представляется чрезвычайно сложным и интересным. Наш анализ мы начнем с разбора отношения рассказа волхвов к легенде, записанной среди мордвы-терюхан в селе Сарлей Нижегородского уезда и опубликованной в «Очерках мордвы» [37, с. 324–325]:

«Человека вздумал сотворить не Чам-Пас, а Шайтан. Для того он собрал глины, песку и земли от семидесяти семи стран света и слепил из них тело человека. Но, сделав тело, никак не мог привести его в благообразный вид: то слепит свиньей, то слепит собакой, то гадом каким-нибудь, а Шайтану хотелось сотворить его по образу и по подобию Божью. И позвал Шайтан птичку-мышь и сказал ей: «Лети ты на небо, там у Чам-Паса полотенце висит; когда он в баню ходит, тем полотенцем обтирается; висит оно у него на гвоздике; заберись ты в один конец полотенца, свей гнездо, разведи детей, чтоб один конец того полотенца

стал тяжелей и упал бы ко мне на землю». Птичка-мышь послушалась Шайтана, свила гнездо в конце Чам-Пасова полотенца, развела мышат, от тяжести их полотенце и упало на землю. Шайтан тотчас подхватил его, обер им слепого человека, и он получил образ в подобие Божье. После того Шайтан стал оживлять человека, но никак не мог вложить в него живую душу. Бился-бился он и уже хотел было разрушить свое создание, но Чам-Пас сказал: «Убирайся ты, проклятый Шайтан, в пропасть огненную, я и без тебя сотворю человека». А Шайтан отвечал: «Я хоть подле постою, когда ты будешь класть него живую душу; ведь я его работал, и на мою долю из человека что-нибудь надобно дать, а то, как хочешь, братец Чам-Пас, будет мне обидно, а тебе нечестно». Спорили Чам-Пас с Шайтаном, спорили, наконец Чам-Пасу надоело. «Слушай, Шайтан, – сказал он: – давай делить человека: образ и подобие от моего полотенца, и душа моя, потому что я ее вдунул, а тело будет твое». Шайтан поспорил-поспорил, но должен был согласиться, потому что Чам-Пас невпример сильнее его. Оттого, когда человек умирает, душа с образом и подобием Божиим идет в небеса к Чам-Пасу, а тело, лишаясь души, теряет и подобие Божье, гниет, разваливается и идет в землю на добычу Шайтану».

Как видно, этот рассказ фактически представляет собой пространственный вариант мифа, рассказанного ярославскими волхвами. Мало того, следует признать, что опубликованная П. И. Мельниковым легенда более аутентична, чем рассказ волхвов. Вторая часть легенды, как нам кажется, была передана летописцем недостаточно точно. Согласно его рассказу, божья ветوشка упала на землю, сатана сделал из нее человека, а Бог вложил в него душу. «Вот почему, если умрет человек, в землю идет тело, а душа к Богу» – сказали волхвы. Последняя ремарка их рассказа непонятна. Объяснение того, почему человек после смерти «идет в землю» в контексте рассказа о первочеловеке впервые возникает в Библии («яко земля еси и в землю отидеши») (Быт 3, 19), но там оно строится на рассказе о сотворении Адама из земли. В мифе же, рассказанном ярославскими волхвами, подобная логика не обнаруживается – человек, согласно их повествованию, сотворен не из земли, а из ветошки. Тем не менее, он явно построен на основе библейского рассказа – речь, как и в Библии, идет о первочеловеке, рассказ, как и легенда о грехопадении, объясняет причину смертности человека и также изображает смерть как отход человека в землю – что разительно противоречит практике трупосожжения, распространенной у славян в языческую эпоху. Нельзя не отметить и то, что в известных нам фольклорных легендах о миротворении

сатана также творит человека из земли, ила, грязи [28, с. 101–102]. Нам кажется, что гораздо более полную и аутентичную версию той же самой легенды дает текст, опубликованный П. И. Мельниковым. В нем человек творится из земли – и, соответственно, говорится о конечном отходе человеческого тела в землю. Божье полотенце же служит для придания бесформенному человеческому телу «образа и подобия Божьего». Таким образом, повествование П. И. Мельникова кажется более логичным и ясным, чем рассказ волхвов. Возможно, причиной некоторой непоследовательности рассказа волхвов о сотворении человека стало то, что он был записан летописцем через много лет после того, как Ян Вышатич услышал его от ярославских кудесников. Все детали повествования уже не могли удержаться в его памяти и он, скорее всего, забыл, зачем сатане понадобилась божья ветوشка, и несколько упростил его структуру. Вероятно, в оригинальном варианте легенды ветوشка, как и полотенце Чам-паса, использовалась для придания сделанному сатаной человеку окончательной формы.

Предположение о том, что прение Яна Вышатича с волхвами является продуктом творчества летописца неоднократно высказывалось в историографии [71, с. 97; 50, с. 74]. По нашему мнению, бытование аналогичного сюжета в географически и исторически близкой к русскому Северо-Востоку Терюшевской волости, равно как и общая укорененность легенд о дуалистическом миротворении в восточнославянском и финно-угорском фольклоре делают такое предположение крайне маловероятным. Несмотря на очевидную связь между рассматриваемыми нами текстами, бытование легенды о дуалистическом творении человека в мордовском фольклоре XIX в. свидетельствует только о достоверности приведенного в летописи рассказа волхвов, но не может служить аргументом в пользу ее урало-алтайского происхождения. Анализ цикла мордовских легенд о миротворении однозначно свидетельствует о влиянии на него христианской апокрифической книжности. Так, согласно мокшанской легенде, записанной в Тамбовской губернии, Вярдя-Шкай заключил договор с чертом, по которому живые люди принадлежали Шкаю, а мертвые – черту. Из-за этого жизнь людей все более укорачивалась, потому Шкай послал своего помощника, который украл у черта договор, хранившийся в камне на морском дне [13, с. 123]. Этот рассказ восходит к апокрифическому сказанию о договоре Адама с дьяволом, литературная история которого прослеживается уже начиная с VII–VIII вв. [54, с. 6]. Другая легенда, записанная среди арзамасской мордвы, повествует о том, что грехопадение людей совершилось из-за того,

что Шайтан «явился одному старику и, подав ему ветку неизвестного доселе растения, сказал: “Посади эту ветку в землю поставь вокруг нее высоких тычинок, только не сказывая об этом Нишки-Пасу”. Старик послушался, посадил ветку, и вырос хмель. Тогда Шайтан снова явился к старику и научил его делать пиво и мед, а также из муки курить вино» [37, с. 326]. Ядро этого рассказа, скорее всего, восходит к апокрифическому «Откровению Варуха», где рассказывается о том, как Сатанаил посадил в Райском саду виноградную лозу, плод которой впоследствии съели Адам и Ева [67, с. 49–50]. Таким образом, мы можем заключить, что мордовская мифология впитала в себя массу мотивов, заимствованных из апокрифической христианской книжности – несомненно, через русское посредство. Рассматриваемая нами легенда была записана среди терюхан, группы мордвы, которая находилась в тесных контактах с русскими уже с начала XIII в., следовательно, в усвоение ей русской мифологической прозы могло начаться уже в домонгольскую эпоху. Скорее всего, рассматриваемая нами легенда была занесена в земли терюшевской мордвы переселенцами с русского Северо-Востока, где и сохранилась до середины XIX века.

Приступая к анализу нашей легенды, мы сразу можем заключить, что она содержит в себе два сюжета: рассказ о дуалистическом миротворении и историю о мытье Бога в бане и падении с неба Божьей ветошки или Божьего полотенца, которое и стало инструментом творения человека. Разное происхождение этих рассказов предположил еще Д. Д. Оболенский, определенно связавший первый рассказ с богомильством, а второй отнесший к народным верованиям русского Северо-Востока [75, р. 278]. Мы полагаем, что оба рассказа происходят из религиозной традиции Византии и Болгарии, и попытаемся продемонстрировать это, указав их источники в византийской традиции.

Идея дуалистического миротворения была характерной чертой действовавших в Византии движений павликиан и богомилов. Считая материальной мир местом господства сатаны, сектанты полагали, что сатана создал человеческое тело, а Бог вложил в него бессмертную душу. Подобный рассказ мы находим в «Паноплии» византийского богослова и экзегета конца XI – начала XII в. Евфимия Зигабена, подробно описавшего воззрения богомилов. Согласно им, Сатанаил сделал Адама из глины и воды и вдунул в него свой дух. Однако оживить Адама не удалось, зато из остатков влаги и духа Сатанаила образовался змей. Тогда Сатанаил «отправил посла к доброму отцу, прося дать своего духа и оживить Адама, и обещал, что оживленный человек будет принадлежать

им обоим» [40, с. 173–174]. Повествование о неудачных попытках оживления человека отсутствует в рассказе волхвов, однако похожий мотив есть в приведенной П. И. Мельниковым мордовской легенде: «Но, сделав тело, никак не мог привести его в благообразный вид: то слепит свиньей, то слепит собакой, то гадом каким-нибудь» [37, с. 324]. Однако наиболее точные параллели с легендой, бытовавшей среди терюшевской мордвы, мы обнаруживаем в павликианском мифе о творении человека: «Однажды Демиург вместе с другими падшими ангелами увидел лучезарный образ и подобие небесного Отца. Пораженный необыкновенной красотой этого видения, он захотел, вместе со своими товарищами, создать человека по этому образу и подобию. Но усилия его оказались напрасными: творение было столь слабо, что не могло устоять на ногах и подобно червю ползало по земле. Тогда небесный Отец, сжалившись над своим подобием, послал ему от себя искру жизни и создание сделалось настоящим человеком» [25, с. 537]. В этом повествовании присутствуют наиболее специфичные мотивы мордовской легенды – желание сатаны сотворить человека по образу и подобию Божьему, его неудачные попытки это сделать и конечное одухотворение человека Богом. Таким образом, можно заключить, что ядро рассматриваемого нами сюжета восходит к павликианской традиции. Появление павликианских мотивов в рассказе явившихся на Белоозере ярославских волхвов может быть связано с деятельностью суздальской «церкви св. Александра» или близких к ней религиозных общин. Таким образом, дуалистическая легенда о творении человека, скорее всего, попала на северо-восток Руси посредством действовавших там болгарских павликиан.

Рассказ о мытье в бане и потении Бога и о чудесной Божьей ветошке или Божьем полотенце отражает другой круг византийских литературных произведений, на этот раз связанных с православной традицией. Большинству исследователей этот рассказ казался языческим мифом с характерным для него грубым антропоморфизмом. Картина предстанет совсем в ином свете, если мы обратимся к аналогичным примерам антропоморфного изображения Бога в иудейской и христианской традиции. Для Ветхого Завета были характерны антропоморфные изображения Бога, гуляющего по Эдему (Быт 3,8), спускающегося к Аврааму (Быт 18,1), сидящего на престоле в окружении Серафимов (Ис 6,1). В христианстве со времен апологетов возобладала тенденция относить все ветхозаветные антропоморфизмы к Иисусу Христу как предсуществующему Богу Слову. Подобную идею мы встречаем уже у Иринея Лионского [21, с. 33–35]; позднее она закрепились в святоотеческих со-

чинениях и богослужебных текстах [68, с. 320–321]. Мы обнаруживаем связь Иисуса Христа и с рассказом о творении мира: еще апостол Павел учил о том, что мир сотворен Иисусом Христом (Кол 1,16). Развитие этого представления мы видим в византийской иконописи. Так известен характерный сюжет «сотворения Адама», где изображается оживляющий Адама Иисус Христос. Еп. Иларион, описывая аналогичное изображение в соборе св. Марка в Венеции, отмечает: «Во всех сегментах Творец изображен в виде молодого человека без бороды в крестчатом нимбе и с крестом в руках: это соответствует христианскому представлению о ветхозаветных богоявлениях как явлениях Сына Божия. Лик Адама подобен лику Творца, что указывает на сотворение Адама по образу и подобию Божию» [20]. Идея сотворения Адама Иисусом Христом еще более четко высказывается в славянской апокрифической литературе. Так, в апокрифе «Како сотвори Бог Адама» мы читаем, что, сотворив человека, «Господь отъиде в горний Иерусалим по дыхание Адамлево». Затем говорится, что «прииде Иисус из горнего Иерусалима» [5, с. 95]. Далее в апокрифе описывается сон Адама, в котором он видит будущую земную жизнь Христа, о которой и рассказывает своему Творцу: «Господи, владыко, тебе видех на кресте распята во Иерусалиме, а ученики Твоя видех ходяща – Петра в Риме, а Павла в Дамасце, проповедующе Твое распятие и воскресение» [там же]. Таким образом, в апокрифе под Богом, творящим человека, понимается Иисус Христос.

Отождествление Бога из легенды, рассказанной ярославскими волхвами, с Иисусом Христом позволяет связать ее с одним из эпизодов апокрифических сказаний о жизни Иисуса Христа – историей Спаса Нерукотворного. Первоначальной основной этого сказания была сирийская легенда о переписке Иисуса Христа с эдесским царем Авгарем, изложенная еще в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. Согласно ей, царь Авгарь страдал от тяжелой болезни и послал своего придворного к Христу, упрашивая его посетить царя. Тот отказался сделать это в данный момент, но после вознесения послал к царю своего ученика Фаддея [16, с. 13–14]. В более поздней версии легенды возникает новый мотив – Христос не стал посещать Авгаря, но послал ему свой портрет. Первоначально речь шла о портрете, написанном царским художником, но уже в VI в. Евагрий Схоластик в своей «Церковной истории» упоминает легенду о том, что образ Христа чудесным образом отпечатался на полотне [15, с. 213–214]. Реликвия хранилась в Эдессе, считаясь палладиумом города, защитившим его от нашествия персов. В 944 г. Спас Нерукотворный был перенесен в Константино-

поль, став важнейшей святыней православного мира [31, с. 12]. Вскоре при дворе императора Константина Багрянородного была создана «Повесть о Нерукотворном образе», призванная ознакомить греческого читателя с сирийской легендарной традицией, окружавший Мандилион (греческое наименование чудесной иконы – *Αγιον Μανδύλιον*, буквально “святой убрus”) и популяризовать его почитание в грекоязычных регионах империи. Ее автор приводит две бытовавших тогда легенды о создании чудесного образа. Согласно первой из них Христос, чтобы дать посланцу Авгаря возможность доставить царю «подобие его образа», «умыв лицо, а затем отерев влагу поданным ему полотенцем, соизволил божественным и неизреченным образом запечатлеть на нем свои черты» [49, с. 418]. Вторая приведенная в «Повести» легенда излагает историю возникновения чудесного образа несколько иначе, связывая ее со Страстями Господними: «Когда Христос должен был идти на вольную смерть, когда являя человеческую немощь, Он явился борющимся и молящимся, когда пот капал с него подобно каплям крови, как указывает евангельское повествование, тогда, говорят, взяв у одного из учеников этот ныне видимый кусок ткани, он вытер им ручейки пота, и тотчас отпечатался его боговидный образ» [49 с. 419]. Впоследствии, после Вознесения Христа, апостол Фаддей доставил этот чудесный образ царю. Авгарь, узрев свет, исходивший от чудесного образа, мгновенно восстал с одра болезни. Далее «получив от апостола это подобие и возложив его себе на голову, глаза и уста, но не лишив этого прикосновения и другие части тела, он тотчас почувствовал, что члены его чудесным образом укрепляются и изменяется к лучшему, а проказа очищается и изгоняется» [49, с. 420]. Византийские повествования о Спасе Нерукотворном очень быстро получили распространение в славянской традиции. Наиболее ранним примером, по-видимому, является антибогомильская компиляция попа Иеремии, созданная в Болгарии в X в., которая излагает историю чудесного образа, явившегося на убрусе, которым Иисус Христос утерся, умыв свое лицо [38, с. 90–95]. По словам Л. М. Евсеевой «Русь приняла христианство в 988 г., когда в Византии почитание эдесского образа достигло своего апогея» [17, с. 42]. Рассказ о чудесном образе довольно рано стал известен древнерусским читателям как из компиляции попа Иеремии, так и из Хроники Георгия Амартола, содержащей несколько упоминаний о Спасе Нерукотворном. По мнению Е. Н. Мещерской в древнерусской традиции были известны и изложения легенды о Спасе Нерукотворном, восходящие к «Повести о нерукотворном образе» [38, с. 106].

Легенда о Божьей ветошке или Божьем полотенце, несомненно, является народной переработкой легенд о чудесном образе Иисуса Христа. В рассказе ярославских волхвов мы находим упоминание «ветошки», которой Бог вытер свой пот, когда мылся в бане. Эта «ветошка» очевидно произошла из полотна, которым Христос, согласно «Повести о нерукотворном образе», вытер свой пот во время моления в Гефсиманском саду. Мытье в бане, вероятно, возникло из другой версии легенды, согласно которой Христос умылся водой и затем вытерся убрусом. Одновременное умывание и потение как нельзя лучше вписались в картину мытья в бане, что и отразилось в данном рассказе. Еще более точные параллели с историей Спаса Нерукотворного мы видим во варианте легенды, опубликованном П. И. Мельниковым. Согласно ему, Шайтан смог сообщить сделанному им человеку «образ и подобие Божие» только после того, как обтер его полотенцем Чам-паса. Таким образом, полотенце, которым до того утирался Бог, содержало в себе его «образ и подобие». Очевидно, что в этом отношении полной аналогией полотенца Чам-паса является Спас Нерукотворный, который в византийских и славянских сочинениях постоянно именуется «образом» и «подобием» Иисуса Христа. Сама картина обтирания бесформенного человека чудесным полотенцем может быть связана с историей исцеления Авгаря – царь возложил полотно на свое тело и тут же излечился от проказы. Картина чудесного исцеления царя Эдессы в данном случае заменена картиной чудесного придания бесформенному глиняному человеку образа и подобия Божьего.

По-видимому, в Византии и Болгарии X в. повествования о чудесном образе были настолько популярны, что словосочетание «образ и подобие Божие» сразу же вызывало в сознании слушателей представление о Спасе Нерукотворном. В результате, они стали оказывать влияние на народные представления о творении мира и человека, созданного «по образу Божию» (Быт 1, 27), «по образу Нашему и по подобию Нашему» (Быт 1, 26). Традиция, связывающая Мандилион с повествованием о сотворении мира, отразилась не только в рассматриваемой нами легенде, но в зафиксированном в более позднее время мотиве, связывающем происхождение Солнца с Лицом Господним. Так, согласно «Стиху о Голубиной книге»: «Солнце красное от лица Божия // Самого Христа, Царя небесного» [4, с. 287]. Связь этого описания с традицией почитания Спаса Нерукотворного становится очевидной при обращении к Чебоксарской рукописи апокрифического «Сказания о Тивериадском море». Согласно содержащемуся там рассказу о творении Космоса «а Солнце

от нутрения ризы Господней, понеже Господь по лицу Своему утреса, а Луна от лица» [41, с. 238]. Здесь в повествование втягивается еще одна христианская реликвия – риза Господня, одежда Христа, которую римские солдаты разделили между собой при распятии (Ин 19, 23). Упоминание того, что «Господь по лицу своему утреса» несомненно отсылает нас к истории Спаса Нерукотворного. Вероятно, основой для этого пассажа стал тот вариант рассказа, согласно которому Иисус Христос вытер свой кровавый пот во время молитвы в Гефсиманском саду – только в этом случае имеет смысл упоминание «риз Господней», которую на следующий день разделили между собой римские легионеры. Судя по всему, в этом рассказе Спас Нерукотворный отождествляется с частью ризы Спасителя, попавшей к распинавшим его солдатам, а затем ставшей одной из святынь христианского мира.

Таким образом, рассказ ярославских волхвов представляет собой синтез павликианской дуалистической легенды о сотворении человека с легендарной традицией, окружавшей Мандилион и приписывавшей ему некоторые космогонические функции. Можно предположить, что подобный синтез произошел еще в Болгарии. Скорее всего, он имел место в народной среде далекой от книжной образованности. Ведь очевидно, что Спас Нерукотворный появился только во время земной жизни Иисуса Христа, поэтому связать его с сотворением Адама (как в легенде из Повести временных лет) или с созданием Солнца (как в «Сказании о Тивериадском море») мог лишь человек очень поверхностно знакомый со священной историей. Тем не менее, можно предположить, что эта легенда получила распространение среди приверженцев популярных в Болгарии еретических движений и была принесена ими на Русь уже в X – первой половине XI в.

Несмотря на влияние павликиан на мировоззрение ярославских волхвов, их деятельность получает наилучшее объяснение исходя из языческой мотивации их действий. Поиск виновников неурожая был характерной чертой местной традиции и до, и после событий 1070-х гг. Движение в Ростовской земле не носило ни эсхатологического, ни мессианского характера, а преследовало конкретные и узко-практические цели. Местные волхвы, скорее всего, были представителями народной среды, полагавшими, что имеют способность разоблачать ведьм, которые «обилье держат». Подобные люди, специализирующиеся на разоблачении вредоносных колдунов, есть и у африканских народов [76, с. 32]. Рассказанная ими легенда, вероятно действительно имеющая павликианское происхождение, не дает никаких оснований считать

ярославских волхвов последователями павликианства или участниками какого-то синкретического культа. Мы знаем, что подобные сказания столетиями позже пересказывали мордовские и украинские крестьяне, ни с какими еретическими учениями незнакомые.

Таким образом, мы можем заключить, что летописец объединил под названием «волхвов» руководителей нескольких выступлений, имевших совершенно разный характер. В Киеве мы сталкиваемся с примером классического эсхатологического нативистского движения – там выступил пророк, говоривший о приближении мировой катастрофы и апеллировавший к традиционному пантеону Владимира. В то же время киевский волхв, как и подавляющее большинство деятелей нативистских движений христианизированных народов, в своих предсказаниях уже опирался на Священное Писание. В Новгороде мы, судя по всему, имеем дело с выступлением павликианского проповедника, вылившимся в народное восстание, направленное против христианской церкви. В Ростовской области, напротив, никакого собственно религиозного движения, оппозиционного официальной церкви не было – действовавшие там ярославские волхвы занимались поиском ведьм, виновных в гибели урожая, а их столкновение с Яном Вышатичем было чисто административной коллизией. Воззрения волхвов представляли собой сложную смесь павликианства, народного православия и традиционных языческих воззрений, что может служить подтверждением того, что за ними не стояло какой-то продуманной системы. Скорее, мы имеем дело с результатом смешения характерных для русского Северо-Востока языческих представлений с элементами православной и павликианской проповеди.

Список литературы

1. Ангелов, Д. Богомилство в Болгарии / Д. Ангелов. – М., 1954.
2. Аничков, Е. В. Язычество и Древняя Русь / Е.В. Аничков. – М., 2009.
3. Анна Комнина. Алексиада. – СПб., 1996.
4. Бессонов, П. П. Калеки переходные: сборник стихов и исследование П. Бессонова / П. П. Бессонов. – М., 1861.
5. Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 3. – СПб., 2000.
6. Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 5. – СПб., 2000.
7. Велецкая, Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов / Н. Н. Велецкая. – М., 1978.
8. Веселовский, А. Н. Еще к вопросу о дуалистических космогониях / А. Н. Веселовский // Разыскания в области русского духовного стиха. Разд. XI. Дуалистические поверья о мироздании // Сб. Отд. рус. яз. и слов. АН. – 1889. – Т. 46. – № 6.

9. Воронин, Н. Н. Восстания смердов в XI веке / Н. Н. Воронин // Исторический журнал. – 1940, № 2. – С. 54–61.
10. Гальковский, Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси / Н. М. Гальковский. – М., 2000.
11. Горский, А. А. От языческого мировосприятия к христианскому: резкая ломка или плавный переход? / А. А. Горский // Ментальность в эпоху потрясений и преобразований. – М., 2003. – С. 3–10.
12. Греков, Б. Д. Крестьянство на Руси с древнейших времен до конца XVII в. / Б. Д. Греков. – Т. 1. – М-Л., 1946.
13. Диаковский, Е. П. Последование часов и изобразительных. Историческое исследования / Е. П. Диаковский. – Киев, 1913.
14. Дубасов, И. И. Очерки из истории Тамбовского края // И. И. Дубасов. – Вып. 1. – Тамбов, 1890.
15. Евагрий Схоластик. Церковная история. – Кн. 3–4. – СПб., 2011.
16. Есевий Памфил. Церковная история. – М., 2008.
17. Евсева, Л. М. Древнейшие русские изображения Св. Лика. Образ и функция / Л. М. Евсева // Спас Нерукотворный в русской иконе. – М., 2005. – С. 12–41.
18. Зализняк, А. А. Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. / А. А. Зализняк // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. – М., 2003. – С. 190–212.
19. Зевакин, М. И. Кузьма Алексеев: крестьянское движение мордвы Терюшевской волости (1808–1810 гг.) / М. И. Зевакин. – Саранск, 1936.
20. Еп. Иларион (Алфеев). По образу и подобию. Богословие иконы в Православной Церкви. Доклад на конференции «Преподобный Андрей Рублев и русская иконопись» [Электронный ресурс] / Еп. Иларион (Алфеев) // Священномученик Иринея Лионский. Доказательство апостольской проповеди. – М., 2001. – Режим доступа: http://azbyka.ru/tserkov/ikona/5g6_5-all.shtml#**. – Дата доступа: 15.09.2005.
22. Истрин, В.М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе / В.М. Истрин. – Пг., 1920.
23. Казачкова, Д.А. Зарождение антицерковной идеологии в древней Руси XI в. / Д.А. Казачкова // Вопросы истории религии и атеизма. – Т. 5. – М., 1958. – С. 283–314.
24. Карпов, А. В. Язычество, христианство, двоеверие: религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках / А. В. Карпов. – СПб., 2008.
25. Киприанович, Г. Жизнь и учение богомилов по Паноплии Евфимия Зигабена и другим источникам / Г. Киприанович // Православный собеседник. – 1875. – № 8. – С. 533–572.
26. Кривошеев, Ю. В. О социальных коллизиях в Суздальской земле 1024 г. / Ю. В. Кривошеев // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы социальной и классовой борьбы. – Вып. 9. – Л., 1985. – С. 38–48.

27. Криничная, Н. А. Русская народная мифологическая проза: истоки и полисемантизм образов / Н. А. Криничная. – Т. 2: Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. – Петрозаводск, 2000.
28. Кузнецова, В. С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции / В. С. Кузнецова. – Новосибирск, 1998.
29. Левкиевская, Е. Е. Мифы русского народа / Е. Е. Левкиевская. – М., 2000.
30. Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века. – М., 1851.
31. Лидов, А. М. Святой Мандилион. История реликвии / А. М. Лидов // Спас Нерукотворный в русской иконе. – М., 2005. – С. 42-60.
32. Ловмянский, Г. Религия славян и ее упадок (VI–XII вв.) / Г. Ловмянский. – СПб., 2003.
33. Лукин, П. В. Новгородский волхв и поморские жрецы / П. В. Лукин // Восточная Европа в древности и Средневековье: язычество и монотеизм в процессах политогенеза. – Т. XXVI. – М., 2014. – С. 173–179.
34. Мавродин, В. В. Народные восстания в древней Руси в XI–XIII в. / В. В. Мавродин. – М., 1961.
35. Мартынов, М. Н. Восстание смердов на Волге и Шексне во второй половине XI века / М. Н. Мартынов // Ученые записки Вологодского педагогического института. – Т. 4. – Вологда, 1948.
36. Медынцева, А. А. Религиозно-философские течения в древнерусском христианстве XI в. и ересь богомилов (по материалам новгородских граффити) / А. А. Медынцева // Древнерусская культура в мировом контексте. – М., 1999.
37. Мельников, П. И. Очерки мордвы / П. И. Мельников // Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский). – Нижний Новгород, 2011. – С. 279–384.
38. Мещерская, Е. Н. Легенда об Авгаре – раннесирийский литературный памятник / Е. Н. Мещерская. – М., 1984.
39. Монгайт, А. Л. Исторический комментарий / А. Л. Монгайт // Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153). – М., 1971.
40. Мочульский, В. Н. О мнимом дуализме в мифологии славян / В. Н. Мочульский // Русский филологический вестник. – Т. 21. – Варшава, 1889. – С. 153–200.
41. Мочульский, В. Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге / В. Н. Мочульский. – Варшава, 1887.
42. Оболенский Д. Д. Византийское содружество наций: Шесть византийских портретов / Д. Д. Оболенский. – М., 1998.
43. Одинцов, Н. Ф. Порядок общественного и частного богослужения в древней России до XVI века: церковно-историческое исследование / Н. Ф. Одинцов. – СПб., 1881.
44. Островская, Л. В. Мировоззренческие аспекты народной медицины русского крестьянского населения Сибири второй половины XIX века /

Л. В. Островская // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII – начале XX века. Сборник научных трудов. – Новосибирск, 1975. – С. 131–142.

45. Очерки по истории русского народного поэтического творчества. Т. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X – начала XVIII вв. – М., 1953.

46. Петрухин, В. Я. Древняя Русь. Народ. Князья. Религия. Из истории русской культуры / В. Я. Петрухин. – Т. 1. – М., 2000.

47. Петрухин, В. Я. «Русь и все языки»: аспекты исторических взаимосвязей: историко-археологические очерки / В. Я. Петрухин. – М., 2011.

48. Печников, М. В. Мятеж «при Глебе Новгороде»: к изучению летописной статьи 6579 года / М. В. Печников // Восточная Европа в древности и средневековье: автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. – Т. XXI. – М., 2009. – С. 263–268.

49. Повесть о Нерукотворном образе // Спас Нерукотворный в русской иконе. – М., 2005. – С. 415–432.

50. Подскальски, Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / Г. Подскальски. – СПб., 1996.

51. Псалтирь с прибавлениями исх. XV в. – НИОР РГБ. – ф. 304.I. – № 3.

52. Полное собрание русских летописей. – Т. 1. – М., 1962.

53. Полное собрание русских летописей. – Т. 2. – М., 1962.

54. Радченко, Н. К. Этюды по богомилству. К вопросу об отношении апокрифов к богомилству / Н. К. Радченко // Изборник Киевский, посвященный Флоринскому. – Киев, 1904.

55. Рапов, О. М. О датировке народных восстаний на Руси XI в. в Повести временных лет / О. М. Рапов // История СССР. – 1979. – № 2. – С. 137–150.

56. Рыбаков, Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья / Б. А. Рыбаков // Вопросы истории. – 1974. – № 1. – С. 3–30.

57. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1988.

58. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества / Б. А. Рыбаков. – М., 1993.

59. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. – Т. 1. – М., 1995.

60. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – Т. 2. – М., 1989.

61. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – Т. 3. – М., 1990.

62. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – Т. 4. – М., 1991.

63. Смоляк, А. В. Шама́н: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура) / А. В. Смоляк. – М., 1991.

64. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). – М., 1999.

65. Тафт, Р. Ф. Статьи. Литургия / Р. Ф. Тафт. – Т. 2. – Омск, 2011.

66. Тихомиров, М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. / М. Н. Тихомиров. – М., 1955.

67. Тихонравов, Н. С. Апокрифические сказания / Н. С. Тихонравов // СО-РЯС. – Т. 58, № 4. – СПб., 1894.

68. Успенский, Л. А. Богословие иконы Православной Церкви / Л. А. Успенский. – М., 2001.

69. Фроянов, И. Я. Древняя Русь IX–XIII веков: народные движения, княжеская и вечевая власть / И. Я. Фроянов. – М., 2012.

70. Христофорова, О. Б. Икота: мифологический персонаж в локальной традиции / О. Б. Христофорова. – М., 2013.

71. Черепнин, Л. В. Русская Правда и летопись как источники по истории классовой борьбы / Л. В. Черепнин // Академику Грекову ко дню 70-летия: сборник. – М., 1952.

72. Шахматов, А. А. Разыскания о русских летописях / А. А. Шахматов. – М., 2001.

73. Allison, D. Jesus of Nazareth. Millenarian prophet / D. Allison. – Minneapolis, 1998.

74. Garsoïan, N. V. The Paulician heresy: a study of the origin and development of Paulicianism / N. V. Garsoïan. – Hague, 1967.

75. Obolensky, D. D. The Bogomils: A Study in Balkan Neo-Manichaeism / D. D. Obolensky. – Cambridge, 1948.

76. Schlosser, K. Propheten in Afrika / K. Schlosser. – Braunschweig, 1949.

ВИЗАНТИЙСКАЕ ВЫГНАННЕ: ЭПАПЕЯ ПОЛАЦКІХ КНЯЗЁЎ У XII ст. I ПАЗНЕЙ

Княская мазаіка

Пачатак XII ст. у лінейныя адносіны паміж Полацкам і Кіевам прыўнёс новыя кампаненты і ўскладненні сістэмы міжкняскіх дачыненняў. Гэты перыяд можна ахарактарызаваць таксама як час узвышэння Менска. І неардынарную ролю ў гэтым выканаў князь Глеб Менскі. Раскол паміж Полацкай зямлёй, якая сама стала падзяляльца на ўдзелы, і сімвалічным цэнтрам Русі – Кіевам, толькі паглыбіўся. Але паланеннем Глеба Усяслава і яго смерцю 1119 г. у Кіеве гэты сюжэт не скончыўся.

І хоць Менск пасля 1119 г. на даволі працяглы час знікае са старонак летапісаў, пад 1121 г. мы мае глухое паведамленне пра выправу кіеўскага князя Уладзіміра Манамаха разам са сваімі сынамі ў Смаленск дзеля вырашэння супярэчнасцяў і «ўціхаміравання» полацкіх князёў [17, с. 133]. Вельмі верагодна, што палітычнаю мэтай гэтай сустрэчы было вырашэнне пытання кампенсацыі Полацку за страту Менскай зямлі. Падзея невыпадковым, што ў XII ст. на правым беразе Дняпра ўзнікае шэраг памежных замак, акрэсліваючы лінію смаленска-полацкай мяжы [10, с. 175–176]. Маскоўскі археолаг Леанід Аляксееў высунуў сваю інтэрпрэтацыю смаленскай сустрэчы – паводле яго, сам факт такога з'езду сведчыць пра васальныя адносіны Полацка адносна Уладзіміра Манамаха [1, с. 257–258]. Але прагматыка вырашэння тэрытарыяльных супярэчнасцяў, дасягнутых тады, не сведчаць на карэсць гэтай версіі.

Смаленскія дамоўленасці трымаліся да самага канца княжання Уладзіміра. Пасля смерці Манамаха ў 1125 г. на кіеўскі пасад заступіў старэйшы сын Мсціслаў Уладзіміравіч (1076–1132), вядомы таксама як Гаральд: Мсціслаў нарадзіўся ў шлюбе Манамаха і прынцэсы Гіты Уэсекскай, дачкі апошняга англа-саксонскага караля Гаральда II Годвінсана, які загінуў ад рук нарманаў пад Гастынгсам у 1066 г. Такім чынам, у сямейным коле княжыч Мсціслаў быў названы ў гонар свайго англа-саксонскага дзёда.

Без усялякіх матывацыйных падводак мы сустракае ў крыніцах наўпроставыя паведамленні пра выправу ў 1127 г. паўднёварускіх князёў на чале з Мсціславам супраць Полацкай зямлі. Што мы ведаем пра

гэты паход? Маецца некалькі вельмі выразных рысаў, якія дазваляюць адрозніваць выправу 1127 г. ад паходу, напрыклад, 1116 г. на Менск. Найперш, у гэтыя акцыі ўдзельнічалі не толькі прыхільнікі Манамахавічаў, а цэлая кааліцыя паўднёва-рускіх князёў. Па-другое: відавочна, што паход быў добра спланаваны, за кожным удзельнікам кааліцыі быў замацаваны асобны горад Полацкай зямлі, па якому скіроўваўся ўдар. На Заслаўль (Ізяслаў) былі выпраўлены адразу чатыры дружыны. Гэты горад знаходзіўся ля паўднёва-заходніх межаў Полацкай зямлі, што і тлумачыць яго значнасць: паводле Густынскага летапісу Мсціслаў паслаў войскі «ў Літву да Ізяслаўля». Усталяванне кантролю над Літвой стала адным з галоўным пунктаў супярэчнасцяў паміж Кіевам і Полацкам у той час. Асобныя аддзелы былі скіраваныя на Барысаў, а таксама на Лагойск і Друцк. Менская воласць на той момант знаходзілася пад кантролем Кіева. Мсціслаў Уладзіміравіч арганізаваў татальную акцыю пакарання Полацку, якая мела агульнарускі маштаб.

Полацкі пасады у той час займаў князь Давыд Усяславіч. Сын жа яго Брачыслаў княжыў менавіта ў Ізяслаўлі ды быў жанаты на Ксенні, дачцы кіеўскага князя Мсціслава. Але як бачым, у дадзеным выпадку сямейныя сувязі мелі не шмат значэння. Яшчэ адзін з Усяславічаў – Барыс, сядзеў у Барысаўскай воласці.

У жніўні таго 1127 г. падзеі разгортваліся досыць імкліва. Нечакана, пад Лагойскам у палон да аднаго з удзельнікаў кааліцыі Ізяслава Мсціславіча трапіў малады князь Брачыслаў, які спышаўся са сваёй дружынай з Ізяслава на дапамогу бацькі ў Полацк. На жыхароў Лагойска гэтая навіна падзейнічала дэмаралізуючы і яны здалі Мсціславічам свой горад. Ізяслаўль жа бы абложаны вялікім войскам. Калі ж месцічам паказалі іхняга князя паланёным, то яны адчынілі браму перад нападнікамі. Зрэшты, гэта не ўратавала горад ад рабаванняў.

Драматычныя падзеі адбываліся і ў самім Полацку – сталіцы мяцежнага краю. Паведамленні летапісаў досыць блытаныя, але зразумела, што палачане, змовіўшыся скінулі князя Давыда Усяславіча і «паставілі» князем яго пляменніка Рагвалода. Далей, полацкая дэлегацыя разам з новаабраным князем вырушыла да Мсціслава Уладзіміравіча з просьбай, каб той зацвердзіў гэтае абранне – «пакінуў ім Рагвалода». Гэта вельмі характэрны эпізод, бо сведчыць пра ролю Полацкага веча – сходу ўсіх свабодных гараджан, які і вырашаў у выніку, трэба прызнаць – вонкава досыць хаатычнай працэдуры, – найважнейшыя палітычныя пытанні стольнага горада і ўсёй зямлі. Але за знешнім хаасам адзінагалоснага ўхвалення стаялі папярэднія этапы інтрыг і ўзгадненняў. Такім чынам,

справу ўладкавання адносін Полацка з Кіевам узяло ў свае рукі веча, якое, фактычна, было інстытутам патрыцыяту – гарадской вярхушкі.

Мсціслаў Уладзіміравіч, у выніку, пагадзіўся на прапанаваную яму камбінацыю, і гэта сведчыць пра тое, што ў 1227 г. полацкі княскі дом трапіў у васальную залежнасць ад вялікага князя кіеўскага. Але ў Кіеўскай дзяржаве наспяваў новы ўнутраны канфлікт: Манамахавічаў з Ольгавічамі – нашчадкамі яшчэ аднаго ўнука Яраслава Мудрага, якія княжылі ў Чарнігаве. У тым ліку і таму Мсціслаў Уладзіміравіч у пэўным сэнсе пайшоў на кампраміс і не развіў поспех паходу 1127 г. у бок цалкавітага спынення ўлады полацкіх Усяславічаў.

Але гэты акт замірэння і падпарадкавання так і не вырашыў дынастычных супярэчнасцяў. Калі ў 1229 г. Мсціслаў Уладзіміравіч намерыўся выступіць супраць полаўцаў, што няспынна турбавалі паўднёвыя межы ягонаў дзяржавы, то кіеўскі князь звярнуўся да сваіх васалаў з заклікам супольна выступіць у паход. Насуперак чаканага, полацкія князі «з лаянкай» адмовіліся. Гэта было відавочным парушэннем умоваў міру 1227 г. Варта было чакаць паказальных дзеянняў у адказ. Верагодна, Рагвалод-Барыс памёр ужо ў 1128 г. і хто тады княжыў у Полацку, мы дакладна не ведаем.

Пасля завяршэння паспяховага паходу супраць качэўнікаў, Мсціслаў Уладзіміравіч накіраваў ужо на Полаччыну сваіх ваяводаў, каб тыя аб’явілі па ўсіх гарадах княства пра неправамерныя дзеянні іх князёў. У гэты крытычны перыяд зноў уступаюць у дзеянне механізмы тагачаснай наўпроставай дэмакратыі – Полацкае веча не стала бараніць сваіх князёў і пагадзілася на мірнае вырашэнне канфлікту.

Выгнанне

Практычна ўвесь род полацкіх князёў быў вывезены ў Кіеў, дзе адбыўся сімвалічны суд рускіх князёў над полацкімі Ізяславічамі. Паводле выраку, усе прадстаўнікі дынастыі, разам з сям’ямі, былі сасланыя ў Візантыю. Від пакарання быў абраны зусім не стандартны, хоць і не ўнікальны. Прэцэдент ужо быў – у 1079 г. з дапамогаю хазар з Цьмутаракані ў Царград вывезлі былога валынскага князя і саюзніка польскага караля Алега Святаславіча («Гарыславіча»). Ужо пазней, у 1162 г., такую самую акцыю пакарання – высылку ў Візантыю, прадпрыняў Андрэй Багалюбскі ў дачыненні да суздальскіх князёў.

З летапісаў мы даведваемся імёны князёў, які атрымалі такое пакаранне – гэта былі Давыд, Расціслаў, Святаслаў Усяславічы, а таксама Васіль і Іван Барысавічы-Рагвалодавічы. Досыць нечакана, што ў летапісах гэтыя князі фігуруюць як крывіцкія. Полацкія Ізяславічы былі пасад-

жаныя ў тры чаўны. У кожны з такіх човенаў магло садзіцца да сарака чалавек. Хутчэй за ўсё, князі былі выгнаныя разам з сваімі сям'ямі. Паводле візантыйскага прагаколу ў рускіх пасольствах на аднаго знатнага пасланніка магло прыходзіцца па два служкі.

Высылка стала этапнай падзеяй у гісторыі полацкіх князёў і Полацкай зямлі, а таксама для ўсяго намінальнага роду Рурыкавічаў. Полацкая зямля была пазбаўлена ўласных дынастаў і цалкам падпарадкаваная Кіеву – князем у Полацку Мсціслаў паставіў свайго сына Ізяслава – таго самага, які ў 1127 г. паланіў Барыса і паліў Ізяслаўль. Праз усталяванне традыцый высылкі Рурыкавічам былі прадэманстраваныя нелетальныя механізмы палітычнай ліквідацыі канкурэнтаў.

На момант скону кіеўскага князя Уладзіміра Манамаха ў 1125 г. ягоныя нашчадкі займалі ўсе асноўныя княскія сталы Русі – па-за кантролем заставаліся толькі Чарнігаў і Полацк. Увесну 1127 г. Чарнігавам авалодаў зяць Мсціслава Уладзіміравіча Усевалад Ольгавіч. І да лета 1127 г. на Русі аформілася гегемонія нашчадкаў Манамаха і бліжэйшых сваякоў новага кіеўскага князя. Такім чынам, па-за сферай калектыўнага дамену Рурыкавічаў заставалася Полацкая зямля. Гэта шмат што тлумачыць у настоліваасці кіеўскіх князёў што да падпарадкавання Полацка, а таксама да з'яўлення адносна новага сюжэту – наступу на Літву, што мела непасрэдныя зносіны з Ізяслаўлем, Менскам, Полацкам.

Але што ўсё ж спрадзіла настольку вострую рэакцыю кіеўскага князя ў дачыненні да Полацкай дзяржаўнасці? Падказку могуць даць рускія летапісы, дакладней, іх тэксталагічны аналіз. Рэч у тым, што пад 1128 г. у рускіх летапісах знаходзіцца фрагмент, які атрымаў назву «Устаўка пра Усяслававічаў» [18, с 248.]. Гэта як раз той знакаміты сюжэт пра адмову Рагнеды выйсці замуж за Уладзіміра: «Не хочу розути робичича». Вельмі цікава, што аповед «О сих же Всеславичах...» ніяк не звязаны з папярэднімі і наступнымі летапіснымі паведамленнямі і сапраўды меў характар устаўкі. Фактычна, мы маем тут справу з абгрунтаваннем супярэчнасцяў паміж нашчадкамі Уладзіміра і Рагнеды, галінамі князёў, якія ўвайшлі ў гісторыю пад пазначэннямі Яраславічы (ад Яраслава Мудрага) і Ізяславічы. Ізяславічы як раз і былі полацкімі князямі ды вялі свой род ад Ізяслава, які разам са сваёй маці Рагнедаю быў сасланы Уладзімірам у Заслаўе. Кіеўскія летапісцы, відавочна на замову, вылучылі Ізяславічаў у асобную лінію і назвалі іх Рагвалодавічамі, што фактычна азначала – квазі-Рурыкавічамі. Высылка Ізяславічаў у Візантыю стала заканамерным вынікам барацьбы двух варагуючых ліній унутры княскага дому Рурыкавічаў за права валодання пэўнай тэ-

рыторыяй – Полацкай зямлёй. Гэта высылка стала вышэйшай кропкай барацьбы, што вялася ад X ст. Але тады, у другой чвэрці XII ст., адбылося не толькі фізычнае выгнанне, але і ўнясенне зменаў у гістарычную памяць роду: «И оттоле мечь взимають Рогволожи внуци противу Ярославим внуком» [11, стлб. 300].

Але гэтае міжродавае напружанне не вытлумачыць толькі кіеўскімі інтрыгамі, бо самі Ізяславічы настойліва трымаліся родавых традыцый. Вывучэнне імёнаў усіх Рурыкавічаў XI – першай паловы XIII ст. паказвае, што сярод полацкіх князёў два прадстаўніка дому мелі імёны Рагвалод, пяць – Усяслаў, чатыры – Брачыслаў; сястру Ефрасінні Полацкай звалі Гарыславай, што адпавядала другому (славянскаму) імені Рагнеды. Сярод нашчадкаў Яраслава Мудрага імёны Рагвалод, Усяслаў, Брачыслаў адсутнічалі, але сярод полацкіх князёў яны карысталіся вялікай папулярнасцю. У той час як імя Ізяслаў было сапраўды пашыраным і сярод Яраславічаў, і сярод Ізяславічаў Полацкіх. Тлумачыцца гэтая розніца даволі проста – Ізяслаў быў родным братам Яраслава. У любым выпадку, полацкія князі ставарылі ўласны імянаслоў і настойліва трымаліся яго, падкрэсліваючы гэтым уласную апырчонасць сярод рускай княскай карпарацыі.

Не так даўна, у 2003 г., расійскі даследчык Аляксандр Рукавішнікаў паставіў пад сумнеў інтэрпрэтацыю летапісаў і Васіля Тацішчава пра тое, што рэпрэсіі абрынуліся на полацкіх князёў з-за адмовы ўдзельнічаць у сумеснай антыпалавецкай акцыі [15, с. 107]. Паводле расійскага гісторыка, высылка Ізяславічаў стала заканамерным вынікам барацьбы двух варожых ліній княскага дому Рурыкавічаў за права кантролю над пэўнай тэрыторыяй – Полацкай зямлёй. А сама высылка стала толькі часткаю палітычнай праграмы Мсціслава Уладзіміравіча пазбавіць Ізяславічаў правоў на Полацкую зямлю, у тым ліку і шляхам ўнясення зменаў у гістарычную памяць роду – полацкія князі былі абвешчаныя Рагвалодавічамі, гэта значыць – квазі-Рурыкавічамі [15, с. 111]. Успыхнула дыскусія, у якой іншы расійскі гісторык Павел Лукін сцвердзіў: «...ніякіх падставаў сумнявацца ў тым, што ў якасці падставы для барацьбы са сваімі праціўнікамі на Русі, Мсціслаў выкарыстоўваў палавецкі фактар, няма» [9, с. 22]. Несумненна – перад намі пакаранне за палітычную правіннасць.

Але П. Лукін закрануў яшчэ адну, не менш важную праблему – ён пратрактаваў высылку полацкіх князёў як форму пакарання «поток и разграбление», вядомую паводле нормаў «Рускай Праўды». Узнікае пытанне, наколькі такі тып пакарання быў архаічным, альбо ў якой

ступені адбылося яго трансфармацыя (перараджэнне) ва ўмовах сярэднявечнай дзяржаўнасці. П. Лукін ставіць пад сумнеў інстытуцыйную пераемнасць пакарання, але саму сутнасць пакарання ён бачыць як пазбаўлення правапарушальніка юрыдычнай суб'ектнасці, выдалення яго з адпаведнай палітычнай супольнасці [9, с. 35]. Усё ж, бяспрэчна, рысы архаічнай традыцыі звычайнага права захоўваліся ў гэтым тыпе пакарання.

Жыццё ў Візантыі

А як склалася жыццё полацкіх князёў у Візантыі? Імператар Іаан II Комнін, сын якога Аляксей быў жанаты на дачцы Мсціслава Уладзіміравіча Еўпраксіі, даволі гасцінна прыняў полацкіх князёў ды прызначыў ім месца ў войску. Ваенная служба – адзін з галоўных заняткаў эліт таго часу. Полацкія князі ваявалі ў аддзелах імператарскага войска, якое змагалася з новай пагрозай для Візантыі – туркамі-сельджукамі. Мы зусім не маем звестак пра жыццё Ізяславічаў на прасторах Візантыйскай імперыі. Гісторыкамі выказваліся меркаванні, што яны маглі атрымаць тытулу другаснай візантыйскай арыстакратыі і ў адпаведнасці са сваім княскім статусам архонтаў увайсці ў склад правінцыйнай ваеннай арыстакратыі сярэдняга ўзроўня [4, с. 76]. Натуральна, што малодшае пакаленне полацкіх выгнаннікаў атрымала традыцыйнае для візантыйскай ваеннай знаці выхаванне. І калі ў X–XI ст. выхадцы з Усходняй Еўропы складалі ў асноўным варажска-рускі корпус, то з XII ст. яны ўжо ўваходзяць у ваенную эліту імперыі, атрымоўваючы зямельныя надзелы і паступова зліваючыся з візантыйскай знаццю. А XII ст. стала стагоддзем улады ваеннай правінцыйнай знаці ў Візантыі.

Што тычыцца кіеўскай улады, то, нарэшце, Мсціслаў Уладзіміравіч атрымаў свабоду дзеянняў у Полацкай зямлі. У самім Полацку быў пастаўлены сын Мсціслава Ізяслаў, актыўны ўдзельнік паходу 1127 г. У іншыя гарады і ўдзелы таксама былі разасланыя прадстаўнікі Кіева. Больш таго, Мсціслаў пачаў ажыццяўляць паходы і на даннікаў Полацкай зямлі, найперш, на Літву, як гэта здарылася ў 1132 г.

Два княжычы

Сасланыя ў 1129 г. у Візантыю князі Полацкай зямлі, як мяркуецца, знайшлі свае нішы сярод сярэдняга эшалону вайскавай эліты Імперыі. Магчыма, да ліку полацкіх княскіх мігрантаў належала і княгіня Ксенія Брачыславаўна, пахаваная ў царкве Данііла Столпніка ў Македоніі – гэтае месца ў самым пачатку XIII аглядаў будучы архіепіскап Наўгародскі і свяціцель Антоні [14, стлб. 177; 3, с. 33]. Трэба адзначыць, што ў XII ст. у Візантыі змяніліся адносіны да чужаземцаў на ваеннай службе – да іх

сталі ставіцца ў грамадстве больш ляяльна і цяпміма, выхадцы з Русі, Балгарыі і Сербіі пачалі займаць значныя пасады ў імператарскім войску.

Звесткі пра лёс нашых князёў губляюцца на старонках асобных летапісаў і мы не зможам хоць неяк поўна рэканструяваць іх жыццё як у Візантыі, так і абставіны вяртання – а яно адбылося, прынамсі, часткі князёў. Пад 1139 г. – праз дзесяць гадоў пасля ссылкі, летапісы паведамляюць, што «вярнуліся з Царграду два [полацкія] княжычы» («взидоста княжича два ись Црѣгорода») [12, с. 303]. Гэты звесткі пакінуў нам ігумен Выдубіцкага манастыра пад Кіевам Майсей, які каля 1200 г. упарадкаваў летапісныя звесткі, складзеныя пры княскіх дварах розных зямель Русі. Вынікам дзейнасці Майсея стаў Кіеўскі летапіс, які працягвае «Аповесць мінулых часоў» і папярэднічае Галіцка-Валынскаму летапісу.

Але чаму полацкія княжычы вярнуліся менавіта ў 1139 г.? Іх галоўны ганіцель, кіеўскі князь Мсціслаў Уладзіміравіч памёр яшчэ ж у 1132 г. А ў 1139 г. кіеўскі стол як раз заняў Усевалад Ольгавіч – сын іншага выгнанца ў Візантыю Алега Святаславіча. Яшчэ ў 1079 г. хазары, верагодна з санкцыі візантыйскага імператара і кіеўскага князя Усевалада, схапілі Алега ў Цмутаракані – княстве на Таманьскай паўвыспе, – ды вывезлі яго ў Канстанцінопаль. Пасля бунту п’яных рускіх наймітаў князя-выгнанца саслалі яшчэ далей – на выспу Родас. Там ён ажаніўся на грэцкай патрыцыянке Феафаніі Музалон, а ўжо праз два гады, у 1083 г., атрымаў дазвол вярнуцца ў Цмутаракань. У «Слове пра паход Ігаравы» Алег Святаславіч вядомы як Гарыславіч.

Новы, з 1139 г., вялікі кіеўскі князь Усевалад Ольгавіч і быў старэйшым сынам Алега і Феафаніі. Ён добра ведаў сямейную гісторыю выгнання, і, апроч таго, быў у блізкіх зносінах з Канстанцінопальскім дваром. Фактычна, на канец XI ст. прыпадаюць саюзныя адносіны паміж Комнінамі – новай імператарскай дынастыяй у Візантыі, і Ольгавічамі, які пачалі браць рэванш у Кіеве і Чарнігаве. Менавіта таму гісторыкамі выказваецца думка, што полацкія княжычы з’явіліся, ці маглі з’явіцца на Русі дзеля патрымкі новага кіеўскага князя Усевалада Ольгавіча [4, с. 76–84]. Такім чынам, вяртанне новага пакалення полацкіх князёў стала магчымым дзякуючы палітыка-дыпламатычнай візантыйска-рускай камбінацыі паміж Канстанцінопалем і Кіевам. Мяркуюцца, што два княжычы былі толькі першымі веснікамі – пазней за імі ў Полацкую зямлю маглі вярнуцца і іншыя прадстаўнікі роду. Пэўна, што вярнуліся не ўсе – частка князёў магла застацца працягваць сваю вайсковую кар’еру ў найбліскачай імперыі таго часу.

Але імёны княжычаў-вяртанцаў мы даведваемся з яшчэ больш позняга летапісу і на гэтым сюжэце нам прыйдзеца трохі спыніцца асобна.

«Віленская легенда»

Гэтыя імёны паведамляе нам помнік маскоўскага летапісання XVI ст. Уваскрасенскі летапіс: Давіл і Маўкольд («Давил и Мавколд»). Застаецца не да канца зразумелым паходжанне імёнаў гэтых князёў, выглядае, што для іх утварэння былі ўзяты біблейскія і англасаксонскія ўзоры, што, увогуле, магло адпавядаць традыцыям рускіх князёў. Але не адпавядае традыцыям полацкіх князёў.

Уваскрасенскі летапіс у агульных рысах пераказвае гісторыю візантыйскага выгнання полацкіх князёў і далей паведамляе рэчы, якія выбіваюцца з агульнай храналогіі – пераскокваюць са стагоддзя XII ў XIII. Паводле летапісу, Давіл і Маўкольд былі сынамі князя Расціслава Усяславіча (названага ў летапісу Рагвалодавічам), князя Лукомльскага. А вось далей пачынаюцца амаль сенсацыйныя рэчы – у сваю чаргу, у Маўкольда быў сын Міндоўг, а ў Давіла – сыны Від і Гердзень, што выводзяцца летапісам як продкі Гедымінавічаў [13, с. 253–254]. Такім чынам, ствараецца версія полацкай генеалогіі вялікіх князёў літоўскіх. Паводле Уваскрасенскага летапісу Давіл і Маўкольд былі запрошаныя вільнянамі на стол, то бок сталі віленскімі князямі:

«Глава 12. Начало государей Литовскихъ. Въ лето 6637. Прииде на Полотцкіе князи на Рогволодовичи князь великій Мъстиславъ Володимировичъ Манамашъ, и Полтескъ взялъ, а Рогволодовичи забежали въ Царьградъ. Литва въ ту пору дань даяше княземъ Полотцкымъ, а владома своими гедманъ: а города Литовськіе тогда, иже суть ныне за кралемъ, обладаны князми Киевскими, иные Черниговскими, иные Смоленскими, иные Полотцкими. И отголе Вильня приложися дань дати королю Угорьскому за страхованіе великого князя Мъстислава Володимировича, и Вильняне взяша себе изъ Царяграда князя Полотцкого Ростислава Рогволодовича детей, Давила князя да брата его Мовколда князя, и той на Вильне пръвый князь Давиль, братъ Мовколдовъ болшой; а дети его: Видъ, его же люди волкомъ звали, да Ерденъ князь. А Ерденевъ сынъ крестился, былъ владыко во Тфери, которой на Петра на чудотворца волненіе учинилъ, звали его Андреем, писалъ на чудотворца лживые словеса. А у Мовколда князя сынъ Миндовгъ; а у Миндовга князя дети Вышлегъ да Домантъ. Того же Вышлега избра Господь поборника по правой вере; и иде въ гору въ Синайскую отъ отца своего, и позна веру христіанскую, и крестился во имя Отца и Сына и святого

Духа, и научися святымъ книгамъ,, и пострижеса во мнишескый чинъ во Святой горе; и пребывъ во Святой горе три лета, и поиде в землю свою, и прииде изъ Синайскіе горы ко отцю своему къ Миндовгу, и монастырь себе созда».

У свой час яшчэ Мікола Ермаловіч выказваў здзіўленне з нагоды імёнаў гэтых полацкіх князёў – «нетыповых і нетрадыцыйных для полацкай дынастыі». Але беларускі аўтар прызнаваў сапраўднасць гэтых звестак і ішоў далей, сцвярджаючы, што з 70-х гадоў XI ст. (ад князя Расціслава) можна гаварыць аб існаванні Віленскага ўдзела ў Полацкім княстве [2, с. 135–136; 5, с. 140]. Ранняя гісторыя Вільні сапраўды патрабуе больш пільнага аналізу, з улікам найноўшых археалагічных дадзеных. Але разважаючы пра «віленскую легенду» полацкіх князёў, варта прыгадаць гісторыю паходжання самога Уваскрасенскага летапісу.

Летапіс, вядомы нам як Уваскрасенскі, уяўляе сабою летапісны звод XVI ст. Гэта значыць, што ва Уваскрасенскі летапіс былі зведзены іншыя летапісы, фрагменты з іх, і адпаведным чынам адрэдагаваныя. Рэдагаванне гэтае адбывалася ў інтарэсах вялікіх князёў маскоўскіх [8, с. 375–379; 6, с. 165–239; 7, с. 689–705; 16, с. 39–42]. Назва ж летапісу паходзіць ад Уваскрасенскага манастыра ў Новым Ерусаліме пад Масквой, дзе і захоўваўся рукапіс.

Такім чынам, у стварэнні «віленскай легенды» полацкіх князёў мы бачым ранні этап фармулявання дынастычных і тэрытарыяльных прэтэзій маскоўскіх уладароў на ўсю полацкую і літоўскую спадчыну. Хоць за гэтай легендай стаяць рэальныя падзеі, звязаныя з вяртаннем прадстаўнікоў полацкага княскага дому з выгнання.

Блуканні полацкіх князёў не скончыліся ў XII ст. У XVI ст. мы знаходзім новыя інтэрпрэтацыі факта іх высылкі. Сёння ж гісторыкі працягваюць спрачацца пра пра прававое і палітычнае значэнне іх пакарэння.

Спіс літаратуры

1. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля: Очерки истории северной Белоруссии в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев. – Москва: Наука, 1966. – 295 с.
2. Ермаловіч, М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М. Ермаловіч. – Мінск: Беллітфонд, 2003. – 448 с.
3. Каждан, А. П. Славяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. / А. П. Каждан // Славяне и Россия. К 70-летию со дня рождения С. А. Никитина. – М.: Наука, 1972. – С. 32–40.
4. Кашляк, С. Г. Полоцкие князья в Византии XII в. (к вопросу об элите византийской империи эпохи Комнинов) / С. Г. Кашляк // Материалы за 4-а

международна научна практична конференция, «Научно пространство на Европа». – 2008. – Т. 17. Филологични науки. История / редкол.: М. Т. Петков (редактор). – София: «БялГРАД-БГ» ООД, 2008. – С. 76–84.

5. Краўцэвіч, А. Па слядах Міколы Ермаловіча / А. Краўцэвіч // Гістарычны Альманах. 2000. – Т. 3. – С.137–143.

6. Лаптев, В. В. Воскресенская летопись / В. В. Лаптев // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. – 1955. – Т. 102. – С. 165–239.

7. Левина, С. А. К изучению Воскресенской летописи / С. А. Левина // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. – М.-Л., 1957. – Т. 12. – С. 689–705.

8. Левина, С. А. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI в. / С. А. Левина // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. – М.-Л., 1955. – Т.11. – С. 375–379.

9. Лукин, П. В. «Поточи Мьстиславь Полоцкий князь». Об одной из форм наказания в Древней Руси / П. В. Лукин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2007. – № 1(27). – С. 20–35.

10. Ляўко, В. М. Смаленска-Полацкае памежжа ў Верхнім Падняпроўі (па археалагічных і пісьмовых крыніцах) / В. М. Ляўко // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 1997. – № 12. – С. 172–180.

11. Полное собрание русских летописей / под ред. И. Ф. Карского. – 2-е изд. – Вып. 1. – Т. I. Лаврентьевская летопись. – Л., 1926.

12. Полное собрание русских летописей. — СПб., 1908. – Т. II. Ипатьевская летопись.

13. Полное собрание русских летописей. – СПб., 1859. – Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. – 301 с.

14. Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия / С предисл. и примеч. П.И. Савваитова. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1872. – 198 стлб.

15. Рукавишников, А. В. Почему полоцкие князья были сосланы в Византию: свидетельства источников / А. В. Рукавишников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2003. – № 2(12). – С. 99–111.

16. Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д. С. Лихачев. – Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). – Часть 2: Л–Я. – Ленинград: Наука, 1989. – 528 с.

17. Татищев, В. Н. Собрание сочинений: в 8 т. / В. Н. Татищев – М.-Л.: Наука, 1963. – Т. 2. – 352 с.

18. Шахматов, А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах / А. А. Шахматов. – СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. – XX, 687 с.

ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В РАННИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРУДАХ (ДО НАЧАЛА XIX в.)

К настоящему времени не возникает сомнений относительно непосредственного воздействия на то или иное понимание ключевых исторических проблем общей ситуации, складывающейся в период научного творчества ученых. Как не был свободен от «страстей» своей эпохи древнерусский летописец, так и стоявшие у истоков российской исторической науки ученые проецировали на значительно удаленные от них времена современные им реалии, пытались на историческом материале обосновать актуальные для современной им ситуации идеи. В этой связи значительный интерес представляет осмысление проблемы образования Древнерусского государства в первых исторических трудах, стоявших ближе к описываемому периоду, но в гораздо большей степени, чем в настоящее время, подверженных идеологическому воздействию и чисто конъюнктурной мифологизации. Для определенных этапов российской историографии выбранная проблема оказывалась в центре ученых споров и общественного обсуждения; проводились прямые аналогии между государственным строительством в прошлом и в настоящем. Не утратила своей актуальности проблема образования первого восточнославянского государства и в наши дни, как никогда остро стоит вопрос об ареале зарождения государственности – на севере или на юге будущей Руси, по новому расставляются акценты в оценке значения внутренних и внешних факторов политогенеза.

Осмысление проблемы образования Древнерусского государства и тесно с ней связанных вопросов о генезисе института верховной (княжеской) власти обнаруживаем уже в первых восточнославянских исторических сочинениях. В этом отношении весьма показательным обращением составителя так называемого Начального свода (его создание около 1095 г. предположил А.А. Шахматов; частично дошел до нас в составе Новгородской первой летописи младшего извода) [31, с. 16–17] к читателю, в котором коротко обозначено содержание начатого труда: «летописание князей и земля Руския, и како избра богъ страну нашу на последнее время, и грады почаша бывати по местом». Далее летописец утверждает, что собирается рассказать о «начале Русьския земля

и о князехъ, како откуду быша», «како быша древнии князи и мужие ихъ, и како отбараху Руския земле, и ины страны придаху под ся» [16, с. 103–104]. Именно в этих конкретных явлениях – возникновении правящей династии, строительстве городов, формировании территории – видел образованный человек конца XI в. признаки государства. Между тем в Новгородской первой летописи младшего извода, составление которой относится к значительно более позднему времени (около середины XV в.), в Начальный свод было внесено весьма показательное противоречие, разрешение которого остается актуальным и в наши дни. Формально начало Русской земли летописец относил к повествованию о Киеве, однако утверждал о происхождении Руси в Новгороде [17, с. 61] (после рассказа о призвании варяжский князей летописец записал: «И от тех Варягъ, находникъ техъ, прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска») [16, с. 106]. Летописец настаивает на том, что именно в Новгороде появляются первые русские (изначально, варяжские) князья, поэтому «преже» была Новгородская волость и только потом Киевская.

В древнейшем сохранившемся (правда, в составе других летописных сводов) древнерусском нарративе – «Повести временных лет» – уже в первых строках сформулирована важнейшая задача, которую предстояло решать автору этого уникального произведения, а именно: выяснить, «откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть» [18, с. 7]. Наиболее принципиальное отличие труда Нестора заключается в стремлении более аргументированно обосновать легитимность власти правящей в Киеве династии. Значительное внимание уделил летописец происхождению восточных славян, включив этногенез русов в библейский контекст. Тем самым сами русы были выведены на арену всемирной истории. Что касается появления в Русской земле верховной власти (с чем необходимо связывать в представлении средневекового «интеллектуала» формирование института государства)¹, в ПВЛ, в отличие от версии Начального свода, изначально важнейшее значение отдается Киеву. Легендарный основатель Киева – Кий – наделяется княжеским достоинством (чего нет в Новгородской первой летописи младшего извода и, видимо, не было в Начальном своде). Убийство же обосновавшихся в Киеве Аскольда и Дира позволило Олегу, выступавшему регентом при малолетнем сыне Рюрика Игоре (согласно НПЛ, к этому времени вполне дееспособному),

¹ П. П. Толочко в заслугу Нестора ставит понимание «органической взаимосвязи» происхождения Русской земли и появления княжеской власти, их обусловленности внутренним развитием восточнославянского общества [28, с. 58].

стать легитимным правителем того политического образования, которое теперь принято называть Древнерусским государством. Тем не менее, не Кий, а именно Олег назван в ПВЛ первым «историческим» киевским князем. Сама фигура фольклорного Кия, не оставившего наследников, понадобилась летописцу для обоснования законности претензий на власть потомков Рюрика, что было важно, поскольку киевляне во времена составления летописи еще помнили могилы князей Аскольда и Дира [17, с. 74, 82]. Само появление Русской земли у Нестора вписано в библейскую конструкцию обретения народом родины. Так обретают свою родину славяне, а затем русы.

В историографии нет единого мнения о цели создания Повести временных лет, как, впрочем, летописных произведений в целом. Высказано мнение, что начало древнерусского летописания необходимо связывать с открытием митрополичьей кафедры в Киеве, для чего был подготовлен «очерк исторических судеб этого молодого политического образования». Составление подобных «очерков» соответствовало обычаю византийской церковной администрации при открытии новой кафедры составлять «записку исторического характера о причинах, месте и лицах этого события для делопроизводства патриаршего синода в Константинополе» [19, с. 61]. Возникновение летописания на Руси связывали также с проявлением народного самосознания. Создание древнейшего летописного свода в конце 30-х гг. XI в. рассматривалось как идеологическое обоснование стремления Руси к церковной и политической независимости от Византии [5, с. 45, 46]². Однако это не объясняет продолжение летописания в последующие столетия, в том числе и появление местного летописания. Разрешая эту проблему крупнейший исследователь древнерусского летописания Д.С. Лихачев, сводил создание новых летописных произведений к различным событиям в истории древнерусских земель: вокняжению того или иного князя, учреждению епископства или архиепископства, присоединением какого-либо княжества или его части, постройкой соборного храма и т. д. [8, с. 52]. Современный исследователь Т.В. Гимон видит в летописях самостоятельный юридический документ, который создавался для фиксации прецедентов, служащих для подтверждения тех или иных прав участников политического процесса (прежде всего, князей-Рюрикови-

² То же у Д. С. Лихачева, который считал, что борьба Руси за свою самостоятельность охватывала все области духовной жизни Древнерусского государства, причем «печатью этой борьбы были отмечены и литературные произведения этой поры». «Летопись была также в основном направлена против византийских притязаний и защищала идею равноправия народов» [9, с. 48, 58].

чей) [3, с. 10]. Представляется, что начало ведения погодных записей, которым предшествовало решение проблемы включенности восточного славянства в мировой исторический процесс, было вызвано в том числе необходимостью обоснования достойного места Древней Руси в политической структуре европейских государств, с которыми наладились тесные разносторонние взаимоотношения.

Как бы то ни было, на несколько столетий Повесть временных лет легла в основу повествования о начале Русской земли и первых веках ее истории большинства летописных сводов Древней Руси. Значительное влияние оказал этот литературный памятник и на осмысление истории славянства в Центральной Европе.

В Средневековье проблемы этногенеза и политогенеза оказывались неразрывно связанными и решались посредством этногенетических преданий. При этом первые славянские историографы для выяснения истоков своих государств обращались к языческой мифопоэтической традиции, которая в новых условиях уже вполне сложившейся государственности и торжества христианского мировоззрения подвергалась «реинтерпретации» и «демифологизации». В результате происходила «историизация» ситуаций и персонажей. Для верификации предлагаемых читателям сведений, полученных из устной традиции, часто использовались примеры и аналогии в авторитетных священных текстах и литературной традиции Византии и античности [33, с. 185–186]. В этой связи значительный интерес представляет появление в чешской, затем в польской историографии с XV в. представления об особом месте славянского мира в период античности. Эта идея в соответствии с тогдашними способами верификации данных нашла воплощение в грамоте, якобы выданной Александром Македонским славянам за то, что те «всегда надежно помогали, искренни в верности и в бою решительны были». Согласно этому документу, славянам «на вечные времена» были пожалованы земли «от севера до пределов Италии на юге» [4, с. 50]. Созданная в первой половине XV в. «грамота Александра Македонского» со временем стала основанием для создания более подробной картины возникновения отдельных славянских государств. Так, польский автор Оржеховский в своем труде, написанном в середине XVI в., пересказал текст грамоты, добавив в него существенные новации. Под пером Оржеховского получалось, что славяне обрели обширные территории в Европейской Сарматии за то, что под началом трех полководцев Александра Македонского одержали победу над скифами. Звали этих полководцев Чех, Лех и Роксолан, именно они и стали основателями трех

славянских государств – Чехии, Польши и России (Руси) [15, с. 54–55]. Таким образом, реалии образования эллинистических государств диадохами Александра Македонского были перенесены на объяснение возникновения славянских государств.

Общая идея «грамоты Александра Македонского» была подхвачена русскими авторами. Так, в получившем широкое распространение в России в XVII в. «Сказании о Словене и Русе» (предполагаемый автор – основатель сибирского летописания митрополит Киприан) с идеей «грамоты» были соединены идея древности «славянорусского народа» и мотив прародителей разных народов, потомков Ноя [17, с. 15]. Автор «Сказания», безусловно, хорошо знакомый с текстами и ПВЛ, и НПЛ, заимствовал из них ряд сюжетов и имен. Обозначение в Начальной летописи территории Северного Причерноморья Великой Скифией, где расселились славяне – потомки Иафета, дало основание отнести прародителей народов Восточной Европы – братьев Словена, Руса, Болгара, Комана и Истера – к роду Скифа, правнука Иафета. Князя Словен и Рус, согласно «Сказанию», называются предками русского народа. В 2409 г. до н. э. (в оригинале – в 3099 г. от сотворения мира) из-за возникшей усобицы они со своими родами в поисках новых земель ушли с берегов Черного моря, через 14 лет вышли к озеру Ильмень (названо по имени сестры Слована и Руса), где Словеном был основан Словенск (позднейший Новгород), а Русом – Руса (Старая Русса). Со временем потомки Словена и Руса покорили обширные пространства севера Восточной Европы до Ледовитого океана и Урала, а вместе с сородичами – болгарями и скифами – стали контролировать земли до Дуная. Им-то и пожаловал Александр Македонский территории «от моря Варяжского до моря Хвалимского». Согласно «Сказанию», Словенск дважды приходил в запустение и дважды возрождался славянами, приходившими с Дуная вместе с сородичами – болгарями и скифами. После второго восстановления Словенска его «старейшиной и князем» стал Гостомysl – персонаж, заимствованный из «Сказания о князьях Владимирских» и не имеющий никакой связи с исторической действительностью. Далее, продолжая соединять элементы исторических повествований и литературный вымысел [23, с. 89], автор «Сказания о Словене и Русе» рассказывает (в соответствии с сюжетной линией «Сказания о князьях Владимирских»), что не оставивший наследников Гостомysl советует новгородцам пригласить из Прусской земли самодержцев «от рода Августова». В итоге на севере Руси появляется «курфистр или князь великий» Рюрик [2, с. 444–445]. Таким образом, «Сказание о Словене

и Русе» центр формирования восточнославянской государственности, как и прародины славян в целом, переносит на север Руси – в Новгород. В этом заключается важнейшее отличие версии истоков древнерусской государственности, предлагаемое преданием о Словене и Русе, от версии Повести временных лет. Показательно также, что «Сказание» не разделяет развитие восточнославянской государственности на отдельные этапы, напрямую относя истоки Российского государства к IX в. Рассмотренный набор этногенетических преданий был воспринят множеством исторических произведений в России XVII в. – летописями и Хронографами. Через т.н. Иоакимовскую летопись (ее существование подвергается сомнению) [27, с. 196–245] предание о Словене и Русе попало и в «Историю Российскую» В. Н. Татищева [12, с. 43].

Искусственность преданий о происхождении русского этноса и государства понимали и в XVII в. Известный писатель и энциклопедист хорватского происхождения Юрий Крижанич в 1660-е гг. в своем трактате «Политика» обратил внимание на «басни», которые «были выдуманы и вписаны в народную историю». К числу этих «басен» Крижанич относил скифское происхождение «славянского народа» и «письменные привилегии или жалованные грамоты» Александра славянам. Подвергал сомнению хорватский книжник и сам факт приглашения по предложению Гостомысла правителей из «Прусской земли», и происхождение правящей на Руси династии «из рода Августа». Крижанич приводил логичные аргументы в доказательство «лживости» этих преданий (как, например, отсутствие известий о славянах во времена Александра Македонского или бездетность Августа, а также невозможность обнаружить в Пруссии во времена «около восьмисотого года от рождения Христова» римлян, курфюрстов и вообще немцев), наносящих только вред престижу российского царя и государства, сам же предлагал «следовать истине», а именно: славянский (русский) язык был создан богом одновременно с другими языками при их разделении (надо полагать, после «вавилонского столпотворения»), тогда же жил «наш праотец» Словен, от которого и произошли славяне, его же потомком являлся и «король Владимир» [7, с. 622–627]. Однако эта упрощенная библейская трактовка славянского этногенеза и политогенеза не была воспринята современниками и не оказала существенного влияния на историографию.

Значительно большее распространение с последней четверти XVII в. получила версия происхождения русской государственности, изложенная в т.н. Синописе («Синопис, или Краткое описание о начале русского народа», иначе: «Киевский Синопис»). Синопис, опублико-

ванный в Киеве в 1674 г. (это было первое отпечатанное в типографии сочинение по восточнославянской истории), вобрал в себя множество мифов, зародившихся как в Восточной, так и в Центральной Европе, в Высоком и Позднем средневековье. Автор Синописа (предполагают, что им был архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель) во многих случаях был знаком с историей Древнерусского государства через польское посредничество. Так, основным источником Синописа по древнейшему периоду русской истории были не древнерусские летописи, а «Хроника польская, литовская, жмудская и русская» Матея Стрыйковского. Имеющиеся ссылки указывают также на использование автором польских хроник Яна Длугоша, Мартина Кромера, «Трактата о двух Сарматиях» Матвея из Мехова, но обратил он на них внимание только благодаря хронике Матея Стрыйковского [29, с. 128–129].

Синописис был составлен в совершенно новых условиях, когда Киев находился под властью российского царя. Синописис, с его идеей вечного единства славянороссов, мог послужить идеологическим обоснованием объединения Москвой всех восточнославянских земель. Однако авторы польских источников ставили перед собой противоположную задачу – найти доказательства «исторического права» Польши на главенство в Восточной Европе, прежде всего, в Среднем Поднепровье, когда-то населенного полянами (у Яна Длугоша отождествляются с поляками). Подчиненное положение восточных славян призваны были продемонстрировать и этногенетические предания: легендарный родоначальник восточных славян Рус назывался потомком Леха, родоначальника поляков [34, с. 219; 23, с. 68]. В Синописисе этногенез славян был представлен иначе, хотя и с опорой на польскую традицию. Прародителем славяноросского – московского народа провозглашался библейский Мосох, «шестой сын Афетов, внук Ноев». Со своим племенем через 131 год после потопа он переселился на территорию севернее Черного моря. Со временем отсюда вышли все славянские народы [13, с. 59]. Отсутствие к тому времени (последняя четверть XVII в.) разработок в областях сравнительного языкознания и исторической географии Восточной Европы обусловили крайне примитивные и ошибочные представления автора Синописиса об этногенезе славян. Созвучие имени Мосох и топонима Москва стало основанием для обнаружения непосредственной связи между ними. Сарматское же племя роксоланы («аки бы Росси и Аланы») связывалось с россами – ранними славянами (русскими) [13, с. 56–57]. В данном случае Синописис учитывал и польскую традицию происхождения части славян (поляков) от сарматов.

Место публикации Синописа, как и его предполагаемый автор, предопределили значительное внимание к древней столице Руси – Киеву. В Синописе были пространно изложены летописные легенды о благословении Андреем Первозванным киевских гор, о поселении на них «российских князей» Кия, Щека и Хорева со «Славяны великими и зело храбрыми народы». Назван и точный год основания Киева – 431-й [13, с. 64]. Казалось бы, что Киев должен быть поставлен в центре развития «славяноросской» государственности, но автор Синописа строго следует информации своих источников. В этом состоял важнейший методологический прием Иннокентия Гизеля (предполагаемого автора): он старательно компилировал данные имевшихся у него под рукой источников, в некоторых случаях искусственно дополняя их новыми подробностями, чтобы примирить противоречия. Тем не менее в ряде мест сохранились нестыковки и явные недоразумения. В этой связи наряду с Киевом центром формирования верховной власти (а значит и государственности) называется Новгород Великий. Именно сюда другие (не киевские) россы по совету Гостомысла призвали варяжских князей Рюрика, Синеуса и Трувора. Эти «российские» князья происходили из варягов, которые «языка Славенска бяху», но «приидоша на прошение Россов» они «от Немец» [13, с. 68]. Так автор Синописа совершенно неудачно привлек и данные «Сказания о князьях Владимирских». Из польских источников (информация Длугоша [34, с. 226], но заимствована у Стрыйковского) автор Синописа принял как данность, что киевские князья Аскольд и Дир являются потомками Кия, но в ПВЛ это «бояре» Рюрика. В Синописе причудливым образом были оставлены обе версии: у Рюрика было два «нарочита мужа», о которых известно, что они происходили от киевского князя Кия. Они отпросились у Рюрика пойти «ко Цариграду», почему-то «с роды своими», по дороге обнаружили Киев и «седоша в нем и совокупивше мнои Варяги» [13, с. 70]. В описании дальнейших событий автор Синописа в основном следует ПВЛ. После смерти Рюрика Олег захватил Киев и стал «владети» «всеми Российскими Княжествами». Убийство Аскольда и Дири привело к тому, что «скончася наследие свойственных Князей Российских Киевских» и началось правление варяжской династии [13, с. 71].

Таким образом, Синопис почти не внес ничего существенного по сравнению со своими источниками. Между тем очевидно одно принципиальное новшество, которое всегда привлекало патриотически настроенных россиян и в XVIII, и в XIX в. Значительно удревняли истоки и русского этноса, и русской государственности. Ключевые со-

бытия формирования верховной власти в восточнославянском регионе оказывались простой переменной власти. Синописис простейшим образом устранял важнейшую проблему первоначального очага зарождения восточнославянской государственности. Киев и Новгород (к их числу нужно добавить и Москву) представлялись вторичными центрами, поскольку зарождение и этноса, и государства «славянороссов» относилось к значительно более раннему времени.

Безусловно, содержание рассмотренного произведения ближе к мифу, чем к научному исследованию, крайне посредственны были его литературные достоинства, однако на протяжении значительного времени (даже до середины XIX в.) оно пользовалось невиданной популярностью, несмотря на появление более качественных и с научной, и с литературной точки зрения работ. Киевский Синописис неоднократно переиздается (как никакой другой исторический труд!), несколько изданий (не менее восьми, последнее в 1810 г.) осуществила даже российская Академия наук. За это время появились труды В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, М. Н. Карамзина, когда в 1861 г. готовилось очередное переиздание Синописиса уже был напечатан одиннадцатый том «Истории России» С. М. Соловьева, доведенный до периода, которым заканчивался Синописис [29, с. 132–133]. На протяжении всего XVIII в. и несколько позднее Синописис оставался учебником по русской истории. Ряд прогрессивно мыслящих людей России высоко рекомендовали этот труд как ценнейший источник сведений по отечественной истории. Заинтересовавшийся этим феноменом российский ученый А. А. Формозов находит его причины в доверии к произведениям на церковнославянском языке, которые рассматривались как нечто, не подлежащее обсуждению и проверке; у читателей большим спросом пользовались мифы панегирического толка, чем скучный перечень бесславных событий; не «пятна на одежде российского тела», а рассказы, в которых их предки причисляются к древнейшим народам земли, преисполненными величия и приобретшими громкую славу за то, что многократно побивали своих недругов, – вот что предпочитала читательская аудитория [29, с. 137–139, 145].

Как бы то ни было, Синописис оказал серьезное воздействие на осмысление проблемы образования Древнерусского государства в нарождающейся российской исторической науке.

Закономерно исследование проблемы ранней истории восточных славян началось в России с изучения источников. Приглашенные Петром I немецкие ученые Г. З. Байер и Г. Ф. Миллер обратились к древне-

русским летописям, а также к иностранным свидетельствам о раннем периоде Руси, в которых нашли свидетельства значительного присутствия скандинавов в начале ее датированной истории. Готлиб (Теофил) Зигфрид Байер был известен как знаток скандинавских, классических и восточных языков, хотя по-русски не знал ни слова. Презируя русскую культуру и ни во что не ставя успехи Российского государства, немецкий ученый считал, что только иностранцам обязана Россия своими достижениями. Известное немецкое засилье в послепетровской России укрепляло приглашенных иностранных специалистов в убеждении в их культуртрегерской миссии и неспособности славян к самостоятельному прогрессивному развитию. Подтверждение тому Г. З. Байер нашел и в древнейшей истории восточных славян. Так зародилась пресловутая норманская теория, борьба между сторонниками и противниками которой долгое время находилась в центре дискуссий о развитии восточнославянской государственности.

К важным преимуществам исследовательской методике Г. З. Байера необходимо отнести его стремление к научности и объективности. Немецкий ученый отказался принимать широко распространенные к тому времени мифы, не выдерживающие никакой критики. Так, Байер, рассматривая предание о призвании варяжских князей, писал, что «баснь» о происхождении Рюрика от Августа, зародившаяся в Позднем средневековье, была «достойна тогдашнего ума». Но в своем стремлении найти скандинавов там, где их не было, Байер, случалось, позволял себе явные натяжки. Позднее М. В. Ломоносов, ведший непримиримую борьбу с последователем Г. З. Байера немецким же ученым Герардом-Фридрихом Миллером, писал: «Последуя своей фантазии, Байер имена великих князей российских перевертывал весьма смешным и непозволительным образом для того, чтобы из них сделать имена скандинавские; так что из Владимира вышел Валдмар, Валтмар и Валмар, из Ольги – Аллогия, из Всеволода – Визавалдур и проч...» [11, с. 31]. Тем не менее, работами Байера было положено начало научному изучению генезиса российской государственности. Из области мифов, произвольно компилируемых в произведениях предшествующего времени, история постепенно переходила в сферу науки с ее критическим осмыслением данных источников, собственной строго объективной и верифицируемой методикой доказательств и отказом от слепого следования за авторитетами.

Становление истории как науки происходило довольно медленно, так что господствовавшие ранее методы и приемы «историописания» некоторое время еще продолжали сохранять свое значение. Так, безуслов-

ным авторитетом пользовались ссылки на Священное писание и в целом тексты, написанные на церковно-славянском языке. Совершенно некритично воспринимались и тексты древнерусских летописей, будто бы донесшие до нас сведения о событиях прошлого, как они происходили в реальности. В этой связи показательным, что летописному стилю изложения подражал в своей «Истории Российской» В. Н. Татищев. В предисловии к этому труду российский историк следующим образом определил свою задачу: «...я не новую и не для увеселения читающих красноречивое сложение сочиняю, но от старых писателей самым их порядком и наречием собирал, как они положили...» [25, с. 86].

Значение «Истории Российской» В. Н. Татищева видят в том, что он подвел итог предшествующему периоду русской историографии и явился переходом к исторической науке, задав направление ее дальнейшему развитию на целое столетие [21, с. 93]. Несмотря на то, что в основной своей части труд В. Н. Татищева представлял собой сводку того летописного материала, который оказался в распоряжении ученого, в ряде случаев он отказывается верить устоявшимся мифам. Так, проведя сравнительное сопоставление летописных сводов, В. Н. Татищев указал, что «в старых хрониках сего, чтоб род Рюриков от прусов и от цесарей римских пошел, нет», предполагая заимствование этого мифа из польско-литовской традиции [25, с. 291, 293]. Библейскую же генеалогию народов ученый оценивал как «баснословную»; «баснями» он признавал и происхождение разных славянских народов от Чеха, Леха и Руса, а сочинителя легенды о братьях Славене, Русе, Болгоре, Комане, Истере и строительстве в середине II тыс. до н. э. на реке Волхове Славенка называл «вралем» [26, с. 83–84].

В. Н. Татищев отказался от стремления вывести имя Руси «от Библии» или «от богов баснословных», предполагая происхождение данного этнонима и хоронима от «чермных волосов», в доказательство чему привел несколько примеров названия народов по цвету. Историк подверг критике и распространенное заблуждение о связи названия Россия с сарматским племенем роксоланы, поскольку начало первого «не прежде, как в конце царства Иоанна II-го и Грозного Макарием митрополитом возставлено» [25, с. 287–288]. Первоначальных варягов, по мнению В. Н. Татищева, необходимо искать в Финляндии, оттуда происходили и приглашенные варяжские князья³. Кроме прочих доводов, историк ссылается на данные Иоакимовской летописи, согласно кото-

³ Идею о финском происхождении первых древнерусских князей позднее развил И. Н. Болтин, что дало основание М. А. Максимовичу говорить о существовании «школы татищево-болтинской – северно-финского происхождения Руси» [30, с. 12].

рой Рюрик был родом из Финляндии и «как сын дочери Гостомыслы по наследию в Руси государем учинился» [25, с. 291]. В то же время, отдавая дань традиции, самих финнов и финно-угорские народы в целом В. Н. Татищев относил к потомкам сарматов [26, с. 65].

В изложении вопроса образования Древнерусского государства В. Н. Татищев продвинулся ненамного дальше своих источников. Однако к числу значительных достижений историка следует отнести игнорирование явно фантастических мифов, приравнивающих славян и русов («славянороссов») по древности с иными европейскими народами и относящих генезис русской государственности к глубокой древности. Собственно историю Руси с оформленной княжеской властью (т. е. государственностью) В. Н. Татищев начинает с IX в., но связывает его не с призванием варягов, а с правлением Гостомысла. Еще до приглашения варяжских князей (по совету того же Гостомысла) у восточных славян сформировалась собственная династия – «колени славянских князей», но со смертью Гостомысла в 860 г. она пресеклась [25, с. 289; 26, с. 102]. Тем самым российский историк сознательно отходит от известного ему мнения о привнесении государственности на Русь от скандинавов-варягов и настаивает на самостоятельном политическом развитии восточных славян. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что В. Н. Татищев связывает начало истории Руси не с территорией Среднего Поднепровья и легендарным князем Кием, а с севером Руси и «малоисторичным» персонажем Гостомыслом (княжившим в «Великом граде, сарматский Гардорики, где ныне Старая Ладога») [26, с. 102]. Стремясь придать аутентичность данному персонажу, появившемуся в новгородском летописании не ранее XV в., В. Н. Татищев неоднократно ссылается на его присутствие в летописях Нестора и Иоакима. Что касается первого, это явное недоразумение: в Повести временных лет нет упоминания о Гостомысле. Проверить же сведения Иоакимовской летописи совершенно проблематично, поскольку, кроме самого историка, по-видимому, никто в руках эту рукопись не держал [27, с. 245]⁴.

Таким образом, в «Истории Российской» В. Н. Татищева представлен более научный взгляд на истоки становления восточнославянской государственности, хотя исследовательская методика и критика источ-

⁴ По мнению М. Б. Свердлова автором Иоакимовской летописи был один из просвещенных людей конца XVII – первой половины XVIII в., хорошо осведомленный в западноевропейской истории. В. Н. Татищев ошибочно посчитал рукопись за древнюю летопись, хотя в действительности она представляла собой часть авторского произведения по российской истории [22, с. 91].

ников были еще очень несовершенны. Труд российского ученого внес два принципиальных новшества: отказ от произвольного удревления славянской и русской истории и перенесение центра политического развития восточных славян на север будущей Руси.

Дальнейшее развитие понимание генезиса восточнославянской государственности в духе норманской теории получило в трудах немецкого ученого Герхарда Фридриха Миллера. Будучи ректором Академического университета и официальным историографом Российского государства Г. Ф. Миллер в 1749 г. по случаю тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны представил в Академию наук речь «О происхождении народа и имени российского». Немецкий ученый задался целью «исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве» [14, с. 15]. Между тем от полной объективности новый труд по российской истории был очень далек. Славяне в нем представлялись как пассивный объект чужих завоеваний, порабощений и «изгнаний», выйти же на широкую историческую дорогу восточные славяне смогли благодаря скандинавам. При этом скандинавские саги для Г. Ф. Миллера были более ценным источником, чем летописи [6, с. 20]. Но именно Повесть временных лет давала наиболее существенные аргументы в пользу норманской теории.

Труд Г. Ф. Миллера содержал несколько важных выводов. Так, немецкий ученый утверждал, что славяне начали расселяться с Дуная не ранее эпохи Юстиниана, т. е. VI в. н. э. Тем самым, были решительно отброшены широко распространенные представления о глубокой древности славян. Вполне закономерно Миллер настаивал на скандинавском происхождении имени «варяг», которое имело не племенное, а «профессиональное» значение. Кроме того, немецкий ученый вернулся к традиции Начальной летописи, отождествляя русь и варягов; однозначно утверждалось, что правящая на Руси княжеская династия имела скандинавское происхождение [17, с. 21]. Что касается славян, Миллер не отрицал возможности их происхождения от роксолан, но последних он считал германцами. Роксоланы связывались с русами и варягами, обитавшими в Пруссии, близ Немана, куда они пришли, очевидно, с территории Швеции. При этом варяжский князь Рюрик представлялся не как призванный защитник Новгородской земли, а как ее завоеватель, узурпатор [30, с. 8]. Эти выводы оказались совершенно несвоевременными в условиях продолжающегося соперничества России со Швецией на Балтийском море и оскорбительными для того поколения российских патриотов, в памяти которого были еще свежи победы над Карлом XII.

Выводы Г. В. Миллера вызвали открытое неприятие в среде русских академиков, прежде всего, М. В. Ломоносова, С. П. Крашенинникова, Н. И. Попова. Защиту русской истории от «посягательств» немцев возглавил всесторонне одаренный русский ученый М. В. Ломоносов. Сочинение Г. Ф. Миллера было воспринято как пасквиль на русскую историю, поскольку в нем «на всякой почти странице русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают...» [11, с. 22]. Весьма резонным был ответ Г. Ф. Миллера: Ломоносов «хочет, чтобы писали только о том, что имеет отношение к славе. Не думает ли он, что от воли историка зависит писать, что ему захочется? Или он не знает, каково различие между диссертацией и панегирической речью?» [11, с. 67].

Между тем современный исследователь М. Б. Свердлов обратил внимание на то обстоятельство, что назначенное на 6 сентября 1749 г. торжественное заседание (совпадало с тезоименитством императрицы Елизаветы Петровны), на которое была назначена защита диссертации Миллера, предполагало соблюдение определенного этикета, свойственного эстетике классицизма, а также традиций абсолютистского государства. Речь на торжественном собрании Академии наук должна была в идеальном образе прославлять императрицу и ее предшественников на российском престоле, историю России и россиян в целом. К тому же следовало учитывать характер аудитории: изложение не должно было быть насыщенным научными разысканиями, чтобы было понятным и людям мало просвещенным [23, с. 549–552]. Миллер со своей научной диссертацией оказался совершенно неуместным.

Дискуссия между двумя, как раз в это время сформировавшимися, лагерями норманистов и антинорманистов продолжалась достаточно долго, заняв 29 заседаний Исторического собрания [30, с. 8]. Между тем М. В. Ломоносов нашел аргументы, находящиеся вне научной плоскости, но оказавшиеся весьма эффективными. Русский академик утверждал, что отвергать информацию отечественного автора Нестора и предпочитать известия иноземцев «весьма неприлично», отрицать исконное заселение русскими Поднепровья – опасный «соблазн» [11, с. 19, 24, 31, 80]. Но более всего «несноснее» было отрицание Миллером (как и Байером) историчности летописного предания о проповеди христианства в Киеве и Новгороде апостолом Андреем Первозванным, между тем орден его имени учредил сам Петр Великий, а православная церковь возвела эту легенду в ранг догмата. Такие аргументы власти не могли проигнорировать. В результате Г. Ф. Миллер был лишен профессорского звания, уволен с поста ректора Академического университета, а его

речь «О происхождении народа и имени российского» (планировалась как диссертация) запрещена к публикации [6, с. 24].

После победы в споре с Г. Ф. Миллером М. В. Ломоносов, назначенный официальным историографом, решил более основательно заняться изучением русской истории, чтобы не оставлять эту область в руках немецких ученых. Не владея должным образом инструментарием историка (позднее ведущие российские историки С. М. Соловьев и В. О. Ключевский единодушно отмечали, что Ломоносов взялся не за свое дело), «химии адъюнкт», академик М. В. Ломоносов крайне тенденциозно отобрал источники, которые должны были служить к славе России. Подготовленный ученым труд «Древняя российская история», который скорее напоминал политическое сочинение, чем исследование, был опубликован уже после смерти автора. При жизни М. В. Ломоносов успел издать сокращенный вариант этого сочинения – «Краткий российский летописец» [6, с. 24].

Информацию о начале Древнерусского (для ученого равнозначно – Российского) государства М. В. Ломоносов в основном почерпнул из Синописа, но посчитал необходимым добавить собственные соображения об этногенезе и политогенезе славян. Российский ученый не скрывал, что его задачей является не получение наиболее объективной картины ранней восточнославянской истории, а действовать так, «как верному сыну отечества надлежит». Стремясь найти истоки славян как можно более глубоко в истории, М. В. Ломоносов вернулся к крайне сомнительному отождествлению россиян с роксоланами. Дальнейшие рассуждения ученого крайне прямолинейны, логичны, но основываются на первоначальном ошибочном тезисе. Роксоланы – это одно из сарматских племен, а значит сарматы и есть славяне («Славяне и Венды вообще суть древние Сарматы») [10, с. 10]. От роксоланов, по мнению М. В. Ломоносова, происходили варяги; вместе с готами («готфами», тоже славянами) они пришли с берегов Черного моря к Балтийскому морю [11, с. 22]. Прямо ссылаясь на Синописис, ученый настаивает на славянском происхождении Рюрика с братьями, пришедших из Пруссии. Пруссы также отнесены к славянам, говорили они на славянском языке, только «через смешение с другими не мало отдалился от своего корени» [10, с. 47]. В позднейшей своей работе М.В. Ломоносов само название Пруссии выводил из имени народа руссов: когда варяги россы ушли из Пруссии «со всем родом» к «славянам новгородским» оставшиеся после них (по ним) жители стали называться Поруссами [10, с. 45–46]. Не понимая происхождения социальной стратификации, М. В. Ломоносов

посредством этногенетических построений объяснял появления правящего слоя на Руси: варяги россы были главным народом среди пруссов, которые от них и получили свое имя [10, с. 45]. Не отрицая призвания варягов, Ломоносов объяснял его необходимостью прекращения внутренних междоусобиц и защиты от внешней опасности. Но с вокняжения Рюрика не начинается «слава россов», т.е. российская государственность – славяне и россы были известны своими подвигами задолго до этого события.

Деление основного исторического труда М. В. Ломоносова на две части, первая из которых называлась «О России прежде Рурика», было вызвано не признанием значимости появления на севере Руси варяжских князей, а скорее полемическим выпадом в сторону немецких ученых: нужно было сделать акцент именно на том, что история России начинается задолго до Рюрика. Таким образом, М. В. Ломоносов вернулся к старой традиции поиска истоков русской (не отделяется от славянской) цивилизации в глубокой древности.

В целом искусственность построений российского ученого в области осмысления начальной славянской истории не позволяет считать их значительным достижением по сравнению с более научными выводами В. Н. Татищева и Г. Ф. Миллера (также вовсе не бесспорными). Между тем, необходимо отметить, что в ряде случаев М. В. Ломоносов делает весьма ценные замечания. Так, ученый высказывает сомнения в достоверности легенд о происхождении Рюрика от Августа, отмечает, что неверно приписывать имя варягов одному народу (они «от разных племен и языков состояли», но далее эта мысль не получила развития) [10, с. 56, 41]. Обращают также внимание на использование М. В. Ломоносовым, хотя и очень ограниченное, археологических материалов [30, с. 10].

Дальнейшее развитие основные идеи главного оппонента М. В. Ломоносова Г. Ф. Миллера получили в работах Августа Людвига Шлёцера. Несомненное преимущество Шлёцера, приглашенного себе в помощники Миллером, но потом разругавшегося со своим патроном, состояло в знании, кроме классических, церковно-славянского языка. Фигура А. Л. Шлёцера стоит у истоков российского источниковедения, прежде всего, летописеведения. Изучение древнерусских летописей убедило немецкого ученого в справедливости выводов его коллег. Вслед за Байером и Миллером Шлёцер категорически отказался искать истоки восточнославянской государственности в глубокой древности и однозначно связал ее начало с деятельностью германцев-норманнов: «Русская история начинается от пришествия Рюрика и основания Русского

царства...» [32, с. 418–419]. Выводы о роли варягов (понимаемых именно как северные германцы) в генезисе восточнославянской государственности, действительно, приобрели обертоны, оскорбительные для русского народа: «Дикие, грубые рассеянные славяне начали делаться людьми только благодаря посредству германцев, которым назначено было судьбою рассеять в северо-западном и северо-восточном мире семена просвещения» [32, с. 178].

А. Л. Шлёцер, вслед за Г. Ф. Миллером, отказывается верить в устоявшиеся мифы (например, о существовании Гостомысла) [32, с. 303–304]. В то же время немецкий историк и филолог не во всем был согласен с мнением своего старшего коллеги Г.Ф. Миллера. Так, он не считал, что слово «русь» употреблялось в Восточной Европе до Рюрика, ранее эта территория не имела никакого общего названия, а получила его от некой части варягов, именуемых руссами [30, с. 13]. Что именно позволяет говорить о начале российской истории и государственности с приходом варяжских князей, А. Л. Шлёцер описывается весьма неконкретно: «перед сею эпохою все покрыто мраком», а после начинается «новый свет» [30, с. 419, 417]. Первый период истории России, в представлении историка, охватывал время с 862 г. до правления Святополка и характеризуется как «рождающийся» (*Nascens*). Таким образом, в противовес традиционному представлению о древнейших истоках русской («славяно-норосской», российской») государственности, в рамках так называемой норманской теории произошло оформление принципиально иного представления об образовании русского (восточнославянского) государства в связи с событием IX в. – приглашением иноплеменных правителей на севере будущей Руси.

Российскую историографию XVIII в. завершает обобщающий труд князя М. М. Щербатова. Заняться русской историей М.М. Щербатова побудили труды Г. Ф. Миллера, у которого он попытался заимствовать методику работы с источниками. Синтез истории, предпринятый видным российским политическим деятелем екатерининской эпохи, воплощенный в его семитомной «Истории Российской от древнейших времен», значительно отличался от «Истории Российской» В. Н. Татищева. Если работа Татищева представляла собой сведение погодных летописных записей, то Щербатов подготовил единый исторический рассказ. В целом это был первый опыт написания единой истории России на конкретном материале [21, с. 137, 144].

В определении начала русской истории (по сути, начала государственности) М. М. Щербатов придерживался компромиссного решения:

важнейшее значение для него имели призвание варяжских князей и крещение Руси Владимиром Святославичем (эта традиция шла от Степенной книги). В то же время в обширном введении к 1-му тому историк старательно перечислил события, которые по его мнению могли быть причислены к «славе славян», происходившие задолго до н. э. При этом без всякой критики смешиваются скифы, сарматы, роксоланы, руны, росы. В процессе развития собственно российской государственности М. М. Щербатов выделял особый новгородский период: первоначально правление в Новгороде было народное (республиканское), но под гнетом варягов. Когда же варяги были изгнаны, был избран посадником Гостомысл. Из-за начавшихся междоусобных войн по совету Гостомысла были приглашены «на царство» варяжские князья. Но новгородцы не дали им неограниченной власти, а только поручили им, «дабы они границы от вражеских нападений защищали». Именно для выполнения этой функции Рюрик построил на границе города. Однако позднее Рюрик приобрел неограниченную власть. Дальнейшие события историк излагает в полном соответствии с версией Повести временных лет. Сын Рюрика, Игорь, называется великим князем, после смерти Олега он вступает в правление уже «всей Россией» [35, с. 189–192, 209].

Показательно, что развитие Среднего Поднепровья оказывается затронутым событиями на севере Руси. В отдельной главе М. М. Щербатов специально остановился на вопросе о происхождении варяжских князей. Историк не присоединился к уже существующим мнениям и предложил свое решение: Рюрик, Синеус и Трувор «пришли на княжение в великий Новгород из Немецкия земли», происходили же они из лифляндских или финляндских королей, которым подчинялась Пруссия. В своих искусственных построениях М. М. Щербатов идет дальше, предполагая, что приглашенные в Новгород князья были сыновьями (или внуками) лифляндского короля Диона. Сыновья Диона в свою очередь женились на дочерях новгородского правителя Гостомысла (в данном случае назван царем) [35, с. 185–187]. Подобные построения были уж очень фантастичными даже для уровня науки второй половины XVIII в. Оппонент М. М. Щербатова И. Н. Болтин попытался вернуться к финской версии происхождения варяжских князей [1, с. 163] (вслед за В. Н. Татищевым), но также не нашел поддержки.

Итак, в XVIII в. было положено начало научному изучению генезиса древнерусской государственности. Для российской историографии данного периода было свойственно тесно связывать появление элементов монархической власти с образованием государства [24, с. 62–63].

Начало монархии большинство русских историков обозначенного периода видело в призвании Рюрика, но при этом четко обозначилось и другое направление в историографии, представители которого обнаруживали зарождение княжеской (даже «царской») власти в более раннее время (в период правления Кия, Аскольда и Дира и даже ранее). Что касается характера верховной власти, в историографии господствовала мысль, что в Древней Руси было «правление монархическое, самодержавное», правда, относительно Новгорода часто делалось исключение [20, с. 204]. Весьма показательно, что авторы XVIII в., касаясь проблемы становления Древнерусского государства (чаще всего подменялось понятием Россия), акцентировали свое внимание на событиях на севере Руси, между тем другой центр политической консолидации восточных славян, как правило, не учитывался. Это было характерно и для норманистов, и для их оппонентов – антинорманистов – двух направлений, сформировавшихся именно в XVIII в. Даже говоря о роксоланах, размещение которых в Северном Причерноморье было трудно оспаривать, некоторые авторы «переселяли» их в Прибалтику.

В целом, в ранних исторических трудах еще отсутствует понимание тесной взаимосвязи социально-экономического и политического развития, совершенно недостаточно учитывается геополитический фактор. Обращает на себя внимание неопределенность самой дефиниции «государство», сводящейся, как правило, к монархической власти. Тем не менее, в отказе от наиболее очевидных мифологем, возникших в период укрепления российской государственности, уже на начальном этапе формирования российской исторической науки следует видеть значительный шаг в осмыслении восточнославянского политогенеза.

Список литературы

1. Болтин, И. Н. Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том Истории князя Щербатова / И. Н. Болтин. – СПб.: Тип. Корпуса чужестранных единоверцев, 1793. – Т. 1. – 352 с.
2. Буланин, Д. М. Сказание о Словене и Русе / Д. М. Буланин, А. А. Турилов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – Вып. 3. XVII в. Ч. 3. П–С. – С. 444–447.
3. Гимон, Т. В. Для чего писались русские летописи? / Т. В. Гимон // Журнал «ФИПП». – М., 1998. – № 1 (2). – С. 8–16.
4. Грамота Александра Великого славянскому языку и чешскому на будущие времена // Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века / А. С. Мильников. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. – С. 50–51.

5. Гудзий, Н. К. История древней русской литературы / Н. К. Гудзий. – Изд. 4-е, перераб. – М.: Учпедгиз, 1950. – 492 с.
6. Клейн, Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон / Л. С. Клейн. – СПб.: Евразия, 2009. – 400 с.
7. Крижанич, Ю. Политика / подгот. к печ. В. В. Зеленин, перевод и комм. А. Л. Гольдберг. – М.: Наука, 1965. – 735 с.
8. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М.: Наука, 1979. – 303 с.
9. Лихачев, Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. – М.; Л.: АН СССР, 1947. – 479 с.
10. Ломоносов, М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого / М. В. Ломоносов. – СПб.: При Импер. Академии наук, 1776. – 140 с.
11. Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений. Т. VI. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. / М. В. Ломоносов. – М.; Л.: АН СССР, 1952. – 689 с.
12. Лурье, Я. С. Россия древняя и Россия новая (избранное) / Я. С. Лурье. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – 407 с.
13. Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674) / предисл. и подгот. текста О. Я. Сапожникова, И. Ю. Сапожниковой. – М.: Европа, 2006. – 248 с.
14. Миллер, Г. Ф. Сочинения по истории России / Г. Ф. Миллер; сост. А. Б. Каменский. – М.: Наука, 1996. – 448 с.
15. Мыльников, А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века / А. С. Мыльников. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. – 320 с.
16. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 568 с.
17. Петрухин, В. Я. Русь в IX–X веках: От призвания варягов до выбора веры / В. Я. Петрухин. – М.: Форум, Неолит, 2013. – 479 с.
18. Повесть временных лет /подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Наука, 1996. – 668 с.
19. Приселков, М. Д. История русского летописания XI–XV вв. / М. Д. Приселков. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 280 с.
20. Пузанов, В. В. К вопросу о княжеской власти и государственном устройстве в Древней Руси в отечественной историографии / В. В. Пузанов // Славяно-русские древности. – Вып. 2. Древняя Русь: новые исследования. – СПб., 1995. – С. 204–210.
21. Рубинштейн, Н. Л. Русская историография / Н. Л. Рубинштейн. – СПб.: СПбГУ, 2008. – 938 с.
22. Свердлов, М. Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской» / М. Б. Свердлов. – СПб.: Европейский Дом, 2009. – 344 с.

23. Свердлов, М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России / М. Б. Свердлов. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 916 с.
24. Свердлов, М. Б. Образование Древнерусского государства (историографические наблюдения) / М. Б. Свердлов // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. – М., 1992. – С. 62–70.
25. Татищев, В. Н. Собрание сочинений: 8-ми т. / В.Н. Татищев. – М.: Ладомир, 1994. – Т. I. История Российская: ч. 1. – 500 с.
26. Татищев, В. Н. Собрание сочинений: 8-ми т. / В.Н. Татищев. – М.: Ладомир, 1995. – Т. IV. История Российская: ч. 2– 556 с.
27. Толочко, А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия / А. П. Толочко. – М.; Киев: НЛЮ, Критика, 2005. – 544 с.
28. Толочко, П. П. Русские летописи и летописцы IX–XIII вв. / П. П. Толочко. – СПб.: Алетей, 2003. – 296 с.
29. Формозов, А. А. Человек и наука: из записей археолога / А. А. Формозов. – М.: Знак, 2005. – 224 с.
30. Хлевов, А. А. Норманская проблема в отечественной исторической науке / А. А. Хлевов. – СПб.: СПбГУ, 1997. – 107 с.
31. Шахматов, А. А. Разыскания о русских летописях / А. А. Шахматов. – М.: Кучково поле, Академический проект, 2001. – 375 с.
32. Шлёцер, А. Л. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Людвигом Шлёцером... / А. Л. Шлёцер; пер. Д. Языкова. – СПб.: Импер. типография, 1809. – Ч. 1. – 475 с.
33. Щавелев, А. С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян / А. С. Щавелев. – М.: Северный паломник, 2007. – 272 с.
34. Щавелева, Н. И. Древняя Русь в «Польской хронике» Яна Длугоша / Н. И. Щавелева. – М.: Памятники исторической мысли, 2004. – Кн. I–IV: Текст, перевод, комментарий– 496 с.
35. Щербатов, М. М. История Российская от древнейших времен / М. М. Щербатов. – СПб.: Импер. Академия наук, 1770. – 398 с.

Шеринёва-Цитильская И. И.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА «СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ» В ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ X–XVI вв.

«Симфония властей» – одна из политико-правовых доктрин эпохи Средневековья, ставшая основой правового регулирования отношений церкви и государства в Византийской империи и других православных государствах. В истории России данная доктрина также сыграла определенную роль в становлении и развитии государственно-церковных отношений. В отличие от других средневековых доктрин, на которых базировалось правовое регулирование государственно-церковных отношений, «симфония властей» пережила Византийскую империю и вот уже несколько столетий владеет умами отечественных историков церкви, канонистов и богословов, для которых выступает в качестве идеальной модели соотношения государства и церкви. Рассмотрению правовых аспектов данной доктрины, ее рецепции в русском средневековом праве посвящена данная статья.

Государственно-церковные отношения можно определить как совокупность отношений, возникающих между церковью и государством в процессе их взаимодействия в ходе общественного развития. В силу своей сущности государственно-церковные отношения не могут быть классифицированы как узко-социальные, т. е. только как политические, экономические, правовые или религиозные отношения, напротив, они представляют собой сложный, многофункциональный объект исследования и регулируются различными социальными нормами: этическими, религиозными, правовыми, экономическими, политическими и иными, вследствие чего изучаются различными отраслями науки. В юридических и исторических исследованиях в целях удобства изучения всей палитры указанных отношений используется классификация типов (моделей) государственно-церковных отношений по различным критериям. Одним из важнейших критериев в классификации типов государственно-церковных отношений выступает правовая доктрина, т. е. совокупность юридических принципов соотношения церкви и государства в обществе [15, с. 3–4; 17, с. 93]. Данный критерий очень удобен, ибо он основывается на устойчивых, неизменяющихся в течение длительных

исторических периодов юридических принципах, позволяющих разграничить типы (модели) государственно-церковных отношений.

В православии такой правовой доктриной выступает «симфония властей», оформившаяся в VI веке. Пальма первенства в создании «симфонии властей» обычно приписывается императору Юстиниану, который в преамбуле к VI новелле, адресованной патриарху Елифанию, утверждал: «Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, – это священство и царство. Первое служит делам божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь... когда священство беспорочно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие (симфония)» [36, с. 424].

Однако вряд ли следует называть родоначальником «симфонии» именно Юстиниана, поскольку как правовые, так и практические основы отношений «священства» и «царства» были заложены гораздо раньше – императором Константином Великим, утвердившим христианство государственной религией Римской империи и заложившим основы самой христианской организации. Именно Константин породил своеобразное «двоевластие», признав права главы церкви с одновременным подчинением его в мирских делах власти императора. Юстинианово законодательство явилось лишь дальнейшим развитием принципов государственно-церковных отношений, провозглашенных императором Константином.

Но зачем же византийскому императору Юстиниану в середине VI в. понадобилось юридически закрепить основные принципы доктрины «симфонии властей», если она и так уже существовала в общественном сознании? Разумеется, данный шаг был продиктован историческими обстоятельствами: Западная римская империя была ликвидирована, на ее обломках возникли «варварские» государства, что подтолкнуло пап Геласия и Симмаха выступить с теорией превосходства церковной власти над светской. Они доказывали, что любой государь должен смиренно выслушивать, что говорят ему священники в делах веры. В этих условиях византийский император напомнил о том, что существует иная концепция соотношения церкви и государства, чтобы опираясь на Православную церковь, бороться с «варварским» Западом с целью объединения развалившейся Западной Римской империи с Восточной под главенством единого императора. Последнее, как полагают византилисты, являлось одним из основных векторов во внешней политике императора Юстиниана [5, с. 261], стремившегося восстановить на просторах «римского мира» единое государство, закон и веру [2, с. 174].

Квинтэссенция «симфонии властей» состояла с одной стороны, в констатации факта существования церкви в качестве отдельного субъекта публичного права, с другой, утверждалось, что и светская власть имеет божественное происхождение и вследствие этого равна духовной власти, а в мирских делах обладает высшей юрисдикцией.

Впоследствии доктрина «симфонии властей» получила дальнейшее развитие. Посредством юридического и богословского толкования ее видоизменяли, приспособлявая к новым условиям жизни государства, общества и церкви. Однако уже в период расцвета Византийской империи «симфония властей» как идеальная модель соотношения светской и духовной властей достаточно быстро разошлась с действительностью, и византийские авторы VIII–XI вв. констатировали: юстинианова «симфония» на практике недостижима. Византийские источники сообщают о различных случаях вторжения императоров в прерогативы патриаршей власти, особенно эта тенденция усилилась в эпоху иконоборчества [32, с. 118–132]. Византийские авторы относились к таким событиям по-разному, но все же смотрели на них как на рядовые явления общественной жизни.

Религиозная основа доктрины «симфонии» за века ее «жизни» изучена в достаточной степени, чего не скажешь о юридической части вопроса. Квинтэссенция доктрины «симфонии властей» состояла с одной стороны, в констатации факта существования церкви в качестве отдельного субъекта публичного права, с другой, утверждалось, что и светская власть имеет божественное происхождение и вследствие этого равна духовной власти, а в мирских делах обладает высшей юрисдикцией. Одним из субъектов государственно-церковных отношений является государство – особый участник правовых отношений, который, как правило, строит свои отношения с другими участниками (физическими, юридическими лицами и публично-правовыми образованиями) на основе власти-подчинения. Церковь в период Средневековья также являлась субъектом публичного права и была наделена некоторыми полномочиями публичной власти. Вследствие этого, рассматривая вопрос о правовом положении церкви как субъекта государственно-церковных отношений, следует говорить не **о соотношении церкви и государства, а о соотношении полномочий власти светской и духовной**, что позволит выявить юридические аспекты государственно-церковных отношений.

Если же рассматривать государственно-церковные отношения периода Средневековья в плоскости взаимодействия власти светской и духовной, то различие между правовыми доктринами, возникшими

в христианских государствах, состояло лишь в одном: **в рамках какого общественного института взаимодействовали власти светская и духовная – в политической системе общества, что исключало их слияние в государственном механизме, или в рамках самого государственного механизма.**

В католицизме взаимодействие светской и духовной власти происходило в рамках политической системы, оно не затрагивало государственного механизма. Очень ярко этот подход прослеживается в доктрине верховенства власти папы над монархами и пришедшей ей на смену теории «двух мечей». Поэтому вектор развития государственно-церковных отношений в католических странах в период Средневековья касался лишь вопроса о том, кто возьмет верх в политической системе – церковь в лице папы или государство в лице светских монархов. Но всегда государство и церковь рассматривались как абсолютно разные субъекты, которые не могут слиться в единый организм.

Православный Восток знал иную традицию – церковь и государство объединялись не в политической системе общества, а непосредственно в рамках государственного механизма. Это отмечал А. Шмеман, утверждавший, что в православной традиции нет проблемы соотношения церкви и государства, а есть проблема соотношения власти светской и духовной в едином государственном организме [40, с. 194].

Юстинианова «симфония властей» как нельзя лучше отразила идею объединения светской и духовной власти в государственном механизме при сохранении относительной самостоятельности патриарха как главы церкви в вопросах религиозных догматов, внутрицерковного управления и руководства духовенством. Все «внешние», мирские вопросы церковной жизни подлежали высшей юрисдикции императора, который осуществлял выбор кандидата в патриархи совместно с собором епископов. В тоже время император не мог официально вступить в должность без формального акта венчания на царство, производимого патриархом.

Юстинианова «симфония властей» отличалась и от возникшей в более позднее время протестантской (лютеранской) доктрины подчинения церкви государству, где также происходило объединение в рамках государственного механизма власти светской и духовной, но с той лишь разницей, что светский монарх являлся главой церкви, и он мог вмешиваться в вопросы религиозных догматов. Протестантские монархи осуществляли и «внешнее» и «внутреннее» управление церковью, которая была полностью подчинена государству. Монарх не является в лютеранстве только лишь «хранителем и блюстителем» религиозных норм, но и

мог выступать их учредителем и преобразователем через издание самостоятельно или с органом представительной и законодательной власти новых религиозных предписаний.

Таким образом, по своей юридической сущности ближе всего к православной «симфонии властей» находится протестантская модель государственно-церковных отношений, их сближает включение церкви в государственный механизм, подчинение светской власти, но пределы вмешательства светской власти в церковные дела в протестантизме отсутствуют. «Симфония властей» четко определяла границы осуществления власти монарха над церковью: он должен был править на основе религиозных норм и быть их хранителем и блюстителем. Доктрина «симфонии властей» играла ведущую роль в ограничении императорской власти в Византии и по идее должна была сыграть такую же роль в становлении монархической власти в России.

Однако даже современная наука в осмыслении юридической сущности «симфонии властей» и ее влияния на развитие государственно-церковных отношений в России допатриаршего, патриаршего и синодального периодов до сих пор находится под давлением авторитета авторов XIX – начала XX в., когда канонисты активно разрабатывали и интерпретировали средневековую византийскую доктрину, исходя из вполне понятных политических задач – обосновать каноничность или наоборот неканоничность синодального порядка управления Русской православной церковью. Этот политический запрос не позволил развить изучение указанной проблемы в юридической плоскости. Туманным до сих пор остается и вопрос о том, когда и как была рецептирована в российском праве данная доктрина, поскольку из исследований можно лишь почерпнуть мнение авторов о том, что «симфония» пришла в русскую политико-правовую культуру одновременно с созданием на Руси церковной организации [19, с. 261–262; 30, с. 114; 34, с. 35]. Но знакомство с какой-либо правовой доктриной еще не означает, что она рецептирована правовой системой России.

Думается, что с рецепцией доктрины «симфонии властей» не все столь просто, и совсем не случайно отсутствуют исследования о начальном этапе ее укоренения в русской правовой культуре. Представляется, что проблема эта не исследована по той причине, что она является частью вопроса о правовой форме отношений Древнерусского государства, а затем и Московского государства, и Византийской империи. Эта проблема правовой формы отношений Древнерусского государства и Византийской империи до сих пор дискуссионная.

К моменту знакомства Руси с византийскими политическими, правовыми и религиозными традициями доктрина «симфонии властей» глубоко укоренилась в общественном сознании византийских подданных, а церковь уже была частью государственного механизма, а стало быть, подчинялась не только патриарху, но и императору. Между тем, на этом аспекте авторы редко акцентируют внимание, предпочитая рассуждать об ограничении полномочий патриарха, а ведь власть византийского монарха, в свою очередь, тоже была ограничена и не только религиозными догматами, но и властными полномочиями патриарха в государственной сфере. Достаточно указать на то, что без формальной санкции патриарха кандидат не мог вступить на императорский престол, впрочем, как и быть отрешенным от трона, ибо в византийской традиции только должность императора считалась священной, а не лицо её занимающее [4, с. 6; 7, с. 232].

Как отмечалось, уже римский император Константин фактически имел большую власть в церкви, византийские императоры явились в этом отношении приемниками римской имперской традиции. В преамбуле к СХХХIII новелле Юстиниана указывается: «Нет ничего недоступного для надзора императора, принявшего от Бога общее попечение обо всех людях. Императору подобает верховное попечение о церквях и забота о спасении подданных. Император – блюститель канонов и Божественных Законов. Император через Собор и священников утверждает правую веру». Это вполне соответствует по юридическому смыслу тексту VI новеллы, где упоминается о том, что «царство заботиться и о догматах, и о «чести священников» и о соблюдении церковных правил».

Но, несмотря на широчайшие возможности прямого и косвенного влияния императора на внутрицерковные дела, тем не менее, юридически он так и не был объявлен главой церкви на протяжении всей тысячелетней истории Византийской империи. В православной церкви он занимал должность «внешнего» епископа, что включало в себя право участия императора наряду с патриархом в управлении «внешними», т. е. мирскими делами церкви. Причем в решении «внешних» вопросов император был выше патриарха. Эта особенность византийских государственно-церковных отношений дает основание утверждать, что юрисдикция императора распространялась далеко за пределы территории Византийской империи и охватывала все митрополии Константинопольской патриархии, в том числе и те, которые не входили в прямое подчинение светским властям империи, но в вопросах управления церковью подчинялись не только патриарху, но и византийскому императору.

Исходя из вышесказанного, достаточно легко объясняется тот факт, что с просьбой о крещении в православие монархи славянских государств обращались не к патриарху, а сразу же к императору. А византийские хроники и другие письменные источники упоминают о предоставлении вновь обращенным монархам, возглавлявшим христианизированные языческие народы, придворного титула архонта, что означало с точки зрения византийской традиции констатацию факта подчинения иностранного правителя юрисдикции императора [16, с. 187].

О наличии зависимости князей киевских от византийских императоров еще в дореволюционной историографии мнения разделились. М. А. Дьяконов, В. Г. Васильевский говорили о вассальной зависимости русских князей от Византии [10, с. 13–22; 3, с. 99–100], П. Ф. Николаевский, а вслед за ним и Н. М. Никольский, разделяя указанную точку зрения, утверждали о финансовом подчинении Киевской митрополии константинопольскому патриархату [21, с. 13; 22, с. 32]. М. И. Голубинский видел в этих отношениях личную унию [6, с. 181], советские авторы видели в этих отношениях равноправный военно-политический союз [8, с. 280–281; 23, с. 186; 39, с. 112]. Идея вассальной зависимости Древнерусского государства от Византии нашла широкий отклик у зарубежных исследователей, развивавших эту мысль российских авторов в XX в. [43, р. 233–246; 44, р. 43–51]. Впрочем, были высказаны суждения и о вовлечении Древней Руси в сообщество равноправных христианских государств во главе с империей, в чем проступают черты сходства с современным Британским содружеством наций, объединенным единой культурой, историей и британской монархией [24, с. 45; 41, р. 13; 42, р. 115–119].

В отношении признания киевского князя вассалом византийского императора письменные источники, как справедливо указал Я. Н. Шапов, отсутствуют [39, с. 32], поэтому все построения авторов о характере юридической связи Древнерусского государства и Византии базируются лишь на косвенных данных. Господствующая в современной исторической науке осторожная оценка характера отношений указанных государств после 988 г. как равноправного международно-правового союза [8, с. 280–281; 23, с. 186;], хотя и укоренилась в современной отечественной науке, но весьма легко может быть оспорена, ибо не имеет под собой прочной документальной базы. К примеру, достаточно обратить внимание на порядок упоминания должностных лиц во время религиозной службы в храмах Древней Руси, чтобы развеять представление о равноправном союзе. Так, сначала произносилась здравица в честь

византийского императора, затем константинопольского патриарха, далее – митрополита и замыкающим в этом списке был местный князь [36, с. 82– 87]. Отчего бы это, если отношения носили характер равноправного международно-правового союза?

Однако, не вдаваясь в подробности критики вышеуказанных концепций, следует обратить внимание на то, что проблема правового статуса церкви на территории России в допатриарший период не может являться исключительно внутренней. Проблема эта имеет и внутри и внешне правовую составляющую, поскольку принятие христианства вводило на территории Древнерусского государства новый институт, обладавший публичной властью и подчинявшийся юрисдикции другого государства. Каким образом строились отношения княжеской власти и церкви в России?

Господствовавшие в Византийской империи в период ее расцвета представления были характерными для эпохи феодализма и заключались в признании подданными императора всех, кто принимал православие. Принимая в православие какой-нибудь народ, Византия автоматически вводила его в состав империи. В подтверждение достаточно вспомнить известное окружное послание 867 г. Константинопольского патриарха Фотия писавшего, что русы приняли «чистую и неподдельную веру христианскую, с любовью поставив себя в чин подданных и друзей наших» [18, с. 77].

Древнерусские письменные источники, как официального, так и частного происхождения, отразили изменения в статусе государственной власти на Руси. Исследователи отмечают, что в большинстве случаев в литературных памятниках, актах церковного и светского законодательства столица Византии называется Царьградом, хотя известно было и его другое название – Константинополь. «Царьградом» («Цесареградом») Константинополь на Руси называли потому, что там было место нахождения цесаря (императора). Е. Б. Емченко, исследовавшая древнерусские тексты официального характера в указанном контексте, утверждает, что только византийского императора русские источники вплоть до XV в. именуют «царем» в государственно-правовом смысле и считают его титул выше титула русского князя [11, с. 209–210]. В принципе данный вывод подтверждает и Я. Н. Щапов, говоря о роли митрополитов-греков на Руси [39, с. 102]. Исследователь обратил внимание на то, что греческие источники никогда не именовали русских князей титулами «каган» или «царь», а присутствие в Киеве митрополита из Константинополя напрямую влияло на то, что подобная титулатура и не могла использоваться в отношении русских князей на международном уровне.

Одна из особенностей регулирования публично-правовых отношений в Византии, впрочем, как и в других государствах периода Средневековья, состояла в том, что далеко не все правовые нормы, в том числе касавшиеся государственно-церковных отношений, получали законодательное закрепление, а существовали в виде неписаного правила – правового обычая. Особенно много таких норм было во взаимодействии императора и патриарха. Однако в процессе развития государственно-церковных отношений происходило укрепление императорской власти, что нарушало правовые обычаи и приводило к конфликтам между светской и духовной властью. Данная правовая ситуация оценивается отечественными авторами прошлых эпох, да и многими современными исследователями как «неопределенность», «неясность» в отношениях церкви и государства в Византии [30, с. 116; 36, с. 455]. Но такого рода оценка проистекает лишь оттого, что авторам XIX – начала XXI в., воспитанным в традициях романо-германской правовой системы эпохи Нового времени, трудно представить себе ситуацию, когда столь важные публично-правовые отношения регулируются без закрепления в нормативно-правовых актах, столь довлеет над исследователями сложившийся стереотип, указывающий на необходимость закрепления правовых норм публичного права в первую очередь в нормативных правовых актах.

Внесение определённых изменений в доктрину «симфонии властей», восходящей к законодательству Юстиниана, в сторону большего подчинения власти духовной власти светской не было отражено в нормативных правовых актах Византийской империи, а закреплялось в форме правовых обычаев. Этот ключевой факт имел определенные последствия для российского общества в дальнейшем, ведь столь понятные византийскому обществу принципы взаимодействия императора и патриарха, были совершенно не известны широкому кругу лиц в митрополиях Константинопольской церкви, тем более столь отдаленной как Киевская (позже – Московская) митрополия. Для России это вылилось впоследствии в серьезные проблемы в регулировании отношений российского самодержца и патриарха Русской православной церкви в течение второй половины XVII века.

Впрочем, до момента обретения Русской православной церковью де-юре автокефалии проблем с противостоянием светской и духовной властей не существовало, ибо ни древнерусские князья, ни великие московские князья, ни московские цари вплоть до введения патриаршества юридически не могли вмешиваться в деятельность митрополии Константинопольской патриархии, поскольку митрополия находилась

в подчинении патриарха и императора. Единичные случаи самовольного распоряжения российских монархов по вопросу назначения митрополита на должность выходили за рамки юрисдикции светской власти, что понимали и сами князья, стремясь добиться постфактум одобрения своих действий со стороны законной церковной власти, как правило, ссылаясь на особые обстоятельства подобных назначений [26, с. 380; 35, с. 401; 36, с. 86].

Эти действия свидетельствуют о том, что до обретения в 1448 г. Русской православной церковью фактической автокефалии светская власть Московского государства (как и княжеская власть периода Древнерусского государства и периода феодальной раздробленности) четко осознавала пределы в осуществлении своих полномочий по отношению к церковной организации. Однако, сущность государственно-церковных отношений до конца XV в. вряд ли можно называть «симфонией властей», хотя бы потому, что для «симфонии» необходимо наличие самостоятельных субъектов. А именно самостоятельности ни у Московской митрополии, являвшейся структурным подразделением Константинопольской патриархии, ни у русских князей, которые находились до 1480 г. в вассальной зависимости от хана Золотой Орды, юридически не существовало. Может быть, именно поэтому византийская доктрина «симфонии властей», хотя и была известна русским книжникам по переводным Номоканонам, но до XV в. совершенно не волновала российских подданных. Не особенно она волновала и княжескую власть, ведь в отличие от Византии престолонаследие в русских княжествах, в том числе и в Московском государстве происходило без участия церковной власти: слово митрополита даже формально не являлось решающим в передаче светской власти.

Перед освобождением Российского государства от вассальной зависимости от Золотой Орды, митрополит и великий князь в середине XV ст. занимают решительную позицию в отношении унии Константинопольской патриархии с Католической церковью, и Русская церковь фактически выходит из подчинения Константинопольской патриархии. Почти одновременно возникают предпосылки для юридического признания независимости светской власти молодого Московского государства. Именно в этот исторический период начинается становление новых отношений между государством и церковью в России, поскольку только во второй половине XV в. они становятся юридически самостоятельными субъектами публичной власти, хотя признание этого факта со стороны Константинопольского патриарха состоялось лишь в 1589 г.

Здесь-то только и возникает проблема правовых основ регулирования государственно-церковных отношений. При этом вопрос о том, какими правовыми нормами следует руководствоваться светской и церковной властям в своих отношениях, остается открытым.

Логично было бы предположить, что основой регулирования станет известная в России система отношений, отраженная в переводных Номоканонах. Но проблема состоит в том, что Номоканоны – это систематизации византийского светского и канонического права создавались в разные эпохи и в них немало противоречивых норм. К тому же, как уже упоминалось, многие нормы, регулировавшие отношения церкви и государства в целом и императора и патриарха в частности, функционировали в Византии как неписаное право в виде правовых обычаев. Однако далеко не все правовые обычаи Византии в России были известны, а если некоторые из них и были известны, то в правовом сознании российского общества воспринималась лишь их внешняя оболочка как дань священной традиции, которая должна быть незыблема. Подобный подход, по мнению отечественных исследователей, был характерен для российского духовенства, да и всего российского общества, в отношении Номоканонов и в последующие эпохи, ибо их нормы представлялись обществу сакральными и незыблемыми [12, р. 17].

Вместе с тем, период с 1448 г. по 1589 г. – ключевой в деле становления практики отношений светской и церковной власти в России. В этот период происходит окончание процесса формирования централизованного государства, церковь обретает де-юре и де-факто права автокефалии, Россия освобождается от ига монголо-татар. Вторая половина XV – начало XVI в. стали временем возникновения трех основных государственно-правовых доктрин, лежавших в основе функционирования светской и духовной власти в России в последующие периоды (патриарший и синодальный).

В первую очередь, речь идет о политико-правовой доктрине самодержавия, которая возникала и укоренилась в общественном сознании в связи с освобождением великого московского князя, как от власти византийского императора, так и от власти золотоордынского хана. Происходило это в одну историческую эпоху – во второй половине XV в.: победа русских войск на р. Угре в 1480 г. и падение в 1453 г. Константинополя охватывали правление великих московских князей Василия II и Ивана III. Уже Иван III с полным основанием говорил о власти великого московского князя как о самодержавной, т. е. обладающей внешним суверенитетом. С завершением процесса централизации государства

укрепляется и внутренний суверенитет великого князя. Наиболее ярко доктрина самодержавия московского монарха была раскрыта в Декларации 1488 г., озвученной дьяком Ф. Курицыным для посла Священной Римской империи германской нации, начинавшейся словами: «Мы божию милостию государи на своей земли изначала от Бога» [13, с. 220].

О том, что становление доктрины самодержавия шло в России непросто, сталкиваясь с более привычной для общественного самосознания периода децентрализации государства идеей раздробления удела между наследниками, говорит тот факт, что сам Иван III в 1499 г. выступил с предложением о разделе великого княжения между своими соправителями – внуком Дмитрием Ивановичем и сыном Василием Ивановичем. Но это предложение встретило сопротивление, как в Боярской Думе, так и в рядах новгородцев и псковичей, чьи земли и предполагалось передать в княжение Василию Ивановичу [27, с. 83–84]. В последствие Ивану III все-таки пришлось выбирать между внуком и младшим сыном при передаче престола, и как известно, выбор пал на сына – будущего Василия III.

Укоренению в правосознании средневекового российского общества идеи самодержавия великого московского князя способствовали и успехи в объединении государства, включение в него таких частей как Тверское, Ярославское, Рязанское княжества, Новгородской, а затем и Псковской земли. Параллельно процессу территориального собирания земель происходило становление представлений о единстве и неделимости монаршей власти. К примеру, такого рода воззрения можно встретить в письме Ивана III литовскому князю Александру, задумавшему передать брату часть Великого княжества Литовского вместе с г. Киевом, против чего предостерегал Иван III своего зятя, ибо когда «государей много» порядок в государстве отсутствует [38, с. 203].

Но несмотря на противоречивые тенденции государственного развития, именно конец XV в. стал временем укоренения в российском обществе доктрины самодержавия. С 1497 г. византийский двуглавый орел стал гербом Московского царства, а за великим князем утвердился титул «самодержец». В отечественной науке объясняют изменение титулатуры монарха освобождением России от ига монголо-татар, что имеет под собой историческое основание, закрепленное в летописных сводах. В то же время существует и другое толкование событий, ведь титул «автократора» в Византии носил император, власть которого отличалась от власти соправителей, именовавшихся титулом «цесарь» («кесарь»). Появление с 1499 г. при Иване III сразу двух соправителей, получивших формально

тоже титул «великого князя», и могло подтолкнуть великого князя изменить свой титул, чтобы подчеркнуть превосходство верховного правителя, тем более что такой выход из данной ситуации могли подсказать греки, служившие при дворе Ивана III, и его супруга Софья Палеолог [33, с. 37]. Обе точки зрения дополняют друг друга и еще раз подтверждают факт рождения новой политико-правовой доктрины, провозгласившей основы правового статуса монарха молодого Московского государства.

Одновременно с формированием представления о монархе как о верховном правителе, обладающем внутренним и внешним суверенитетом, возникает идея преемственности между Византийской империей и Московским княжеством, что отражается в доктрине «Москва – Третий Рим». Если рождение доктрины самодержавия и могло быть в какой-то мере объяснено византийским опытом и греческим влиянием при дворе Ивана III, то доктрина «Москва – Третий Рим», как отмечают отечественные авторы, родилась исключительно на российской почве, хотя эсхатологически и восходила к римско-византийскому книжному наследию. Ее родоначальником обычно называют псковского монаха Филофея, который около 1521 г. в письме к великокняжескому дьяку М. Мунехину отметил: «Два убо Рима падоша, а третии стоит, а четвертому не быти. Многажды и апостол Павел поминает Рима в посланиях, в толковании глаголет: Рим весь мир» [31, с. 345].

Впрочем, зачатки указанной политико-правовой доктрины о преемственности между Византией и Россией можно проследить еще с конца XV века, что несомненно, свидетельствовало о подъеме национального самосознания. Так митрополит Зосима в 1492 г. в «Изложении Пасхалии» называет Ивана III государем, «самодержцем всеа Руси», новым царем Константином в «новом граде Константину – Москве, и всей русской земли и многим землям государя» [9, с. 389; 29, стб. 798–799]. Но все же, как справедливо указывают специалисты, официальной доктриной московского двора эти идеи в конце XV – начале XVI в. еще не стали [14, с. 340–341; 33, с. 83], что было совсем неслучайно. Официальному провозглашению этой доктрины московским двором мешали греки, получившие здесь приют после разгрома Византии в связи с браком Ивана III и Софьи Палеолог, ведь российским духовенством преемственность обосновывалась тем, что греки «предаша православную греческую веру в латинство» из-за чего Византия пала и лишь Россия осталась защитницей истинного православия.

Но все изменяется в 20-е гг. XV в. в правление Василия III, когда российские церковные иерархи вступают в противостояние с греческими

учителями, присланными константинопольским патриархом склонить великого князя к прежнему порядку подчинения Русской православной церкви Константинопольской патриархии, ликвидированному в 1448 г. самостоятельным избранием митрополита, а заодно и привести в соответствие более новому Иерусалимскому уставу священные книги, исправив в них неточности перевода. Итогом стал судебный процесс над русскими «еретиками» и над Максимом Греком, присланным патриархом в Московскую митрополию. С этих пор греческое влияние при дворе великого московского князя пошатнулось и путь для укоренения доктрины «Москва – Третий Рим» в правовом сознании российских подданных был расчищен.

Весьма активно доктрина «Москва – Третий Рим» развивалась в правление Ивана IV. Анонимный автор «Ино сказания тоеже Беседы», отвечая на тезисы, выдвинутые в «Валаамской беседе», развивает идею «Третьего Рима»: «Подобает благоверным и хритолюбивым царём и богоизбранным, благочестивым и великим князем русския земли избранные воеводы своя и войско своё крепити и царство во благоденство соединити и распространити от Москвы семо и авамо, всюду и всюду» [20, с. 191]. И. Я. Фроянов видит в содержании этих двух политических трактатов середины XVI в., чьи авторы неизвестны, косвенное влияние сторонников унии с католической церковью и напрочь отвергает мнение целого ряда историков об упоминании в указанных источниках идеи Земских соборов [38, с. 723–724]. Но с точки зрения данного исследования весьма показательно то, что в указанных трудах все три доктрины, на которых строилось российское государство – «симфония властей», «самодержавие» и «Москва – Третий Рим» раскрываются в тесной взаимосвязи и взаимозависимости.

Вместе с тем, идея переноса центра православия из Византии в другое славянское государство была не нова. Ее еще в XII в. пытались осуществить в Болгарском царстве. Так к середине XIII в. болгарского князя Иоанна именовали письменные источники «царь болгар и греков», патриарха Игнатия, чья резиденция находилась в Тырново, – «столпом правоверия», а сам г. Тырново – «Царьградом» [1, с. 290]. Сложно сказать, использовался ли болгарский опыт «переноса царства» в России XV–XVI вв. или русские книжники пришли к нему самостоятельно, но при сопоставлении неизбежно возникает основа для проведения исторических параллелей, тем более, что прецеденты в истории отношений Византии и славянских государств имели место.

В указанный период времени в России возникает живейший интерес и в отношении третьей важнейшей доктрины – «симфонии властей»,

причем вызван этот интерес был исключительно утилитарными причинами: необходимостью обосновать преэминентность власти великого московского князя и власти византийского императора и выработать чин венчания на царство князя (позже – царя) и «поставления» на должность митрополита [39, с. 82–83].

Вне всякого сомнения, доктрина «симфонии властей» момента до формирования Российского централизованного государства являлась лишь «книжным» наследием Византии, с которым был знаком ограниченный круг лиц, ибо зависимость, как Московской митрополии от Константинополя, так и несамостоятельность власти великого московского князя, не создавали условий для ее укоренения и восприятия российским обществом и государством. В период конца XV – первой половине XVI в. эта доктрина стала востребованной в качестве основы для построения отношений церкви и государства в России. А ее официальное закрепление в памятниках российского права произошло с принятием Стоглава 1551 г.

Гл. 62 Стоглава «От свитка новых заповедей» содержала рецепирированную из предисловия к VI новелле Юстиниана идею согласия священства и царства, которые происходят от единого божественного начала. В русских памятниках права это первое упоминание о концепции «симфонии властей», прямая рецепция византийской нормы. В главе 60 запрещается «неправедно владети и судити земному царю» в сфере, где установлены «священническая начало и власть» [28, с. 465–466]. В предисловии и царских вопросах и ответах Собора на них проведена была идея единства «священства» и «царства»: единение царя и церкви и ответственности царей за состояние общества и церкви.

Объединение в российском общественном сознании трех указанных доктрин привело к возникновению идеи «божественности» царской власти и создания «православного государства». «Бог повеле ему царствовать и мир воздержати, и для того цареви в титулах пишутся самодержцы» [20, с. 162], – объяснял автор «Валаамской беседы» основание самодержавия в России. Правда, Иван IV полагал, что государь сам сторит свое царство без помощи бояр: «А Российское самодержавство изначала сами владеют своими государствами, а не бояре и вельможи» [27, с. 21]. Но в вопросе о божественном происхождении самодержавной власти он был вполне согласен с автором «Валаамской беседы»: «...ежи от Бога данные нам власти самем владети» [27, с. 16]. Автор же «Валаамской беседы» объяснял этот постулат более четко: «Богом бо вся свыше передана есть помазаннику царю и великому Богом избранному

князю. Благоверным князем русским свыше всех дана есть Богом царю власть над всеми» [20, с. 162].

Таким образом, период конца XV – первой половины XVI в. явился не только временем завершения объединения русских земель, но и доктринального оформления нового государства. Следует отметить, что все три доктрины, рассмотренные в статье, являются культурно-правовым наследием Византии. Однако византийское наследие было творчески интерпретировано в России, а его реализация обладала самобытностью.

Только к моменту освобождения от вассальной зависимости в 1480 г. Россия была готова воспринять в полном объеме доктрину «симфонии властей» и создавать на ее основе собственную модель отношений светской и духовной властей. К этому моменту первенство других государств в православном мире отсутствовало, и великие московские князья стали выступать в международных отношениях в качестве наследников византийских императоров. Отсюда вытекала необходимость принятия титула «царь» и процедуры венчания на царство, которая была калькой процедуры венчания на царство византийских императоров.

Прямым подтверждением укоренения в правовом сознании российских подданных политико-правовой доктрины «симфонии властей» является прямая рецепция ее постулатов в Стоглаве 1551 года. Иван IV принял титул царя, венчался на царство византийским чином, получив, пусть и формально свой титул от митрополита Русской православной церкви, наконец, он созвал представительный Земский Собор 1549 г., использовав византийскую традицию опоры императора на Сенат, патриарха и народ Константинополя. Это означает, что переход культурных традиций от завершившей исторический путь Византии к России состоялся. «Святая Русь» оформилась, начав свое поступательное движение в истории человечества.

Список литературы

1. Белякова, Е. В. Учреждение автокефалии Русской церкви в политической мысли XV–XVI вв. / Е. В. Белякова // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика/ IX Международный семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму». Москва, 29–31 мая 1989 г. – М.: РАН ИРИ, 1995. – 355 с.
2. Васильев, А. А. Юстиниан и его преемники / А. А. Васильев // История Византийской империи. Т. 1. (время до крестовых походов) / пер. с англ. А. Г. Грушевой. – М.: Алетей, 2000. – 511 с.

3. Васильевский, В. Г. Варяго-русская дружина в Константинополе / В. Г. Васильевский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1875. – Ч. CLXXVII. – С. 99–100.
4. Величко, А. Политико-правовой статус византийских императоров: историческое и идейное изменение их полномочий / А. Величко. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/58936.htm>. – Дата доступа: 25.09.2014.
5. Гийу, А. Византийская цивилизация / А. Гийу. – М.: У-Фактория, 2005. – 234 с.
6. Голубинский, М. И. История русской церкви / М. И. Голубинский. – М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1880. – Т. 1.: Период первый, Киевский или домонгольский. – 968 с.
7. Грибовский, В. М. Народ и власть в Византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования / В. М. Грибовский. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1897. – 437 с.
8. Гумилёв, Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилёв. – М.: Аст-Москва, 2008. – 656 с.
9. Дьяконов, М. А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси / М. А. Дьяконов. – СПб.: Наука, 2005. – 527 с.
10. Дьяконов, М. А. Власть Московских государей: очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века / М. А. Дьяконов. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889. – 230 с.
11. Емченко, Е. Б. «Царствующий град» в источниках XVI в. / Е. Б. Емченко // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я.Н. Щапову. – М.: Паломнический центр Московского Патриархата, 2005. – 415 с.
12. Живов, В. М. Итория русского права как лингво-семиотическая проблема / В. М. Живов // Semiotics and the History of Culture: In Honor of Jury Lotman. – Columbus (Ohio), 1988. – P. 46–128.
13. Зимин, А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: очерки социально-политической истории / А. А. Зимин. – М.: Мысль, 1982. – 333 с.
14. Зимин, А. А. Россия на пороге нового времени / А. А. Зимин. – М.: Мысль, 1972. – 452 с.
15. Кислицын, И. М. Российский закон о свободе вероисповеданий / И. М. Кислицын. – Пермь: ПГУ им. А. М. Горького, 1993. – 153 с.
16. Константин Багрянородный. Об управлении империей / под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. – М.: Наука, 1991. – 493 с.
17. Куницын, И. А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы / И. А. Куницын. – М.: Отчий дом, 2000. – 282 с.
18. Левченко, М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений / М. В. Левченко. – М.: АН СССР, 1956. – 556 с.
19. Лисовой Н. Н. Империя и Церковь (диптих) / Н. Н. Лисовой // Религии мира: История и современность / отв. ред. Е. В. Белякова, А. В. Назаренко. – М.: Наука, 2004. – 406 с.

20. Моисеева Г. Н. Валаамская беседа – памятник русской публицистики середины XVI века / Г. Н. Моисеева. – М.; Л.: АН СССР, 1958. – 98 с.
21. Николаевский, П. Ф. Учреждение патриаршества в России / П. Ф. Николаевский // Христианское чтение. – 1879. – Ч. 2. – С. 13.
22. Никольский, Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. – М.: Политиздат, 1983. – 448 с.
23. Пашуто, В. Т. Внешняя политика Древней Руси / В. Т. Пашуто. – М.: Наука, 1968. – 474 с.
24. Пашуто, В. Т. Место Древней Руси в истории Европы / В. Т. Пашуто // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. – М.: Наука, 1972. – 443 с.
25. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / пер. с древнерусского Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков; коммент. В. Б.Кобрин, Я. С. Лурье. – М.: Наука, 1993. – 433 с.
26. Приселков, М. Д. Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. / М. Д. Приселков. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 430 с.
27. Псковские летописи. – Вып. 1. – М.; Л.: АН СССР, 1941. – 368 с.
28. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. – Т. 2: Период образования централизованного государства / под общ. ред. О. И. Чистякова; отв. ред. А. Д. Горский. – М.: Юридическая литература, 1985. – 520 с.
29. Российская историческая библиотека (РИБ). – Т. VI: Памятники древнего канонического права. – Часть 1 (памятники XI–XV века). – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1880. – 682 с.
30. Сергеевич, В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В. И. Сергеевич. – М.: Зерцало, 2004. – 488 с.
31. Синицына, Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции / Н. В. Синицына. – М.: Индрик, 1998. – 416 с.
32. Скабаланович, Н. А. Византийское государство и церковь в XI в.: От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина / Н. А. Скабаланович. – СПб.: Изд. О. Абышко, 2010. – 821 с.
33. Скрынников, Р. Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный: в 2 т. / Р. Г. Скрынников. – Т. 1. – Смоленск: Русич, 1996. – 448 с.
34. Смолич, И. К. История Русской Церкви. 1700–1917 гг.: в 2 ч. / И. К. Смолич. – М.: Валаамский монастырь, 1997.
35. Соколов, П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до XV века / П. П. Соколов. – Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1913. – 577 с.
36. Суворов, Н. С. Учебник церковного права / Н. С. Суворов. – М.: Зерцало, 2004. – 504 с.
37. Успенский, Ф. И. История Византийской империи: в 3 т. / Ф. И. Успенский. – Т. 1: Период I (до 527 г.), период II (518–610 гг.) – М.: АСТ, 2001. – 635 с.
38. Фроянов, И. Я. Драма русской истории: на путях к Опричнине / И. Я. Фроянов / отв. ред. Ю. Г. Алексеев. – М.: Парад, 2007. – 952 с.
39. Щапов, Я. Н. Государство и церковь в Древней Руси, X–XII вв. / Я. Н. Щапов. – М.: Наука, 1989. – 163 с.

40. Шмеман, А. Исторический путь православия / А. Шмеман. – М.: Книго-век, 1993. – 416 с.
41. Dölger, Fr. J. Byzanz und die Europäische Staatenwelt / Fr. J. Dölger. – Darmstadt, 1964. – 227 p.
42. Grabar, A. God and the «Family of Princes» Presided over by the Byzantine Emperor / A. Grabar // *L'art de la fin de l'Antiquité et du Moyen Âge*. – Vol. 1. – Paris: Collège de France, 1968. – 1269 p.
43. Chrysos, E. «Was Old Russia a Vassal State of Byzantium?» / E. Chrysos // *The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow*. – Thessaloniki, 1992. – 248 p.
44. Wasilewski, T. La place de l'État russe dans le monde byzantin pendant le Haut moyen-âge / T. Wasilewski // *Acta Poloniae Historica*. – T. 22. – Warszawa: Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk, 1970. – 290 p.

Келлер О. Б.

СФЕРА РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ВЛИЯНИЯ ПРАВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЕРМАНИИ НА ЗЕМЛЯХ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА И В ЛИВОНИИ

Начиная с XIII в. на землях, расположенных восточнее Германии распространяется немецкое средневековое право. Трансферт немецкого права на земли Центральной и Восточной Европы в периоды Средневековья и раннего Нового времени являлся процессом глобальным, цивилизационным, мир-системным. Составными данного глобального процесса были различные цивилизации – западноевропейская и восточноевропейская; различные системы – немецкого права и права исторических регионов, расположенных к востоку от Германии. Данная статья посвящена рассмотрению различных элементов немецкого права на землях Тевтонского Ордена и в Ливонии (Кульмское городское право, Любекское городское право и «Лифляндское Зерцало»).

1. История появления и распространения немецкого права на землях Тевтонского Ордена

Кульмская земля, а это область между Древенцом, Вислом и Оссой, была политически связана с государством династии Пястов, и особенно с такой его частью, как Мазовия, а также представляла собой его пограничную область на границе с пруссами. В начале XIII века Кульмская земля находилась под властью герцога из династии Пястов Конрада I Мазовецкого (1229–1231, 1241–1243 гг.). Из Кульмской земли исходила интенсивная миссионерская деятельность на земли пруссов. Носителями миссионерской деятельности являлись герцог Конрад и монах Ордена цистерцианцев Христиан. Христиан был даже назван первым епископом пруссов (1215 г.). Подобная миссионерская деятельность провоцировала акты возмездия пруссов в Кульмской земле. Область подвергалась постоянным набегам пруссов [1]. Предпринимаемые во втором десятилетии XIII века польскими герцогами экспедиции не приносили успехов. Поэтому силезский герцог из династии Пястов Генрих I Бородатый (1201–1238 гг.) предложил поселить на землях, непрерывно подвергавшихся опасности, рыцарей Тевтонского Ордена [2, с. 70].

В 1226 г. герцог Конрад I Мазовецкий приглашает Орден для содействия в борьбе с языческими пруссами. В качестве вознаграждения за защиту от пруссов, а также за завоевания на их землях герцог Конрад I

Мазовецкий дарует Ордену Кульмскую землю. Причем господство над Кульмской землей Конрад сохраняет за собой. Вопреки герцогским намерениям магистр Ордена Герман фон Зальца стремился как к христианизации пруссов, так и к формированию господства на дарованной территории [3, с. 62].

Рыцари Ордена старались сразу же позаботиться о подтверждении императором Фридрихом II (1212/1220–1250) как дарования Кульмской земли, так и даровании всех в будущем завоеванных земель пруссов, что было зафиксировано в «Золотой булле» от 1226 года (перевод буллы на русский язык выполнен д.и.н., профессором А. Л. Рогачевским [см.: 113, с. 319–324]). Чуть позже все права относительно завоеванных земель главе Ордена передал папа римский. Верховная власть польского герцога при этом исключалась [2, с. 70].

В 1230 г. рыцари Тевтонского Ордена во главе с ландмейстером Германом фон Бальком прибыли в Кульмскую землю. В течение двух лет пруссов в Кульмской земле не стало. В итоге на завоеванных территориях появилось государство Тевтонского Ордена. Свое господство здесь Орден пытался укрепить путем строительства крепостей и городов. Еще в XIII веке начинается планомерное заселение Кульмской земли горожанами и крестьянами. Заселение городов достигло своего наивысшего пункта примерно в середине XIV столетия. В начале XV века в Орденском государстве насчитывалось порядка 94 города, основанных или расширенных в соответствии с нормами немецкого права. Количество деревень возросло до 1400.

Первые основанные Тевтонским Орденом города – Торн (1231 г.) и Кульм (1232 г.). В их основании принимали участие многие жители Силезии [3, С. 62]. Именно эти два города на землях Тевтонского Ордена прежде всего получили привилегии на городское самоуправление. Учредительная грамота для Кульма и Торна получила название «Кульмской грамоты» и была издана 28 декабря 1233 года [4, с. 81].

Оба города (Торн и Кульм) служили важными инстанциями для дальнейшего распространения немецкого права в восточном направлении. Город Кульм на протяжении почти 200 лет являлся «материнским городом» для других «дочерних» городов. В середине XVI века компетенцию высшей судебной инстанции перенимает на себя городской Совет Торна. Судебные приговоры, вынесенные в Кульме и Торне, оказали значительное влияние на формирование Кульмского права. Следует подчеркнуть, что Кульмское право нашло применение в более чем 200 городах. Эти города возникли в период с XIII по XVIII вв. прежде всего

на землях Тевтонского Ордена в Пруссии, а также и в некоторых областях польско-литовского государства [3, с. 64].

Кульмское право как разновидность Магдебургского права. Первоначальный вариант «Кульмской грамоты» 1233 года был предоставлен в Торне представителям торнской и кульмской общин ландмейстером Пруссии Германом фон Бальком от имени магистра Ордена Германа фон Зальца. Современная польская исследовательница Данута Яницка подчеркивает, что «целью дарования данной привилегии и его выгодных положений было не что иное, как привлечение немецких колонистов» [2, с. 73]. Документ хранился в городской ратуше Кульма, но был утрачен в результате пожара в 1244 г. Учитывая обращения жителей Кульма и Торна касательно утраты грамоты, текст был восстановлен с санкции Эберхарда фон Саяна, магистра немецкого отделения Ордена 1 октября 1251 года, но с небольшими отличиями.

Фундаментом для «Кульмской грамоты» было не что иное, как Магдебургское право. Это обозначало, в частности, что «Кульмская грамота» предусматривала отправление правосудия (судопроизводство) в соответствии с Магдебургским правом. Дарование Магдебургского городского права Кульму и Торну зафиксировано в статье 4 Кульмской грамоты [4, с. 128]. На предоставление Магдебургского права Кульму и Торну мог оказать влияние как силезский герцог Генрих I Бородастый, так и магдебургский бургграф Бурхард. Магдебургский бургграф, в частности, был указан среди свидетелей в редакции «Кульмской грамоты» от 1233 г. [4, с. 130].

Помимо Магдебургского в «Кульмской грамоте» использовались также нормы силезского и фламандского права. Так, например, под влиянием силезского права денежные штрафы снизились в два раза [5, с. 321, 342]. Порядок наследования независимо от пола был перенят непосредственно из права фламандского [3, с. 63].

Однако, нельзя не отметить и существенные отличия. Кульмское право обеспечивало мужу и жене общность имущества супругов. То есть собственности каждого из супругов представляли собой единое целое. В случае смерти одного из членов супружеской пары половина совместного имущества переходила мужу или жене, и только вторая половина – наследникам. Таким образом, Кульмское право, в отличие от права Магдебургского, гарантировало женской части населения их собственные права на наследство [3, с. 63].

Современный российский исследователь и автор перевода «Кульмской грамоты» А. Л. Рогачевский считает, что несмотря на достаточ-

но широкий спектр вопросов, зафиксированных в грамоте, можно попытаться свести содержание статей источника к нескольким основным «сюжетам», а именно: Статьи 1 и 4 касаются внутреннего устройства Кульма и Торна (как Кульм, так и Торн были признаны городами в правовом смысле слова и получили право на самоуправление). Статьи 2, 3 и др. содержат описания угодий, отведенных Кульму и Торну для ведения сельского хозяйства, рыболовства и охоты. Статьи 6, 8–11, 15–21, 23 освещают условия, согласно которым горожанам позволялось владеть недвижимостью, нести за нее повинность и т.п. Статьи 1, 5, 6, 9, 11–14, 22, 24 затрагивают вопросы, связанные с правами Ордена как суверена в Кульмской земле. Статьи 7 и 21 рассматривают отношения горожан и Ордена с местными церковными учреждениями. И, наконец, три последние статьи 22, 23 и 24 повествуют о введении единой монеты, унификации мер земельной площади и уничтожения всех пошлин. Их действие распространялось не только на Торн и Кульм, но и на всю Кульмскую землю в целом [4, с. 82].

Пользовался Кульмским правом и Кёнигсберг, ставший столицей Тевтонского Ордена после тринадцатилетней войны (1454–1466 гг.). Этот город был основан на холме правого берега в нижнем течении реки Прегель на месте прусского городища Твангсте в январе 1255 г. как замок. Основателями считаются рыцари великого магистра Тевтонского Ордена Поппо фон Остерна и чешский король, герцог Австрии Оттокар Пржемысл II. Войска последнего пришли на помощь терпевшим поражения от местного населения рыцарям. Те же, в свою очередь, были приглашены в Пруссию польским королем для борьбы с язычниками. Эта вышеозначенная северная часть немецкой провинции Восточная Пруссия имела длинную и непрерывную традицию правового развития и городской автономии. Кульмское городское право было даровано самому старому образованию в составе будущего Кёнигсберга – Альтштадту – 28 февраля 1286 года ландмейстером Пруссии Конрадом фон Тирбергом. В этой грамоте об основании города были закреплены права граждан, и она явилась своего рода городской «конституцией». В 1300 г. поселение Лёбенихт также получило городские права. Хотя административно эти два города были независимы, фактически они составляли единое целое. Двойной город тоже именовался Кёнигсберг. Третьим кёнигсбергским поселением, получившим городские права, стал Кнайпхоф в 1327 г. Он был отделен от Альтштадта рукавом реки Преголи (Прегели) и расположен на одноименном острове. Он тоже фактически был частью Кёнигсберга.

Любекское городское право. Немецкое купечество, помогая Тевтонскому Ордену в колонизации Пруссии, требовало введения в новых городах Любекского права, что приводило бы к их меньшей зависимости от Ордена, но вело к контролю со стороны Любека, с 1268 г. бывшего центром Ганзейского союза. Города, входившие в Ганзу, имели право свободной торговли на чужой территории, что не было выгодно для Тевтонского Ордена, поэтому Любекское право было принято в Эльбинге (1246 г.), Диршау (1260 г.), Брауэнсберге (1280 г.), Фрауэнсбурге (1310 г.) и некоторых других городах. Город Мемель (нынешний литовский город Клайпеда) первоначально получил Дортмундское право. Однако впоследствии, с 1257 года, был переведен на управление Любекским правом [5, с. 366–379]. Город Данциг (современный польский город Гданьск) получил Любекское право в период между 1257 и 1263 гг. В 1308 г. Тевтонский Орден захватил восточную часть Померании с городом Данцигом. Чтобы держать город под контролем, Орден окончательно перевел его общину в 1346 г. на Кульмское право.

2. Появление немцев в Ливонии и общая характеристика городского права Ливонии

Ливония в период Средневековья – это три области, расположенные на восточном побережье Балтийского моря: Лифляндия, Эстляндия и Курляндия [6]. Ливония была заселена четырьмя народами: ливами, эстами (финского происхождения), леттгалой и латышами (балтского происхождения). Она распадалась на следующие области: Унгания (с Дерптом), Саккала (с Феллином), Метсеполе, Идумея, Тореида, Антина, Трикатия и Голова. О какой-либо общей политической организации Ливонии до XIII века говорить нельзя. Отдельные племена жили в ней вполне самостоятельно. Со времени утверждения здесь немцев и до 1562 года, когда основанная немцами орденская организация Ливония пала, все три провинции составляли одно политическое целое [7].

Первое появление немцев в Ливонии относится к началу второй половины XII в. [8]. Это были вестфальцы и любчане, имевшие свои торговые склады на Готланде, в Висбю. Из Готланда купцы проникали в скандинавские государства и на восток Балтики. Отношения немцев с местным населением носили чисто торговый характер. Несколько позже, в 1157 г., сюда прибыли бременские купцы, построившие склады для своих товаров. Первое поселение именуется в немецких хрониках «Иксуль» («Uexküll»), что дословно означает «первая деревня» [9, с. 5].

В 1184 г. с миссионерской деятельностью вместе с купцами к берегам Двины прибыл монах-августинец Мейнгард. Он стал первым еписко-

пом Ливонии (1186–1196 гг.). В 1188 г. Мейнгард строит первую церковь и укрепляет Икскуль. Получив чин епископа, Мейнгард попросил римского папу Климента III объявить крестовый поход против туземцев [9, с. 3–11]. Во времена правления второго епископа, Бертольда (1196–1199 гг.), в 1198 г. в устье Двины прибыли крестоносцы. Войско успешно повело борьбу с язычниками [9, с. 11–17]. Вскоре епископ Бертольд был убит, и лишь его преемнику, епископу Альберту I Рижскому, удалось привести местных жителей к повиновению. Он заключил с ними мир и в 1201 г. основал город-крепость Ригу. В том же 1201 г. по его ходатайству был учрежден Орден меченосцев. Альберт вначале платил дань полоцким князьям, но, захватив в 1205 г. крепости Кокнесе и Герсику, дань платить перестал. Альберт уступил третью часть покоренной Ливонии рыцарям, и Полоцк с тех пор навсегда утратил свое влияние в Ливонии [10, с. 109].

Начиная с первой половины XIII века Ливонией начинает называться конфедерация, состоящая из пяти своеобразных административно-территориальных единиц, находящихся под эгидой таких основных политических сил, как Ливонский Орден, папа римский и немецкое дворянство. Территориально земли делились следующим образом: земли Ливонского Ордена, Рижское архиепископство, а также Курляндское, Дерптское и Эзель-Викское епископства, номинально находившиеся под влиянием римского папы и германского императора. Официально Ливония носила название «Земля девы Марии» («*Terra Mariana*»). В рамках объединения Ордена меченосцев с Тевтонским Орденом, была образована ливонская провинция Тевтонского Ордена. Последующие поражения Тевтонского Ордена в Грюнвальдской битве 1410 года и Тринадцатилетней войне 1454–1466 гг. способствовало ослаблению влияния Тевтонского Ордена в Ливонии. Начало упадка Ливонского Ордена относится к середине XVI века [10, с. 110].

Для Ливонии была характерна правовая пестрота [11]. В разных ее государствах действовали отличные друг от друга правовые системы. Еще большее значение имело разделение правовых норм по сословному принципу: существовало рыцарское право, городское, крестьянское. Большое значение имели каноническое право, рецепция римского права [12].

В средневековье, со второй четверти XIII века, на территории Эстонии начали формироваться города. В Таллине, Нарве и Везенберге было принято Любекское право (соответственно, в 1248, 1345 и 1302 гг.). В Дерпте, Вейсенштейне и Новом Пернове – Рижское право (1262, 1283,

1291, 1318 гг.). Еще в нескольких городах, таких как Гапсаль и Старый Пернов, было свое городское право. Органом власти в городе и судебным органом был Городской совет. Высшими сановниками в городе были бургомистры, важными должностями были также синдик (писарь и правовед) и городской фогт (у него были полицейские обязанности). Также возникли купеческие поселения, такие как Леаль, Кегель, Оденпе и Обер-Пален. Города на территории Эстонии, кроме Нарвы и Старого Пернова, входили в Ганзейский союз. Объединениями купцов были большие гильдии, а молодые купцы объединились в «братстве черно-головых». В Таллине были две малые гильдии – гильдия святого Канута и гильдия святого Олафа (Олава).

Сравнительно рано получил автономию город Рига [13]. Уже в 1226 г. город имел основные права и свободы (суд, управление, право распоряжаться землей, назначать налоги, объявлять войну), а также Совет, членов которого избирали сами жители. Первоначально рижане придерживались готландского права, но уже в XIII столетии оно было вытеснено правом гамбургским (Гамбургский статут от 1270 г.). На базе гамбургского с течением времени появилось право рижское, которое было принято и в других городах Лифляндии: в Дерпте, Гапсале, Феллине, а также впоследствии и в городах Курляндии, таких как Гольдинген, Виндава, Пильтен, Газенпот. В сомнительных случаях мелкие лифляндские города обращались к Риге.

Упоминание ратуши Дерпта в 1262 г. есть первое определенное упоминание того, что у Дерпта были права города, но дата их обретения, к сожалению, не известна. Можно предположить, что Дерпт получил права значительно раньше, возможно, примерно в то же время, что и Таллин. В отличие от Таллина, получившего Любекские права города, Дерпт получил Рижские права [10, с. 111].

Права города поселение Гапсаль получило в 1279 году. Вначале у него были Рижские права, а в 1294 г. епископ подарил городу собственные Гапсальские права города, созданные по примеру Рижских прав [10, с. 111].

Как в Риге, Дерпте, Ревеле, так и в Старом и Новом Пернове, Виндаве, Феллине в качестве дополнения к городскому праву применялись «Собрания постановлений городских советов» («Bursprake»). Время от времени они зачитывались на немецком языке перед зданием ратуши для всеобщего сведения. Каждая «Bursprake» была действительна лишь в том городе, где она была составлена, и содержала изменения и дополнения, вытекавшие из потребностей места и времени. Помимо вы-

шеозначенных, важными источниками по истории городов и правовой истории Ливонии могут служить долговые, счетоводные, земельные, ипотечные и другие книги, в которых находила отражение городская жизнь со всеми своими проявлениями. В этих книгах мы находим богатый материал не только по истории права, но по истории культуры в целом. Они содержат ценные сведения из истории отдельных мест и личностей, о расширении территории городов, о составе населения, о строительном и монетном делах и т. п. [10, с. 111].

Любекское право в Ливонии. Многим городам Ливонии было даровано Любекское право. Среди них прежде всего следует назвать такие, как города Ревель, Нарва и другие. В 1217 г. датский король Вальдемар II высадился на берегах северной Эстляндии и основал крепость Ревель (Таллин) [14]. Первоначально Ревель руководствовался готландско-рижским правом. 15 мая 1248 года король Дании Эрик IV Плужный Грош («Пловпеннинг») дал Таллину Любекское городское право. Его граждане и даже ратуша упоминались и раньше (в 1230-х гг.) [15]. Уже очень скоро после обретения прав города Таллин стал одним из важнейших торговых центров восточного побережья Балтийского моря и присоединился к Ганзейскому союзу. Вместе с правами города Таллин получил и герб с флагом. Герб, на котором изображены три льва, позднее позаимствовало эстляндское рыцарство, через которых львы в итоге оказались и на гербе современной Эстонии. Кодекс Любекских прав Таллину от 1248 года, к сожалению, не сохранился, но об этом есть данные в копии от 1347 года. Самый старый кодекс Любекских прав Таллину датируется 1282 годом. Высшей судебной инстанцией для Ревеля становится город Любек. И именно из Любека ревельский магистрат получал так называемые «правовые разъяснения по спорным вопросам» («Ordeele»). В 1348 г. орденский магистр Госвин фон Герике вновь подтвердил правомерность использования Любекского права Ревелем. И если судьи Ревеля не находили удовлетворительного решения, то им следовало обращаться только к городскому Совету Любека [15; 16, с. 81].

В Везенберге городище под названием Тарвапеа (Тарванпяэ) находилось, вероятно, с давних времен. В первом веке эпохи датского правления там построили каменную крепость, а купеческое поселение, образовавшееся рядом, получило Любекское право в 1302 г. Любекские права поселению дал король Эрик VI Менвед [16, с. 81].

Нарва – третий по величине и по численности населения город в Эстонии. Современной официальной датой основания города приня-

то считать дату основания замка датскими завоевателями в 1223 г. Любекское право было даровано Нарве 25 июля 1345 г. Вальдемаром IV Аттердагом. Скорее всего, на месте Нарвы поселение существовало уже в древние времена, но крепость построили лишь в конце XIII в. Вероятно, вскоре возле крепости образовалось и купеческое поселение, но ему не давали права города до 1345 г. Причиной тому могло быть опасение Таллина перед конкуренцией, которое, впоследствии, аннулировало шансы быть принятой в Ганзейский союз. С другой стороны, поселение могло быть слишком малым и маловажным, и кроме того, ему постоянно угрожали набеги русских. Предполагается, что Нарва могла получить права города и раньше, во время Вальдемара III, но прямых доказательств тому нет [16, с. 81].

Высший апелляционный суд (Oberhof), находившийся до XIV ст. в городе Висбю, а впоследствии в Любеке, оставался до конца XVII столетия высшей судебной инстанцией для всех городов с Любекским правом, и приговоры его были неоспоримы [10, с. 113].

«Саксонское Зерцало» как источник «Лифляндского Зерцала». Где-то между 1322 и 1337 гг. неизвестным автором были обработаны две рукописи «Саксонского Зерцала» с принятием во внимание прибалтийских отношений [17, с. 31]. Существующие записи права содержали, в основном, ленное право (Вальдемар-Эрихское ленное право для Эстонии и Старейшее рыцарское право Ливонии). Подобная обработка «Саксонского Зерцала» была результатом тесных взаимоотношений с Северной Германией. Первоначальный текст был записан на нижненемецком, но он не сохранился. Имеется только перевод первоначального текста на поздний современный немецкий язык. В 1879 г. профессор университета в городе Дерпт Фридрих Георг фон Бунге попытался реконструировать самый ранний вариант текста [11, с. 95–158].

«Ливонское Зерцало» – это книги I–III Вик-Ёзельского ленного права, в которое были включены части Земского и Ленного права Вальдемар-Эрихского ленного права, а также Старейшего рыцарского права Ливонии. Как книги I–III Вик-Ёзельского Ленного права, так и «Ливонское Зерцало» были опубликованы еще в 1821 г. [18].

Из «Саксонского Земского права» 95 статей полностью и 72 частично в «Ливонское Зерцало» включены не были. А вот 34 правовые статьи «Саксонского Земского права» были включены без изменений. Рукописи «Ливонского Зерцала» и документальные свидетельства его применения не сохранились. Его, вероятнее всего, вытеснило появившееся до 1427 года «Среднее рыцарское право Ливонии». Последнее вобра-

ло в себя положения «Ливонского Зерцала» и «Старейшего рыцарского права Ливонии». В виде компонента «Среднего рыцарского права Ливонии» оно действовало до середины XX века [17, с. 31].

3. Заключение

В XIII веке Тевтонский Орден привлек на земли Пруссии значительные массы переселенцев, видя в колонизации важное средство покорения края и его хозяйственной эксплуатации. Переселенцы были в основном из Священной Римской империи и отчасти из Польши. Но немецкая колонизация Пруссии – это не просто военно-стратегическое мероприятие Ордена, направленное на закрепление новопокоренных земель за тевтонцами. Немецкая колонизация Пруссии – это и неотъемлемая часть общеевропейского колонизационного процесса XI–XIII вв.

Даруя Кульму и Торну Магдебургское городское право, Тевтонский Орден имел в виду введение в Кульме и Торне системы управления по магдебургскому образцу. В городах, имевших Магдебургское право, существовали такие органы городского самоуправления, как бурдинг или общинный сход, городской суд, состоявший из судьи и коллегии шеффенов и Совет города. Такие же органы городского самоуправления появились и в прусских городах.

В немецких городах в период Средневековья бурдинг имел повсеместное распространение. Общинный сход или бурдинг созывался не реже одного раза в год, как правило, с целью обновления Совета города и конфирмации вилькюра. В прусских городах бурдинг созывался тоже. Бурдинг упоминается в статье 1 «Кульмской грамоты», а также в других, более поздних орденских документах XIII века.

Что касается городского судьи, то, судя по более поздним источникам, относящимся к Кульму и Торну 1240-х гг., в «Кульмской грамоте» речь идет о шультгейсе. В соответствии с предписаниями «Кульмской грамоты» горожане получали право избирать лишь «низших» судей (шультгейсов – заместителей бургграфов). Однако не во всех прусских городах были допущены выборы судей. Кроме Кульма и Торна такое право получили лишь некоторые общины: Грауденц (1291 г.), Бартенштейн (1332 г.), Гердауэн (1398 г.) и др. Кандидатуры так называемых «низших судей» должны были согласовываться с орденскими властями. Распределение штрафов между судьей и орденскими властями соответствовало магдебургским обычаям: в Магдебурге 2/3 отходило в пользу архиепископа, а 1/3 принадлежала шультгейсу [19, с. 84].

Шеффены в «Кульмской грамоте» не упоминаются. Зато в статьях 4 обеих редакций (1233 и 1251 гг.), а также в статье 5 редакции 1251 г.

можно найти упоминание о членах городского Совета. Это крайне интересно, ибо в самом Магдебурге в 1233 г. городского Совета не было. Он стал замечен в Магдебурге, как уже указывалось в первом разделе второй главы, в 1238 г., а значимую роль начал играть лишь с 1244 г. Поэтому, вполне возможно, что учреждение такого органа в Кульме и Торну произошло не по образцу Магдебурга, а по примеру Любека, где городской Совет зафиксирован уже в 1226 г.

В статье 4 «Кульмской грамоты» подчеркивается намерение тевтонцев превратить Кульм в метрополию или главный город края. Вероятно, именно по этой причине впоследствии другим прусским городам даровалось именно Кульмское право. Исключения были немногочисленными. Лишь несколько приморских городов, таких, как Эльбинг, Диршау, Леба, Гела получили Любекское городское право. И тут же следует добавить, что ряд подобных городов впоследствии переводился на управление по Кульмскому праву. Это та же Леба после 1357 г., тот же Диршау с 1364 г. и др. [4, с. 138].

Кроме того, немаловажно отметить, что в Кульме находился верховный суд для всех общин Пруссии, которые управлялись по Кульмскому праву. Тем не менее, непосредственно в Кульм могли обращаться не все прусские города. Например, из суда города Либемюля рассмотрение дел переносилось в Христбург (1335 г.), из суда Гогенштейна – в Остероде (1350 г.), из суда Пассегхайма – в Либштадт (1381 г.). Означали ли данные предписания учреждение своего рода промежуточных инстанций, или что решение таких судов было окончательным и не предполагало последующего обращения в суд города Кульм – неизвестно до сих пор по причине отсутствия сохранившихся материалов [4, с. 139].

Верховный суд прусских городов находился в Кульме на протяжении всего орденового господства в Западной Пруссии и даже дольше. Вероятнее всего, лишь после 1478 г. он был переведен в Кёнигсберг, ставший в то время резиденцией гофмейстера. К слову сказать, Кульмское городское право было даровано прусскому городищу Твангсте (прежнее название Кёнигсберга, ныне российского Калининграда) ландмейстером Пруссии Конрадом фон Тирбергом еще 28 февраля 1286 года.

В настоящее время бытует мнение, что одним из источников дарованной в конце первой трети XIII в. Ригой Ревелю грамоты на городское право были права саксонские, или северонемецкие. Предположительно, к одному из старейших текстов с острова Готланд добавились вилькюры Риги. Об этом, с точки зрения специалистов, говорят расположенные в первой части этой грамоты статьи, содержащие целый ряд элементов,

характерных для Земского права. В качестве примера можно привести положение второй статьи об убийстве с целью ограбления, положение той же второй статьи о мучительном штрафе, таком как колесование убийц, а также положение четвертой статьи о ранении и убийстве в публичных местах [20, с. 39]. Объяснением подобного факта использования некоторых аспектов Земского права в грамоте на городское право, данной Ревелю Ригой, вполне могут служить многочисленные контакты Риги с северонемецкими местечками и городами.

Позиции городского права в Риге в период между 1225 и 1238 гг. были укреплены папским уполномоченным, епископом Вильгельмом Моденским. Наиболее интенсивное влияние на право города Риги оказал Гамбургский статут 1270 года. До наших дней сохранились шесть рукописей Рижско-Гамбургского права. Этот самый «Гамбургский Статут» (*das Hamburger Ordeelbok*) базируется на «Саксонском Зерцале» [21, с. 509], поэтому его рукописи, вне всякого сомнения, передают традиции Земского права. Например, если кто-то из дворовой челяди женится или выходит замуж, то согласно статье 3 восьмой части Гамбургского Статута 1270 года удерживалась определенная сумма. Отступные в подобной же ситуации предусматривала и статья 33 второй книги Земского права «Саксонского Зерцала» [20, с. 40].

Что касается непосредственно правовых текстов, созданных для оседлого в большинстве своем рыцарского населения Ливонии, можно говорить о сходстве и ссылках этих текстов на различные статьи «Саксонского Зерцала». Вальдемар-Эрихское ленное право, к примеру, содержит дословные заимствования из Ст. 23 I ЗП «С.3.», из Ст. 29 III ЗП «С.3.» и Ст. 3 ЛП «С.3.» [11, с. 14]. Также и Старейшее рыцарское право Ливонии содержит дословные заимствования из «Саксонского Зерцала» [11, с. 15].

Ну а уже непосредственно «Лифляндское Зерцало», созданное в начале XIV в., – это абсолютно точно не что иное как фрагмент Земского права «Саксонского Зерцала», хотя все исторические факты, в отличие от «Саксонского Зерцала», были из «Лифляндского Зерцала» удалены. Осталось только то, что было действительно важно для осуществления местного правопорядка [20, с. 42]. Поэтому вполне закономерно говорить о том, что в Ливонии, как и в других регионах Центральной и Восточной Европы, налицо адаптация немецкого права к местным условиям.

Список литературы

1. *Chronik des Preussenlandes = Chronica terre Prussie* / P. von Dusburg; übers. u. erl. von K. Scholz, D. Wojtecki. – Darmstadt: Wissenschaftl. Buchges., 1984. – 588 S. – (Ausgewählte Quellen zur Deutschen Geschichte des Mittelalters; 25).

2. Janicka, D. Zur Topographie der Städte des Magdeburger Rechts in Polen: das Beispiel Kulm und Thorn / D. Janicka // Grundlagen für ein neues Europa: das Magdeburger und Lübecker Recht im Spätmittelalter und Früher Neuzeit / Hrsg.: H. Lück, M. Puhle, A. Ranft. – Köln, 2009. – S. 68–81. – (Quellen und Forschungen zur Geschichte Sachsen-Anhalts; Bd. 6).

3. Janicka, D. Die Rezeption des Sachsenspiegels und des Magdeburger Rechts am Beispiel von Thorn im Kulmer Land / D. Janicka // Rechts- und Sprachtransfer in Mittel- und Osteuropa: Sachsenspiegel und Magdeburger Recht: intern. u. interdisziplinäre Konf., Leipzig, 31. Okt.–2. Nov. 2003 / Hrsg.: E. Eichler, H. Lück. – Berlin, 2008. – S. 61–74. – (Ivs saxonico-magdeburgense in Oriente; Bd. 1).

4. Рогачевский, А. Л. Кульмская грамота – памятник права Пруссии XIII в. / А. Л. Рогачевский. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 368 с.

5. Schubart-Fikentscher, G. Die Verbreitung der deutschen Stadtrechte in Osteuropa / G. Schubart-Fikentscher. – Weimar: H. Böhlau Nachf., 1942. – 567 S. – (Forschungen zum deutschen Recht; Bd. IV, H. 3).

6. Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten: in 17 Bd. / Hrsg.: F.G. von Bunge [et al.]. – Aalen: Scientia-Verl., 1967–1981. – 17 Bd.

7. Garleff, M. Die baltischen Länder: Estland, Lettland, Litauen vom Mittelalter bis zur Gegenwart / M. Garleff. – Regensburg: Pustet, 2001. – 269 S.

8. Schlözer, K. von. Livland und die Anfänge deutschen Lebens im baltischen Norden / K. von Schlözer. – Berlin: Hertz, 1850. – VIII, 190 S.

9. Heinrich von Lettland. Livländische Chronik / Heinrich von Lettland; Neu Übers. von A. Bauer. – Darmstadt: Wiss. Buchges., 1959. – XXXVI, 354 S.

10. Келлер, О. Б. Средневековое немецкое право на землях Центральной и Восточной Европы в XIII–XVIII веках / О. Б. Келлер. – Минск: РИВШ, 2012. – 242 с.

11. Altlivlands Rechtsbücher: zum Theil nach bisher unbenutzten Texten / Hrsg. F. G. von Bunge. – Leipzig: Breitkopf Haertel, 1879. – VI, 264 S.

12. Bunge, F. G. von. Einleitung in die liv-, esth- und kurländische Rechtsgeschichte und Geschichte der Rechtsquellen / F.G. von Bunge. – Nachdr. d. Ausg. Reval 1849. – Amsterdam: Rodopi, 1971. – XII, 326 S.

13. Bunge, F. G. von. Die Stadt Riga im dreizehnten und vierzehnten Jahrhundert: Geschichte, Verfassung und Rechtszustand / F.G. von Bunge. – Nachdr. d. Ausg. Leipzig 1878. – Amsterdam: Bonset, 1968. – XVI, 403 S.

14. Bunge, F. G. von. Das Herzogthum Estland unter den Königen von Dänemark / F. G. von Bunge. – Nachdr. der Ausg. Gotha 1877. – Hannover-Döhren: Hirschheydt, 1973. – XV, 391 S.

15. Bunge, F. G. von. Die Revaler Rathslinie: nebst Geschichte der Ratsverfassung und einem Anhang über Riga und Dorpat / F. G. von Bunge. – Nachdr. [d. Ausg.] Reval 1874. – Hannover-Döhren: H. v. Hirschheydt, 1973. – VI, 210 S.

16. Michelsen, A. L. J. Der ehemalige Oberhof zu Lübeck und seine Rechtssprüche / A. L. J. Michelsen. – Altona: Hammerich, 1839. – XXIX, 374 S.

17. Oppitz, U.-D. Deutsche Rechtsbücher des Mittelalters: in 3 Bd. / U.-D. Oppitz. – Köln [etc.]: Böhlau, 1990–1992. – Bd. 1: Beschreibung der Rechtsbücher. – 1990. – XVII, 325 S.

18. Des Herzogthums Ehsten Ritter- und Landrechte. Sechs Bücher / Hrsg.: J.P.G. Ewers. – Dorpat: Meinshausen, 1821. – XXVII, 657 S.

19. Schranil, R. Stadtverfassung nach Magdeburger Recht: Magdeburg und Halle / R. Schranil. – Breslau: Marcus, 1915. – XII, 379 S. – (Untersuchungen zur Deutschen Staats- und Rechtsgeschichte ; 125).

20. Rechts- und Sprachtransfer in Mittel- und Osteuropa: Sachsenspiegel und Magdeburger Recht: intern. u. interdisziplinäre Konf., Leipzig, 31. Okt. – 2. Nov. 2003 / Hrsg.: E. Eichler, H. Lück. – Berlin: De Gruyter Recht, 2008. – 332 S. – (Ivs saxonico-maidebvr gensē in Oriente; Bd. 1).

21. Stobbe, O. Geschichte der deutschen Rechtsquellen / O. Stobbe. – Braunschweig: Schwetschke, 1860. – Bd. 1 : Geschichte des deutschen Rechts. – XI, 655 S.

Мартынюк А. В.

ПОД СТЯГОМ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ АВСТРИЙСКИЕ КРЕСТОНОСЦЫ В ПОХОДАХ НА ЛИТВУ И РУСЬ

Пилигримы. «Магистр со своими людьми и со многими пилигримами совершил большую рейзу против язычников, и они вступили в их землю с поднятыми знаменами, впереди был стяг святого Георгия, под которым шли пилигримы, затем знамя пресвятой Девы Марии и знамя Ордена с орлом и крестом» (*Magister cum preceptoribus suis et multis peregrinis edixit reysam magnam contra paganos et intrantes terram erectis vexillis, primo sancti Georgii, deinde sequuntur peregrine, post hec vexillum beate Virginis, vexillum quoque ordinis cum aquila et cruce*), – так повествует орденский хронист Виганд Марбургский о походе, совершенном крестоносцами против Литвы в 1384 г. [18, S. 624]. Данный поход был лишь одним из эпизодов великой эпохи рейзов (нем. *reysa*: поход, бой, битва) – военных экспедиций европейской знати на литовских язычников и русских «схизматиков» в XIV – начале XV века. В это столетие рейзы были неотъемлемой частью рыцарской культуры и в поход «в Пруссию, Литву, Тартарию...» (*gen Preussen, Littwan, Tartarei...*, по словам тирольского поэта Освальда фон Волькенштейна) отправлялись многие представители европейской знати из Германии, Франции, Англии и других стран. Возможность получить посвящение в рыцари под стягом святого Георгия во время похода на язычников рассматривалась как один из наиболее достойных вариантов для молодого аристократа.

К сожалению, в современной восточноевропейской историографии данной проблематике уделяется мало внимания: создается впечатление, что белорусских, литовских и российских историков слабо интересует то, что происходило «по ту сторону фронта». В их трудах «немцы», совершавшие нападения на земли Литвы и Руси, предстают в виде какой-то темной безликой силы. Однако за обобщенными «немцами» средневековых восточнославянских источников и современной историографии скрываются вполне конкретные крестоносцы из разных европейских стран, при этом имеющиеся в нашем распоряжении источники даже позволяют назвать многих из них поименно. В изучении проблематики рейзов классическими являются работы немецкого исследователя Вернера Паравичини [12; 13]. Однако ма-

териал в этих работах представлен крайне неравномерно: основное внимание В. Паравичини уделил Бургундии, прирейнским землям и др. и при этом даже не выделил Австрию в качестве самостоятельного региона, выходцы из которого участвовали в этот период в крестовом движении. Между тем Австрийское герцогство, консолидированное под властью династии Габсбургов, было в XIV в. важным актором на границе соприкосновения германского и славянского миров. В данной статье делается попытка системно рассмотреть данные источников об австрийских рыцарях, принимавших участие в походах на Литву и Русь.

Похвальные песни и их герои. Важнейшим источником для нашего исследования являются произведения (похвальные песни) австрийского поэта и герольда Петера Зухенвирта (около 1320 – после 1395 г.). Тема военных походов в целом и рейз на восток Европы в частности занимает заметное место в похвальных песнях Зухенвирта, что позволило немецкому историку Х. Бокману охарактеризовать поэта как «профессионального пропагандиста рыцарских подвигов» [1, S. 135]. Следует отметить, что Зухенвирт был участником большой рейзы на Литву в 1377 г. под предводительством австрийского герцога Альбрехта III и его поэтическое описание этого похода имеет значение как свидетельство очевидца. Произведения Зухенвирта давно привлекают внимание исследователей не только как памятники средневековой рыцарской поэзии, но и как важный источник по истории крестовых походов европейского рыцарства в Прибалтику. Еще в 1863 г. они были включены во второй том «*Scriptores rerum Prussicarum*», наряду с орденовыми хрониками и иными источниками [18, S. 155–169].

Произведения Зухенвирта были изданы в 1827 г. австрийским историком и собирателем древностей Алоизом Примиссером [15]. Данное издание было подготовлено на высоком научном уровне и продолжает оставаться классическим, хотя отдельные положения А. Примиссера требуют уточнения или пересмотра (особенно в части исторических комментариев к песням и датировки упомянутых в них событий). Пять похвальных песен, не вошедших в издание Примиссера, были выявлены и опубликованы в 1878 г. Г. Е. Фрисом [8]. обстоятельное исследование проблеме соотношения исторического и поэтико-риторического в песнях Зухенвирта посвятила немецкая исследовательница К. Бринкер [6]. Важное методологическое значение имеет также статья В. Паравичини «Рыцари с Рейна», показавшего в трех case-studies на

материале биографий рыцарей из прирейнского региона специфику рыцарской поэзии как исторического источника [14, S. 217–249]. Во всех случаях, когда представленные в похвальных песнях события (битвы, походы и т. д.) поддавались проверке на основе других источников, эти источники подтверждали историческую достоверность песен. Поэты-герольды, создатели похвальных песен, лишь позволяли себе выдвигать на первый план военные подвиги своего героя и умалчивать о других обстоятельствах его жизни (хозяйственных, семейных пр.), которые не представляли интереса в плане создания образа идеального рыцаря. Можно сказать, что поэты «подсвечивали» деяния своих героев, но отнюдь не фальсифицировали событийную канву. Данный вывод следует и из наблюдений К. Бринкер над произведениями Зухенвирта, хотя автор и склонна к некоторому гиперкритицизму в отношении памятников рыцарской поэзии как исторического источника [6, S. 173–176].

В научной литературе сложилась традиция изучения похвальных песен Зухенвирта в той последовательности, как их расположил А. Примиссер. Данный подход положен и в основание настоящей статьи (с добавлением по изданию Г. Е. Фриса). Ниже приведен обзор «титulyных героев» песен Зухенвирта, курсивом при этом выделены те исторические персонажи, которые имеют отношение к теме нашего исследования. К некоторым из них нам придется позднее неоднократно возвращаться.

- I. *О короле Людовике Венгерском*
- II. *О императрице Баварской*
- III. *О герцоге Альбрехте (II) Австрийском*
- IV. *О рыцарских деяниях герцога Альбрехта (III)*
- V. *О покойном герцоге Альбрехте (III)*
- VI. *О герцоге Генрихе Каринтийском*
- VII. *О бургграфе Альбрехте Нюрнбергском*
- VIII. *О господине Буркхарде Эллербахе Старшем*
- IX. *О господине Пуппли Эллербахе Младшем*
- X. *О нем же*
- XI. *О графе Ульрихе фон Пфаннберге*
- XII. *О Хердегене фон Петтау*
- XIII. *О господине Ульрихе фон Вальзее*
- XIV. *О господине Фридрихе фон Кройцпехе*
- XV. *О господине Леотольде фон Штадеке*
- XVI. *О графе Ульрихе фон Цилли*

XVII. О господине Фридрихе фон Лохене

XVIII. *О господине Хансе фон Трауне*

XIX. Речь о Тайхнере

XX. Речь о пяти князьях: о князе Миланском, о маркграфе Сигизмунде, о Карле, о герцоге Вильгельме Австрийском и о герцоге *Леопольде Австрийском*

Fr. 1. *О господине Морице фон Хаунфельде*

Fr. 2. *О господине Хансе фон Капеллене*

Fr. 3. О герцоге Альбрехте (II) Австрийском

Fr. 4. *О господине Альбрехте фон Раухенштайне*

Fr. 5. О господине Зумольфе Лаппене фон Эрнвихте

Попытаемся рассмотреть «титulyных героев» Петра Зухенвирта как своеобразную случайную выборку из среды австрийской знати XIV в. Свои песни Зухенвирт посвятил восемнадцати рыцарям: не учитываем в данном контексте императрицу Маргариту Баварскую, поэта Генриха Тайхнера, пять князей из песни XX, судьбы которых затрагиваются Зухенвиртом в стихотворении дидактического характера, иллюстрирующем превратности судьбы (хотя об участии одного из них – герцога Леопольда – в рейзе 1370 г. есть сведения в других источниках), а также песню о Зумольте Лаппене фон Эрнвихте, которая носит пародийный характер. Из этого числа в походах на Литву и Русь приняли участие двенадцать человек: король Людовик Венгерский, герцог Альбрехт III Австрийский, бургграф Альбрехт Нюрнбергский, Буркхард «Пуппли» Эллербах Младший, Ульрих фон Вальзее, Фридрих фон Кройцпех, Леотольд фон Штадек, граф Ульрих фон Цилли, Ханс фон Траун, Мориц фон Хаунфельд, Ханс фон Капеллен, Альбрехт фон Раухенштайн. Шестеро персонажей не участвовали в «рыцарском движении на восток»: таковы герцог Альбрехт II Австрийский, герцог Генрих Каринтийский, Буркхард Эллербах Старший, граф Ульрих фон Пфаннберг, Хердеген фон Петтау, Фридрих фон Лохен (последний является единственным героем песен Зухенвирта, никак не связанным с Габсбургами и Австрией [см.: 6, S. 69]). Возможно, информация об этом просто не сохранилась: в некоторых случаях Зухенвирт в своих песнях не называет ни одного конкретного эпизода из биографии своего героя, некоторые песни дошли до нас только частично. Таким образом, можно сделать вывод, что в «рыцарском движении на восток» принимали участие не менее 2/3 героев песен Зухенвирта, что является весьма высоким показателем.

Ниже будет более подробно систематизирована информация об австрийских участниках рыцарских рейз, здесь же мы сделаем лишь несколько общих наблюдений. Большинство героев Зухенвирта не ограничились одним походом и совершили несколько экспедиций на восток. В качестве «рекордсмена» выступает Фридрих фон Кройцпех (три рейзы в Пруссию и три похода на земли Руси), один из любимых героев Зухенвирта. Учитывая его другие путешествия (Италия, Испания, Иерусалим, Синай, «Вавилон» (здесь: Каир), Армения, Кипр, Константинополь, Кафа, «Тартария», Польша, Пруссия, Ливония, Русь, Скандинавия, Шотландия, Англия, Ирландия и др.), Фридриха фон Кройцпеха можно охарактеризовать как своеобразного «Одиссея» среди австрийской знати своего времени; не удивительно, что Зухенвирт посвятил ему одну из своих самых обширных песен [см.: 6, S. 173]. На втором месте по количеству походов находится Мориц фон Хаунфельд (пять рейз, в ходе последней из них он погиб): к сожалению, посвященная ему песня является одной из наименее информативных и сохранилась не полностью. Третье место занимает Буркхард («Пуппли») Эллербах Младший (две рейзы на Литву и два похода на Русь). Среди других рыцарей мы выделим Ханса фон Трауна (две рейзы и один поход на земли Руси), еще одного любимого героя Зухенвирта, знаменосца святого Георгия, участника Столетней войны и героя битвы при Пуатье в 1356 г., если продолжить приведенную выше аналогию – «Ахилла» австрийского рыцарства. В целом можно сделать вывод, что австрийское рыцарство весьма активно участвовало в рейзах на восток Европы. Для сравнения можно привести пример рыцаря из Кёльна Рутгера Райтца, который совершил 32 рейзы в Пруссию и три в Ливонию (из них 5 подтверждаются другими источниками), но, насколько можно судить, это уже был экстраординарный случай [12, S. 52].

География походов представлена в основном классическими рейзами из Пруссии на Литву, но четко выделяются и два других «участка фронта» – ливонский и венгерский. В. Паравичини отмечает случаи, когда европейские «гости», опоздавшие к рейзе из Пруссии в Литву или неудовлетворенные ее результатами, предпринимали поездку в Ливонию и участвовали в походах на земли Руси [12, S. 202–205]. Именно так и поступили Ханс фон Траун и Фридрих фон Кройцпех, принявшие участие в нападении на Изборск в 1349 г. [подробнее об этом походе с обоснованием датировки см.: 3]. Венгерский «участок фронта» представлен походами короля Людовика Венгерского на земли бывшего Галицко-Волинского княжества в 1351 и 1352 гг., кульминацией которых

стали бои под замком Белз весной 1352 г. [описание походов в «Дубницкой хронике»: 5, Р. 105–111; подробный анализ на основании данных хроники и песен Зухенвирта: 9, S. 10–16]. Союзные отношения между Венгерским королевством и Австрийским герцогством в этот период открыли возможность для широкого участия австрийского рыцарства во многих военных предприятиях короля Людовика. Таким образом, походы против русских «схизматиков» стояли в глазах придворного австрийского поэта в одном ряду с походами против литовских язычников. Это подтверждает наблюдения Б. Н. Флори, что с середины XIII в. православная Русь все чаще отождествлялась в Латинской Европе с язычниками и другими врагами христианского мира [4, с. 211–212]. Интересно отметить, что на формирование этого стереотипа оказали влияние и события политической истории Австрии середины XIII века, в которые оказались вовлечены также «язычники и схизматики» из Восточной Европы [2].

Мы неоднократно встречаем знамя святого Георгия в песнях Петера Зухенвирта [о значении стяга см.: 6, S. 122–123; 13, S. 139–150; о значении культа святого как покровителя Тевтонского ордена в Пруссии: 17, S. 161–171]. Почетная миссия нести знамя была доверена Хансу фон Трауну в походе на Изборск против «белых русских» в 1349 г. [15, S. 59]. Не менее четырех героев Зухенвирта получили посвящение в рыцари в этих походах: бургграф Альбрехт Нюрнбергский, Леотольд фон Штадек, граф Ульрих фон Цилли – все в 1345 г., герцог Альбрехт III в 1377 г. (после своего посвящения герцог сам посвятил в рыцари 74 участника похода, к сожалению, не названных по имени [15, S. 11; см. также: 6, S. 128–135, 144]). Все это демонстрирует то важное значение, которое играли рейзы на Балтику в рыцарской культуре Австрии XIV века. Можно сделать вывод, что после окончания эпохи классических крестовых походов в Святую Землю, посвящение в рыцаре в походе против «язычников и схизматиков» на востоке Европы представлялось одним наиболее достойных вариантов для молодых аристократов. Эту мысль вполне определенно выразил сам Зухенвирт, обращаясь к своим слушателям в последних строках песни о рейзе 1377 года:

*Я дам совет благородному воину,
который хочет стать рыцарем:
становись под покровительство Девы Марии,
а также святого Георгия – это будет правильно.
«Лучше быть рыцарем, чем оруженосцем!» [15, S. 15].*

«Общество святого Георгия». Имя святого Георгия снова возвращает нас к культуре этого святого как покровителя рыцарства вообще и крестоносцев в частности. В этой связи необходимо обратить внимание на «Общество святого Георгия», существовавшее в Австрии в 1330–1360-х годах [сводку информации об «Обществе» см.: 16, S. 51–57; в этом же издании дан обзор традиции рыцарских орденов, обществ и союзов в Германии в XIV–XV вв.]. Другое название общества – *Societas Templois* – указывает на его связь с представлениями и легендами о святом Граале. Точная дата основания «Общества» неизвестна. Впервые оно упоминается в 1337 г., вероятнее всего, что оно было основано незадолго до этого. В качестве основателя назван герцог Оттон Веселый (ум. в 1339 г.). В списке членов «Общества» мы встречаем сыновей Оттона, Фридриха и Леопольда, а также его племянников – герцогов Альбрехта III и Леопольда III уже знакомых нам по песням Зухенвирта. «Общество» имело свою капеллу Св. Георгия в придворной церкви Св. Августина в Вене. Капелла была заложена герцогом Оттоном Веселым и сохранилась до настоящего времени в составе дворцового комплекса Хофбурга. Все это указывает на высокий статус «Общества» и его тесную связь с домом Габсбургов.

Наши знания об «Обществе святого Георгия» основываются на одном, но чрезвычайно важном и интересном источнике. Речь идет о сохранившемся в подлиннике списке членов «Общества святого Георгия», который в настоящее время находится на хранении в Австрийской национальной библиотеке в Вене [шифр хранения: Cod. 3321, fol. 42r–48v; современная публикация и обзор литературы см.: 16, 51–57]. Список содержит как имена членов-учредителей общества в конце 1330-х гг., так и дополнения, сделанные в 1368 и 1369 гг. Это свидетельствует о том, что общество существовало на протяжении нескольких десятилетий и отнюдь не только на бумаге: возле имен некоторых членов сделаны пометки о внесении или невнесении ими средств на строительство капеллы, смерти и т. п.

Среди документально зафиксированных в списке членов «Общества святого Георгия» много имен, которые уже встречались нам в произведениях Петера Зухенвирта. Это породило в историографии дискуссию о целях «Общества» и отношении к нему Зухенвирта. Йозеф Файль, первый исследователь и публикатор списка «Общества святого Георгия», высказал в 1848 г. предположение, что целью его создания была борьба против язычников [цит. по: 16, S. 52]. М. Нольте предположил, что Зухенвирт был официальным герольдом *Societas Templois* и

посвящал свои похвальные песни его умершим членам [10, S. 32–34]. Эти гипотезы вызвали сомнение у К. Бринкер, которая указала, что у нас нет *прямых* указаний источников в их подтверждение [6, S. 80–84]. Скептически высказался и исследователь истории рыцарских орденов и союзов позднего Средневековья Х. Крузе: «общество слишком долго ожидало, прежде чем приступило к осуществлению своей цели» (имеются в виду походы в Пруссию герцога Леопольда в 1370 г. и герцога Альбрехта в 1377 г.); в итоге цель «Общества» была сформулирована им обтекаемо: «поддержка рыцарских идей» [16, S. 52–54]. Не нашел оснований Х. Крузе и для предположения о Зухенвирте как герольде «Общества». Подводя итог представленным в историографии точкам зрения, можно констатировать, что мы имеем две тесно связанные между собой проблемы: цель создания «Общества» и связь с ним Петра Зухенвирта.

Критические аргументы, высказанные К. Бринкер и Х. Крузе, представляются недостаточно основательными. Как мы видели выше, австрийские рыцари активно участвовали в XIV в. в походах против «язычников и схизматиков». Попытаемся систематизировать сведения о «восточных походах» австрийского рыцарства, для удобства сведя их в единую таблицу. В качестве своеобразного «ключа» мы снова возьмем список титульных героев Зухенвирта и сопоставим его как со списком членов *Societas Templois*, так и с информацией об их участии в рейзах против Литвы и Руси (сведения об участии в рейзах систематизированы на основании комментариев А. Примиссера и исследования К. Бринкер, но в некоторых случаях существенно уточнена их датировка) (таблица 1).

Мы можем сразу убрать из списка вдовствующую императрицу Маргариту Баварскую, короля Людовика Венгерского и герцога Генриха Каринтийского (как суверенные правители они не могли состоять в придворном обществе австрийских герцогов), поэта Генриха Тайхнера и пародийного персонажа Зумольфа Лаппена фон Эрнвихта. Из оставшихся семнадцати благородных рыцарей девять документально засвидетельствованы как члены «Общества», а еще трое (герцог Альбрехт II, Леотольд фон Штадек и граф Ульрих фон Цилли) имели в нем ближайших родственников. Таким образом, две трети из «титульных» героев похвальных песен Зухенвирта имели к «Обществу святого Георгия» самое непосредственное отношение. И это только те имена, которые нам удалось выявить при самом первом приближении к проблематике!

Таблица 1

Песня	Имя	Отношение к «Обществу»	Сведения об участии в рейзах
I	король Людовик Венгерский		рейза в Пруссии (1345 г.), походы на земли Руси (1351 и 1352 гг.)
II	императрица Маргарита Баварская		
III	герцог Альбрехт II	брат основателя «Общества»	
IV и V	герцог Альбрехт III	член «Общества»	рейза в Пруссии, посвящение в рыцари (1377 г.)
VI	герцог Генрих Каринтийский		
VII	бургграф Альбрехт Нюрнбергский	член «Общества», в списке значится его брат Иоанн и племянник Фридрих	рейза в Пруссии, посвящение в рыцари (1345 г.), поход на земли Руси (1352 г.)
VIII	Буркхард Эллербах Старший		
IX и X	Буркхард («Пуппли») Эллербах Младший		две рейзы в Пруссии (без датировки), походы на земли Руси (1351 и 1352 гг.)
XI	граф Ульрих фон Пфаннберг	член «Общества», в списке значится и его сын Иоанн	
XII	Хердеген фон Петтау	член «Общества»	
XIII	Ульрих фон Вальзее	член «Общества», в списке значится его брат Фридрих, а также еще восемь предстателей разных ветвей рода Вальзее	рейза в Пруссии (1322 г.), рейзу в Пруссии совершил и его брат Фридрих (1329 г.)
XIV	Фридрих фон Кройцлех	член «Общества»	рейзы в Пруссии (1329, 1349, без даты), походы на земли Руси (1349, 1350(?), 1351 гг.)
Песня	Имя	Отношение к «Обществу»	Сведения об участии в рейзах

XV	Леопольд фон Шгадек	в списке значится его дядя Рудольф	рейза в Пруссии, посвящение в рыцари (1345 г.)
XVI	граф Ульрих фон Цилли	в списке значится его отец Фридрих	рейза в Пруссии, посвящение в рыцари (1345 г.); в рейзе 1377г. принимали участие его сын Вильгельм, брат Герман и сын последнего Герман II
XVII	Фридрих фон Лохен		
XVIII	Ханс фон Траун		рейзы в Пруссии (1348, 1370 гг.), поход на земли Руси (1349 г.)
XIX	Георих Тайхнер		поэт-дидактик, отрицательно относился к рейзам и высмеивал их участников в своих стихах
XX	герцог Леопольд III	член «Общества»	рейза в Пруссии (1370 г.)
Гг. 1	Мориц фон Хаунфельд		пять рейз в Пруссии, без возможности датировки, песня сохранилась частично
Гг. 2	Ханс фон Капеллен	член «Общества», в списке значатся его сыновья Ульрих и Эберхард, а также Ханс Младший	рейза в «Литву против язычников», без датировки, песня сохранилась частично
Гг. 3	герцог Альбрехт II	см. выше	
Гг. 4	Альбрехт фон Раухенштайн	член «Общества»	три рейзы в Пруссии, без датировки
Гг. 5	Зумольф Лаппен фон Эрвихт		пародийный персонаж, участвовал в рейзе, но «до заката вернулся обратно»

Из «двенадцати избранных» (трудно удержатся от аналогии с рыцарями Круглого стола, тем более, что

речь идет о закрытом рыцарском обществе) девять принимали участие в походах против литовских язычников и русских «схизматиков». На наш взгляд, это чрезвычайно высокий показатель. Напомним, что наши сведения об участниках рейзов крайне отрывочны: не будь в нашем распоряжении такого уникального источника, как песни Зухенвирта, мы были бы не в состоянии сказать что-то определенное. Как уже говорилось выше, некоторые песни дошли до нас в отрывках или же не содержат конкретной информации, в общих словах прославляя доблесть рыцарей. Список членов венского *Societas Templois* – участников походов на восток – может быть расширен, если мы возьмем не только «титულных героев» песен Зухенвирта, но и персонажей «второго плана». Продемонстрируем это на примере «Песни о рыцарских деяниях герцога Альбрехта», посвященной рейзе 1377 г. (в таблицу включены имена только австрийских крестоносцев, кроме них в «Песне» упоминаются братья Тевтонского ордена и рыцари из других регионов Европы) [15, S. 8–15].

Участники рейзы 1377 г.	Отношение к «Обществу»
граф Ханс фон Майдбург	в списке «Общества» значатся Бурхард и Конрад фон Майдбурги
граф Хуго фон Монфорт	в списке значится его отец Вильгельм фон Монфорт
граф Герман фон Цилли, его сын Герман II и его племянник Вильгельм	в списке значится его отец Фридрих; его брату Ульриху посвящена отдельная песня Зухенвирта (см. выше)
Конрад фон Крейг, капитан войска в этом походе	член «Общества»
Конрад фон Швайнбарт, отличился в бою против предводителя язычников	
графы Ульрих, Вульфинг и Фридрих фон Штубенберги	в списке значатся Фридрих и Вульфинг фон Штубенберги

Легко заметить, что Зухенвирт называет по именам лишь самых знатных участников похода, как правило, графов, и почти всегда они прямо или косвенно оказываются связанными с «Обществом». Можно предположить, что многие члены «Общества святого Георгия» были среди тех «многих рыцарей», кто сопровождал герцога Альбрехта III в походе 1377 г. Так, Герман Вартбергский говорит о 100 наемных воинах, Виганд Марбургский о 62 «*militibus et nobiles*» [18, S. 114, 585]; сам Зухенвирт сообщает, что Альбрехт посвятил в рыцари 74 человека, граф Герман фон Цилли дал пир на 82 человека [15, S. 11, 13] и т. д. Таким образом,

герцога сопровождала в этом походе значительная свита, вне всякого сомнения, среди этих воинов были и члены придворного *Societas Templois*, которым не посчастливилось быть названными по имени в источниках.

Мы встречаем в списке членов «Общества» целые династии активных участников рейзов (графы фон Цилли, графы фон Вальзее, графы фон Штубенберг), и не встречаем те знатные фамилии из Австрии, Штирии и Каринтии, которые стояли в стороне от этого движения: графы фон Гёрц, графы фон Шаунберг и др. Во многих случаях можно увидеть, что в Пруссию отправлялся не сам член общества, а его более молодой родственник (Леотольд, племянник Рудольфа фон Штадека; сыновья и внуки Фридриха, первого графа фон Цилли; Хуго, сын графа Вильгельма фон Монфорта и т.д.). Все это не может быть результатом простого совпадения.

Особое внимание необходимо обратить на тесную связь дома Габсбургов с «Обществом святого Георгия». Первое поколение Габсбургов, членов «Общества» (герцог Оттон и его сыновья Фридрих и Леопольд), не успели исполнить свой крестоносный долг из-за ранней смерти: сам Оттон умер в 1339 г., его сыновья – в 1344 г. в возрасте 16 и 17 лет. Большая часть правления его брата Альбрехта II (1339–1358) прошла под знаком тяжелой болезни, что заставило его отказаться от активной внешней политики и обеспечило ему славу мудрого правителя и миротворца [11, S. 132–133, 139–142]. Сын Альбрехта герцог Рудольф IV оставил яркий след в истории Австрии, но тоже умер рано – в возрасте 25 лет [там же, S. 169–171]. Зато братья Рудольфа, герцоги Альбрехт III и Леопольд III совершили по самостоятельному походу в Пруссию в 1370 и 1377 гг. соответственно. Следует отметить, что активизация деятельности *Societas Templois* (приписки 1368 и 1369 гг.) произошла сразу же после начала самостоятельного правления братьев Альбрехта и Леопольда в 1365 г. Вероятно, большой поход герцога Альбрехта III в Пруссию в 1377 г. был своеобразным апофеозом деятельности этого рыцарского союза, выполнением много лет вынашиваемых планов (см. выше те случаи, когда в поход отправились дети и внуки основателей «Общества» – графы фон Цилли, фон Монфорт и др.). Тогда становится понятным, почему именно этому событию посвящена отдельная песня Зухенвирта, предполагаемого герольда «Общества святого Георгия»!

Таким образом, сомнения исследователей, отвергавших связь между учреждением общества и идеей крестовых походов, следует признать неосновательными. Перед нами три весьма тесно «пересекающихся множества»: герои песен Зухенвирта, члены «Общества святого Георг-

гия», участники походов на «язычников и схизматиков». Есть все основания полагать, что крестоносная идеология лежала в основе *Societas Templois*, а Зухенвирт был его официальным герольдом. Данный вывод представляется чрезвычайно важным, поскольку позволяет проследить «механику» организации крестовых походов на восток Европы в XIV в.

К сожалению, в нашем распоряжении нет источников, позволяющих проследить дальнейшую историю «Общества святого Георгия». К концу XIV века изменились приоритеты внешней политики Габсбургов, ведущую роль в которой стала играть задача консолидации их территориальных владений. Вероятно, в спаде крестоносной активности сыграла свою роль и гибель в 1386 г. в битве при Земпахе герцога Леопольда III и многих представителей австрийской знати. Впоследствии Габсбургами были предприняты несколько попыток возродить рыцарский орден под патронатом святого Георгия: императором Фридрихом III в 1469 г. и императором Максимилианом I в 1493 г. и 1503 г. [16, S. 407–416, 460–465, 470–472]. Все эти попытки находились в русле идеологии крестовых походов и имели своей целью борьбу против неверных – в их качестве в конце XV – начале XVI в. выступали уже турки. Данные предприятия не увенчались успехом: время рыцарских орденов уходило в прошлое, несмотря на попытки императора Максимилиана – «последнего рыцаря» – возродить идеалы классического рыцарства.

В рамках данной статьи мы мы взглянули на венское *Societas Templois* через призму произведений Зухенвирта. При дальнейшем исследовании целесообразно подойти к проблеме с другой стороны, а именно провести просопографическое изучение представителей австрийской знати, занесенных в список «Общества святого Георгия»: систематизировать биографические данные, выявить родственные связи, проанализировать информацию об их военной службе Габсбургам, участии в военных событиях за пределами Австрии и т.д. Представляется, что «Общество святого Георгия» должно стать объектом специального исследования, которое раскроет его место и значение в контексте рыцарской культуры австрийского Средневековья.

Идеология в образе. Следует обратить внимание на еще один памятник, который ускользает от внимания исследователей, замыкающихся в узких рамках национальных историографий. Практически одновременно с основанием «Общества святого Георгия», в 1338–1339 г. в замке Нойхаус (нем. *Neuhaus*, современное чешское название: *Jindřichův Hradec*) в южной Богемии создается цикл фресок, который может рассматриваться в качестве визуального источника по истории и идеологии

крестовых походов. Замок известен с 1220 г. и находился во владении одной из линий знатного рода Витигонов (Витковичей). Необходимо отметить то обстоятельство, что с 1237 г. в городке при замке Нойхаус засвидетельствовано представительство Тевтонского ордена, позднее получившее статус комтурства. Это позволяет говорить о давних связях владельцев замка с Тевтонским орденом.

Рассматриваемый цикл фресок посвящен святому Георгию (покровителю средневековых воинов вообще и крестоносцев в частности) и был создан в 1338–1339 гг. В поле зрения исторической науки фрески попали еще в XIX веке, однако доступны исследователям они стали только после реставрации 1998–2000 гг. Современная научная публикация фресок вместе с посвященными их изучению научными статьями была предпринята коллективом немецких, чешских и австрийских ученых в 2002 г. [17]. Фрески последовательно рассказывают о житии святого Георгия, сотворенных им чудесах и мученической кончине. Особенностью фресок является тот факт, что святой изображен с гербом Тевтонского ордена – черным крестом на белом поле. Это обстоятельство включает фрески в контекст идеологии крестовых походов, а смерть святого от рук язычников в конце визуального повествования приобретает особый смысл. Рассказ о житии и подвигах святого Георгия превращается, таким образом, в возвышенную и идеологически окрашенную нарратацию о миссии воина Христова, адресованный соответствующей аудитории – бывшим и будущим участникам крестовых походов на Балтику, против литовских язычников и русских «схизматиков». Эта адресность еще более усиливается пояснительными подписями к фрескам, выполненными не на латыни (как этого можно было бы ожидать применительно к церковному сюжету), а на разговорном старонемецком языке.

Кому же были адресованы фрески? Кроме «георгиевского» цикла, стены одного из залов замка Нойхаус были украшены изображениями 19 щитов с гербами богемской знати. По мнению исследователей, данные гербы принадлежат рыцарям, участвовавшим в 1320–1330-х гг. в рейзах против литовских язычников вместе с королем Иоанном Люксембургским [17, S. 46–47]. Заказчиком фресок был Ульрих III фон Нойхаус (1299–1349), крупная фигура политической истории Чешского королевства своего времени. Следует отметить его тесные связи с австрийским рыцарством: мать Ульриха происходила из верхнеавстрийского рода фон Шаунбергов, сам он был женат первым браком на Маргарите Каринтийской, его сестры Агнесса и Анна были замужем за представителями рода фон Шаунберг и фон Вальзее (линцкая линия) соответственно. Послед-

них, напомним, мы встречали среди героев песен Зухенвирта и членов «Общества святого Георгия». Ульрих II фон Вальзее (из штирийской линии рода) участвовал в рейзе 1322 г. [15, S. 41], а его брат Фридрих – в походе 1329 г., предводителем в котором был упомянутый выше чешский король Иоанн Люксембургский [7, S. 124].

На данном этапе невозможно сказать, находится ли «георгиевский» цикл в Нойхаусе в прямой связи с основанием «Общества святого Георгия» в Вене. Учитывая их почти одновременное появление в источниках (1337 и 1339 гг.), а также тесные связи богемского и австрийского рыцарства, такую связь можно считать вполне вероятной. Однако даже если прямые контакты между «георгианцами» из Нойхауса и Вены не будут выявлены, фрески с полным основанием могут рассматриваться как важный памятник идеологии крестовых походов на Балтику. Обращение к фрескам позволяет воссоздать и ощутить ту атмосферу, в которой находились рыцари из австрийских, чешских и южнотемских земель, принявшие крест и готовившиеся к походу на край Христианского мира (*universitas Christianorum*).

Вместо выводов: от берегов Дуная до берегов Немана и Западной Двины. Проведенное исследование показывает, что образ святого Георгия является своеобразным «кодом», структурирующим информацию источников из различных стран и культурных регионов Европы. Этот «код» связывает в единую систему сведения нарративных источников (пруссские хроники и похвальные песни Зухенвирта), документальные материалы (реестр членов венского *Societas Templois*) и визуальные памятники (фрески замка Нойхаус). Все вместе они дают нам редкую возможность увидеть всю «логистическую цепочку» пути крестоносцев на восток и «идеологические маркеры» на этом пути (капелла Святого Георгия в Вене, георгиевский зал в замке Нойхаус, «георгиевское застолье» в Мариенбурге, георгиевское знамя в походе против язычников и «схизматиков» и др.). Расшифровка «кода святого Георгия» позволяет нам почувствовать атмосферу эпохи и понять мотивацию людей, отправлявшихся в XIV веке из Австрии к границам Литвы и Руси или, говоря образно – от берегов Дуная к берегам Немана и Западной Двины.

Список литературы

1. Бокман, Х. Немецкий орден: Двенадцать глав из его истории / Х. Бокман. – М., 2004.
2. Мартынюк, А. В. Когда схизматики стали язычниками: к генезису стереотипа восприятия средневековой Руси / А. В. Мартынюк // Восточная Европа

в древности и средневековье. Материалы XXVI Чтений памяти В.Т. Пашуто. – М., 2014. – С. 179–184.

3. Мартынюк, А. В. Кто убил Юрия Витовтовича? Опыт историко-криминалистического расследования / А. В. Мартынюк // *Studia Magni Ducatus Lituaniae. – Kaunas* (в печати).

4. Флоря, Б. Н. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское Средневековье / Б. Н. Флоря. – М., 2007.

5. *Anonymi Dubnicensis liber de rebus gestis Ludovici regis Hungariae 1345–1355* // *Analecta Monumentorum Hungariae historicum literariorum maximum inedita* / Ed. F. Toldy. – Budapestini, 1986. – P. 87–112.

6. Brinker, C. Von manigen helden gute tat: Geschichte als Exempel bei Peter Suchenwirt / C. Brinker. – Bern, Frankfurt am Main, New York, Paris, 1987.

7. Doblinger, M. Die Herren von Walsee. Ein Beitrag zur österreichischen Adelsgeschichte / M. Doblinger. – Wien, 1906.

8. Friess, G. E. Fünf unedirte Ehrenreden Peter Suchenwirts / G. E. Friess. – Wien, 1878.

9. Huber, A. Ludwig I. von Ungarn und die ungarischen Vasallenländer / A. Huber // *Archiv für österreichische Geschichte*. – Bd. 66. – Wien, 1885. – S. 1–44.

10. Nolte, T. Lauda post mortem: die deutschen und niederländischen Ehrenreden des Mittelalters / T. Nolte. – Frankfurt am Main, Bern, 1983.

11. *Österreichische Geschichte. 1278–1411. Die Herrschaft Österreich. Fürst und Land im Spätmittelalter* / A. Niederstätter. – Wien, 2001.

12. Paravicini, W. Die Preussenreisen des europäischen Adels / W. Paravicini. – Teil 1. – Sigmaringen, 1989.

13. Paravicini, W. Die Preussenreisen des europäischen Adels / W. Paravicini. – Teil 2. – Sigmaringen, 1995.

14. Paravicini, W. Ritterliches Rheinland / W. Paravicini // *Noblesse. Studien zum adeligen Leben im spätmittelalterlichen Europa*. – Ostfildern, 2012. – S. 217–249.

15. *Peter Suchenwirt's Werke aus dem vierzehnten Jahrhunderte: Ein Beytrag zur Zeit- und Sittengeschichte* / Hrsg. von A. Primisser. – Wien, 1827.

16. *Ritterorden und Adelsgesellschaften im spätmittelalterlichen Deutschland* / Hrsg. von H. Kruse, W. Paravicini, A. Ranft. – Frankfurt am Main, Bern, New York, Paris, 1991.

17. *Sankt Georg und sein Bilderzyklus in Neuhaus/Böhmen (Jindřichův Hradec): Historische, kunsthistorische und theologische Beiträge* / Hrsg. von E. Volgger. – Marburg, 2002.

18. *Scriptores rerum Prussicarum* / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen und E. Strehlke – Bd. 2. – Leipzig, 1863.

Рассадин С. Е.

«ЕЗДЕЦ МОСКОВСКИЙ» И ЕГО ДВОЙНИК ЛИТОВСКИЙ

Оригинальное русское название московского светского всадника, «Ездець», фиксируется уже в документах XVI в. [13, с. 16]. С другой стороны, на рубеже XX–XXI вв. в Беларуси большую популярность приобретает название «Пагоня»/«Погоня», представляя собой, однако, буквальное заимствование польского геральдического термина, «Pogoń». Кстати, именно такое название соответствующего герба в соседней Литве еще в конце XIX в. вызвало довольно острое неприятие. Вследствие этого был подобран литовский его аналог, Vytiis, начавший утверждаться лишь с 1880-е гг. [34]. Интересно, что как раз тогда знаменитым российским геральдистом Б.В. Кёне было заявлено, буквально, следующее: «Die Siegeln mit dem Reiter, wahrscheinlich, sind aus Litauen entlehnt, deren Fürsten – Jagello, Witolt und andere – solchermäßen auf den Siegeln dargestellt sind» («Печати с всадником, вероятно, заимствованы из Литвы, князя которой – Ягелло, Витольд и другие – изображены подобным образом на печатях») [71, S. 2]. Впрочем, развитие соответствующей гипотезы, начиная еще от А.Б. Лакиера и, практически, вплоть до современных авторов, настолько подробно отражено в публикациях Е. В. Пчелова, что нам остаётся здесь обратить внимание лишь на некоторые незатронутые им моменты [45, с. 148–151; 46, с. 25].

Е. В. Пчеловым не упоминается идея, претендующая здесь на роль некой «прославянской» альтернативы. Впервые она была изложена, по-видимому, в одной из популярных публикаций В. Ю. Ластовского, неоднократно впоследствии переиздававшейся. «Паўстаньне «Пагоні», як беларускага гэрбу, – пісал он, – датуецца з вельмі даўных часоў гісторыі нашага народу. Нашыя прашчурны – славяне, якія належалі да плямя крывічоў, да часу прыйма хрысьціянскае веры абагаўлялі сілы прыроды. У іх быў бог сонца, які адначасна быў богам ураджаю, і называўся ён Ярыла. ... Бог Ярыла сымбалізаваўся белым канём, на якім сядзеў юнак. Гэты знак белага каня з маладым ездаком сымбалізаваў тады рэлігію, як, прыкладам, цяпер крыж сымбалізуе рэлігію хрысьціянскую. Нашыя прашчурны і ужывалі гэты знак для азначэння прыналежнасці да плямя і рэлігіі крывічоў. У пазьнейшыя часы, калі нашыя прадзеда увайшлі у сувязь з заходня-эўрапейскімі рыцарамі, якія былі коньнікамі,

закутымі у панцыр з шчытом у руцэ і з шаломам на галаве, яны пачалі пераймаць ад гэтых рыцараў іхнае узбраенне, бо на тагочасную ваенную тэхніку яно было шмат лепшае. Яны, узброіўшыся самі ў сталёвыя панцыры і шаломы, узброілі таксама і свой пляменны знак – юнак на белым кані, апранаючы яго у панцыр і шалом. У правую ж руку ўлажылі меч, а ў левую – шчыт. Яшчэ пазней, прыняўшы хрысьціянства, крывічы пад уплывам духавенства, зрабілі яшчэ адну зьмену – на шчыце дадалі шасьцёхканцовы крыж. Гэтая зьмена ужо была апошняю. У такой форме сымбаль бога сонца, названы «Пагоняй», застаўся беларускім дзяржаўным гэрбам» [29, с. 20].

Как видим, в первоначальном изложении В. Ю. Ластовского эта гипотеза какими бы то ни было доказательствами вообще не обременялась. Тем не менее, своих современных последователей она нашла [17, с. 85–92; 53, с. 182–191]. Более того, еще раньше А. С. Фаминциным были введены в научный оборот сведения именно о женской природе отечественного Ярилы, связанного с плодородием, а вовсе не с военным делом. «В честь его, – писал этот исследователь, – белорусские девушки около времени первых яровых посевов (27 апреля) устраивают праздник. Нарядив одну из своих подруг «Ярылом», в белую мантию, и украсив ее венком из полевых цветов, ее сажают на белого коня, привязанного к столбу. Вокруг Ярыла девицы, также украшенные венками, водят хоровод, пляшут и поют. В случае благоприятной погоды обряд этот совершается на посеянных нивах. Во время пляски девушки поют в честь Ярилы песню, в которой он изображается шествующим по земле и приносящим с собою плодородие нив и полей» [57, с. 227].

Между прочим, М. А. Ткачев, избегая каких-либо упоминаний про Ярилу, вместо этого апеллировал, в соответствующей публикации, к «древнейшей восточнославянской традиции – «погоне». После такой ее модернизации данная гипотеза воспринималась, по-видимому, как вполне конкурентноспособная. Во всяком случае, у того же М. А. Ткачева читаем: «Отдав» нашим соседям древнебелорусский герб Погоня, вышеназванные исследователи, сами того не подозревая, создали немалые трудности и для русской геральдики. Здесь им, видимо, придется предложить считать герб Российского государства – так называемый «Ездец», возникший в конце XIV в. и изображавший всадника с копьем, поражающего змия, – заимствованным у Литвы» [56, с. 54–55].

Интересно, что на современном этапе черты некоего конвергентного сходства с этой «восточнославянской» приобрела и сама исходная «восточнобалтская» гипотеза генезиса этого «Ездеца». Во всяком случае,

аналогичные фольклорно-этнографические аргументы стали привлекаться также и в ее пользу. Для сравнения, у Е. В. Пчелова можно прочесть, например, следующее: «В поддержку этой идеи свидетельствует и культ коня у древних балтов, понимание коня как символа власти правителя, обычай захоронения с конем (ср. обряд погребения Ольгерда)» [46, с. 22]. Однако на подобных рассуждениях, явно выходящих за рамки собственно геральдической аргументации, основываться, по-видимому, нельзя. Во-первых, культ коня в Евразии – явление не то чтобы широко распространенное, а, просто-напросто, универсальное. В данном случае отсутствие какой-либо балтской специфики наглядно демонстрирует «тұлпар», – волшебный крылатый конь тюркской мифологии, дважды представленный в гербе Республики Казахстан. Во-вторых, культ коня у балтов-земледельцев обладал, по-видимому, отнюдь не военной, а именно аграрной спецификой. Так, хорошо известные амулеты-коньки I тыс. до н.э. – I – начала II тыс. н.э., балто-славянской, по Ф. Э. Модестову, принадлежности, рассматриваются как атрибут женского культа Богини-матери, близкого к культу греческой Деметры [35, с. 75–77]. Возможно, речь здесь должна идти также о культе «Ярыль», если учесть, кем она была, вопреки В. Ю. Ластовскому и его последователям. Наконец, в-третьих, благодаря современному уровню исследований конские останки, сопровождающие погребения как древних, так и средневековых балтов, уже не могут истолковываться просто в качестве одного из символов власти. «Конь, должным образом взнузданный и даже своей позой (спина готова принять всадника, голова вытянута вперед и вверх) показывающий готовность к долгому пути в заоблачные дали, уже не является жертвой погибшему воину, а представляет собой хтонический образ пути духа умершего», – пишет В. И. Кулаков, имея в виду погребения раннесредневековых пруссов. По его же замечанию, пруссам, как и жемайтам, был известен также и ритуал захоронения одной лишь шкуры коня [25, с. 94, 296–297]. Итак, явно не представляя никакого интереса относительно происхождения геральдического «ездеца», обряд этот интересен, конечно, во многих других отношениях. В частности, в якутском позднесредневековом обряде «кулун хоолдуган елеруу» погребенный конь также предназначался для переезда своего хозяина на тот свет [38].

Оказывается, что обновленная «восточнобалтская» гипотеза происхождения «ездеца» строится, к сожалению, на одном безусловно ошибочном положении. Итак, С. В. Белецкий пишет: «Среди разнообразных всадников, изображавшихся на русских печатях, иконографический тип

светского всадника с мечом в руке редок и появляется только в XV в. Появление же аналогичного сюжета в эмблематике Литвы... фиксируется по крайней мере со второй трети XIV в., т. е. почти на столетие раньше» [5, с. 237]. С. С. В. Белецким никак нельзя согласиться хотя бы потому, что на самом деле именно такой всадник представлен на княжеских печатях из Новгорода, относящихся еще к первой половине XIII в. Здесь, по-видимому, будет уместной довольно длинная цитата из А. А. Молчанова. «Активное использование изображения всадника, – пишет он, – как святого (с нимбом вокруг головы), так и светского (без нимба и в короне), прослеживается на свинцовых вислых печатях ближайшего предка московских князей Даниловичей-Калитичей – Александра Ярославича Невского. В настоящее время известно пять вариантов таких печатей-булл из новгородских находок, датируемых 1236–1263 гг. (рис. 1: 1, 2). На лицевой стороне все они несут изображение вооруженного мечом всадника на коне, понимание образа которого при этом варьируется. То он имеет вокруг головы нимб и тогда перед нами патрон князя – святой Александр, то на голове у него появляется корона и тогда он выглядит как государь-воитель» [36, с. 3–8]. Недавно был опубликован еще один экземпляр подобной свинцовой буллы (разновидность № 378а, по В. Л. Янину и П. Г. Гайдукову), где Александр Невский предстает, опять же, в образе коронованного светского всадника, вооруженного мечом (Рис. 1: 3) [15].

Если судить по еще более ранним печатям Мстислава Мстиславича «Удатного» (1180[?] – 1228), образ «светского» всадника мог развиваться непосредственно из его «святого» прототипа. Хотя, по замечанию В. Л. Янина, христианские имя и отчество этого знаменитого князя по летописи неизвестны, но и на оборотной, и на лицевой сторонах его многочисленных печатей имеются изображения святого Федора (Рис. 2) [63, с. 112]. Но этот тезоименный святой с лицевой стороны, согласно А. А. Алферову, изображался в двух вариантах. В одном за спиной у него крылья, в другом – плащ. Однако в обоих случаях в руке у этого «святого» всадника мы видим княжий стяг (рис. 2: 2, 3). «Отход от канонического изображения святого и придание ему знамени, – пишет по этому поводу А. А. Алферов, – говорит об отождествлении князя со святым, что нередко встречается на поздней древнерусской сфрагистике». [2, с. 57–58]. В византийской же сфрагистике единичные изображения святых воинов-всадников встречаются начиная с V в. «Образы святых воинов-всадников, – пишет В. П. Степаненко, – известны в византийской и древнерусской сфрагистике в почти тожде-

ственных иконографических типах. Это всадник с копьём в руках и развевающимся за спиной плащом...» [54, с. 106, 117]. Как раз на эту характерную деталь, по-видимому, нам и стоит обратить внимание, ведь плащ развевается за спиной также и у святого Федора с Мстиславовой печати первой половины XIII в. (рис. 4). Итак, у этого сложного образа один из прототипов наверняка византийский, но, по-видимому, он был отнюдь не единственным. Обратим внимание, что Мстислав Мстиславич «Удатный», княживший, как известно, не только в Новгороде (1210–1215, 1216–1218), но и в Галиче (1215–1216, 1219–1226). Безусловно, он обладал определенными связями с Западом, поскольку даже выдал свою дочь за венгерского принца, сына короля Андрея II [21, с. 11]. По-видимому, нет ничего удивительного в том, что всадники с его печатей напоминают изображенных не только на византийских, но также и на западноевропейских. Обратим, например, внимание на датирующуюся 1228 г. печать графа фрайбургского Эгона (Egino) «Бородатого» IV (1160–1230). Описывая ее, Э. Гённер акцентирует внимание, что на конце копья укреплен военный стяг, а именно трехполосный или трехконцовый *Gonfanon* [69, S. 152, Abb. 1]. Интересно, что в данном случае аналог православной хоругви, гонфанон, изображен с помощью всего двух выпуклых параллельных полос, тогда как на печатях Мстислава «Удатного» четко видны три такие полосы (рис. 2: 2–4). Впрочем, аналогичные, но более ранние, изображения гонфанонов на печатях таких выдающихся деятелей XI–XII вв., как Вильгельм I Завоеватель (1066–1087) и Генрих Лев (1156–1180), соответственно, тоже показаны с помощью трех рельефных полос [66, p. 59; 80, S. 13] (рис. 2: 5, 6). На печати дяди Генриха Льва, герцога Вельфа VI, которая датируется 1152 г., ее владелец изображен в длинном кавалерийском плаще, – то есть, так же, как и святой всадник Мстислава Удатного [69, S. 157] (рис. 2: 7). Именно его печать приводилась В. Л. Яниным как пример древнерусской буллы переходного типа первой четверти XIII в. На ней был изображен скачущий всадник с реющим флагом в руках и в развевающемся плаще за плечами, – впервые вместо какого-нибудь святого неподвижного святого [63, с. 112–113, табл. 18: 203]. Если подобные статические фигуры, очевидно, прямо восходят к сфрагистическим прототипам из Византии, то для всадников на печатях послемонгольской Руси там он вряд ли отыщется. По-видимому, уже хотя бы поэтому стоило обратить внимание также и на сфрагистику Запада, несмотря на авторитетное мнение А. А. Молчанова. Итак, у него читаем: «Но прямое заимствование соответствующего популярного

в геральдике Западной Европы сюжета изготовителями булл русских князей, судя по иконографическим наблюдениям, явно исключается» [36, с. 3–8]. Но обратимся, к примеру, к хорошо известной сфрагистике тех же английских Плантагенетов. Близость иконографии как коней, так и всадников на печати Александра Невского, с одной стороны, и на первой большой королевской печати Ричарда I Львиное Сердце, с другой, очевидна [82, р. 20] (рис. 3: 1, 2). Коронованный, как на Александровой, всадник изображен на печатях Плантагенетов XIII в.: Генриха III (1216–1272) и Эдуарда I (1272–1307) [82, р. 3–4, pl. 1, № 6; 79, р. 23, FIG. 7] (рис. 3: 3, 4). «Всадником в короне» считается изображение также и на оборотной стороне свинцовой буллы Даниила Александровича, первого князя московского (1263/1277–1303). На ее оборотной, – «отцовской», – стороне четко читается надпись «[Ал] ек[са] ндр», удостоверяющая, что изображенный – сам Александр Ярославич Невский [27, с. 93; 64, с. 160, № 401в]. Но на голове у него довольно ясно различается отнюдь не корона, а рыцарский «горшковый» шлем (*great helm*; *der Topfhelm*) (рис. 3: 7). «В защитном вооружении рыцарства Западной Европы, – пишет Я. Перзак, – этот шлем появлялся в конце XII в. ... На его большой печати 1194 г. английский король Ричард I изображен в горшковом шлеме того времени, с нашлемником в форме королевского леопарда» (Рис. 3: 5). Очевидно, он аналогичен относящимся к типам III–V, по классификации Я. Перзака, которые датированы им 1220–1280 гг. [73, S. 629–630, 635, Taf. 1] (рис. 3: 6). Но в таком же изображен на обороте Даниловой печати также и Александр Невский. Таким образом, некоторые существенные подробности, как-то изображения трехполосного гонфанона на печати Мстислава Мстиславича и горшкового шлема на печати Даниила Александровича вполне определенно указывают на западноевропейский источник заимствования, использованный древнерусскими изготовителями княжеских булл в XIII в.

Если по материнской линии Александру Невскому Мстислав «Удатный» приходился родным дедом, то Юрию I Львовичу Галицкому (1252[?]-1308[?]) – прадедом [20, с. 62–76]. На оборотной стороне его маестатовой печати, окруженный надписью «s[igillum] domini Georgi ducis ladimerie», то есть «печать государя Георгия, князя Владимирского», изображен вооруженный всадник со стягом (рис. 4: 1). Согласно Я. Б. Книшу, этой же печатью пользовались, в 1316–1335 гг., его сын Лев II Юрьевич и внук Юрий-Болеслав II Тройденевич Галицкие в 1316–1335 гг. [19, с. 258–259]. К следующему поколению потомков Мстислава

«Удатного» принадлежит Дмитрий I Иванович Донской (1350–1389). На оборотной стороне одной из печатей этого великого князя московского мы видим того же самого, в принципе, «ездеца»-знаменщика [64, с. 160, № 421a] (рис. 4: 2).

На Литву аналогичный процесс влияния западноевропейской сфрагистики распространился только в следующем столетии. Интересно, что это влияние также прослеживается благодаря характерной форме шлема, изображенного на печати, в данном случае, Скиргайлы Ольгердовича. Здесь на голове всадника, по определению Ю. Н. Бохана, показан шлем с откидным забралом типа «хундсгугель» [8, с. 35, мал. I: 5]. По-немецки *die Hundsgugel* означает, буквально, «собачий капюшон»; по австрийскому оружиеведу В. Бёхайму, шлемы с таким названием начали распространяться с середины XIV в. [67, S. 35, Fig. 20] (рис. 5: 1). Впрочем, если судить по публикации О. А. Поссе, похожий шлем мы видим, возможно, уже у всадника на датирующей 1314 г. конной печати чешского короля Йоганна Люксембургского [74, Taf. 48: 5; 75, S. 36] (рис. 5: 2). Однако Скиргайлина печать, опубликованная Э. Римшей, датируется 1394 г., то есть, во всяком случае, временем широкого распространения этих хундсгугелей в Европе [77, P. 71, Fig. 139] (рис. 5: 3, 4).

На Руси, как известно, уже в середине – третьей четверти X в. появляется институт утвержденного печатью письменного документа, заимствованный из Византии [6, с. 35]. Языческая же Литва и в XIII–XIV вв. все еще находилась в процессе своего становления. При этом в начале ее существования как государства большее влияние имела культура отнюдь не латинского Запада, а православного Востока. «Самые старые печати династии Гедимины указывают на это своими кириллическими легендами», – пишет, в частности, Э. Римша [77, p. 59]. Оказалось, однако, что на то же самое указывает и сфрагистика предшествующей династии, правившей Литвой в XIII в. Здесь мы имеем в виду, прежде всего, две подвесные свинцовые буллы. Хотя одна из них обнаружена в Новгороде, а вторая много времени спустя в Тимерёве, обе они были оттиснуты, согласно С. В. Белецкому и В. Н. Седых, чрезвычайно близкой парой матриц. На оборотных сторонах обоих экземпляров имеется надпись «[М]ь/нгда/вь», – то есть Миндовг. По мнению названных исследователей, в 1245–1250 гг. будущий основатель литовского государства, крайне нуждаясь во внешней поддержке, получил ее, признав, возможно, своим сюзереном Глеба, князя волковыского. Вероятнее всего, этому Глебу и принадлежал удвоенный трезубец, изображенный на лицевых их сторонах. Они относятся к хорошо известному типу древнерусских,

использовавшихся лицами, чьи полномочия гарантировал князь, знак которого помещался на печати [49, с. 116–120].

Значение обоих этих находок оттеняются результатами исследования других памятников сфрагистики, претендовавших принадлежать также к Миндовгову наследию. Это, прежде всего, частично поврежденная маестатовая печать, которая приписывалась именно ему хотя бы потому, что она была привешена к акту дарения Миндовгом Тевтонскому ордену «*terram, que Selen dicitur*» («земли, которую зовут Селонской») в 1255 г. Однако, как это было доказано Э. Римшей, подобные «дамаскированные», то есть с заполненным решетчатым готическим орнаментом полем, королевские маестатовые печати появляются лишь в XIV в.: самая ранняя – в 1311 г., у короля Швеции Биргера. «Таким образом, – пишет Э. Римша, – маестатовая печать на Селонском акте 1255 г., по крайней мере, на полвека моложе самого документа. Нет оснований называть ее печатью Миндовга. В противном случае пришлось бы признать, что литовский король более чем на полвека опережал своих соседей, будучи пионером Европы по использованию маестатовой печати, дамаскированной готическим орнаментом» [76, р. 35–44].

Миндовгу же приписывалась также печать с изображением ничего другого, как самой «*rogoni litewskiej*». В. Ю. Ластовским этот артефакт был издан еще в 1910 г. со следующим комментарием: «Пячатка гэта знаходзіцца ў прыватных руках і належыць да збораў рэдкасцей, назначэнных у беларускі навуковы музэй» [29, с. 16, 105] (рис. 6). Однако два десятилетия спустя М. Гумовским было обращено внимание, что в ее легенде о Миндовге ничего не говорится и что она наверняка никогда не претендовала быть его печатью, потому что представляет собой типичную работу XVIII в. «Скорее это тиснение на переплете, а не печать!», – писал он [70, с. 707].

Итак, после необходимого из нее изъятия указанных фальсификатов, литовская княжеская сфрагистика обнаруживает свои именно древнерусские истоки. Интересно, что в дальнейшем это исходное древнерусское, – конкретней, новгородское, – начало в той же сфрагистике великокняжеской московской проявляло себя, возможно, уже при литовском посредничестве.

Согласно Г. В. Вилинбахову, всадник с ловчей птицей, то есть, «сокольник», наравне с конными копейщиком и мечником, являлся одним из трех существовавших вариантов изображения московского «ездеца», как такового [12, с. 118]. Вообще-то образ конного сокольника имел в Евразии весьма широкое распространение. К примеру, серебряные

бляхи с его изображением происходят: одна с городища VIII–IX вв. Старе Место (Staré Město) в Моравии, а другая, несмотря на свою вообще-то древнебулгарскую принадлежность, – из и ныне действующего домашнего святилища хантов в Ямало-Ненецком округе [48, с. 292, рис. 88; 3, рис. 2] (рис. 7).

Но нас интересует, в данном случае, сокольник геральдический. Именно его и репрезентует дамская сфрагистика Франции в первой половине XIII в. Притом, если, к примеру, на печати Изабель де Жантилли, 1256 г., изображена только держащая ловчую птицу с путами на лапах рука в сокольничей руковице, то на печатях Алисы де Монморанси, госпожи Розуа и Шомон-Порсьен, 1248 г. и Иоланды де Куси графини де Дрё, 1202 г. представлен именно конный сокольник, – точнее, сокольница, сидящая бочком (Рис. 8) [78]. В принципе, тот же образ мы видим на русских великокняжеских печатях и монетах, – раннемосковских, галицких, кашинских, можайских, суздальско-нижегородских, даже тверских [61, с. 166; 40, 42сл.; , с. 160, №№ 390, 394; 6, рис. 36: 5]. Согласно Н.Д. Мец, такие, с сокольником, монеты чеканились в этих среднерусских княжествах вплоть до 1434 г. [33, с. 25–26]. Тогда получается, что на Руси геральдический всадник с птицей просуществовал официальном государственном обороте целых полтора столетия, то есть уже начиная с конца XIII в. В этот оборот на Руси его ввел, скорее всего, совершенно независимо от дамской французской символики, сын Невского Андрей Александрович. Согласно А. А. Молчанову, на оборотной стороне его свинцовой буллы, в сугубо светском образе, и поэтому, конечно, без нимба, дан «условный героизированный «портрет» самого князя» Андрея Александровича [36, с. 3–8] (рис. 9: 1, 2). Великий князь владимирский в 1281–1283, 1294–1304, в 1281–1283, 1294–1296, 1298–1304 гг. он был также и князем новгородским. Как раз в Новгороде в 1994 г. найдена его только что упомянутая вислая печать. На нее и ссылаются специалисты, рассматривая вопрос о самом происхождении на Руси этого элитарного вида охоты, которое связывается именно с Новгородом. «Не исключено, – считают Д. О. Осипов и В. М. Федоров, – что именно в Новгородской земле сформировались правила охоты на «мокрую» дичь, которых впоследствии будут придерживаться и в Москве» [41, с. 24–29]. Однако в Москве изображение всадника с соколом начинает, по Н. Д. Мец, очень часто встречаться на монетах Василия Дмитриевича [33, с. 26]. Но этот Василий начал княжить лишь с 1389 г. Итак, столетняя лакуна между ним и Андреем Александровичем, кажется, не позволяет прямо связывать московского геральдического соколь-

ника XIV–XV вв. с таковым же новгородским XIII в. Итак, попытаемся выяснить, благодаря чьему посредничеству состоялось транслирование этого образа из Великого Новгорода в Москву. Издавна считается, что сокольник у Василия I Дмитриевича появился благодаря геральдическому влиянию своих ближайших родственников. На его сестре (или дочери) был женат князь Юрий Патрикеевич [42, с. 387]. Наверное, вполне можно представить, как именно выглядела родовая символика Патрикеевых, поскольку печать его сына, Ивана Юрьевича (1419–1499), сохранилась [50, рис. 148] (рис. 10: 1). Итак, согласно В. В. Назаревскому, при Василии I Дмитриевиче их символ едва не заменил собой общеизвестного «ездеца»-копейщика. «На монетах же Василия преобладает мирный конник, а именно – сокольничий с птицей в руке, – писал он. – Всадник этого последнего типа встречается чаще первого и не сходит с монет и последующих княжений, как бы конкурируя с конником военного типа и вместе с тем как бы готовясь стать государственным гербом Москвы. ... Приводим сперва две монеты Василия I с изображением конного сокольника и печать князя Патрикеева, конца этого столетия, с таким же гербом» [37, с. 69–71] (рис. 10: 2). Считается, что «ездец» Патрикеевых окончательно потерял свои шансы сделаться гербом «всех Руси» потерял лишь 31 января 1499 г., когда князь Иван Юрьевич с сыновьями были арестованы и пострижены в монахи в результате конфликта с самим Иваном III. «Сам Великий Князь после этого со своей монеты убирает сокольника на коне, убирает его и из геральдики Москвы, вносит византийского двуглавого орла», – пишет по этому поводу А. Г. Шалыгин [62].

Однако обратимся к началу карьеры рода Патрикеевых при московском великокняжеском дворе. Их эпоним, Патрикеев Наримунтович, который «прославился своей хитростью, интригами и изворотливостью», однажды был объявлен даже ... ирландским(!) князем, – видимо, в качестве тезки святого патрона Изумрудного острова [9]. Впрочем, утверждается также, что в 1408 г. он прибыл вовсе не из Ирландии. «За скупыми строками летописей, – пишет, например, Б. П. Краевский, – так и видится торжественное прибытие в Москву «заезжего» князя Патрикеева из Литвы. Он приехал на службу к Великому Князю Московскому Василию – сыну знаменитого Дмитрия Донского «со всем своим домом»: с близкими и дальними родственниками, с двором и дружиной, домочадцами и огнищанами, служителями и челядинцами. Торжественный въезд не обошелся, надо думать, и без княжеских стягов, на которых был изображен скачущий на коне рыцарь в латах и с поднятым мечом.

Этот рыцарь – традиционная Литовская «погонь»...» [23]. Мы не знаем наверняка, использовал ли Патрикей Наримунтович герба «*rogój litewska*», зато точно известно, что он княжил не только «на Литве», в частности, в Мозыре, но и в Новгородской земле. «В лето 6891 [1383]. ... А в Новьгород приихаша князь Патрикии Наримантович, и прияша его навгородци, и даша ему кормление: Ореховъ город, Корельскый город, и пол-Копорьи города и Луское село», – сообщает летопись об обстоятельствах его там появления. С. И Кочкуркиной обращено внимание, что тогда Патрикей получил только часть того, что за 50 лет до этого были предоставлены Новгородом Наримунту, и не в условное держание, а в наследственное владение. В той же летописи об этом сказано так: «В лето 6841 [1333]. ... Сем же лете вьложи богъ вь сердце князю Литовьскому Наримунту, нареченому вь крещении Глебу, сыну великого князя Литовьскаго Гедимина... и позваша его к себе; и прииха в Новьгород, хотя поклонитися, месяца октября; и прияша его съ честию, и целова крестъ к великому Новуграду за одинъ человекъ; и даша ему Ладогу, и Ореховый, и Корельскый и Корельскую землю, и половину Копорьи вь отчину и в дедену, и его детемъ» [39, с. 346–347, 378]. Если сын, в конце концов, вынужден был искать спасения в Москве, то отца хотели использовать как раз против нее. «Дело в том, – пишет С. И Кочкуркина, – что Новгороду в борьбе за независимость от московского князя нужен был союз с Литвой и в качестве приманки использовалась Корельская земля» [22, с. 115].

Также и в 1385 г., ввиду угрозы со стороны Дмитрия Ивановича Московского, уже десять лет питавшего «нелюбие на Новьгородъ про Кострому и про Волжанъ», то есть, желавшего отомстить за разорение ушкуйниками Верхнего Поволжья, новгородцы постарались угодить его сыну. Недовольные его правлением («налеганиемъ лютымъ») Орешек и Корела были заменены двумя другими: «и отяша у Князя Патрекея те грады, и даша ему градъ Русу и Ладогу» [55, С. 310, 316]. Однако на обломке Патрикеевой печати из Старой Ладоги, на лицевой стороне, значится все же «мозир», – видимо, остаток его основного титула, – «[князь] Мозыр[ский]»). Там же уверенно различаются лишь лошадиные круп и задние ноги, надо полагать, что и на ней был изображен какой-то всадник (рис. 11: 3). Зато полностью сохранился «ездец» его отца Наримунта [64, с. 172, №№ 436б, 436е, 436з] (рис. 11: 1–2). Несмотря на его примитивность, оно иногда рассматривается, собственно, как первоначальный вариант герба «Погоня», например: «А выява ж конніка (вершніка) з кап'єм ці мячом была пашыраная ў сярэднявечнай

еўрапейскай геральдыцы. На Беларусі яна вядома па пячатцы полацкага князя Глеба Гедымінавіча (1330 г.)...» [17, с. 85]. Кстаті, іменна такая яе дагіровка прадстаўляецца далёка не слукайнай [59, с. 14]. Веда, еслі с неў сагласіцца, та выйдзе, што прататып «Погоні» паявіўся на Нарімунтаваў пачаті еше до яго вокняжэня на «прыгородах» Велікага Навгорада, і следаватэльна, помімо какаго-лібо навагородскага вліяня. Одако ізвестно, што она сахранілаь іменно на адном із полацкых дагаворах с немцамі, – таэнее, міра, зааключэнага по аконачаніі предыдушэў вайны, нааавшейся в 1344 г., когда лівонскі магістр явіўся к Полоцку с большым войскам [1, с. 39]. Кроме того, на данной печати, помімо грубого ізображэня какаго-то всадніка, імееться еше і четкая надпісь: «[П]іеча/ть кна/жа Гле/бова». Ізвестно, што Глеб – это второе, хрїстанское, імя Нарімунта Гедімінавіча, крещеніе когоруго проізошло, сагласно адному із процітаірованнх выше летописных ізвестіей, лішь в 1333 г. Ітак, вполне естественнo отвергая отнесеніе «княжа Глебовой» пачаті к донавагородскому, якобы, періоду Нарімунтаваў біографіі, мы не можем сагласіцца таэже с імеющіміся разьясненіями смысла помешенного на неў сюжета. «Считается, – пішет, в частности, Э. Рїмша, – что всадник, показанный на его пачаті, фактїчески не ізображает самого князя, а, скорее, его патрона – святого Глеба» [77, р. 59]. По нашему мненію, сагласіцца с этим трудно. У ізображенного на лїцевой стороне данной пачаті нет ні нимба, ні мученїческого креста, непременных атрїбутов этого святого древнерусских на княжеских пачатях XII – наала XIII в. [63, с. 94, 200, № 167, № 217]. Здесь весьма типїчным является ізображэніе на оборотной стороне пачатей Александра Глебовїча, велїкого князя смоленского в 1297–1313 гг., то есть, по времени доволно близких к Нарімунтаваў. Здесь патрон, по-вїдїмому, его отца, Глеба Ростіславїча, как і полагаеться любому святому, імеет німб. Одако, в отлїчїе от патрона самого владельца этих пачатей, то есть святого Александра, ізображенного на лїцевых их сторонах в вїде всадніка в німбе, святой Глеб показан пешїм [64, № 805, № 806]. Кажеться, конным он в древнерусской сфрагїстїке нікогда не ізображался вообще.

Одако, еслї всадник на пачаті Нарімунта – не святой Глеб, то это таэже явно не «Погоня»: ні меча, ні копьа у него, безусловно, нет. Обратїм внїмание: точно таэже, с поднятой вверх пустой левой рукаой, ізображен і всадник Александра Нарімунтавіча (рїс. 11: 4). Поза обоих выглядят доволно нелепой, но это, по-вїдїмому, только на первый взгляд. Сравнїм ее, к прїмеру, с показанной, на полотне С. А. Кїрїл-

лова «Царь Алексей Михайлович на соколиной охоте» (1997) (рис. 12: 1–3). Здесь мы видим так называемый «напуск», когда сокольник бросает ловчую птицу с руки; при напуске «сверха» сокола «ставят вверх», то есть, бросают над местом, где предвидится травля дичи [51, с. 722–723]. По-видимому, впечатление нелепости от вскинутой вверх руки изображенного на печати «ездеца» исчезает, поскольку этот жест здесь, собственно, означает, что только что начался «красносмотрительный и радостный высокова сокола лёт», как поэтически выразился однажды сам Алексей Михайлович [26, с. 18].

Однако в качестве сокольника воспринимается, естественно, изображение «ездеца» с птицей на руке. Так, на одной из новгородских печатей Андрея Александровича пернатый ловец изображен уже расправившим крылья, готовым взлететь, но еще не взлетевшим (рис. 12: 4).

Кстати, это изображение как бы иллюстрирует именно новгородский источник сфрагистических сюжетов и самого Наримунта, и его потомков, вплоть до Ивана Юрьевича Патрикеева. Итак, лакуна между сокольниками с Андреевых печатей и с монет Василия I Дмитриевича, видимо, заполняется рассмотренными выше «ездецами» со вскинутыми вверх руками, изображенными, наверное, в самый момент «напуска сверха». В «походном строю» ловчая птица сидит на отставленной в сторону полусогнутой руке охотника, как это и проиллюстрировано К. В. Лебедевым (рис. 13: 1). Именно так и изображались все без исключения конные сокольники в Москве (рис. 13: 2, 3). Но и в соседних среднерусских княжествах его иконография аналогична. В частности, денгу с сокольником чеканил Семен Владимирович серпуховско-боровский (1410–1426) [40, с. 141, № 735, табл. XII: 558]. Внуку его брата Ярослава, Ивану Васильевичу, удалось «отъехать» в Литву из-за ареста отца и последующей конфискации Серпухова и Боровска Василием II Васильевичем в 1456 г. Однако сыну беглеца, Федору Ивановичу Ярославичу, посредством женитьбы на Александре Семёновне Оленьковне удалось впоследствии сделаться удельным князем пинским [24, с. 121]. Ярославичева печать при этом выглядела иначе, чем «князя Олександрова». Александр Михайлович Тверской, получив в свое время Псков «из литовской руки», то есть, точно также, как Федор Иванович – Пинск, осознанно перенес, согласно С.В. Белецкому, герб «Погоню» на свою печать [5, с. 239]. Федор же Иванович в «Литве» наследственно пользовался своим сокольником [59, с. 13] (рис. 13: 4, 5). Впрочем, в 1515 г. это была самая последняя реплика такового. Соответственно потере влияния в Литве Наримунтом и Наримунтовичами, а Патрикеевыми – в Москве, конный сокольник

сходит с геральдической сцены, и здесь, и там уступая другим вариантам «ездеца».

Впрочем, известно, что однажды уже предполагалось, буквально, зеркальное сфрагистическое отражение определенной политической зависимости. «Простое сравнение печатей великого князя Василия Дмитриевича с печатью Витовта, – писал А. Б. Лакиер, – заставляет подозревать заимствование (если не идеи, то изображения) (табл. IV: 11), что становится совершенно ясным, если вспомнить, что великий князь Василий Дмитриевич был женат на дочери его, Софии Витовтовне» [28, с. 76]. В самом деле, женитьба 9 января 1391 г. на литовской принцессе московского княжича оказало очевидное влияние не только на его личную судьбу, но и на судьбу нарождавшегося как раз тогда Русского централизованного государства (рис. 14). И та, и другая оказались под сильным влиянием крупнейшего политического деятеля эпохи, Витовта. «Вступая в союз с Витовтом, – писал в свое время Л. В. Черепнин, – правительство Василия Дмитриевича хотело объединить русские и литовские военные силы для борьбы с Ордой» [60, с. 709]. По Н. Е. Веденеевой, «военная сила и авторитет великого литовского князя были использованы Василием I для дальнейшего наступления на самостоятельность Рязани и Великого Новгорода» [10]. Казалось бы, в какой-то момент этот литовско-московский блок окончательно распался, когда дошло до настоящей войны между тестем и зятем. Однако в ее финале в 1408 г. вместо решающего сражения произошло многодневное «стояние на Угре» с последующим заключением «вечного мира». Далее, согласно С. М. Соловьеву, «оба князя, не только не мешают друг другу, но находятся, по-видимому, в тесном союзе, живут как хорошие родственники» [52, с. 1048]. Не удивительно, что дважды, в июле 1417 г. и в марте 1423 г., Василий I Дмитриевич назначает душеприказчиком не кого иного, как своего старшего партнера по союзу: «А приказываю своего сына, князя Василья, и свою княгиню, и свои дети своему брату и тистю, великому князю Витовту, как ми рекл, на Бозе да на нем, как ся имет печаловати» [16, с. 58, 60]. Не случайно также, что обоими печатями, атрибутированными А. Б. Лакиером Василию Дмитриевичу, удостоверяются именно вторая и третья духовная грамота последнего. Согласно Н. Е. Веденеевой, требовалось ознакомить великого князя литовского с текстом завещания. Данное поручение было возложено на митрополита Фотия, который и отвёз духовную грамоту Василия Дмитриевича к Витовту в 1423 г. [11, с. 14]. По С. В. Белецкому, скрепление ее Витовтовой печатью являлось под-

тверждением согласия на опеку над наследниками великого князя московского [5, с. 238].

Итак, вопреки А.Б. Лакиеру, матрица данной печати постоянно находилась, конечно, в Вильне, а не в Москве (Рис. 15: 1). Поэтому понятно, что ее восковые оттиски фиксируются, в основном, при немецко- и латинскоязычных документах [70, S. 722, Tabl. VI: 46]. Красновосковый оттиск при третьей духовной Василия I был в ковчеге, что, по Н. А. Соболевой, особенность западноевропейской средневековой сфрагистики (рис. 15: 2) [50, с. 128–129]. Наконец, и легенда у этой, как назвал ее Ф. А. Фоссберг, «малой конной печати», также выглядит весьма красноречиво: «+s · alexandri · als · wytowdy * dei · gra · magni ducis · lituan» (Рис. 15: 4) [81, S. 42, Taf. 22]. Интересно, что она была опубликована, буквально, рядом с другой, Витовтовой же, печатью, на которой он отрекомендован, однако, не великим литовским, а всего лишь гродненским князем: «+S · VITOLDI · DVCIS · LITWANIE · DEI · GRODAN». Гродненская «конная печать», согласно М. Гумовскому, была изготовлена в 1383 г., то есть, когда Витовт скрывался в Пруссии [70, S. 718, Tabl. VI: 46, 4]. Ее стилистическое сходство с (по М. Гумовскому) соседней позволяет, наверное, предполагать немецкое производство обеих (рис. 15: 5). Итак, оправдывается давнее предположение С. В. Белецкого, что так называемая печать Василия I Дмитриевича с «ездецом»-мечником к собственно русской сфрагистике не имеет отношения [5, с. 239]. Но и чисто литовское происхождение ее происхождения также, по-видимому, под вопросом, – хотя бы по причине очевидного сходства с немецкими «Reitersiegeln» того же XIV в., – например, с печатью графа (маркграфа, герцога) юлихского Вильгельма V (1328–1356) (рис. 15: 6) [68, Taf. 3: 9].

Как раз оно издавна предполагается для «ездеца»-мечника на раннемосковских деньгах. Так, еще у А.Д. Черткова читаем: «Всадник настоящий Литовский...: точно такого видим на печати Вел(ликого) Кн(язя) Витовта при Грамоте 1400 года»; «Всадник, скачущий налево, с саблею поверх головы – герб Великого княжества Литовского, вероятно, снятый нашими денежниками с монет Литовских. По-польски *rogon*» [61, с. 21–22; 26–27]. И в наше время С. В. Белецким с княжением Василия I Дмитриевича связывается появление такого «ездеца» на московской монете, а его же появление на печати малолетнего Василия II Васильевича связывается с вассальной зависимостью последнего от деда – Витовта [5, с. 239; 6, с. 97, рис. 36: 7] (рис. 16: 8). Видимо, исследователям всегда было трудно удержаться от подобных предположений хотя бы из-за одного известия Никоновской летописи. Повествуя о событиях самого

кануна битвы 12 августа 1399 г. на р. Ворскле, никоновский компилятор сообщает, буквально, следующее: «И убося царь Темир-Кутлуй п посылаше послы своя къ Витоѡту съ челобитьемъ и со мною любовно и молбою, чтобы пожаловаль Витоѡть Кестутъевичь, милость на немъ показалъ, въ сыны его взялъ, а дани бы и оброки со всеѢ Орды на всякое лѢто по возможному вималъ. Витоѡть же, много молимъ отъ царя, сниде на сѣ; но еще къ тому возхотѢ Витоѡть во всей ОрдѢ быти на денгахъ Ординскихъ знаменіе Витоѡтово» [43, с. 173]. Считается, однако, что это представляет собой не более чем позднейшую, – середины XVI в. – вставку. По замечанию Ю. Борейши и А. Казарова, все другие версии той же самой Повести о побоище Витовта с Темир-Кутлуком, включая самые ранние, которые датируются первой половиной XV в., ничего подобного не содержат [7, с. 5]. Однако на территории Украины, в частности, на Подолье, зафиксировано хождение джучидских монет, контрмаркированных «Колюмнами». На этом основании О. В. Белецкая даже утверждает, что выше процитированное изложение событий никоновским компилятором «вполне подтверждается нумизматическим материалом» [4, с. 101–102]. В любом случае, ни одного случая надчеканки «Колюмнами» монет ни Василия I Дмитриевича, ни Василия II Васильевича не зафиксировано. Попробуем выяснить, действительно ли «ездец»-мечник заменял ли на них эту Витовтову контрамарку.

Как сообщает Троицкая летопись, перед битвой на Ворскле было достигнуто одно литовско-татарское соглашение: «Прежде бо того съвѣщашася Витофть съ Тахтамышемъ, глаголя: азъ ты посажу въ ОрдѢ на царства, а ты мя посадишь на княженьи на великом на Москве, на всей Руской земли» [44, с. 450]. Между прочим, по замечанию Г. Ловмянского, соответствующее титулование присвоил себе еще Ольгерд [31, с. 272–273]. Согласно Г. А. Федорову-Давыдову, титул великого князя всея Руси применительно к Витовту был заимствован из титулатуры именно великих князей московских. Разумеется, для Москвы была категорически неприемлемой подобная претензия державного литовского тестя, даже номинально стремившегося заменить в отношении нее свой статус союзника статусом сюзерена. Неудивительно поэтому, что московский отпор Витовту имел место не только на Угре, но и на монетном дворе. Г. А. Федоровым-Давыдовым приводятся доказательства тому, что на монетах Москвы «ездец»-мечник играет роль некоего эквивалента самого громкого титула ее правителя. «Мы замечаем, – пишет Г. А. Федоров-Давыдов, – что как только появляется на о[боротной] с[тороне] строчная надпись «великий князь всея Руси», а имя князя на л[ицевой]

с[тороне] при этом сохраняется, исчезает «ездец». ...Если бы оставили изображение всадника, то на монетах как бы создавался «излишек» обозначений великого князя – дважды словами в легендах и один раз изображением в поле. Этого избегали» [58, с. 132]. Речь идет о монетах Василия I Дмитриевича типов IVб–д и V, вариантов 1 и 2, по П. Г. Гайдукову, на которых был изображен всадник, скачущий вправо, держа меч перед собой [14, с. 32–36] (Рис. 17: 1). На монетах же Василия II Васильевича, в частности, из состава Волнинского I клада, сокрытого, по В.В. Зайцеву, в мае-июне 1434 г., всадник скачет влево, а меч его занесен над головой, как это имеет место в классическом варианте герба «*rogoń litewska*» [18, с. 13, 40, 69, №№ 36, 37] (рис. 16: 2). Выясняется, однако, что оба эти сюжета не только не имеют никакого отношения к Витовту, но и совпадают иногда с изображениями на аверсах денариев его смертельного врага, Ягайлы. Вообще на древнейших литовских монетах всадник с мечом над головой, повернутый геральдически вправо, разыскивается с трудом и представляет явное исключение. Таковые, по-видимому, даже вне классификации В. Алексеюнаса, где тип V объединяет монеты с изображением этого всадника, но повернутого, геральдически, не вправо, а влево. Исключение представляет собой именно одна из, по Т. Остраускасу, «портретных монет Ягайлы» [72, р. 162–164, Рав. 9] (Рис. 16: 3). «Ездец» же с мечом перед собой на монетах типов IV и V Василия I Дмитриевича, наоборот, соответствует раннелитовским «конным» монетам типа II («Направление всадника – геральдически влево. Меч перпендикулярно или слегка наискось»), которые также, по В. Алексеюнасу, были отчеканены тем же Ягайлой [65, р. 95–95, Рав. 33] (рис. 16: 4). Вообще все монеты с всадником и двойным крестом на щите литовские нумизматы теперь связывают именно с Ягайлой уже потому, что на хорошо сохранившихся экземплярах читается: KNAЗЬ IAГA II, то есть «печать князя Ягайлы». При этом начало их чеканки относят к 1388, а окончание – к 1392 г., когда, согласно Островскому договору, пожизненным правителем Великого княжества Литовского стал Витовт [47, с. 42, рис. 3–6, 8,9].

Итак, этого «ездеца»-мечника с раннемосковских монет следует признать независимым от какого бы то ни было влияния Литвы. Являясь, по-видимому, иконографическим эквивалентом реверсной надписи «кназь великийи Всеа Руси», он, с одной стороны, явно не мог быть аналогом контромарки Витовта в виде «Столбов Гедемина» на золотоордынских монетах, поскольку как раз в тот период эмблемой всадника в Литве пользовался Ягайла, а не он. С другой стороны, вопреки А. Д. Черткову, вряд ли русские великокняжеские денежки стали бы копировать конные пор-

треты Ягайлы с его монет 1388–1392 гг. С 15 февраля 1386 г. король-католик Владислав II, Ягайло для Василия I Дмитриевича, и следовательно, также для Василия II Васильевича, являлся не просто врагом, но врагом наследственным, противником их славного отца и деда Дмитрия Ивановича. К тому же, Ягайлой была нанесена московскому великокняжескому дому непростительная обида весьма политичного свойства. В 1384 г. он официально собирается жениться на сестре Василия Дмитриевича, о чем с Дмитрием Донским заключен соответствующий договор [32, с. 289]. Однако уже в следующем году он, как известно, предпочел старшей московской княжне Софье малолетнюю польскую королеву Ядвигу.

Далее, конечно, трудно представить, что в начале правления Василия II Васильевича московское правительство и отвергает претензию Витовта на сюзеренитет над Москвой посредством изображения иконографического эквивалента великокняжеского титула в виде конного мечника на монетах и, одновременно, демонстрирует вассальную зависимость от того же лица посредством использования официальной печати с тем же изображением. По-видимому, вопреки С. В. Белецкому, в обоих случаях этот «ездец»-мечник начала второй четверти XIV в. выражал, скорей всего, одну и ту же политическую идею: суверенитета великого княжества московского, несмотря на малолетство его номинального, в то время, главы.

Корона на голове «ездеца» с печати Василия I Дмитриевича, известная при его договорной грамоте 1389 г., демонстрировала ту же самую идею вполне наглядно [28, с. 76, табл. V: 4] (рис. 16: 6). Схематическое изображение копейщика на одной из двух известных ныне печатей Василия II Васильевича явно ближе к этому «ездецу» его отца, чем деда по материнской, – подчеркнем! – линии [64, с. 168, № 431a] (рис. 16: 7). Однако именно зависимостью от Витовта, как уже отмечено выше, объясняется наличие «ездеца»-мечника на второй из этих печатей [64, с. 168, № 431б] (рис. 16: 8). По нашему мнению, в данном случае предпочтению было отдано, конечно, не отцову, а именно дедову сфрагистическому сюжету, но, по-видимому, вовсе не Витовтову. Великий дед Василия II Васильевича по отцовской линии, Дмитрий Иванович Донской, пользовался печатью как раз с изображением своего святого патрона в виде такого же «ездеца»-мечника [64, с. 168, № 421] (рис. 16: 5).

Итак, реконструируется сложный многосторонний процесс усвоения разных внешних символично-геральдических традиций, процесс их дальнейшей эволюции на двух различных этнокультурных основах, соответственно, русско-московской и вестернезирующей литовской. Налицо значительная самостоятельность обеих этих линий, но с не-

избежным взаимным влиянием. Можно сказать, что в развитии образа «ездеца» вполне адекватно отразился исторический драматизм многовековых отношений Руси и Литвы.

Рисунок 1. Лицевые стороны печатей Александра Невского:

1 – изображение всадника в короне, с мечем, вправо, Ø 23 мм, Новгород, Городище, 1976 г., по В. Л. Янину и П. Г. Гайдукову; 2 – изображение Святого Александра на коне, вправо, с мечем в правой руке, Ø 23 мм, Новгород, Городище, 1976 г., по В. Л. Янину и П. Г. Гайдукову; 3 – по Б. С. Дмитриеву, Ø 32 мм.

Рисунок 2. Печати Мстислава «Удатного» и их западноевропейские аналоги:

1 – прорисовка лицевой стороны Мстиславовой печати, по В. Л. Янину; 2 – ее лицевая сторона, по Б. С. Дмитриеву; 3 – согласно «Беларускаму скарбаішукальніцкаму парталу»; 4 – печать герцога фрайбургского Эгино IV Бородатого, датирована 1228 г., по Э. Гённеру; 5 – оборотная сторона печати короля Вильгельма I Завоевателя, по Д. Блуму; 6 – печать герцога саксонского и баварского Генриха Льва, датирована 1180 г., по Р. Штирнбергу; 7 – печать маркграфа тосканского и герцога Сполето Вельфа VI, датирована 1152 г., по Э. Гённеру.

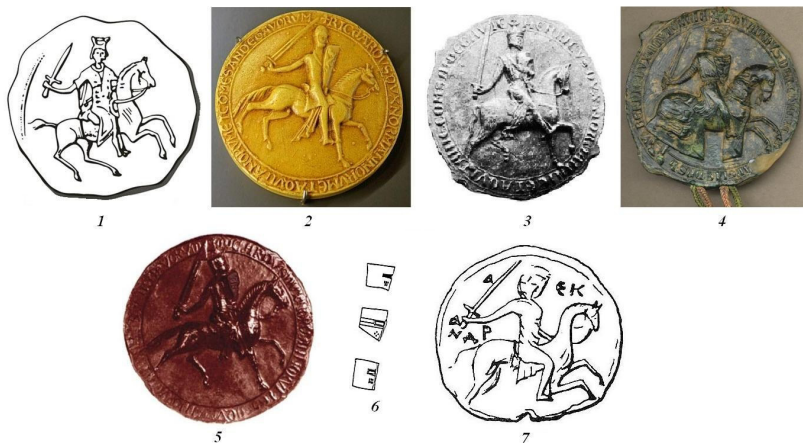

Рисунок 3. Всадники Александра Невского и их плантагенетские иконографические аналоги. 1 – прорисовка лицевой стороны его печати, по А. А. Молчанову; 2 – оборотная сторона первой печати Ричарда I Львиное Сердце, датирована 1189–1199 гг.; 3 – оборотная сторона первой печати Генриха III, Ø 98 мм, по А. Вийону; 4 – оборотная сторона первой печати Эдуарда I, Ø 98 мм, датирована 1272–1307, по Д. Стину; 5 – оборотная сторона второй печати Ричарда I Львиное Сердце, датирована 1197–1199 гг.; 6 – горшковые шлемы типов III–V, по Я. Перзаку; 7 – прорисовка оборотной «отцовской» стороны печати Даниила Александровича, по В. Л. Янину и П. Г. Гайдукову, Ø 25–27 мм, Новгород, 1979 г.

Рисунок 4. Обратные стороны печатей потомков Мстислава «Удатного». 1 – Юрия I Львовича Галицкого и ее прорисовка, по М. С. Грушевскому; 2 – Дмитрия Ивановича Донского, по В. Л. Янину и П. Г. Гайдукову

Рисунок 5. Шлем «собачий капюшон» в немецкой и литовской сфрагистике: 1 – хундсгюгель с поднимающимся забралом середины XIV в., по В. Бёхайму; 2 – печать Яна Люксембургского, по О. А. Поссе; 3 – печать Скиргайлы 1394 г., по Е. Римше; 4 – прорисовка изображения, по Ю. Н. Бохану.

Рисунок 6. «Пячатка Миндоўга», по В. Ю. Ластовскому

Рисунок 7. Серебряные бляхи с конным сокольником: 1 – городище Staré Město, Моравия, по В. В. Седову; 2 – хантыйское святилище, пос. Анжигорт, Ямало-Ненецкий АО, по А. В. Бауло

1

2

3

Рисунок 8. Сокольничьи печати знатных французженок, XIII в.:
1 – Изабель де Жантिलли, 1256 г.; 2 – Алисы де Монморанси, госпожи Розуа
и Шомон-Порсьен, 1248 г.; 3 – Иоланды де Кузи, графини де Дрё, 1202 г.

1

3

5

2

4

6

Рисунок 9. Русский геральдический сокольник: 1, 2 – на лицевых сторонах
печатаей Андрея Александровича, Ø 26–28 и 24 мм, соответственно,
Новгород, 1977–1994 гг., по В.Л. Янину и П.Г. Гайдукову; 3, 4 – на реверсах
монет Василия I Дмитриевича, по А.В. Орешникову; 5 – то же,
по А. Д. Черткову; на лицевой стороне печати Василия II Васильевича,
по С. В. Белецкому.

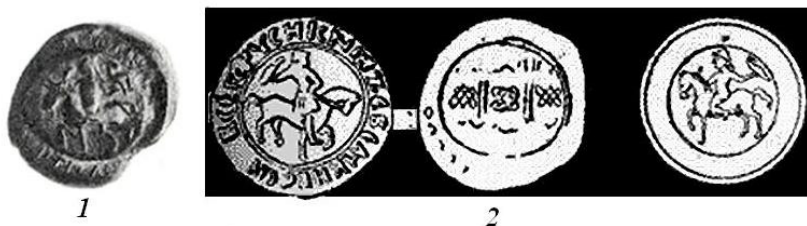

Рисунок 10. 1 – печать князя Ивана Юрьевича Патрикеева, по Н. А. Соболевой; 2 – «Монеты Василия I, печать кн. Патрикеева», по В. В. Назаревскому.

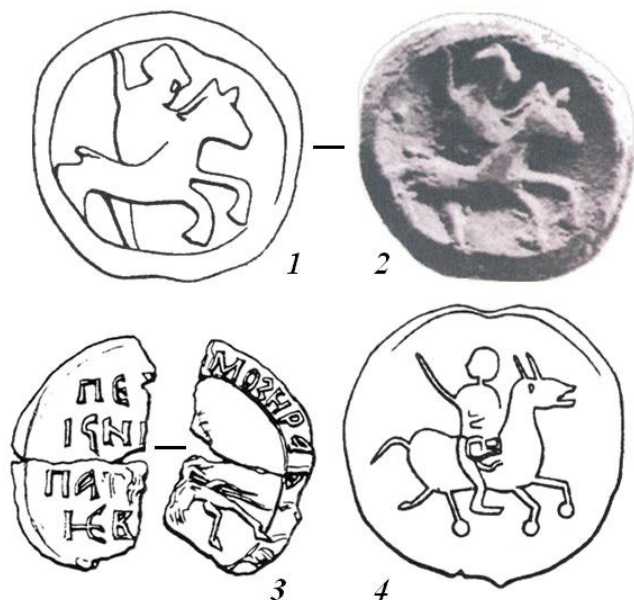

Рисунок 11. Печати Наримунта и Наримунтовичей:
 1 – лицевая сторона печати Наримунта на грамоте Полоцка Ливонскому ордену и Риге 1338–1341 гг., с изображением всадника, Ø 24–25 мм, по В. Л. Янину и П. Г. Гайдукову; 2 – то же, по Э. Римше; 3 – фрагмент печати Патрикеева Наримунтовича, лицевая сторона. Изображение всадника, Старая Ладога, начало 1980-х гг., по В. Л. Янину и П. Г. Гайдукову; 4 – лицевая сторона печати Александра Наримунтовича. Изображение всадника, Ø 25–28 мм, Псков, 1970-е гг., по В. Л. Янину и П. Г. Гайдукову.

Рисунок 12. «Красносмотрителен же и радостен высокова сокола лёт»: 1 – прорисовка изображения на печати Наримунта; 2 – на печати Александра Наримунтовича; 3 – Кириллов С. А. Царь Алексей Михайлович на соколиной охоте, 1997; 4 – прорисовка изображения на печати Андрея Александровича

Рисунок 13. Конные сокольники «в походном строю»:

- 1 – с книжной иллюстрации «Царские сокольники» К. В. Лебедева (1898);
 2 – прорисовка изображения на печати князя Ивана Юрьевича Патрикеева;
 3 – прорисовка изображения на монете Василия I Дмитриевича;
 4 – печать пинского князя Федора Ивановича Ярославича, 1515 г.;
 5 – ее прорисовка, по А. К. Титову.

Рисунок 14. Василий I и Софья Витовтовна. Акварель Ф. Г. Солнцева

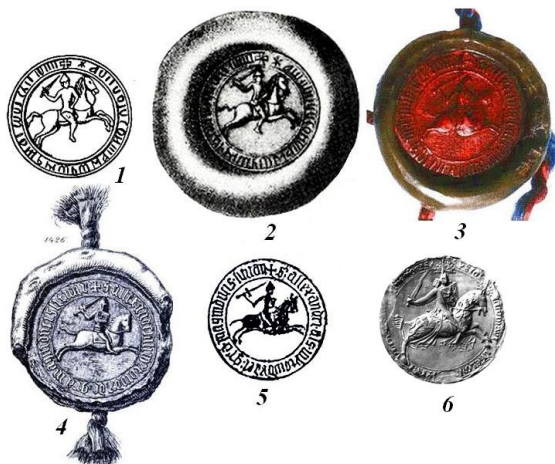

Рисунок 15. Малая государственная печать Великого княжества Литовского.

- 1 – «печать великого князя Василия Дмитриевича», по А. Б. Лакиеру;
 2 – красновосковая односторонняя печать при третьей духовной грамоте Василия Дмитриевича, 1423 г., по Н. А. Соболевой; 3 – малая государственная печать Витовта в 1420–1430 гг., по В. Мисюнасу; 4 – «малая конная печать» красного воска великого князя Витовта на документе 1426 г., по Г. А. Фоссбергу; 5 – печать 1418–1430 гг. великого князя Витовта, Ø 32 мм, по М. Гумовскому; 6 – печать Вильгельма V Юлихского

Рисунок 16. Монеты и печати великих князей московских:

1 – аверс монеты Василия I Дмитриевича и прорисовка изображения всадника на ней, по П. Г. Гайдукову; 2 – аверс монеты Василия II Васильевича, с прорисовкой изображения, по В. В. Зайцеву; 3, 4 – аверсы денариев Ягайлы, по Т. Остраускасу и В. Алексеюнасу; 5 – оборотная сторона печати Дмитрия Ивановича. Изображение всадника с мечом, Ø 26 мм, Новгород, 1994 г., по В. Л. Янину и П. Г. Гайдукову; 6 – печать Василия I Дмитриевича, по А. Б. Лакиеру; 7 – оборотная сторона печати Василия II Васильевича. Изображение всадника с копьем, Ø 26–30 мм, Старая Русса, 1960-е гг., по В. Л. Янину и П. Г. Гайдукову; 8 – оборотная сторона печати Василия II Васильевича. Изображение всадника с мечом, Ø 34 мм, Новгород, 1980-е – начало 1990-х гг., по В. Л. Янину и П. Г. Гайдукову

Список литературы

1. Александров, Д. Н. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках / Д. Н. Александров, Д. М. Володихин; отв. ред. В. Л. Янин. – М.: Аванта+, 1994. – 133 с.
2. Алферов, А. А. Печати князя Мстислава «Удатного» / А. А. Алферов // Волонтер. – 2012. – № 2. – С. 56–58.
3. Бауло, А. В. Серебряная бляха из пос. Анжигорт / А. В. Бауло // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных террито-

рий. Материалы годовой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11. – Ч. 2. – С. 35–38.

4. Белецкая, О. В. Подолье и татары во второй половине XIV – первой половине XV в.: эволюция даннических отношений / О. В. Белецкая // Крынцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. – 2008. – Вып. 4. – С. 96–108.

5. Белецкий, С. В. Печати «князя Олександрова» / С. В. Белецкий // Советская археология. – 1985. – № 1 – 231–240.

6. Белецкий, С. В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику: Учебное пособие для студентов специальности «Музейное дело и охрана памятников истории и культуры» / С. В. Белецкий // СПб. гос. университет культуры и искусств. Кафедра музееведения. ИИМК РАН. Исследования и музеефикация древностей северо-запада. – Вып. 4. – СПб., 2001. – 192 с.

7. Борейша, Ю. О надчеканках «Колюмн» Витовта Кейстутовича и Свидригайлы Ольгердовича / Ю. Борейша, А. Казаров. – Минск: Тесей, 2009. – 54 с.

8. Бохан, Ю. М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI вв. / Ю. М. Бохан. – Минск: Экаперспектыва, 2002. – 336 с.

9. Бугримова, О. Патрикеевна [Электронный ресурс] // Проза.ру. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2009/07/08/1177>. – Дата доступа: 24.11.2013.

10. Веденева, Н. Е. Василий I Дмитриевич (1389–1425). Опыт политической биографии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история [Электронный ресурс] / Н. Е. Веденева. – Саратов: СГУ им. Н. Г. Чернышевского, 2005. – 219 с. – Режим доступа: <http://www.disserscat.com/content/vasilii-i-dmitrievich-1389-1425-opyt-politicheskoi-biografii>. – Дата доступа: 02.12.2014.

11. Веденева, Н. Е. Василий I Дмитриевич (1389–1425). Опыт политической биографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история / Н. Е. Веденева. – Саратов, 2005. – 22 с.

12. Вилинбахов, Г. В. Всадник русского герба / Г. В. Вилинбахов // Труды Государственного Эрмитажа. – 1981. – Т. XXI. – С. 117–122.

13. Гавриленков, С. С. Современная московская символика: исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история / С. С. Гавриленков. – М.: Московский государственный областной университет, 2007. – 26 с.

14. Гайдуков, П. Г. Русские полуденьги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв. / П. Г. Гайдуков. – М.: Палеограф, 2006. – 160 с.

15. Дмитриев, Б. С. Новый материал в сфрагистике Александра Невского [Электронный ресурс] / Б. С. Дмитриев. – Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2008/Dmitriev.pdf. – Дата доступа: 30.11.2013.

16. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подготовил к печати Л. В. Черепнин; под ред. С. В. Бахрушина. – М., Л.: АН СССР, 1950. – 585 с.

17. Зайкоўскі, Э. М. Сакральныя вытокі герба Пагона / Э. М. Зайкоўскі // «Пагона» у сэрцы – тваім і маім» / пад рэд. А. К. Цітова. – Мінск: Хата, 1995. – С. 85–92.

18. Зайцев, В. В. Материалы по русской нумизматике XV века / В. В. Зайцев. – Киев: Юнона монета, 2004. – 143 с.

19. Книш, Я. Б. *Sigillum leonis* / Я. Б. Книш // Княжа доба: історія і культура. – Львів, 2010. – Вип. 3. – С. 257–267.
20. Костомаров, Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей / Н. И. Костомаров. – М.: ЭКСМО, 2009. – 1024 с.
21. Котляр, Н. Ф. Идеино-политическое кредо Галицко-Волынского свода / Н. Ф. Котляр // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2005. – № 4. – С. 5–13.
22. Кочуркина, С. И. Корела и Русь / С. И. Кочуркина. – Л.: Наука, 1986. – 146 с.
23. Краевский, Б. П. О роде князей Голицыных [Электронный ресурс] / Б. П. Краевский. – Режим доступа: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=12044>. – Дата доступа: 27.12.2013.
24. Кром, М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. / М. М. Кром. – 2-е изд. – М.: Квадрига, 2010. – 320с.
25. Кулаков, В. И. История Пруссии до 1283 года / В. И. Кулаков. – М.: Индрик, 2003. – 402 с.
26. Кутепов, Н. И. Царская охота на Руси царей Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича. XVII век / Н. И. Кутепов. – 2-е изд. – СПб: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1898. – 316 с.
27. Кучкин, В. А. Первый московский князь Даниил Александрович / В. А. Кучкин // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 93–98.
28. Лакиер, А. Б. Русская геральдика / А. Б. Лакиер. – М.: Книга, 1990. – 432 с.
29. Ластоўскі, В. Што трэба ведаць кожнаму беларусу. Выданьне трэцяе пашырыў Я. Найдзюк / В. Ластоўскі. – Берлін: Бібліятэчка каліноўцаў № 1. – 1944. – 32с.
30. Ластоўскі, В. Ю. Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 126 с.
31. Ловмянський, Г. Русско-литовские отношения в XIV–XV вв. / Г. Ловмянський // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе / под ред. В. Т. Пашуто. – М.: Наука, 1972. – С. 269–275.
32. Мейендорф, И., протоиерей. Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке / И. Мейендорф. – Paris: YMCA-Press, 1990. – 440 с.
33. Мец, Н. Д. Монеты Великого княжества Московского 1425–1462 гг. / Н. Д. Мец // Нумизматический сборник. – 1974. – Ч. 3. – 164 с.
34. Мисюнас, В. Витис: возникновение литовского названия Погони [Электронный ресурс] / В. Мисюнас. – Режим доступа: <http://geraldika.ru/symbols/32700>. – Дата доступа: 30.11.2013.
35. Модестов, Ф. Э. Амулеты-коньки и культ богини плодородия / Ф. Э. Модестов // Деснинские древности. Сборник материалов межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф. М. Заверняева. – 1995. – Вып. 1. – С. 75–77.
36. Молчанов, А. А. Предыстория московского герба / А. А. Молчанов // Марс. – 1997. – № 1. – С. 3–8.

37. Назаревский, В. В. Из истории Москвы: 1147–1913: Иллюстрированные очерки / В. В. Назаревский. – М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсона, 1914. – 404 с.
38. Николаева, Д. Н. Захоронение с конем в позднем средневековье Якутии [Электронный ресурс] / Д. Н. Николаева // Аймак.Ru. Историко-генеалогический проект. – Режим доступа: <http://www.aymakh.ru/index.php?option=com>. – Дата доступа: – Дата доступа: 22.01.2014.
39. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М., Л.: АН СССР, 1950. – 659 с.
40. Орешников, А. В. Русские монеты до 1547 года / А. В. Орешников. – М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1896. – 225 с. + XXI табл.
41. Осипов, Д. О. Соколиная охота новгородцев / Д. О. Осипов, В. М. Федоров // Родина. – 2010. – № 6. – С. 24–29.
42. Половцов, А. А. Патрикеев Юрий Патрикеевич / А. А. Половцов // Русский биографический словарь. – Т. 13. Павел, преподобный – Петр (Илейка). – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1902. – С. 387.
43. Полное собрание русских летописей. – Т. 11. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршиею или Никоновской летописью. – СПб: Типография И.Н. Скороходова, 1897. – 254 с.
44. Приселков, М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста / М. Д. Приселков. – М., Л.: АН СССР, 1950. – 513 с.
45. Пчелов, Е. В. Гипотеза о «Погоне» как эмблематическом прототипе ездца русских печатей и монет в российской историографии [Электронный ресурс] / Е. В. Пчелов // Tarptautinė numizmatikos konferencija, skirta Lietuvos nacionalinio muziejaus 150-mečiui: Vilnius, 2006. – С. 148–151. – Режим доступа: http://kogni.ru/text/p4elov_pogonia.pdf. – Дата доступа: 22.01.2014.
46. Пчелов, Е. В. «Погоня» и «ездец»: «родство» или сходство? Балто-славянские параллели в эмблематике Средневековья / Е. В. Пчелов // Славяноведение. – 2011. – № 6. – С. 20–33.
47. Рузас, В. Коллекция древнейших литовских монет в музее Банка Литвы / В. Рузас // Банкаўскі веснік. – 2008. – № 7. – С. 41–47.
48. Седов, В. В. Славяне в раннем средневековье / В. В. Седов. – М.: Фонд археологии, 1995. – 416 с.
49. Седых, В. Н. Новые сфрагистические находки из Тимерево / В. Н. Седых, С. В. Белецкий // Stratum plus. – 2011. – № 6. – С. 115–121.
50. Соболева, Н. А. Русские печати / Н. А. Соболева. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
51. Соколиная охота // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Типография АО «Издательское дело», 1900. – Т. XXXA: Слюз – София Палеолог. – 960 с.
52. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. – 2-е изд. – СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1851–1879. – Т. I–V. – 1726 с.
53. Спаткай, Л. В. Нацыянальны сімвал беларусаў [Электронный ресурс] / Л. В. Спаткай // Материалы III республиканской конференции по проблемам

традиционной физической культуры беларусов. Минск, 7.12.2000 г. – Минск: БГПУ, 2002. – С. 182–191. – Режим доступа: <http://www.smalensk.org/?p=819>. – Дата доступа: 22.01.2014.

54. Степаненко, В. П. Образ святого Георгия-всадника в византийской и древнерусской сфрагистике домонгольского периода / В. П. Степаненко // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. – Проблемы истории России. – 2000. – Вып. 3. – С. 106–117.

55. Татищев, В. Н. История Российская с самых древнейших времен / В. Н. Татищев. – СПб.: Тип. Вейтбрехта, 1784. – Кн. 4. – 595 с.

56. Ткачев, М. А. Национальные символы: народ и история / М. А. Ткачев // «Пагоня» у сэрцы – тваім і маім» / пад рэд. А. К. Цітова. – Мінск: Хага, 1995. – С. 48–64.

57. Фаминцын, А. С. Божества древних славян / А. С. Фаминцын. – СПб: Типография Э. Арнольда, 1884. – 332 с.

58. Федоров-Давыдов, Г. А. Монеты Московской Руси: (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство) / Г. А. Федоров-Давыдов. – М.: МГУ, 1981. – 224 с.

59. Цітоў, А. К. Наш сімвал – Пагоня / А. К. Цітоў. – Мінск: Польша, 1993. – 40 с.

60. Черепнин, Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси / Л. В. Черепнин. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – 898 с.

61. Чертков, А. Д. Описание древних русских монет / А. Д. Чертков. – М.: Типография С. Селивановского, 1834. – 262 с.

62. Шалыгин А. Г. Иван Юрьевич Патрикеев и иконография Святого Трифона [Электронный ресурс] / А. Г. Шалыгин // Электронная научная библиотека. – Режим доступа: <http://rusarch.ru/shalygin1.htm>. – Дата доступа: 10.11.2013.

63. Янин, В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. / В. Л. Янин. – М.: Наука, 1970. – Т. 1. Печати X – начала XIII в. – 327 с.

64. Янин, В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XII вв. / В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков. – М.: Интрада, 1998. – Т. III. – 225 с.

65. Aleksiejūnas, V. Lietuviškos monetos su Vyčiu ir dvigubu kryžiumi skyde / V. Aleksiejūnas // Numizmatika. – 2000. – Т. 1. – P. 85–97.

66. Bloom, J. H. English seals / J.H. Bloom. – London: Methuen, 1906 – 274 p.

67. Böheim, W. Handbuch der Waffenkunde. Das Waffenwesen in seiner historischen Entwicklung vom Beginn des Mittelalters bis zum Ende des 18 Jahrhunderts / W. Böheim. – Leipzig: Verlag von E.A. Seemann, 1890. – 694 S.

68. Ewald, W. Rheinische Siegel / W. Ewald. – Bd. VI. Siegel der Grafen und Herzöge von Jülich, Berg, Cleve, Herrn von Heinsberg. – Bonn: Peter Hanstein Verlag, 1963 – 260 S., 110 Taf.

69. Gönner, E. Reitersiegel in Südwestdeutschland / E. Gönner // Aus südwestdeutscher Geschichte. Festschrift für Hans-Martin Maurer Dem Archivar und His-

toriker zum 65. Geburtstag. Im Auftrag des Württembergischen Geschichts- und Altertumsvereins und der Kommission für geschichtliche Landeskunde in Baden-Württemberg / Herausgegeben von W. Schmierer u.a. – Stuttgart: Verlag W. Kohlhammer, 1994. – S. 151–167.

70. Gumowski, M. Pieczęcie książąt litewskich / M. Gumowski // *Ateneum Wileńskie*. – 1930. – Z. 3/4 – S. 684–725.

71. Köhne, von B. Das Kaiserlich-Russische Reichswappen. Reiter und Doppeladler / B. von Köhne // *Vierteljahrschrift für Heraldik, Sphragistik und Genealogie*. – 1882. – X. Jahrgang. – Heft 4. – 460 S.

72. Ostrauskas, T. Nauji duomenys apie Jogailos monetų radinius Lietuvos teritorijoje / T. Ostrauskas // *Numizmatika*. – 2006. – T. – 4/5. – P. 157–166.

73. Pierzak, J. Mittelalterliche Topfhelme auf polnischem Boden im Hinblick auf Westeuropa / J. Pierzak // *Recherches Archéologiques*. – 2009. – № 1. – 629–640.

74. Posse, O. A. Die Siegel der Deutschen Kaiser und Könige von 731 bis 1806 / O. A. Posse. – Bd. I. – Dresden: Verlag von W. Baensch, 1909. – 53 Taf.

75. Posse, O. A. Die Siegel der Deutschen Kaiser und Könige von 751 bis 1913 / O. A. Posse. – Bd. V. – Dresden: Verlag von W. und B. Baensch Stiftung, 1913. – 266 S., 7 Taf.

76. Rimša, E. Ar Mindaugo majestetinis antspaudas? / E. Rimša // *Lietuvos dailės muziejaus metraštis*. – 2005. – № 6. – P. 35–44.

77. Rimša, E. Heraldry: past to present / E. Rimša. – Vilnius: Versus aureus. – 2005. – 205 p.

78. Sceaux de princes et de seigneurs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://picasaweb.google.com/jlchassel/SceauxDePrincesEtDeSeigneurs>. – Дата доступа: 05.01.2014.

79. Steane, J. The Archaeology of the Medieval English Monarchy / J. Steane. – London & New York: Rourledge, 1999. – 226 p.

80. Stirnberg, R. Bevor die Marker kamen. Aus der Vorgeschichte der Grafen von Altena-Mark und Isenberg und der Entstehung der Grafschaften Mark und Limburg / R. Stirnberg. – Teil IV: Aufstieg und Niedergang: Altena und Arnsberg // *Aktive Senioren*. – 2002. – № 58. – S. 12–16.

81. Vossberg, F. A. Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen / F. A. Vossberg. – Berlin: Druck von Gebr. Unger, 1854. – 46 S., 25 Taf.

82. Wyon, A. The great seals of England / A. Wyon. – London & Chiswick: E. Stock, 1887. – 217 p.

Дедук А. В.

ДОГОВОРНАЯ ГРАМОТА РЯЗАНСКОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА И РЯЗАНСКОГО КНЯЗЯ ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА 1496 г.: ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

*Светлой памяти друга и коллеги
Олега Неязбеговича Заидова*

Данная статья посвящена локализации географических объектов, упомянутых в единственном дошедшем до нас договоре между рязанскими князьями. Договор был заключен 19 августа 1496 г. между князьями Иваном и Федором Васильевичами [Общую характеристику договора см.: 40, с. 90–101]. В докончании было проведено разграничение уделов между князьями. После смерти Федора Васильевича в 1503 г. его удел переходит к московскому князю [30, с. 219–224; 39, с. 274–275; 79, с. 605]. Переход Перевитеска и Старой Рязани подтверждается актами, выданными московским князем. [См.: 65, № 111, с. 269; № 170, с. 278; № 194, с. 283; № 227, с. 289]. Уже в духовной Ивана III зафиксирован факт владения уделом Федора Васильевича: «А что ми дал сестричич мои, княз(ь) Фе(о)диръ Васил(ь)евич рязанской, свою втчинѹ на Рязани въ городѣ и на посаде свои жеребеи, и Старѹю Рязан(ь) и Перевитебскъ с волостьми, и с пѹтьми, и з селы, и з бортью, и с тамгою, и со всѣми пошлинами, по томѹ, как са дѣлил съ своим братомъ, со кн(а)земъ с-Иваном, и ѹз тѹ его вотчин(ѹ), жеребеи в городѣ на Рязани и на посаде, и Старѹю Рязан(ь), и Перевитебскъ с волостьми, и с пѹтьми, и з селы, и с бортью, и з тамгою, и со всѣми пошлинами, со всѣмъ по томѹ, как было за кн(а)зем за Феуд(о)ром, даю с(ы)ну своему Василью» [26, № 89, с. 357–358].

Интересен тот факт, что различное по времени вхождение в состав Русского государства «третьей» Рязанского княжества привело в XVI в. к тому, что территории, подвластные некогда Ивану и Федору Васильевичам описывались различными писцами [2, с. 315–316]. Отметим, что «перевицкая треть» была описана уже в 1510/11 г. [2, с. 323]. Пока выдвинем гипотезу, что выделение «разъездов» в конце XV в. оказало влияние на последующее формирование административного деления Рязанского уезда.

После перехода удела Федора к Ивану III граница между уделами стала границей между Москвой и Рязанью. Попробуем локализовать

эту границу. В историографии данное порубежье было локализовано В. А. Кучкиным и К. А. Аверьяновым. В. А. Кучкин локализовал перевицкий рубеж по современной карте [41, с. 109–110]. Таким же путем пошел и К. А. Аверьянов. Им был картографирован участок границы в районе современного Зарайска [1, с. 82–84, 96]. Не так давно рязанским исследователем А. И. Цепковым были локализованы основные объекты «разъездов», но локализация была проведена по современным топонимам и без нанесения на карту [73, с. 143–155].

Таким образом, полностью московско-рязанская граница после вхождения удела Ивана Васильевича в Московское княжество оказалась не локализованной. Попробуем локализовать границу исходя из дореформенной карты Рязанского уезда, уездных планов Генерального межевания и карт Шуберта.

Сначала в договоре прописываются крупнейшие городские центры: «А чѣм тоб(а) бл(а)г(о)с(ло)вил wt(е)ць наш, кн(а)зь великїи Василеи Иванович, да [и ѡз князь великїи Иванъ Васильевичъ], с своєю м(а)т(е)рью, великою кн(а)г(и)нею Анною, отдѣлили есма теб(ѣ) в Переаславли Перевитеск и Рязан(ь) Старую с волостьми, и с wt(ѣ)ѣждими мѣсты... А чѣм мене бл(а)г(о)с(ло)в(ил) wt(е)ць наш, кн(а)зь великїи Василеи Иванович, Переславлем, и Ростиславлем, и Пронском, и всѣми волостьми, и со wt(ѣ)ѣждими мѣсты, и всѣм великїм княжением» [26, № 84, с. 333, 337–338].

Переславль – это современная Рязань. Местонахождение Старой Рязани подтверждено многолетними археологическими исследованиями [см. напр.: 48]. Ростиславль располагался на правом берегу р. Оки около с. Сосновка Озёрского р-на Московской обл. [36, с. 12–21; 37, с. 262–284]. Перевитеск локализуется у совр. с. Перевицкий Торжок Луховицкого р-на Московской обл. [5, № 2258, с. 117–119; 47, с. 239]. Бывший центр Пронского княжества Пронск располагался на территории современного г. Пронск [6, № 1555, с. 61–68; 47, с. 206–216].

Затем идет описание рубежа между уделами: «А промеж нас роздѣл земли wt Ѡки рѣки по Вакиных деревню, да по Голцово, да по Ивачеву деревню, а Вакиных деревнѣ и Голцово въ великог(о) кн(а)зѣ сторонѣ, а Романовское село и Ивачева деревнѣ во кн(а)жи Февдоровѣ сторонѣ, а wt Ивачевы деревни... I на низ до рѣчки до Мечи, да на низ по Мечи до рѣчки до Пилеса, да Пилесом въверхъ по лѣсу по Каринскому к Мосоловской деревни, а Мосоловская деревнѣ во кн(а)жи Февдорове ѡдѣле, а wt Мосоловской деревни [внизъ по Ѡсетрѣ до ѡстьяи по рѣбужу], II тѣ деревни, пашни свои, и оухожаи вѣдают по старинѣ» [26, № 84, с. 334, 337].

I Лист с текстом разорван, в этом месте может уместиться ок. 15 букв.
 II Лист с текстом разорван, в этом месте может уместиться ок. 12 букв].

Вакины селища должны были находиться в непосредственной близости от д. Вакино, легко находимой на современной карте [32]. По карте Менде она обозначена как Вакино [68, л. NWB]. Гольцово не поддается точной локализации. Ивачева, возможно, соответствует д. Ивашковой Пониского стана Рязанского уезда [7; 32; 50, с. 230, 234, 236, 237; 68, л. NWB]. Р. Меча – левый приток р. Вожи [66, с. 162]. Р. Пилос – правый приток р. Мечи [66, с. 164]. Каринский лес созвучен д. Карино Кобыльского стана Рязанского уезда [7; 50, с. 222; 57]. Мосоловская деревня не поддается точной локализации. Р. Осетр – правый приток р. Оки.

Локализованная граница была нанесена нами на карту с обозначением районов точной и примерной локализации (рис. 1) Затем на карту была нанесена локализация границ Переславского и Ростиславского станов Рязанского уезда по С. Б. Веселовскому и границы «дореформенного» Зарайского уезда Переславль-Рязанской провинции Московской губернии [7; 57]. Границы совпали: по р. Мече – по всем трем картам; по р. Пилес – практически полностью (по С. Б. Веселовскому и по карте XVIII в. граница во многих местах переходит р. Пилес); к северу от с. Карино – во всех случаях; по р. Осетр – полное совпадение с картой С. Б. Веселовского. По поводу не совпадения границы по р. Остер с картой Переславль-Рязанской провинции стоит отметить, что очень похоже, что при формировании Зарайского уезда в 1719 г. в него вошли земли Перевицкого и Ростиславльского станов Рязанского уездов [см. указ о реформе 1719 г.: 51, № 3380, с. 704. Характеристики реформы см.: 10, с. 47–52; 31, с. 44–45].

А. И. Цепков считает, что в утраченной части текста акта 1496 г. должна идти р. Сосенка, левый приток р. Мечи [73, с. 145]. Такая трактовка является очень вероятной. Однако по «дореформенной» карте Переславль-Рязанской провинции межа между Рязанским и Зарайским уездами идет между с. Ганино и с. Гореносово (то есть, чуть западнее р. Сосенки) [57]. На наш взгляд, более вероятно, что рубеж XV в. здесь совпадал с границей XVII в. При этом нельзя полностью исключать, что граница могла измениться по формуле «покамест соха, коса и топор ходят» [По данной формуле см.: 15, с. 66–67].

Затем в грамоте описывается рубеж Переславля и Старой Рязани: «А рубеж Переславлю с Рязан(ь)ю вт Ѡки рѣки по Лубаной вверху направо к Переславлю, а налево к Рязани, а вт верху Лубаной [по перевортам к Исью, а вт Исью по] Щучей вверху, а вт Щучей по перевортам к Ис(ь)и, да по Ис(ь)и на низ до ѹстїа, да на низ по Ѡкѣ рѣкѣ до

оусть Прони, да Пронею въверхъ до жорновищ, вт жорковищ подлѣ лѣс позад запол(ь)а да позад березовой [поланы, до рѹбежа] до Мещерско-го, кудѣ н(а)ши боаре ѣхали. А в лѣсе ходити великог(о) княз(а) людем, и кн(а)жим Февдоровым, и вл(а)д(ы)чным, и боарским всѣ свои оухожай по старинѣ. А что мое село Переславичи въ твоём оудѣлѣ, а сидат в нем мои холопи Шипиловы, и то село з дан(ь)ю, и с судом, и со всѣми пошлинами мое, великог(о) кн(а)за» [26, № 84, с. 334. I Далее зачеркнуто: Моего брата].

Отметим, что в тексте второго протвиня грамоты межа после Лубяного верха идет следующим образом: «по перевертам к Тыс(ь)и, а вт Тыс(ь)и по Щучей верхъ» (р. Исья в протвине грамоты упоминается ниже) [26, № 84, с. 338.]. Таким образом, Л. В. Черепнин использовал для реконструкции текста грамоты в данном случае не второй протвинь, и это привело к досадной оплошности.

В р. Оке мы с легкостью узнаем основную водную артерию региона. Лубяной Верх должен располагаться к северо-западу от р. Тисья. Р. Тисья и р. Исья – это правые притоки р. Оки [66, с. 168]. Между ними должен располагаться Щучий верх. На карте Спасского уезда он отмечен как р. Щучья [61; 62]. Затем граница переходит снова на р. Оку и идет по р. Проне.

На наш взгляд, «жорновищи» публикации Л. В. Черепнина – это топоним. Жерновища упоминаются в выписи из жалованной и тарханной грамоты великого князя рязанского Олега Ивановича, включенной в правовую грамоту рязанского епископа Василия, датируемую ок. 1356–60-е гг. XIV в. [9, № 314, с. 245–246]. Сохранилась правовая грамота 1535 г., зафиксировавшая существование с. Жорновища [23, № 5, с. 305–307]. В Старорязанском стане в конце XVI в. существовала слободка Жорновища, принадлежавшая Никитскому монастырю «что на Жорновищах» [23, № 5, с. 305–307; 50, С. 252]. На наш взгляд, налицо неверная интерпретация Львом Владимировичем текста договора. Наше знакомство с подлинником договора подтвердило возможность предложенной нами трактовки [55, л. 1; 56, л. 1].

Юго-восточнее Жорновищ проходила Липская Рязская засека [7; 80, с. 24 – 25, карта. Вероятно, первое упоминание Липской засеки относится к 1598 г.: 53, с. 527]. На востоке от нее заканчивался Рязанский уезд и начинался Щацкий [57; 60, л. 63–69 об.]. В духовной Ивана IV Шацк указан как один из городов Мещеры [26, № 104, с. 437]. На наш взгляд, именно таким образом должен был проходить рубеж Старой и Новой Рязани.

Нами были нанесены на карту межа описанная в грамоте 1496 г., границы станов по С. Б. Веселовскому и «дореформенные» границы уез-

дов Рязанского наместничества (рис. 2) В основном они совпали. Все это говорит о сохранении меж XV в. Раннее такой вывод был высказан А. И. Цепковым, но последний сравнивал границы с картографическими материалами, созданными уже после реформы 1775 г. [73, с. 146–147]. Однако, если сравнить картографические материалы до и после реформы, можно заметить что границы сильно поменялись [ср.: 54, карта № 28; 57]. В фонде Сената РГАДА отложились материалы, позволяющие определить, как менялось административно-территориальное деление Рязанского наместничества [58, л. 197–247 об.]. Таким образом, при всей правильности точки зрения А. И. Цепкова, она основана на сравнении материалов, отражающих различные границы.

По поводу рязанского рода Шипиловых сказать что-либо определенное не представляется возможным. А. И. Цепков предложил соотносить д. Переславичи с с. Шипилово, Можарово, Ярославичи тож на речке на Тысье и на речке на Кипре Старорязанского стана [73, с. 146. См.: 62, землевлад. 40: «С. Ярославичи, Можарово, Шипилово тож». Также см.: 61]. На наш взгляд данная локализация является верной.

Затем в договоре идет деление внутри административно-территориальных единиц Рязанского княжества: «А что моа мордва деленаа с водчинами во Цнѣ, и в Корабугинском оуѣзде бортники с оброки, и в Пластикове, и в Бовыкине, и в Вороножи, [и Донѣ], и рыб(ь)а ловла в моем великом кн(а)жен(ь)и, а Романцев вес(ь) мои, великог(о) кн(а)за, и Братилов вес(ь), и асеновскіе бортники, и пронскіе бортники, и школогородные бортники, и волости Мещерьскіе с оброки и со всѣми доходы по старинѣ, а тѣ мои бортники, и мордва деленаа со всѣми доходы моа и ес(т)ь, по старинѣ. А что н(а)ши люди деленыи ловчане, и вни свои мѣста и оухожаи вѣдают по старинѣ, и городскіе рыболове, истобники, псари, подвозники мѣховыи, подвозники кормовыи, и садовники, ѣстреб(ь)и, подвозники медовыи, и гончары, неводчики, и бобровники, и иные кои мои люди дѣленыи, а конокормы по рубеж, и в то теб(ѣ), моему брату, во все не вступатиса, ни под(ѣ)искивати, ни твоим дѣтем под моими дѣтми. А что наши села въ Мордвѣ на ЦнѣІ и на Украинѣ, и тѣ села вѣдати нам по записем. А что твоя мордва дѣленаа во Цнѣ, и в Корабугинском оуѣзде бортники с оброки, II и в Бовыкине, и в Вороножи въ Верхнем, и Тешев вес(ь), и в Донѣ рецѣ жеребеи, и перевитские бортники, и рязанские бортники, и Мещерские волости со оброки и с доходы по старинѣ, что са тебѣ в делу достало, а что твои люди деленыи ловчане, и вни свои мѣста и оухожаи вѣдают по старинѣ, и рязанские рыболове, истобники, псари, подвозники мѣховые, и подвозники кормовые, и садовники, ѣстреб(ь)и,

и подвозники медовые, и гончары, неводчики, бобровники, и иные которые твои люди деленые, а конокормы по рѹбеж, и мнѣ, великому кн(а)зю, в то во все не вступатиса, ни моим дѣтем под твоими детми» (цитируется протвень Ивана Васильевича) [26, № 84, с. 334–335, 339. I Слова «на Цнѣ» написаны сверху. II Слова «с оброки» зачеркнута].

Прокомментируем состав уделов рязанских князей.

В удел Ивана вошла «мордва деленаа с водчинами во Цнѣ». Р. Цна здесь – это правый приток р. Оки.

И. Ю. Стрикалов поместил Корабугинский уезд в верховьях р. Инкаш, хотя и отметил, что данный регион слабо изучен археологически. Интересно отметить, что с. Карабугино Рязанского уезда Переславль-Рязанской провинции было одним из самых восточных пунктов Рязанского уезда и являлось своеобразным «отростком» рязанских земель [57]. Локализация Корабугино в верховьях р. Инкаш была еще в начале XX в. обоснована на базе писцовых книг С. Н. Введенским [14, с. 6–7].

И.Ю. Стрикалов и А. И. Цепков локализовали Пластиков в правобережье р. Тырницы [67, с. 119; илл. 2 (цв. вкл.). Ср.: 73, с. 149].

Бовыкинская пустошь на р. Паре была пожалована Федором Ольговичем Солотчинскому монастырю [4, № 21, с. 30–31. Так же см. краткое изложение акта и его упоминание: 9, № 327, 341 а, с. 355, 367]. В 1554 г. пустошь Бовыкинская была описана рязанскими двухтретними писцами кн. Ф. С. Мезецким и Т. М. Дубровиным, что подтверждает ее вхождение в состав удела Ивана [4, № 23, с. 33]. Примерно там же ее локализуют С. Н. Введенский и И.Ю. Стрикалов [14, с. 6; 67, с. 119; илл. 2 (цв. вкл.)]. По межевым книгам Рязанского уезда Ивана Юрьевича Бахметьева и подьячего Кузьмы Корочарова 1673/74 – 1674/75 и 1675/76–676/77 гг. фиксируется межа Рязанского и Козловского уездов по: устью р. Олешенки, Бовыкинской тож – р. Поре – Костюковскому и Бовыкинскому черному лесу – старой полянке Бовыкинского леса – заповедному лесу Путятинской засеки [60, л. 62].

Р. Воронеж – это левый приток р. Дон. Судя по всему, Федору досталось верхнее течение р. Воронеж («и в Вороножи въ Верхнем»), Ивану – все остальное.

Как далеко простирались рязанские владения по р. Дон – вопрос дискуссионный. Как известно, именно на р. Дон располагался Червляный Яр, в XIV в. входивший в Рязанскую епархию [9, № 312–313, с. 341–345. По исторической географии Червляного Яра см.: 64, с. 135–141; 73, с. 102–106; 78]. Пронский великий князь Владимир Дмитриевич пожаловал рязанскому епископу Василию II «место на Дону». Дата данного пожалования является спорной: если Василий Дмитриевич совершил данное

пожалование как великий рязанский князь, то это событие могло иметь место в 1371–1372 гг.; если же титул «великий князь» был интерполирован переписчиком, то – 1356–1372 гг. [9, № 316, с. 346–347]. Согласно «хождению Пимена в Царьград» бояре Олега Ивановича провожали Пимена до «Чюр Михайловых» [52, с. 95–96]. Последний был локализован О. А. Шватченко на городище у с. Архангельское Милославского р-на Рязанской обл. на р. Б. Кочур [76, с. 97–100]. После купли Василия Темного рязанские земли на Дону должны были сильно уменьшиться: к Москве отошли земли по Дону до «Табол» [26, № 76, с. 285]. Из договора 1483 г. мы узнаем о рязанском владении Романцево и о Мече, которая «ведалась» совместно с Московским княжеством [26, № 76, с. 285. Также см.: 26, № 76, с. 289]. В конце XV в. Рязань владела Тешевым, локализуемым на Дону (см. ниже). Стоит отметить, что в XV в. донские земли, по данным археологии, были безлюдными [77, с. 162–169].

Кроме договора 1496 г. Романцев упомянут в московско-рязанском докончании 1483 г.: «А что за Доном твое, великог(о) кн(а)за Ивано[во], Романцево с Ѹѣздом и что к нему потагло, и нам, великим кн(а)зем, в то не встѹпатиса. А тебѣ не встѹпатиса в нашу втчинѹ, въ Елеч и во вса Елецскаѧ мѣста. А Меча нам вѣдати вопчѣ» (цитируется по московскому протвиню) [26, № 76, с. 285. Также см.: 26, № 76, с. 289].

По поводу локализации Романцево в историографии сложились взаимоисключающие интерпретации. Д. И. Иловайский предложил искать Романцево на левобережье р. Дон [30, с. 263]. В. Н. Дебольский первым предложил локализацию Романцево в Епифанском уезде [24, с. 36]. Очень ценные наблюдения сделал С. Введенский, хотя они остались не замеченными в последующей историографии. Ретроспективно используя источники XVI–XVII вв. историк пришел к выводу, что Романцево – это промышленный округ, совпадающей с Романцевым лесом. Автор специально отмечает, что это не город. Подробно аргументировав данную локализацию, автор высказывает еще одно возможное местонахождение Романцева – поблизости от Рязани (до этого он считал, что Романцево должно находиться поблизости Мечи и Ельца) [14, с. 8–11, 16]. П. Н. Черменский предложил локализацию Романцева у с. Перехваль Данковского р-на Липецкой области [75, с. 14]. И. И. Воронов согласился с данной локализацией и попробовал подтвердить ее, указав на существование у с. Перехваль городища [16, с. 195–197]. В. П. Загоровский располагал Романцево на территории Лебедянского р-на Липецкой обл., в левобережье р. Дон [28, с. 25, 28, 32 (карта)]. Однако, ниже историк отмечает, что данные земли принадлежали в XVI–XVII в. боярам Романовым [28,

с. 234]. Этот нюанс делает невозможной саму локализацию: становится ясно, что топоним является поздним, и, скорее всего, произошел от фамилии его владельцев. Данная локализация была распространена в литературе XIX – начала XX вв. [21, с. 113; 63, с. 408–409] И. Ф. Малюков согласился с локализацией П. Н. Черменского, но отметил, что городище у с. Перехваль – сарматское. Это заставило его соотнести Романцево с средневековым селищем, расположенным там же [46]. Г. А. Шебанин предложил локализацию Романцева на комплексе археологических памятников конца XII–XIV вв. в районе совр. поселка Романцевского Богородицкого р-на Тульской обл. В подкрепление своей гипотезы историк привел топонимы «Романов» и «Романов корь» писцовой книги Епифанского уезда 1628 г. [см.: 38, с. 98–104]. Им же было отмечено, что на момент написания статьи на данном комплексе памятников не были известны материалы XV в. [77, с. 164–165]. Н. А. Тропин расположил Романцево в правобережье р. Дон, к северу от нижнего течения р. Красивая Меча [69, с. 251, 70, рис. 62 (между с. 26–267)]. А. В. Лаврентьев вступил в полемику с Г. А. Шебаниным. Основным аргументом против локализации Г. А. Шебанина, по мнению А. В. Лаврентьева, является удаленность археологического комплекса от Ельца и Красивой Мечи, и отсутствие топонима в писцовой книге Епифанского уезда 1570/71 гг. Также А. В. Лаврентьевым были сделаны следующие наблюдения: 1) о расположении Романцево на правом берегу р. Дон; 2) Романцево являлось не городской территорией; 3) Романцево как административно-территориальная единица появилась в 1-ой половине 1483 г.; 4) Романцево было, скорее всего, в XV в. незаселенной территорией. А. В. Лаврентьев согласился с локализацией Романцева ок. с. Перехваль [42, с. 97–111. Так же см.: 43, с. 163–175]. И. Г. Бурцев присоединился к точке зрения Г. А. Шебанина. Свою точку зрения И. Г. Бурцев пробует доказать тем, что «в районе р. Перехваль городище в «Романцовом лесу» относится к раннему железному веку; в районе Епифани в наличии городище, селища и могильник XIV–XV вв.» [11, с. 193–194]. К сожалению, исследователь не привел в своей статье данные, говорящие о передатировке «Романцевского» археологического комплекса близ Епифани. В своей более поздней статье исследователь указал уже другую датировку данного археологического комплекса, указав что «в последнее время рядом исследователей это городище интерпретируется как рязанский город Романцев» [12, с. 201]. Ни ссылок на данные работы, ни других локализаций Романцева исследователь не привел. Однако на карте к своей статье И. Г. Бурцев поставил данную локализацию Романцева под знаком вопроса, не объяснив поста-

новку данного пунктуационного знака [12, с. 200; рис. 2. Ср.: 13, прим. 14, с. 156–157].

Таким образом, существуют три версии локализации Романцева: 1) на левом берегу р. Дон на территории Лебедянского р-на; 2) на территории Романцевского археологического комплекса; 3) ок. с Романцева на Дону. Первая версия явно не состоятельна, потому что Романцево должно располагаться «за Доном» (т.е. на правом берегу) и потому что топоним, по которому проводилась локализация, является поздним. Вторая же версия является маловероятной из-за удаленности Романцевского археологического комплекса от р. Красивая Меча и Ельца. Третья же локализация натывается на отсутствие синхронного по времени археологического комплекса.

Второе упоминание Романцева содержит анализируемое dokonчание рязанского великого князя Ивана Васильевича с его братом Федором Васильевичем 1496 г.: «А что моа мордва деленаа с водчинами во Цнѣ, и в Корабугинском оуѣзде бортники с оброки, и в Пластикове, и в Бовыкине, и в Вороножи, [и Донѣ], и рыб(ь)а ловла в моем великом кн(а)жен(ь)и, а Романцев вес(ь) мои, великог(о) кн(а)зѣ, и Братилов вес(ь), и асенояскіе бортники, и пронскіе бортники, и икологородные бортники, и волости Мещерьскіе с оброки и со всѣми доходы по старинѣ, а тѣ мои бортники, и мордва деленаа со всѣми доходы моа и ес(т)ь, по старинѣ» (цитируется протвень Ивана Васильевича) [26, № 84, с. 334, 339]. Таким образом, Романцев в конце XV в. входит в удел Ивана Васильевича и является бортной территорией.

Стоит отметить, что Романцево является по московско-рязанскому dokonчанию уездом, то есть территорией, которая выделялась во владение другому лицу [33, с. 102–107]. Мы не можем говорить, когда был произведен такой раздел, по причине отсутствия документов. Но наблюдения А. В. Лаврентьева об «уездном» характере Романцева следует признать верными, хотя дата возникновения Романцева в 1483 г. вызывает, на наш взгляд, нарекания [42, с. 166–167]. Возможно, что правобережный «уезд» Романцево грамоты – это лишь часть самого Романцева, а в грамоте 1496 г. уже оговаривается принадлежность всего Романцева.

Таким образом, Романцево должно располагаться на правом берегу р. Дон («за Доном») и быть бортной территорией, не имеющей конкретного городского центра. Все это позволяет связать Романцево с территорией Романцева леса, известного по источникам XVI–XVII в. Таким образом, локализация С. Введенского и А. В. Лаврентьева является верной. Однако в историографии не ставилась задача определения границ Романцевского леса.

Против локализации Романцева на территории современной Тульской обл. говорит и тот факт, что в случае верности такой локализации, Романцево находится к западу от границы купли Василия Темного. На наш взгляд, в договоре 1483 г. прослеживается следующая внутренняя логика: описание купли (до слов «а по Табалом на низ в Двн») – описание земель рязанского князя на правобережье р. Дон. Если Романцево представляло некий анклав в составе земель купли, его бы статус был бы оговорен отдельно (ср., например, договорную грамоту 1496 г.: «А что мое село Переславици въ твоём оудѣле, а сидат в нем мои холопи Шипиловы, и то село з дан(ь)ю, и с судом, и со всѣми пошлинами мое, великог(о) кн(а)з(а)» [26, № 84, с. 334.]).

Впервые Романцевский лес упоминается в росписи сторожам 1571 г.: «7-я сторожа на Дону на Ногайской сторонѣ усть Скверны противъ Романцовского лѣсу, отъ Донкова сорокъ верстѣ; а сторожемъ на ней стояти изъ одного Донкова четыремъ человѣкомъ, а беречи имъ налѣво отъ усть Скверны до Колодезца пять верстѣ» [8, № 8, с. 9.]. Практически в том же контексте упоминается Романцев лес в 1577 г. в грамоте на Темников о посылке сторожей [8, № 18, С. 23]. А. В. Лаврентьев соотнес р. Скверная со современной р. Золотухой, левым притоком р. Дон, впадающей в последний в районе устья р. Перехваль [43, с. 174–175].

Материал по локализации Романцева леса дают платежные, писцовые и межевые книги первой половины XVII в. по Елецкому, Лебедянскому и Данковскому уездам. Данные источники в последнее время активно вводятся в научный оборот. В.В. Лаптѣнков поместил часть территории Романцевского леса на территории Бруслановского стана Елецкого уезда между р. Меча и р. Птань [44, с. 53, 62; карта 3. Елецкий уезд в 1630 г.].

По Елецкому уезду за первую половину XVII в. до нас дошли платежные книги 1614/15 и 1619/20 гг. и писцовая и межевая книга 1628 – 1627/28 – 1630/31 гг. Первые два источника не так давно были опубликованы В. А. Кадиком, М. Ю. Зенченко и Г. А. Ивановой [27, №№ 6–7, с. 241–300]. Писцовая и межевая книга Елецкого уезда остаются не опубликованными [59].

Романцев лес упоминается в описании землевладений Бруслановского стана Елецкого уезда [27, с. 271–275, 365, 367–369.].

Документы по Лебедянскому уезду были собраны и опубликованы А. И. Гамаюновым. В них неоднократно упоминается Романцев лес [19, с. 103, 104, 146, 160, 175, 177, 203, 205, 206, 218, 221, 222]. Большая часть упоминаний Романцева леса приходится на округу города Лебедянь. Как показал А. И. Гамаюнов, Лебедянский уезд возник из земель Данковского уезда [18, с. 11–24; 19, с. 55–63; 20, с. 101–129].

Стоит отметить, что ряд населенных пунктов Лебедянского уезда, при описании которых фигурирует Романцев лес, находятся на левом берегу р. Дон (Романов, Ольховец) [19, с. 103, 104. Автор выражает благодарность А. И. Гамаюнову за указание на данный факт. См. карту Лебедянского уезда 20-х гг. XVIII в.: 83]. Учитывая, что все населенные пункты находятся непосредственно на р. Дон, можно предположить, что их землевладения заходили на правый берег р. Дон или же при описании учитывался лесной массив на другом берегу.

Стоит отметить, что в черте г. Лебедянь располагалось древнерусское городище «Тяпкина гора» и известно несколько гнезд древнерусских памятников. Возможно, данная группа памятников была связана с освоением «Романцева»

Материалы кадастров начала XVII в. по Данковскому уезду остаются не опубликованными.

Н. Г. Устрялов приводит недатированный столбец из Кабинета Петра I, содержащий следующее упоминание Романцевского леса: «Въ Донковскомъ, Елецкомъ и Лебедянскомъ уѣздахъ Романцовъ лѣсъ въ длину отъ Мечи до Лебедяни 20 верстъ, поперегъ 10 верстъ. Тотъ лѣсъ по концамъ со всѣхъ сторонъ высѣченъ; въ цѣлости осталась середина около Гусевой поляны, длиною на 10 верстъ, поперегъ на 5 верстъ» [72, с. 377].

На ландкарте Данковского уезда, отложившейся в собрании Делиля, отмечен «bois de Ramantsov», расположенный к юго-западу от Данкова [81]. Данный лесной массив «уходит» в уездную межу и его продолжение мы можем найти на ландкарте Елецкого уезда [82].

На данный момент локализация Романцева лесу затруднена введением в научный оборот материалов по Данковскому уезду. На наш взгляд, нормальная локализация Романцева леса на начало XVII в. возможна только при локализации всех топонимов кадастров начала XVII в. При этом можно точно утверждать, что Романцев лес располагался в междуречье р. Дон и р. Красивая Меча на землях Данковского и Лебедянского уездов, образованного, вероятно, на землях первого.

Аргументом в пользу локализации Романцева на землях Романцева леса является вхождение Данкова в состав земель великого княжества Рязанского согласно духовной Ивана IV [26, № 104, с. 435]. Таким образом, Романцев располагался на территории Романцева леса XVI–XVIII вв.

Братилов точно локализовать на данный момент не удалось. По аналогии, это, должно быть, некая административно-территориальная единица на периферии Рязанского княжества.

Затем следует упоминание ясеновских, пронские и околородные бортники. Если с локализацией двух последних проблем не возникает (регионы городов Пронска и Переславля Рязанского), то относительно расположения ясеновских бортников существуют предположения С. Н. Введенского и А. И. Цепкова [14, с. 7; 73, с. 152–153]. Их построения основаны на сходстве топонимов. Возможно, для точной локализации ясеновских бортников нужна публикация кадастров XVI–XVII по Рязанскому уезду и привлечение данных археологии.

Историю Мещерских волостей мы рассмотрели в отдельном исследовании [25]. Вероятно, они располагались на «мещерской» (левобережной по р. Оке) стороне Рязанского уезда.

«Наши села въ Мордвѣ на Цнѣ и на Украинѣ» должны были располагаться в бассейне р. Цны и на некоем «украинном» рубеже Рязанского княжества.

Теперь перейдем к уделу Федора. Локализацию мордвы, Корабугинского уезда, Бовыкина, Верхнего Воронежа, Дона и Мещерских волостей мы рассмотрели выше.

На наш взгляд, владения Федора по р. Дон можно локализовать. В 1594 г. в приказе Большого дворца была выдана память о присылке сведений относительно описания принадлежности и оброчного оклада бортных ухожей и рыбных ловель, ранее бывших на оброке у бортников с. Ворешь Рязанского уезда, а затем отписанных к г. Воронежу [3, с. 388–390. Описание документа см.: 17, с. 164]. В памяти присутствует отсылка на писцовые книги Михаила Пушкина «с товарыщи» 1584/85 гг. А. В. Азовцев собрал упоминания писцового описания М. И. Пушкина [2, с. 329]. Два остальных выявленных объекта описания относятся к Перевицкому и Старорязанскому станам. Таким образом, можно утверждать, что М. И. Пушкин был «третьим» писцом (то есть описывал бывший удел Федора). В памяти упоминаются лес «бортной» по р. Воронеж и по р. Усмань (левый приток р. Воронеж). Сложно сказать, к какому из объектов грамоты 1496 г. тянули данные земли: Верхней Воронеж или Дон. Учитывая близость устья р. Усмань к р. Дон, можно предположить, что мы имеем дело с жеребием «в Дону рецѣ».

Тешев также локализуется на р. Дон. В росписях сторожам 1571 г. и 1577 г. по р. Сосне, р. Дон и р. Мече упоминается «дорога посади Тишевского леса» [8, № 8, с. 9; № 18, с. 23]. В начале XVII в. в Елецком уезде существовал Тешевский лес и Тешев монастырь [27, с. 294, 350–351. По Тешеву монастырю см.: 29, с. 90–91]. Сейчас Тешев монастырь находится на территории города Задонск.

Под «перевитскими» профессиональными группами людей стоит понимать население, обитающее в районе Перевицка, под рязанскими – в районе Старой Рязани.

Грамота 1496 г. позволяет установить границы Рязанского княжества на конец XV – начало XVI в. Складывание границ станов-уездов Рязанского уезда-наместничества началось еще во второй половине XV в. Деление Рязанского уезда на «трети» было вызвано делением Рязанского княжества на уделы Ивана и Федора Васильевичей. Это открывает перспективу дальнейшего изучения границ Рязанского княжества путем ретроспекции (через рассмотрение территории Рязанского уезда XVI–XVIII вв.). Стоит отметить, что особая проблема состоит в реконструкции территории Рязанского уезда до начала формирования южных уездов (Рязского, Воронежского и пр.).

Рисунок 1. «Перевицкий рубеж» договорной грамоты 1496 г.

Карта получена путем прорисовки карт Генерального Штаба N-37-9 и N-37-10 масштабom 1:200 000. Обозначены и подписаны объекты упомянутые в акте. Локализацию и источники границ см. в тексте работы.

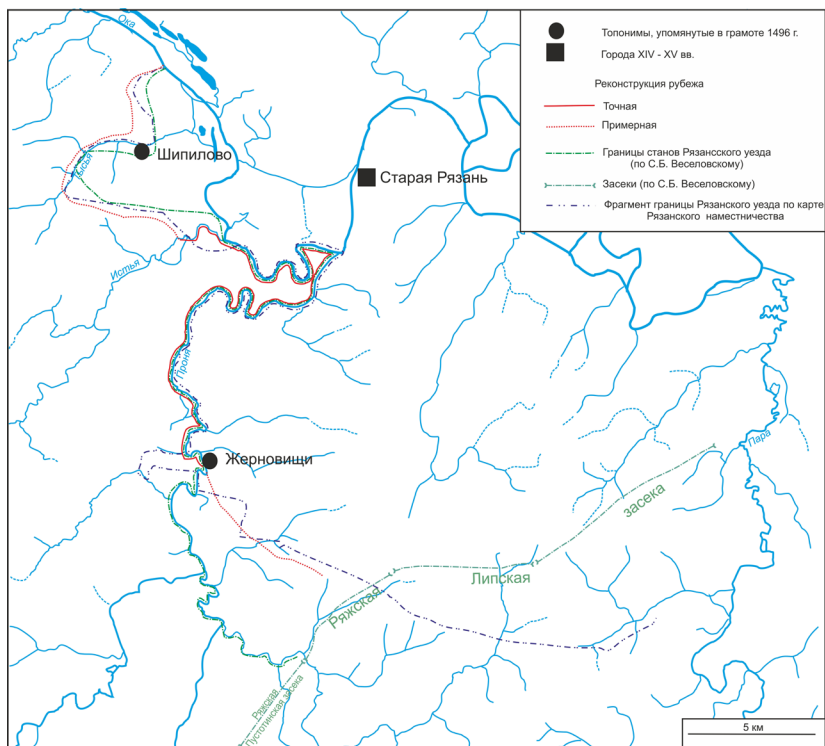

Рисунок 2. «Старорязанский рубеж» договорной грамоты 1496 г.

Карта получена путем прорисовки карт Генерального Штаба N-37-17 масштабом 1:200 000. Обозначены и подписаны объекты упомянутые в акте. Локализацию и источники границ см. в тексте работы.

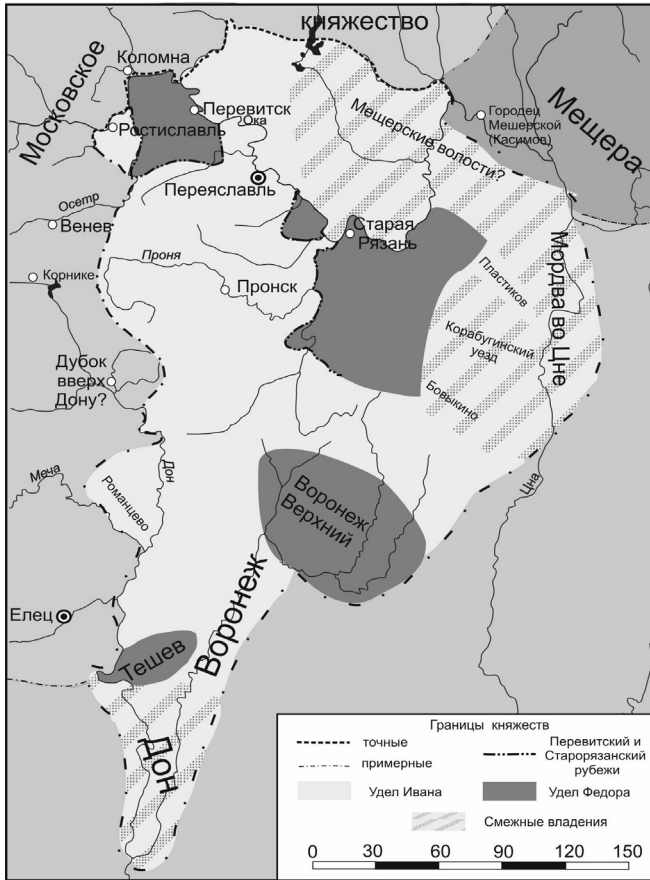

Рисунок 3. Раздел Рязанского княжества между Иваном и Федором Васильевичами

Карта получена путем прорисовки фрагмента карты И. А. Голубцева [49, карта № 1]. Границы нанесены условно. Коломна показана на месте современного одноименного города [45]. Венев до переноса на нынешнее место располагался на правом берегу р. Осстр недалеко от устья р. Веневка, близ д. Гурьево [34, с. 117–120]. Корнике локализуется на правом берегу р. Шат, при впадении в нее р. Корничка [35, с. 141–146]. Дубок вверх Дону показан по гипотетической локализации М. И. Гоньяного и А. В. Дедука [22]. Елец показан на месте современного города [69, с. 36–41; 70, с. 276, 277 (карта), 278]. Остальные географические объекты отмечены согласно тексту статьи.

Список литературы

1. Аверьянов, К. А. Зарайский край в XIV – первой трети XVI в. / К. А. Аверьянов // Зарайск. – Т. II. – М., 2002.
2. Азовцев, А. В. Хронология писцовых книг Рязанского уезда XVI в. / А. В. Азовцев // Рязанская старина. – Вып. 2–3. – Рязань, 2006.
3. Анпилогов, Г. Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII вв. / Г. Н. Анпилогов. – Б.м., 1971.
4. Антонов, А. В. Акты XV – XVI века из архивов русских монастырей и церквей / А. В. Антонов, К. В. Баранов // Русский дипломатарий. – Вып. 3. – М., 1998.
5. Археологическая карта России: Московская обл. – Ч. 4. – М., 2007.
6. Археологическая карта России: Рязанская обл. – Ч. 3. – М., 1996.
7. Архив Российской академии наук. – Ф. 620. – Оп. 1. – Ед. хр. 322.
8. Акты Московского государства. – Т. I. 1571–1634. – СПб., 1890.
9. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – Т. III. – М., 1964.
10. Богословский, М. [М.] Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–[17]27 гг. / М. Богословский. – М., 1902. –С. 47–52.
11. Бурцев, И. Г. Проблемы исторической географии Тульского края: от описания к изучению / И. Г. Бурцев // Историческая география: пространство человека vs Человек в пространстве: материалы XXIII междунар. науч. конф. – М., 2011.
12. Бурцев, И. Г. Проблема локализации заокского участка пути войск Дмитрия Донского на Куликово поле в 1380 г.: Новые исследования / И. Г. Бурцев // Куликовская битва в истории России. – Вып. 2. – Тула, 2012.
13. Бурцев, И. Г. О методе комплексного использования источников в исторической географии (на примере Окско-Донского водораздела в XIV–XVI вв.) / И. Г. Бурцев, А. В. Шеков // Проблемы исторической географии и демографии России. – Вып. II. – М., 2013.
14. Введенский, С. Договорные грамоты рязанских князей XV в. как источник для истории Воронежского края / С. Введенский. – Воронеж, 1904.
15. Веселовский, С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма / С. Б. Веселовский. – М., 1978.
16. Воронов, И. И. Где находился город Романцев Рязанского княжества / И. И. Воронов // История СССР. – 1968. – № 3.
17. Воскобойникова, Н. П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – нач. XVII вв. (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет) / Н. П. Воскобойникова. – М., 1994.
18. Гамаюнов, А. И. Лебедянь: Близость начала (о сельце, городище, городе и уездном центре) / А. И. Гамаюнов // Записки Липецкого обл. краевед. общества. – Вып. IV. – М.; Липецк, 2005.
19. Гамаюнов, А. И. Лебедянь в начале XVII века / А. И. Гамаюнов. – Липецк, 2013.
20. Гамаюнов, А. И. Об истории создания Лебедяни и Лебедянского уезда / А. И. Гамаюнов // Российская реальность конца XVI – первой половины XIX в.:

Экономика. Общественный строй. Культура: Сб. ст. к 80-летию Ю.А. Тихонова. – М., 2007.

21. Гедеонов, М. Лебедянская старина: Очерк исторического прошлого Лебедянского края / М. Гедеонов // Сборник-календарь Тамбовской губернии за 1903 г. – Тамбов, 1903.

22. Гоняный, М. И. К вопросу о локализации Дубка / М. И. Гоняный, А. В. Дедук // Тр. ГИМ (в печати).

23. Грамоты XIV–XVI вв. из копияной книги Рязанского архиерейского дома / подг. к публ. Б. Н. Морозов // Археографический ежегодник за 1987 г. – М., 1988.

24. Дебольский, В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей, как историко-географический источник / В. Н. Дебольский. – Ч. 2: Записки отделения русской и славянской археологии русского археологического общества. – Т. VI. – СПб., 1903.

25. Дедук, А. В. К вопросу о политической принадлежности и статусе Мещеры в XIV – первой половине XV вв. / А. В. Дедук // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 6. Минск, 2013. – С. 162–178.

26. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. к печ. Л. В. Черепнин. – М.; Л., 1950.

27. Елецкий уезд в начале XVII в.: Елецкие десятины и платежные книги / подг. к публ. В. А. Кадик, М. Ю. Зенченко, Г. А. Иванова. – М., 2011.

28. Загоровский, В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Русского централизованного государства в XVI в. / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1991.

29. Зверинский, В. В. Материалы для историко-топографического исследования о монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. / В. В. Зверинский. – Т. I. – СПб., 1890.

30. Иловайский, Д. История Рязанского княжества / Д. Иловайский. – М., 1858.

31. Историческая география России IX – начала XX в.: Территория. Население. Экономика: Очерки. – М., 2013.

32. Карта ГШ СССР. N-37-10: Луховицы. Сост. местности на 1979–1982 г. – Изд. 1984 г.

33. Каштанов, С. М. Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI в. / С. М. Каштанов. – М., 1996.

34. Клянин, Р. В. Венев (историко-археологический очерк) / Р. В. Клянин // Тр. Музея истории города Москвы. – Вып. 10. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. – Ч. 3. – М., 2000.

35. Клянин, Р. В. Корнике – город Рязанского княжества / Р. В. Клянин // Тр. VI международного конгресса славянской археологии. – Т.2: Славянский средневековый город. – М., 1997.

36. Коваль, В. Ю. История Ростиславля Рязанского (по письменным источникам) / В. Ю. Коваль // Археология Подмосковья: Материалы науч. семинара. – Вып. 1. – М., 2004.

37. Коваль, В. Ю. Планировка средневекового Ростиславля / В.Ю. Коваль // Великое княжество Рязанское: Историко-археологические исследования и материалы. – М., 2005.
38. Куликово поле: Документы по землевладению XVII в. / ред.-сост. Н. К. Фомин. – Тула, 1999.
39. Кузьмин, А. Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. / А. Г. Кузьмин. – М., 1965.
40. Кучкин, В. А. К характеристике рязанского договора 1496 г. / В. А. Кучкин // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур: сб. науч. ст. – Рязань, 2012.
41. Кучкин, В. А. Ранняя история города Зарайска и проблема ее источников / В. А. Кучкин // Зарайск. – Т. I: Исторические реалии и легенды. – М., 2002.
42. Лаврентьев, А. В. Где искать рязанское Романцево XV в.? (К вопросу о государственных границах на Верхнем Дону в эпоху Ивана III) / А. В. Лаврентьев // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. – Вып. 2. – Т. 2. – Тула, 2007.
43. Лаврентьев, А. В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой половине XVI вв. / А. В. Лаврентьев. – М., 2011.
44. Лаптёнков, В. В. Елецкие древности / В. В. Лаптёнков. – Воронеж, 1998.
45. Мазуров, А. Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского централизованного государства / А. В. Мазуров. – М., 2001.
46. Малюков, И. Ф. О местонахождении древнерусского города Романцева [Электронный ресурс] / И. Ф. Малюков. – Режим доступа: <http://lipets.ru/town/kraeved/ig01roma.html>. – Дата доступа: 29.02.2012.
47. Монгайт, А. Л. Рязанская земля / А. Л. Монгайт. – М., 1961.
48. Монгайт, А. Л. Старая Рязань / А. Л. Монгайт // Материалы и исследования по археологии СССР. № 49: материалы и исследования по археологии древнерусских городов. – Т. IV. – М., 1955.
49. Очерки истории СССР: Период феодализма IX–XIV вв. – Ч. II. – М., 1953.
50. Писцовые книги Рязанского края: XVI в. – Т. 1. – Вып. 1. – Рязань, 1898.
51. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – [Отд. I]. – Т. V. – Б.м., 1830.
52. Полное собрание русских летописей. – Т. XI. – СПб., 1897.
53. Разрядная книга 1475–1598 гг. – М., 1966.
54. Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества империю разделяющий. – СПб., 1792.
55. Российский государственный архив древних актов (далее = РГАДА). – Ф. 135. – Отд. I. – Рубр. II. – № 76.
56. РГАДА. – Ф. 135. – Отд. I. – Рубр. II. – № 77.
57. РГАДА. – Ф. 192. – Оп. 1. – Карты Рязанской губ. – Ед. хр. 1.
58. РГАДА. – Ф. 248. – Ед. хр. 4163.

59. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 132–134.
60. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 417.
61. РГАДА. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Ед. хр. 4944.
62. РГАДА. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Ед. хр. 4946.
63. Россия: Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В. П. Семенова. – М., 1902.
64. Селезнев, Ю. В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XIV вв.: монография / Ю. В. Селезнев. – Воронеж, 2013.
65. Сметанина, С. И. Вотчинные архивы рязанских духовных корпораций XIII – начала XVII вв. / С. И. Сметанина // Русский дипломатарий. – Вып. 6. – М., 2000.
66. Смолицкая, Г. П. Гидронимия бассейна Оки: (список рек и озер) / Г. П. Смолицкая. – М., 1976.
67. Стрикалов, И. Ю. Русская колонизация долины среднего течения реки Пары в средневековье / И. Ю. Стрикалов // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур: сб. науч. ст. – Рязань, 2012.
68. Топографический межевой атлас Рязанской губернии, сост. в 1859 г. чинами межевого корпуса под руководством Менде: 2 версты в дюйме. – М., 1860.
69. Тропин, Н. А. К вопросу о локализации летописного города Ельца / Н. А. Тропин // Куликово поле и Юго-восточная Русь в XII–XIV веках. – Тула, 2005.
70. Тропин, Н. А. Южные территории московско-рязанского порубежья в XII–XV вв. / Н. А. Тропин. – Елец, 2006.
71. Тропин, Н. А. Южные территории Рязанской земли в XII–XV вв.: формирование и развитие региона / Н. А. Тропин // Русь в IX–XIV вв.: Взаимодействие севера и юга. – М., 2005.
72. Устрялов, Н. [Г.] История царствования Петра Великого / Н. Г. Устрялов. – Т. II. Потешные и азовские походы. – СПб., 1858.
73. Цепков, А. И. Рязанский край: Середина XIII – начало XVI вв. / А. И. Цепков. – Рязань, 2014.
74. Цыбин, М. В. Рязанское княжество и Орда (археологический комментарий к грамотам митрополита Феогноста о Червлянском Яре) / М. В. Цыбин // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур: сб. науч. ст. – Рязань, 2012.
75. Черменский, П. Н. Прошлое Тамбовского края / П. Н. Черменский. – Тамбов, 1961.
76. Шватченко, О. А. Местонахождение пограничного города-крепости Чур-Михайлова и памятники Куликовского цикла / О. А. Шватченко // Труды ГИМ. – Вып. 73. Куликово поле: Материалы и исследования. – М., 1990.
77. Шебанин, Г. А. О владениях рязанских князей на правобережье Верхнего Дона в конце XIV – начале XVI вв. / Г. А. Шебанин // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: события, памятники, традиции. – Тула, 2001.

78. Шенников, А. А. Червляный Яр: Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. / А. А. Шенников. – Л., 1987.

79. Экземплярский, А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.: Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям / А.В. Экземплярский. – Т. II. – СПб., 1891.

80. Яковлев, А. И. Засечная черта Московского государства в XVII веке: очерк из истории обороны южной окраины Московского государства / А. И. Яковлев. – М., 1916.

81. Territoire de Donkov [Электронный ресурс] / par Karnie Borodavski et Nikita Somorokov, géodésistes. – Режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55003013g/f1.item.r=Territoire%20de%20Donkov%20%20par%20Karnie%20Borodavski.langEN>. – Дата доступа: 04.01.2013.

82. Territoire de Talets [Электронный ресурс] / par les géodésistes Karies Borodavki et Nikila Somorokov. – Режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55003074d/f1.item.r=%20Delisle%20Russie.langEN>. – Дата доступа: 04.01.2013.

83. Territoire de Lébédian [Электронный ресурс] / par les géodésistes Karnié Borodavkin et Nikita Somorokov. – Режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55003048z/f1.item.r=%20Delisle%20Russie.langEN>. – Дата доступа: 04.01.2013.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ XV–XVI вв.: НАБЛЮДЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Вряд ли требует доказательства тезис, что книжность «русских» земель Великого княжества Литовского (далее: ВКЛ) представляла собой сложный и во многом парадоксальный феномен. Казалось бы, культурный плюрализм, свойственный средневековому Литовскому государству [1], должен был стимулировать развитие восточнославянской книжно-литературной традиции. Вместо этого отмечался явный упадок духовного творчества: число оригинальных литературных памятников, появившихся на территории ВКЛ в XIV–XVI вв., несопоставимо с количеством тех, которые были созданы в это же время на куда более гомогенных в культурном отношении великорусских землях.

Этот факт с сожалением отметил известный славист Дмитрий Чижевский, назвав XIV–XV вв. «паузой в литературном развитии», «потерянным временем» в жизни украинского народа [2]. Не менее категоричен был и его великий предшественник – Михаил Грушевский. В 20-х гг. прошлого столетия, обратившись в своей «Истории украинской литературы» к наследию книжников конца XIV – первой половины XVI ст., он констатировал забвение традиций местного летописания, отсутствие лирико-поэтических произведений и каких-либо попыток осмыслить тогдашние непростые исторические коллизии: эти века «стелятся перед глазами ученого такой безжизненной и бесплодной пустыней, что он настроенно замирает, боясь пускаться в лишнюю каких-либо ориентиров пустоту» [3].

Вынося данный вердикт, М. Грушевский был настроен гораздо оптимистичнее, чем двумя десятилетиями ранее, когда в своей фундаментальной «Истории Украины-Руси» он писал: «В сфере оригинального творчества мы, безусловно, распоряжаемся еще далеко не полными данными <...> и изучение рукописного материала, без сомнения, принесет еще много нового» [4].

Впрочем, этот пессимизм оказался вполне оправданным: за время, истекшее после выхода в свет «Истории Украины-Руси», перечень оригинальных литературных памятников конца XIV – первой половины XVI вв. (которые, как справедливо отмечал Грушевский, представляют собой «неразделимую собственность книжности и литературы украин-

ской и белорусской») не только не увеличился, но и несколько сократился: «единичное аскетическое творение – поучение печерского игумена Досифея начала XV в. (или конца XIV в.) о порядке произнесения молитв», известное как «Правило (или Устав) Святой горы», которое ученый считал «совсем сухим, официальным» и лишенным «каких-либо литературных украшений» [5], ныне связывается не с Киево-Печерским монастырем, а атрибутируется архимандриту нижегородского Вознесенского Печерского монастыря [6]. (Ошибочным, кстати, оказалось и утвердившееся в историографии мнение, что основатель этого монастыря Дионисий Суздальский, инициатор и возможный участник создания Лаврентьевской летописи, происходил из киево-печерской монастырской братии [7].)

Современные исследователи также акцентируют «чрезвычайно небогатую собственную региональную литературную традицию» в Западной и Юго-Западной Руси очерченного периода [8]. Правда, параллельно существует тенденция объяснять «нехватку» тех или иных памятников уничтожением давних украинских книгохранилищ – скажем, библиотеки Киево-Печерского монастыря, якобы умышленно сожженной в 1718 г. агентами Петра I (вследствие чего сгорела «вся наша история – ее источники» [9]).

Впрочем, ради справедливости следует отметить, что представления о пожаре 1718 г. как грандиозном культурном бедствии сформировались отнюдь не сегодня: они восходят к «Истории русов», где утверждается, что именно тогда обратилась в пепел уникальная библиотека князя Ярослава Мудрого, в которой «содержались великие тысячи книг рукописных и разных драгоценных манускриптов, писанных на разных языках» [10]. Вряд ли стоит относиться к этому утверждению всерьез – скорее всего, легендарную традицию о Ярославовой библиотеке продуцировал сам автор «Истории русов». По крайней мере, в предшествующее время имя этого князя не пользовалось популярностью среди киевлян. В частности, в XVI в. ни один из путешественников не зафиксировал в Киеве преданий, связанных с именем Ярослава Мудрого; тогдашние данные свидетельствуют о том, что центральным персонажем киевской городской мифологии был отец Ярослава Владимир Святославич [11].

В XVII в. о Ярославовом книгохранилище ничего не слышал Боплан – хотя он специально расспрашивал «наученейших» из киевлян (по-видимому, преподавателей Киево-Могилянского коллегиума) об «истории русов»: те лишь нарекали на «длительные войны, которые опустошали их землю», вызвав гибель библиотек [12]. Топосом утраченных

книжных богатств оперировал и хронист Феодосий Софонович: «Киев долго з монастырми опустелыми стоял, тогда и писма погинули» [13].

Впрочем, кроме войн и пожаров, был еще один фактор, в силу которого пустели местные библиотеки. С переносом митрополичьей кафедры на северо-восток Руси развернулся процесс, который можно было бы дефинировать, прибегая к современной терминологии, как «вывоз культурных ценностей». Практика, инициированная митрополитом Максимом, переехавшим во Владимир «со всем своим житьем», нашла продолжение в деятельности его преемников, которые, словами окружного послания Витовта (1415 г.), «всю честь церковную Киевское митрополю инде относили» [14]. Несомненно, значительную часть этой «чести», ввиду высокой ценности рукописей, составляли книжные богатства. Сохранилась эта тенденция и после фактической ликвидации единства Киевской митрополии: в одной из редакций Кормчей Вассиана Патрикеева (20-е гг. XVI в.) содержится ссылка на «Правила» чернигово-брянского епископа Евфимия, «что вывез их с собою» в 1464 г., когда отказался признавать духовный авторитет проуниатского митрополита Григория Болгарина и эмигрировал в Москву [15].

Таким образом, на протяжении значительного временного промежутка, охватывавшего вторую половину XIII–XV в., происходило интенсивное распыление сосредоточенных в Киеве книжных богатств. В итоге в XVI в. «киевский летописец» значился даже среди книг Сигизмунда I [16], тогда как в Киево-Печерском монастыре отсутствовали не только древнерусские летописи [17], но и «Житие» его основателя Антония, на поиски которого в 1561 г. отправился в Москву уроженец Каменца-Подольского иеродиакон Исая Каменчанин; он представлял интересы кружка виленских просветителей, вынашивавших замысел печатать книги, адресованные «народу русскому литовскому да и русскому московскому». Как известно, миссия Исая не удалась (приехав в Россию «на малое время», он, в силу обстоятельств, остался там «на житие»); есть, однако, определенные основания полагать, что его надежды отыскать в Москве нужную книгу были отнюдь не беспочвенны: в составленном около 1611 г. описании царской библиотеки фигурирует «книга в полдесть Житие Антония Печерскаго» [18]. В Киеве же издателям Киево-Печерского Патерика оставалось лишь сетовать, что «Житие» Антония «через похищение ратное от нас удалися» [19].

И хотя Киев стоял у истоков летописания в восточнославянском регионе, в XVI в. здесь, в сущности, отсутствовала анналистика местного происхождения. Возрождение традиции историописания произошло

в следующем столетии: в Киеве был составлен ряд компиляций, основанных, преимущественно, на северо-восточных летописных сводах и трудах польских историографов XVI в. (Кромера, Бельских, Гваньини, Стрыйковского). При этом, став на путь собирания исторических знаний, киевские книжники довольно некритично относились к своим источникам [20].

Это роднит их с рядом нынешних украинских историков, явно переоценивающих информационный потенциал перечисленных хроник – и, в первую очередь, историографического наследия Стрыйковского (хотя тот, как известно, пользовался доступными ему летописями «произвольно, выписывая из них то, что считал нужным, не анализируя содержание, состав и особенности той или иной рукописи» [21]). Так в последние десятилетия сформировалась концепция Синеводской битвы (1362 г.) как события, предвещающего хронологически и значительно превосходящего своими масштабами битву на Куликовом поле [22].

Параллельно получил второе рождение легендарный рассказ о походе литовского князя Гедимина на Волынскую и Киевскую земли, заимствованный Стрыйковским из белорусско-литовских летописей широкой редакции и отброшенный специалистами как недостоверный еще в начале прошлого столетия [23]. В этом, несомненно, сказались как попытки «реабилитации» Стрыйковского, так и забвение позиций, некогда занятых украинской наукой в изучении летописания ВКЛ. На этом фоне уже не удивляют двойственные характеристики Хроники Быховца (которая трактуется то как фальсификат, то как памятник XVI в. [24]) или «открытия» таких источников как третья, более поздняя, чем Хроника Быховца, редакция белорусско-литовских летописей [25].

В этой же связи можно обратиться к такому классическому образчику панегирической прозы как «Похвала Витовту», впервые детально изученному М. Грушевским еще в 1895 г. [26]. Как известно, именно этот украинский ученый выявил связь между данной летописной «Похвалой» и обнаруженной А. Соболевским записью в рукописном сборнике Постнических слов Исаака Сирина [27]. В дальнейшем «Похвала Витовту» не раз анализировалась в контексте истории летописания ВКЛ [28]. Однако нынешние украинские литературоведы порой не способны даже идентифицировать находящиеся в ее составе библеизмы. Например, такой авторитетный киевский исследователь как Ю. Пелешенко туманно рассуждает о том, что «Похвала Витовту» начинается словами, которые «очень напоминают выдержку из Библии» [29] – тогда как источники фразы «тайну цареву таити добро есть, а дела великого господаря поведати добро ж есть» были указаны еще Ф. Сушицким [30]. Тот

же исследователь увидел в «Похвале» «новый для Украины и Беларуси эмоционально-экспрессивный стиль», связанный со «вторым южнославянским влиянием» – тогда как другой украинский литературовед, С. Росовецкий, комментируя «Историю украинской литературы» Грушевского, сумел разглядеть в «Похвале» лишь «подхалимство» и «проявление глубокой деморализации украинских и белорусских книжников, которые на тот момент и мечтать перестали о какой-либо государственности для своих народов» [31].

И хотя «Похвала Витовту» упоминается в любом курсе истории украинской культуры, до сих не были выявлены текстуальные параллели, позволяющие выяснить литературный «кругозор» ее создателя. Так, по нашему мнению, сравнение Витовта с рекой («яко же река, преходящи всю землю, человеческы и скоты напояючи, а сама не вмалящися») явно перекликается с текстом «Слова» Даниила Заточника (чей пафос, как и пафос «Похвалы», заключался в восхвалении сильной княжеской власти):

«Князь щедр, аки река без берегов, текуще всквозе дубравы, напояюца не токмо человецы, но и скоты и вся звери» [32].

Не были замечены исследователями и содержащиеся в «Похвале» отсылки к тексту такого популярного в средневековье памятника как «Александрия». Имено в виду фрагмент:

«Но не мощно исповедати, ни писанню предати дела великого господаря. Яко же бы мощно кому испытати высота небесная и глубина морьская, тоже бы мощно исповедати сила и храбрость того славного господаря» [33].

Здесь неизвестный нам книжник несомненно апеллирует ко второй редакции Хронографической «Александрии», дошедшей до нас в составе второй редакции Летописца Еллинского и Римского. Эта редакция содержит вставку неизвестного происхождения [34], где повествуется о попытках Александра Македонского «небесную высоту испытати и глубину морьскую»; она состоит из двух абзацев, названных соответственно «О испытании высоты небесной» и «О испытании глубины морьстей (вариант: О глубине морьской)» [35].

В данном случае примечательно то, что Витовт носил христианское имя Александр (в «Похвале» он фигурирует как «великий князь Олександр, зовомый Витовт»). Таким образом, имела место попытка если не уподобить его Александру Македонскому, то, по крайней мере, прибегнуть к соответствующим литературным аллюзиям, в то время общепопулярным.

нятым [36]. Данное наблюдение позволяет несколько откорректировать наблюдения Гедре Мицкунайте, согласно которым подобные аллюзии, восходящие к рубежу 1420-1430-х годов, имели сугубо западноевропейское происхождение [37].

Другой тип «Александрии» – так называемая Сербская «Александрия» – позволяет нам выяснить литературные источники другой общеизвестной «Похвалы» – содержащегося в составе Волинской краткой летописи панегирика герою Оршанской битвы князю Константину Острожскому [38]. Данный памятник обычно характеризуется с точки зрения политических взглядов, которых придерживался безымянный автор «Похвалы». Однако вопрос о его творческой «кухне» не менее интересен для специалистов.

Упоминание в «Похвале» мифической «реки Арсинорской» прямо указывает на использование книжником текста Сербской «Александрии», где эта река фигурирует как место сражения объединенных сил царей Дария и Пора с Александром Македонским [39]. При этом утверждается, что Острожский, «великий гетман» короля Сигизмунда, уподобился «великому гетману царя Александра Македонского» Антиоху, когда, оказавшись у «реки Днепра под Оршою», увидел, что «быс(ть) не борзо переходимь путь водный».

Однако следующее за этим описание тактики князя восходит к другому эпизоду Сербской «Александрии» – форсированию воинами Александра мифической речки Алфолон (Анфилон). Героем сюжета здесь выступал не Антиох, а македонский полководец Филон, который, преследуя войско царя Пора, обнаружил, что водная преграда «непреходна есть конскими ногами».

Далее следует маловразумительное описание переправы:

« ... предние свалишася (вариант: исквасише се, сквасишася), а задние, яко по суху, преидоша » [40].

Оно полностью заимствуется автором «Похвалы»:

« ... пръвии сквасишася, а последнии, яко по суху, преидоша ».

При этом непонятное по своим интенциям смешение двух разных эпизодов жизнеописания Александра в тексте «Похвалы» ведет к явной и грубой ошибке: Антиох руководит переправой не «храбрых македонян», а «войска персидского». Объяснение данного недоразумения заключается в том, что Филон, упоминаемый, кстати, только в Сербской «Александрии», фигурирует в ее тексте как наместник Александра

в Персии после поражения Дария; соответственно, на помощь Александру, воюющему с Пором, он приходит «от Персиды» [41].

Стоит отметить, что использование текстуальных элементов Сербской «Александрии» при описании батальных сцен в восточнославянской письменной традиции отнюдь не беспрецедентно. Скажем, ее влияние достаточно ощутимо в «Сказании о Мамаевом побоище», куда переместились не просто отдельные цитаты, а целые сюжетные линии «Александрии» (действия засадного полка, переодевание Александра и Антиоха, перечень языческих богов и пр.) [42]. В случае с «Похвалой Константину Острожскому» такое заимствование имело довольно ограниченный, «точечный» характер и порой практически не доказуемо (скажем, можно лишь предполагать, что адресованное князю обращение «честная и веелеумнаа главо» / «пречестная и премудрая главо» имеет в своей основе обращение Александра Македонского к Аристотелю («многочестная и мудрая главо» [43]); параллельно напомним, что в своем «Слове о законе и благодати» Иларион обращался к князю Владимиру «честная главо» [44]).

Как бы там ни было, автора «Похвалы» вряд ли можно назвать искусным и последовательным в создании образного ряда. Сравнивая Константина Острожского со славным «гетманом» Александра Македонского Антиохом, он параллельно находит в нем черты («мужества крепость») поверженного недруга Александра – «великого царя индийского Пора, котрому ж многи цари и князи противни быти не могоша». Одновременно ему приписывается «мужества храбрость» властителя Армении Тиграна II Великого:

«И тако мужства ти храбрость подобна Тигранису, царю арменскому, о котром же премудрый философ Фролос от Ливия пишет: пришедши Тигранис, царь арменский, и съсеклься съ Антиохом и измог войско его и самого из града выгнал, Антиохиу бьжавшу пред ним в Перскую сторону».

При этом, как видим, автор «Похвалы» ссылается на «Фролоса», под которым следует понимать римского историка Луция Аннея Флора, составителя компендия трудов Тита Ливия под названием «Эпитомы». Однако на самом деле книжник не был знаком с этим сочинением, так как данное известие он почерпнул из 8-й книги Хроники Иоанна Малалы, несколько его видоизменив и сократив:

«С славою възвратися Скипион в Рим, якоже премудрыи Флорос спамятова от Лувия премудраго книг <...> Тигранис некто именем, царь армениск, пришед, сечеса с Антиохом великым сечем. И одоле Антиохиу

Тигранис, прия Антиохию, град великыи, и царство их все възь, еже име. Бежавиу сему царю Антиоху в Прьскою страну <...>» [45].

Данная параллель никогда не отмечалась исследователями, для которых в тексте «Похвалы» было очевидно разве что соотнесение Константина Острожского с персонажами «Александрии». Этот факт подтолкнул М. Грушевского к заключению, что в данном произведении «мотивы современной рыцарской повести» преобладают над христианской риторикой [46].

Но, с одной стороны, в «Похвале» содержится ряд ссылок на церковную литературу: на «слово пророческое», «слово святого отца Ефрема [Сирина]», «слово пророка Исаяи, сына Амосова». Среди приведенных в тексте изречений обнаруживается тот же афоризм о «тайне царевой», что и в «Похвале Витовту» (правда, с отсылкой не на библейский источник (Книгу Товита 12:7), а на «великого Нифонта», т. е. на «Житие Нифонта Констанцкого» либо на «Слово святого отца Нифонта к верным» в составе «Измарагда»). Константин Острожский сравнивается в тексте «Похвалы» с одним из ветхозаветных персонажей – царем Иудеи Авией, сыном Ровоама (ср. Вторую книгу Паралипоменон 13:17). Кроме того, не следует забывать, что Сербская «Александрия» традиционно считается «христианской переделкой» романа Псевдо-Каллисфена.

Анализируя круг источников, к которым обращались составители белорусско-литовских летописей, нельзя обойти вниманием вопрос о характере их интерпретации – даже если речь идет о простых текстуальных заимствованиях. Симптоматичным примером здесь может служить описание в Хронике Быховца сцены убийства Сигизмунда Кейстуовича. Как показал осуществленный нами анализ [47], автор данного описания привлек к своей работе «Повесть об убиении Андрея Боголюбского», входящую в состав Ипатьевского свода. При этом он отнесся к тексту «Повести» сугубо «потребительски»: изъясил из контекста и произвольно скомпоновал отдельные элементы преступления.

Точно такой же подход прослеживается и в отношении древнерусских летописных персоналий, анахронически использованных при составлении упомянутого выше легендарного повествования о походе Гедимины на Волынскую и Киевскую земли. Неизвестный нам книжник превратил персонажей Галицко-Волынской летописи в современников и противников Гедимины: вполне реальные Владимир Василькович и Лев Данилович стали Владимиром Владимирским и Львом Луцким, сын князя Романа Брянского Олег «переместился» в Переяслав, а родовая солидарность всех перечисленных князей, хорошо прослеживаемая

по оригинальным летописным сюжетам, обрела вид их совместных действий в борьбе с Гедимином.

Такое отношение к древнерусским текстам отчетливо коррелирует с редакционной моделью белорусско-литовских летописей широкой редакции, чьей характерной чертой было наличие пространного квази-исторического введения, посвященного начальному этапу истории Литвы (от римлян, легендарных предков литовцев, до времен Гедимины). Оно было призвано заменить «общерусские известия [краткой редакции первой половины XV в.] своими материалами, хоть и придуманными *ad hoc*, но связанными с <...> Литвой своим происхождением» [48].

Происходило то этнокультурное дистанцирование от «русчизны», которое так страстно отстаивал Михалон Литвин, проповедуя «римскую» теорию литовского этногенеза (возникшую как антипольская) и выступая против «московских письмен» как «не несущих в себе ничего древнего, не имеющих ничего, что бы побуждало к доблести, поскольку рутенский язык чужд нам, литвинам, то есть итальянцам, происшедшим от итальянской крови» [49].

В результате общерусская часть, охватывавшая период от «начала земли Русстей» до начала XV ст., была устранена, уступив место легендарному повествованию о началах литовской истории; при этом весьма характерно, что формально отброшенная книжниками «Повесть временных лет» стала, по наблюдениям Н. Морозовой, «структурно-семантической моделью, своеобразным каркасом, готовой схемой, которую автор легендарной части летописей Великого княжества Литовского наполнил другим содержанием» [50]. Таким образом, даже отдаляясь от древнерусского культурного наследия, книжники ВКЛ, тем не менее, оставались в рамках общерусского культурного кода. Характерно, что это происходило параллельно с тем, как в Московском государстве развертывались диаметрально противоположные процессы: реалии древнерусских времен актуализировались внешнеполитической программой московских государей, ставивших во главу угла патримониальный принцип – свои исторические права на «отчину» Рюриковичей.

Подспудные общерусские тенденции можно выявить и в таком уникальном литературно-богословском сочинении, каким представляется послание, адресованное в 1476 г. папе римскому Сиксту IV митрополитом Мисаилом и группой его единомышленников – архимандритами Киево-Печерского и виленского Свято-Троицкого монастырей, князьями Михаилом Олельковичем и Федором Бельским (известными как организаторы «заговора князей» 1480–1481 гг.) и рядом других светских лиц [51].

Правда, послание, в котором белорусско-украинское искусство «плетения словес» достигло наивысшего развития, не отличается богатством содержания. Признавая Флорентийскую унию 1439 г. и католическую трактовку Св. Троицы, Мисаил настаивал на отсутствии догматических расхождений между восточным и западным христианством: «Несть бо разнствия о Христе грекам и римлянам, и нам сущим российским славянам, все едино то же суть». Параллельно митрополит осуждал действия католических иерархов, которые «силою влекли из благочестия в благочестие» – перекрещивали православных в католиков, ссылаясь на авторитет папы. Чтобы прекратить эти «нестроения, распри и расколы» между христиан, Мисаил призывал понтифика отправить в Литву двух «доброразумных мужей» – католика и православного, знатоков «обычаев, закона и устава» своих церквей, «хранящих уставления Флорентийского собора», которые должны были гармонизировать межконфессиональные отношения в пределах ВКЛ.

Вне всякого сомнения, прямое обращение православного митрополита к римскому первосвященнику было явлением достаточно экстраординарным. Так что не удивительно, что аутентичность послания не раз вызывала сомнения, которые усугублялись как его причудливой лексикой, так и тем фактом, что первым, в 1605 г., его обнаружил, обнаружив в какой-то церкви в Крево, апологет Берестейской церковной унии митрополит Ипатий Потий. Споры вокруг поддельности послания утихли лишь после того, как были выявлены его списки, датируемые первой половиной XVI в. [52].

Что же касается лексики послания, то в ней действительно присутствуют моменты, уязвимые для критики – прежде всего, в перечне его «подписантов», который и сам по себе не раз вызывал сомнения у исследователей. Некоторые даже усматривали в нем творение Потия; однако тот явно не смог бы подобрать для послания соответствующую «автуру», поскольку практически не ориентировался в реалиях 1470-х гг. (в частности, руководствуясь хроникой Стрыйковского, идентифицировал упомянутого в Мисаиловом послании Михаила [Олельковича] как убитого в 1451–1452 гг. сына Сигизмунда Кейстутовича Михайлушку [53]). Что же касается пышной титулатуры «подписантов» послания, к которой якобы приложил руку Потий, то даже такое необычное определение Александра Солтана как «рыцар <...> ушпанский, златаго стрыха носитель» подтверждается реестром его имущества, в котором среди ценных вещей упомянут «на двух качалех стрых ушпаньский перловый» [54].

Куда больше вопросов вызывает последовательное использование в документе термина «российский» вместо «руський», нехарактерное

для тогдашних восточнославянских земель ВКЛ [55]. Думается, объяснение этому следует искать в контактах «наивышшего писаря» ВКЛ Якуба, который вместе с «книголюбцем» Иваном Солтаном упоминается в Мисаиловом письме как его соавтор.

До сих пор никто из исследователей этого произведения не обратил внимание на то, что писарь литовской великокняжеской канцелярии Якуб (Яков) активно общался с московскими «книголюбцами», о чем свидетельствует выявленное в 1920-х гг. в составе митрополичьего формулярника из Синодального собрания «Послание от друга к другу» [56] – письмо известного московского архитектора-подрядчика и книжника Василия Дмитриевича Ермолина в ответ на просьбу Якуба приобрести для него несколько книг. Сокрушаясь из-за невозможности выполнить эту просьбу, Ермолин советовал Якубу прислать ему в Москву деньги и бумагу – «а яз многим доброписцем велю таковы книги сделать по твоему приказу с добрых списков, по твоему обычаю, как любит воля твоя <...> А наряжу ти, пане, все по твоей мысли и по твоей охоте, как любишь».

Эта осведомленность Ермолина о литературных вкусах Якуба достаточно ясно указывает на интенсивность их контактов. Ермолин мог познакомиться с Якубом в один из его приездов в Москву: тот как минимум дважды, в 1459 и 1468 гг., пытался убедить Василия II принять в качестве митрополита ученика и ставленника Исидора – Григория Болгарина, боровшегося за контроль над «Верхней Русью».

Как видим, культурные ориентиры влиятельного «Якуба-писаря» имели двойственный характер: в его духовные горизонты вписывались и Рим, и Москва. Подобной широтой взглядов не отличался другой писарь литовской великокняжеской канцелярии – Василий Никольский, выходец из черниговского боярства, чью драматическую судьбу нам удалось частично реконструировать. Никольский потерял свои владения на Северщине из-за литовско-московской войны 1500–1503 гг.; в 1508 г. принял участие в восстании Михаила Глинского (в частности, ездил с письмами князя к Василию III). После краха восстания вместе с Глинскими бежал в Московию, а впоследствии оказался при дворе сербского воеводы Стефана Якшича, чья сестра Анна была женой Василия Глинского. В 1511 г. по просьбе воеводы Никольский написал полемическое «Сказание о исхождении Святого Духа», адресованное «некому латинскому архиепископу сопротивляющуся» и направленное на защиту догматов православия [57].

Остается лишь сожалеть, что такой колоритный персонаж и его творчество до сих пор не замечены ни литературоведами, ни историками-

медиевистами [58], – особенно если принять во внимание ту бедность восточнославянской литературной традиции в ВКЛ, о которой говорилось выше. Вряд ли приходится рассчитывать на то, что она в обозримое время обогатится новыми именами и памятниками региональной книжности. Однако, как видим, информационный потенциал уже известных произведений (в первую очередь – летописей ВКЛ) еще далеко не исчерпан. Остается надеяться на интерес к ним со стороны текстологов-профессионалов – как и на то, что предметом анализа станет культурогенная роль литовской великокняжеской канцелярии.

Список литературы

1. См. в этой связи: Баньонис Э. Литва XV в.: Ощущение многообразия окружающего мира // *Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей.* – Т. 3. – С. 127–130.
2. Чижевський, Д. Історія української літератури. – Нью-Йорк, 1956. – С. 219.
3. Грушевський, М. Історія української літератури. – Київ, 1995. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 5.
4. Грушевський М. Історія України-Руси. – Київ, 1995. – Т. 6. – С. 351.
5. Там само. – С. 352–353; Грушевський М. Історія української літератури. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 27–28
6. Прохоров, Г. М. Досифей // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* – Ленинград, 1988. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 198. Иноком этого монастыря был и «книжный, грамотный, чудный старец» Павел Высокий, которого в литературе порой так же ошибочно связывают с Киево-Печерским монастырем (ср.: Пашуто В. Т., Флора Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. – Москва, 1982. – С. 145; Прохоров, Г. М. Павел Высокий // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* – Ленинград, 1989. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 155–156).
7. Булычев, А. А. Дионисий Суздальский и его время // *Архив русской истории.* – М., 2002. – Ч. 1. – Вып. 7. – С. 7–33.
8. Турилов, А.А. Переводы с латинского и западнославянских языков, выполненные украинско-белорусскими книжниками в XV – начале XVI в. // *Культурные связи России и Польши XI–XX вв.* – Москва, 1998. – С. 58, 65.
9. Кулиняк, Д. І. Од Калниша вісті...” – Київ, 2004. – С. 62.
10. История русов или Малой России: Сочинение Георгия Кониского. – М., 1846. – С. 4, 225–226.
11. Подробнее см.: Русина О. Студії з історії Києва та Київської землі. – Київ, 2005. – С. 222.
12. Боплан, Г. Л. Опис України. – Київ; Кембрідж (Масс.), 1990. – С. 33.
13. Софонович, Ф. Хроніка з літописців стародавніх. – Київ, 1992. – С. 260.
14. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб., 1846. – Т. 1. – № 25. – С. 36.

15. Детальнее см.: Русина, О. Україна під татарами і Литвою. – Київ, 1998. – С. 283–285.
16. См.: Владимиров, П. В. Доктор Франциск Скорина: Его переводы, печатные издания и язык. – СПб., 1888. – С. 15.
17. См. описи монастырской библиотеки 2-й половины XVI ст. (Голубев, С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники: Опыт исторического исследования. – Киев, 1883. – Т. I. – Доп. № 2. – С. 10; Архив ЮЗР. – Киев, 1859. – Ч. I. – Т. I. – № 91. – С. 384) и их оценку М. Грушевским (Исторія України-Руси. – Київ, Львів, 1907. – Т. 6: Життя економічне, культурне, національне XIV–XVII віків. – С. 342).
18. Белокуров, С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. – М., 1898. – С. 321; Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание. – Ленинград, 1982. – С. 37.
19. Цит. по: Артамонов, Ю. А. Проблема реконструкции древнейшего Жития Антония Печерского // Средневековая Русь. – Москва, 2001. – Вып. 3. – С. 6.
20. Интересно, что среди этих источников отсутствовали белорусско-литовские летописи XV–XVI вв. – хотя, в принципе, они были известны киевским интеллектуалам. Об этом, в частности, свидетельствует княжеский помянник, включенный Иосифом Тризной в созданную им редакцию Печерского Патерика (1647–1656 гг.): имеющееся здесь упоминание о Скиргайло целиком заимствовано из летописей указанного типа (Кучкин, В. А. Княжеский помянник в составе Киево-Печерского Патерика Иосифа Тризны // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 г. – М., 1997. – С. 174, 191–192, 225).
21. Семянчук, А. А. Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі. – Гродна, 2000. – С. 79.
22. Ср.: Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. – Київ, 2005; Русина О. Студії з історії Києва та Київської землі. – С. 314–340.
23. Детальнее эта проблема рассмотрена в публикации: Русина, О. Київська виправа Гедиміна (текстологічний аспект проблеми) // Записки Наукового товариства ім. Шевченка – Львів, 1996. – Т. 231. – С. 147–157.
24. Ср.: Толочко, О. «Нестор-літописець»: біля джерел однієї історіографічної традиції // Київська старовина. – 1996. – № 4/5. – С. 16; Його ж. Неювілейна «словесність» // Український гуманітарний огляд. – Київ, 2000. – Вип. 4. – С. 51.
25. Шабульдо, Ф. М. Синьоводська проблема: можливий спосіб її розв'язання. – Київ, 1998. – С. 57.
26. См. новейшую публикацию и наш комментарий: Грушевський, М. Твори. – Львів, 2003. – Т. 5. – Серія «Історичні студії та розвідки». – С. 50–65, 418–420.
27. Соболевский, А. Запись начала XV века // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. – 1895. – Кн. 9. – Отд. II. – С. 219–222.
28. Имеем в виду памятник, входящий в состав белорусско-литовских летописей краткой редакции; создание этой версии «Похвалы» относят обычно к 1429–1430 гг. (Летописи белорусско-литовские // Полное собрание русских летописей. – Т. 35. – Москва, 1980. – С. 58–59, 75–76, 108–109).

29. Пелешенко, Ю. Українська література пізнього Середньовіччя (друга половина XIII – XV ст.): Джерела. Система жанрів. Духовні інтенції. – Київ, 2004. – С. 42. См. также: Історія української культури. – Київ, 2001. – Т. 2. – С. 321.

30. Сушицький, Т. Західно-руські літописи як пам'ятки літератури. – Київ, 1921. – Ч. 2. – С. 293–294, 391.

31. Грушевський, М. Історія української літератури. – Київ, 1995. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 248.

32. Слово Даниїла Заточника по редакціям XII и XIII вв. и их переделкам. – М., 1932. – С. 20.

33. Отметим, что такой проницательный исследователь белорусско-литовского летописания как Ф. Сушицкий увидел в данном фрагменте классические приемы красноречия, отзвуки былин, элементы житийного стиля, воздействие творчества Кирилла Туровского и наследование Ипатьевской летописи (Сушицький, Т. Західно-руські літописи як пам'ятки літератури. – С. 294, 398, 402).

34. Истрин, В. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. – Москва, 1893. – С. 212–215.

35. Истрин, В. Указ. соч. – Приложения. – С. 203; Летописец Еллинский и Римский. – СПб., 1999. – Т. 1: Текст. – С. 145. Отсылка к этому сюжету содержится и в Сербской «Александрии»: Александр Македонский перед смертью вспоминает о том, что познал «высоту небесную» и «глубину моря» (Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. – М.: Л., 1965. – С. 70). В позднейших версиях «Александрии» – как, например, в той, что содержится в «Хронике» М. Бельского – полет Александра и его спуск под воду рассматриваются как «вымышленные речы» (Гаевський, С. «Александрія» в давній українській літературі. – Київ, 1929. – С. 209).

36. Напомним, что полет Александра Македонского на небо был также очень популярным сюжетом средневекового искусства – и, в том числе, в исторических пределах Киевской Руси.

37. Mickūnaitė G. Making a Great Ruler: Grand Duke Vytautas of Lithuania. – Budapest; New York, 2006. – P. 73–75. Обращаясь к «Похвале Витовту», исследовательница отмечает лишь факт незнакомства ее составителя с основами византийской риторики и некие подспудные провизантийские интенции, лежащие в основе памятника (Ibid. – P. 78, 261–262).

38. Летописи белорусско-литовские. – С. 125–127.

39. Александрия. – С. 34, 35.

40. Александрия. – С. 51, 246. В списке XVII в., близком к исходному тексту Сербской «Александрии», разъясняется, что воины Филона вытеснили реку: «Филон со всем войском удари в реку и сию из места изгнаша на поле пред ними» (Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. – М., 1982. – С. 124). В другом позднем списке «Александрии» войска «выбили конными ногами воду на поле из реки» (Гаевський, С. «Александрія» в давній українській літературі. – С. 57).

41. Александрия. – С. 51

42. Подробнее см.: Петров А. «Свеча загорелась сама собой...»: Память о Куликовской битве в идеологии Российского государства XV–XVI веков // Родина. – 2003. – № 12. – С. 101–102.
43. Александрия. – С. 64.
44. Древняя русская литература: Хрестоматия. – М., 1980. – С. 31.
45. Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. – М., 1994. – С. 226, 249; Летописец Еллинский и Римский. – Т. 1. – С. 189.
46. Грушевський, М. Історія української літератури. – Т. 5. – Кн. 1. – С. 208.
47. Русина, О. Від Кузьмищі-киянина до киянина Скобейка (моделювання смерті в «Хроніці Биховця») // Соціум. – Київ, 2002. – Вип. 1. – С. 37–53.
48. Сушицький, Т. Західноруські літописи як пам'ятки літератури. – Київ, 1921. – Ч. I. – С. 103.
49. Литвин, М. О нравах татар, литовцев и москвитян / М. Литвин. – М., 1994. – С. 85–86.
50. Морозова, Н. А. О древнерусских источниках легендарной части летописей Великого княжества Литовского // Kalbotyra. – № 43(2): Lituano-Slavica: Языки. Культура. Контакты. – Вильнюс, 1993. – С. 52–59.
51. См. наиболее полное в настоящее время издание: Monumenta Ucrainae Historica. – Romae, 1971. – Vol. IX–X: (1075–1632). – № 4. – P. 5–30.
52. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. – М., 1992. – Ч. 5. – С. 951, 1064, 1071–1074; Русина О. Мисайлове послання Сиксту IV за Синодальним списком // Український археографічний щорічник. – Київ; Нью-Йорк, 2002. – Вип. 7. – С. 281–296.
53. О глоссах Потия см.: Лужний, Р. Релігійна публіцистика Іпатія Потія в розвитку староруської традиції // Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей. – Київ, 1993. – Т. 2. – С. 49–63.
54. Русская историческая библиотека. – СПб., 1903. – Т. 20. – Стб. 872.
55. Форма «Россия» фиксируется в Северо-Восточной Руси со времен Ивана III, в конце XV ст.; в пределах ВКЛ она распространилась столетием позже (Вопросы формирования русской народности и нации. – М.; Л., 1958. – С. 88).
56. См. последнюю публикацию: Русский феодальный архив... – М., 1986. – Ч. 1. – № 56. – С. 196–197.
57. Подробнее см.: Русина, О. В. Василь Никольський: невідомий книжник XVI ст. // Беларусь – Україна: гістарычны вопыт узаемаадносін. – Мінск, 2004. – С. 42–50. К фактам, изложенным в статье, добавим то, что две книги Василия Никольского упомянуты в описях Супрасльского монастыря середины XVII ст. (Щавинская, Л. Л. Литературная культура белорусов Подляшья XV–XIX вв.: Книжные собрания Супрасльского Благочинного монастыря. – Минск, 1998. – С. 140).
58. См. критические ремарки А. Груши, упустившего наше указание на то, что термин «презвитер» в отношении Никольського фигурирует в позднем, рубежа XVII–XVIII вв., списке «Сказания», содержащем многочисленные текстуальные ошибки (Груша, А. І. Канцелярыя Вялікага князтва Літоўскага 40-х гадоў XV – першай паловы XVI ст. – Мінск, 2006. – С. 160–161).

НАЗВА «MURATA GYERANONY» Ў ДАКУМЕНТАХ 1510–1523 ГГ. І ДАТЫРОЎКА ГЕРАНЁНСКАГА ЗАМКА

Геранёны, уладанне магутнага роду Гаштаўтаў (Гаштольдаў), суседнічалі з іншымі дварамі той жа назвы: Манівідавымі, ці Старымі, Геранёнамі і Жыгімонтавымі Геранёнамі. Сёння гэта Суботнікі і Зыгмунцішкі адпаведна [1, с. 496]. Двор Гаштаўтаў зваўся Геранёнамі Мураванымі. Недахоп пісьмовых звестак аб часе узвядзення Геранёнскага замка прымушае даследчыкаў звяртаць увагу на прыметнік «murata» («мураваныя») ў назве мястэчка і спрабаваць вызначыць, калі ён упершыню з’яўляецца ў крыніцах.

К. Календа-Карчакова у адной з прац аднесла з’яўленне такой назвы да сярэдзіны XV ст., звязваючы яе, такім чынам, з нейкімі пабудовамі ранейшымі за замак і спасылаючыся пры гэтым на звесткі аб заснаванні каталіцкіх прыходаў ў працы Е. Ахманьскага [2, с. 11]. Такую спасылку цяжка прызнаць прымальнаю: нават павярхоўны прагляд спісаў у Ахманьскага паказвае, што асобныя назвы там ужытыя рэтраспектыўна. Так, пад 1460 г. запісаны Войстам-Ушакоў [3, с. 67], між тым у самім фундацыйным дакуменце 1460 г. вёска названая яшчэ проста Ушакоў [1, с. 258–260], а з дадатковаю назваю – «Uszakowo alias Ffoystom» – яна пачне узгадвацца пазней. Пад 1411 г. бачым Геранёны-Зыгмунцішкі [3, с. 63], у фундацыйным дакуменце названыя проста Геранёнамі (выдаўцы нават аднеслі яго памылкова да Мураваных Геранён). Зыгмунцішкамі вёску называюць паметкі, зробленыя на дакуменце ў XVIII ст. [1, с. 86–88]. Крыніцу сваю адносна Мураваных Геранёнаў Ахманьскі не называе, і выявіць яе не атрымалася; саму дату заснавання парафіі «перад 1458» трэба разумець, імаверна, як «пры жыцці Яна Гаштаўта» – праўдападобна, гэта здагадка, заснаваная на тытуле першага Геранёнскага касцёла.

Н. Скеп’ян, з іншага боку, звязвае словы «з мураваных Геранён» ў подпісах Гаштаўта менавіта з будоўляй вядомага нам замка і адносіць іх з’яўленне да перыяду «пасля 1525 г.» (здадка ў Літоўскай Метрыцы пад 1514 г. аб «мураваным двары» ў Геранёнах разглядаецца пры гэтым як указанне на пачатак будоўлі) [4, с. 59]. Гэтае меркаванне, на нашу думку, лепш стасуецца з крыніцамі, аднак даты патрабуюць пэўных удакладненняў, якія мы і прывядзем ніжэй.

Перш за ўсё, з тытулам дзедзіча Мураваных Геранёнаў Гаштаўт выступае яшчэ ў дакументах, пісаных у Тыкоціне ў 1516 [5, с. 270] і 1521 гг. [5, с. 495–497]. Першы з гэтых дакументаў – гледзячы па ўсім, рэгест, аднак з улікам слухна названых пасадаў («*palatinus Polocensis et capitaneus Mozugensis*») няма падстаў сумнявацца, што і тытул выпісаны дакладна; у другім выпадку захаваўся поўны тэкст дакумента. Гаштаўт названы дзедзічам Мураваных Геранёнаў і ў дакуменце 1522 г. аб прызначэнні на пасаду трэцяга ваяводы Канстанціна Астрожскага [6, с. 274]. Форму «*Albertus Martinianus Gastolth de Murata Geranony*» сустракаем у 1523 г. [7, с. 556].

Перайшоўшы ад апублікаваных крыніц да архіваў, мы ўбачым, што само паселішча згадваецца як «*tingata Gyeranony*» яшчэ раней, у дакуменце віленскага біскупа Войцеха (Альберта) ў 1510 г. [8]; захаваўся арыгінальны пергамент.

Нарэшце, «*Munita Gyeranonii*» (г.зн. Умацаваныя Геранёны) згаданыя побач з Манівідавымі і Жыгімонтавымі Геранёнамі ў 1495 г. [1, с. 496] (мы звяраліся з фотакопіяй арыгінальнага дакумента і не маем сумненняў, што выдаўцы кодэкса прачыталі назву дакладна). У гэтым выпадку трэба, аднак, памятаць, што слова «*munita*» не абавязкова адносіцца да мураваных умацаванняў – прынамсі ў «*Sarmatiae Europaeae Descriptio*» яно ўжываецца і для драўляных («*ex una parte stipitibus graecautis munita*») [9, с. 60г].

Такім чынам, калі глядзець з назваў паселішча, Геранёнскі двор Гаштаўтаў займеў нейкія ўмацаванні не пазней за 1495 г., а нейкія дастаткова прыкметныя мураваныя элементы – не пазней за 1510 г. Гэта значыць, у прыватнасці, што згадка «мураванага двара» у 1514 г. адносіцца калі не да завершанага будынка, то ў кожным разе не да самага пачатку будоўлі.

Можа здацца, што гэтыя дадатковыя звесткі прымушаюць цалкам адмовіцца ад датыроўкі будоўлі 1520-мі гадамі і ад прывязкі яе да тагачаснай пагоні гаспадара за графскім тытулам (тытул графа ад Папы Гаштаўт атрымаў у 1529 г., ад імператара – ў 1530 г. [10, с. 135]). Аднак варта згадаць, што Геранёнскі замак складаўся з двух частак – вонкавых умацаванняў і ўнутранага замачка з чатырма нарожнымі вежамі, які меў параўнальна сціплыя памеры (каля 27x27 метраў) [11]. Гэты ўнутраны будынак выглядае нязначным для Гаштаўта-канцлера, які ў 1528 г. ставіў коней у войска больш за любога з астатніх радных паноў [12, с. 22–23]. Для параўнання, акурат у 1520-х Ю. Іллініч пачаў у Міры будаўніцтва сваёй знакамітай рэзідэнцыі – таксама замка з вежамі па вуглах, аднак

памераў 60x60 метраў [13]. Знешнія умацаванні ў Геранёнах, з іншага боку, досыць маштабныя. Цікава дапусціць, што будоўляў было дзве: узвядзенне унутранага замка пачалося (ці нават было ў агульных рысах завершана) раней за 1510 г., а вонкавыя ўмацаванні дадаліся пазней, магчыма ў 1520-х. Заўважым, што новую будоўлю ў гэты час Гаштаўт мог пачаць не толькі дзеля атрымання тытула: маскоўскае войска ў 1519 г. даходзіла да блізкіх Ашмян і Меднікаў [14, с. 35], і гэта таксама магло выклікаць у ваяводы жаданне грунтоўней ўмацаваць уласную рэзідэнцыю.

Але занадта паглыбляцца ў высновы такога кшталту пакуль што, відавочна, рана. Нашы пошукі дадатковых крыніц, хаця да пэўнай ступені і паспяховыя, былі далёка не вычарпальнымі, і значна лепшыя ключы да адказу могуць па-ранейшаму хавацца ў архівах.

Спіс літаратуры

1. Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej / oprac. J. N. Fijałek, W. Semkowicz. – Kraków, 1932–1948. – Т. 1. 1387–1507.
2. Kolendo-Korczakowa, K. Dzieje Infułacji Gieranońskiej fundacji Wojciecha Gasztołda / K. Kolendo-Korczakowa // Sztuka kresów wschodnich. – Т. 6 / pod redakcją A. Betleja i P. Krasnego. – Kraków, 2006. – S. 9–22.
3. Ochmański, J. Biskupstwo Wileńskie w średniowieczu: Ustrój i uposażenie / J. Ochmański. – Poznań, 1972.
4. Скеп’ян, Н. Пачаткі будаўніцтва прыватнаўласніцкіх мураваных замкаў у Вялікім княстве Літоўскім / Н. Скеп’ян // Магнацкі двор і сацыяльнае ўзаемадзеянне (XV–XVIII стст.) / пад рэд. А. М. Янушкевіча. – Мінск, 2014. – С. 54–63.
5. Herbarz Ignacego Kapicy Milewskiego: dopelnienie Niesieckiego. – Kraków, 1870.
6. Pomniki Prawa Litewskiego z XVI wieku / Wyd. F. Piekosiński. – Kraków, 1900.
7. Lietuvos Metrika. Kn. 12 (1522–1529): Užrašymų knyga 12 / Lietuvos istorijos institutas; parengė D. Antanavičius ir A. Baliulis. – Vilnius, 2001.
8. Бібліятэка АН Літвы. – Дакумент F6–97.
9. Guagnini, A. Sarmatiae Europae Descriptio. – Spira: apud Bernardum Albinum, 1581.
10. Kuźmińska, M. Olbracht Marcinowicz Gasztołd / M. Kuźmińska // Ateneum Wileńskie. – R. 5. – Z. 14. – Wilno, 1928. – S. 120–174.
11. Ткачоў, М. Геранёнскі замак / М. Ткачоў // Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя. – 2-е выд. – Мінск, 2007. – Т. 1. – С. 526–527.
12. Lietuvos Metrika. Kn. 523 (1528). Viešųjų reikalų knyga 1 / Lietuvos istorijos institutas; parengė A. Baliulis, A. Dubonis. – Vilnius, 2006.
13. Калнін, В. Мірскі замак / В. Калнін // Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя. – 2-е выд. – Мінск, 2007. – Т. 2. – С. 313–314.
14. Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. – Т. 13. – Ч. 1. – СПб., 1904.

Пруднікаў А. А.

ЯЎРЭІ Ў КАТАЛІЦКІХ ГАРАДАХ І МЯСТЭЧКАХ НА БЕЛАРУСІ Ў СЯРЭДЗІНЕ XVII–XVIII ст.

З даўных часоў для тэрыторыі Вялікага княства Літоўская была характэрная шматэтнічнасць і, як вынік, талерантнасць – рэлігійная, канфесійная і этнічная. Пераважную большасць насельніцтва беларускіх гарадоў і мястэчак складала мясцовае, усходнеславянскае насельніцтва. У гістарычных крыніцах нетутэйшае, прышлае або іншага роду, насельніцтва атрымлівала характэрныя прозвішчы, напрыклад, «маскаль», «жыд», «татар» і г. д. Не былі ў гэтым плане выключэннем і ўладанні каталіцкай царквы, якія з’яўляліся найбольшымі з усіх духоўных уладанняў на тэрыторыі Беларусі. Але ў пераважнай большасці канцэнтрацыя прадстаўнікоў іншых этнасаў была адносна невялікай, за выключэннем, бадай што, толькі яўрэяў.

Замоўчваць яўрэйскую прысутнасць у гарадах і мястэчках Беларусі ня мае сэнсу, бо ў розныя часы адсотак прадстаўнікоў гэтага этнасу ў гарадскіх паселішчах складаў даволі значную лічбу. Яўрэі з’яўляюцца на тэрыторыі Беларусі яшчэ ў канцы XIV стагоддзя, больш інтэнсіўная міграцыя назіралася ў XVI стагоддзі з Заходняй Еўропы (Германіі і Польшчы) [31, с. 65]. І амаль адразу прадстаўнікі гэтага народу атрымліваюць рознага кшталту прывілеі ад цэнтральнай улады, якія ахоўваюць яўрэяў, даюць ім дадатковыя правы і пазбаўляюць ад асноўных дзяржаўных падаткаў.

Яўрэі з’яўляюцца адзіным старажытным народам з кола еўрапейскай культуры, які дайшоў да нашага часу. Ад хрысціянскага атачэння яны адрозніваліся рытмам святаў, мовай кнігі і ўжыткавай мовай, звычаямі, адзеннем і часткова прафесійнымі заняткамі. Пражываючы сярод хрысціянскага грамадства, яны былі вымушаныя пагадзіцца з пазіцыяй горшых, залежных і падуладных, хоць самі ўсведамлялі сабе, што з’яўляюцца выбраным народам [41, с. 8–9].

Для яўрэяў, якія пражывалі ў вялікіх і сярэдніх гарадах, каралеўскіх і прыватнаўласніцкіх, часцей за ўсё была характэрна арганізацыя ў кагалы, замкнёныя грамады са сваімі законамі. Але гэтага фактычна не назіралася ў гарадах і мястэчках духоўных, пераважная большасць з якіх складалі маленькія паселішчы. Сярод гаспадарчых заняткаў гэтага народу пераважалі рамяство, гандаль, арэнда і трыманне карчмаў,

шынкаў; у духоўных уладаннях назіраліся некаторыя асаблівасці і ад-розненні. Так, напрыклад, калі ў буйных і сярэдніх каралеўскіх і прыватных гарадах і мястэчках меліся шматлікія яўрэйскія рамесныя брацтвы, духоўныя гэтага фактычна былі пазбаўленыя [38].

Асноўным дзяржаўным падаткам, які сплочвалі яўрэі ў Рэчы Паспалітай, з'яўлялася так званае «пагалоўнае жыдоўскае». Тэарэтычна мелася яго плаціць ад адной галавы, але з цягам часу падатак ператварыўся ў нерэгулярны, плацілі яго адпаведна сеймавай канстытуцыі, да таго ж вялічыня гэтага падатку пастаянна ўзрастала. Акрамя гэтага, час ад часу збіраліся дадатковыя падаткі; але шляхта ўсё роўна лічыла іх вялічыню недастатковай [43, с. 90–91]. Пражываючыя ў гарадах і мястэчках яўрэі фактычна не выконвалі дадатковых павіннасцей, а плацілі толькі чынш за пляцы, на якіх пражывалі.

У параўнанні з дзяржаўнымі і прыватнаўласніцкімі гарадамі і мястэчкамі праэнт яўрэяў у каталіцкіх уладаннях быў значна ніжэйшы, часта абмяжоўваючы сваё «прадстаўніцтва» толькі арандатарамі карчмаў. Напрыклад, напярэдадні акрэсленага перыяду, у 1635 г. ва ўладанні Віленскай капітулы мястэчку Стрэшын (у Рэчыцкім павеце) са 105 гарадскіх пляцаў толькі 2 належалі да яўрэяў [14, с. 1]. У 1650 г., верагодна з прычыны казацка-сялянскага паўстання 16481–651 гг., згадак аб іх у Стрэшынскім маёнтку, які ўключаў у сябе яшчэ мястэчка Радуніца або Карпілаўка, ужо няма [15, с. 1–3]. Інвентар мястэчка Задзеў, што належала да віленскага біскупства, за 1644 г. таксама не дае ніякіх звестак пра яўрэяў [33, с. 1–13 адв.]. У прэстыманіяльным уладанні таго ж біскупства мястэчку Параф'янава ў 1649 г. няма згадак пра яўрэяў, аднак, прысутнічае карчма і яе арандатар, які, верагодна, мог быць яўрэям [16, с. 13]. У капітульным мястэчку Гадуцішкі ў 1652 г. ўзгадана толькі карчма [2, с. 3]. Па пераважнай большасці іншых мястэчак дадзеныя за сярэдзіну XVII ст., на жаль, адсутнічаюць. Хутчэй за ўсё гэта можна вытлумачыць захопам маскоўскімі войскамі Вільні падчас вайны з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг., бо архіў віленскай капітулы некалькі разоў перавозіўся і не захаваўся цалкам за гэты перыяд.

Паўднёвы ўсход Беларусі, які даволі працяглы час уяўляў сабой памежжа ВКЛ і Рэчы Паспалітай з Расійскай дзяржавай, быў вельмі небяспечным месцам для пражывання яўрэяў. Асабліва гэта праявілася падчас казацка-сялянскага паўстання пад кіраўніцтвам Багдана Хмяльніцкага 1648–1651 гг., вайны Расіі з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг., бо менавіта праз гэтыя тэрыторыі, а таксама праз Палессе адбываліся вайсковыя паходы і напады казацкіх загонаў.

Хрысціянскае насельніцтва – і гарадское, і сельскае – бачыла ў яўрэях не проста прадстаўнікоў чужога этнасу і рэлігіі, але з цягам часу і ўвасабленне феадальнага прыгнёту, бо менавіта яўрэі найчасцей былі арандатарамі і трымальнікамі ня толькі карчмаў, але і цэлых маёнткаў. Хоць афіцыйна на павятовых сейміках шляхта абуралася таму, што маёнткі, падаткі, мыты і г. д. аддаюцца яўрэям у трыманне, на справе ўсё выглядала іначай – шляхецкія трымальнікі або зборшчыкі падаткаў, прагнучы запэўніць сабе паспяховы збор падаткаў, аддавалі іх яўрэям [43, с. 95]. Таму не дзіва, што просты народ атаясамліваў яўрэяў са шляхтай.

Казацка-сялянскія атрады, што пачалі з'яўляцца на тэрыторыі Беларусі ўжо ў 1648 г., вынішчалі кожнага, хто нагадваў ім пра феадальны прыгон: шляхту, каталіцкае духавенства, яўрэяў, не шкадуючы дзяцей, жанчын і старых. Ужо ў кастрычніку 1650 г. віленская капітула была вымушана адмовіцца ад збору дадатковых падаткаў у сваіх паўднёвых уладаннях Стрэшыне і Каменшчыне [39, с. 151].

Са ўступленнем у вайну Расіі і захопам тэрыторыі Беларусі пачынае распаўсюджвацца расійскае кіраўніцтва, таму многія рэчы, нехарактэрныя расійскай сістэме, пачынаюць змяняцца. Гэта тычылася перадусім каталікоў, уніятаў і яўрэяў. Нягледзячы на просьбы мясцовага насельніцтва аб рэлігійнай свабодзе, выдаваліся ўказы «касцёлам ня быць; уніятам ня быць», і, як дадатак, «жыдам у Беларусі ня быць і ніякага жыцця ня мець» [30, с. II]. Казацка-сялянскія атрады з гэтага часу пачынаюць дзейнічаць узгоднена з расійскімі войскамі, захопліваючы гарады і замкі на паўднёвым усходзе Беларусі. Так, у ліпені 1654 г. у межах паходу казакоў па Дняпры быў захоплены замак у Стрэшыне [30, с. 137].

У выніку амаль дваццацігоддзя ваенных дзеянняў (1648–1667 гг.) краіна апынулася ў сапраўдным эканамічным і дэмаграфічным крызісе. Найвялікшыя страты панеслі тыя гарады, якія мелі замкі [40, с. 74]. Сярод духоўных уладанняў замак меў згаданы ўжо Стрэшын. Паводле польскага гісторыка Маўрыцага Хорна, калі першыя сімптомы ўпадку яўрэйскай эканомікі ў Рэчы Паспалітай праявіліся ўжо ў 20-х гг. XVII ст., больш выразны спад настаў з часам паўстання Хмяльніцкага, у выніку якога яўрэйскае насельніцтва аказалася часткова вынішчана, значная частка была пазбаўлена сродкаў да жыцця. Да таго ж упадак яўрэйскага рамясла паглыбіла крайнія ўбогасць сялянства, а таксама аграрызацыя гарадоў і мястэчак. Многія з яўрэйскіх рамеснікаў у выніку эмігравалі ў Германію, Галандыю, Італію і Турцыю [37, с. 207]. Узнаўленне разбуранай гаспадаркі пачалося яшчэ ў часе ваенных дзеянняў, але гэты працэс быў пастаянна перарываны (больш падрабязна аб працэсе ўзнаўлення гл. [36]).

Вельмі цікавым пры ўяўленні хрысціянска-яўрэйскіх адносінаў з'яўляецца пытанне пакарання: далёка не заўсёды за забойства ці цялесныя пашкоджанні яўрэі і хрысціяне адказвалі аднолькава, часцей яўрэі знаходзіліся ў значна больш прывілеяваным стане. Гэта ізноў-такі адпаведным чынам настрайвала хрысціян супраць іх. З прычыны адсутнасці дадзеных па сучаснай тэрыторыі Беларусі для ілюстрацыі гэтага пытання будзем карыстацца звесткамі па ўладаннях віленскага біскупства, якія знаходзяцца сёння на тэрыторыі Літвы.

Адным з мястэчак, дзе назіраліся даволі складаныя адносіны паміж яўрэямі і хрысціянамі, быў Пасволь. У 1667 г. жыхары мястэчка скардзіліся віленскай капітуле, што яўрэй, пакрыўджаны або пабіты хрысціянінам, атрымлівае адшкадаванне на правах шляхціца, а хрысціянін у той жа сітуацыі – як звычайны мяшчанін. Прадстаўнікі капітулы адказалі, што вымярэнне справядлівасці ў такіх сітуацыях павінна быць аднолькавае [39, с. 186]. Але, зразумела, што адступленні ад гэтага назіраліся вельмі часта. У 1671 г. у тым жа мястэчку быў забіты і ўтоплены яўрэй Юзафовіч. Падазрэнне пала на яўрэя і хрысціяніна; пасля следства вывіла, што гэта зрабілі хрысціяне. За жыццё яўрэя хрысціяне павінны былі заплаціць прызначаны штраф у памеры ў 1000 злотых [39, с. 198]. Як падаецца, акцэнтаванне ўвагі на тым, што забойства было выканаана хрысціянамі, мае тут непасрэднае значэнне, бо гэта ўжо ідзе ў разрэз з рашэннем віленскай капітулы па папярэднім пытанні.

За другую палову – канец XVII ст. інвентары духоўных уладанняў амаль адсутнічаюць. Таму застаецца задаволіцца матэрыялам больш позняга часу, які ўсё ж дазваляе нам прасачыць змяшэнне яўрэйскага насельніцтва або поўную адсутнасць у большасці гарадоў і мястэчак. Так, у 1674 г. у мястэчку Гадучішкі ня было аніводнага яўрэя [3, с. 1–6 адв.], паводле тарыфу дымоў віленскай капітулы ў 1690 г. у мястэчках Германішкі і Герваты меліся карчмы, але няма згадак пра тое, што трыманя яўрэямі [1, с. 1–3 адв.]. У капітульным мястэчку Бакшты ў 1698 г. таксама няма згадкі пра яўрэяў [7, с. 1–2], што пацвярджаецца інвентаром Бакштанскай воласці за 1699 г. [8, с. 1–1 адв.] У мястэчку Стрэшын у 1702 г. пражываў яўрэй, які арандаваў карчму, у Карпілаўцы яўрэяў не было [19, с. 2 адв.–3 адв.].

У 1712 г. у мястэчку Бусыж, што належала да ордэну картузаў у Бярозе, таксама бачым яўрэя-арандатара, які, акрамя карчмы, меў 20 моргаў, што ўказвае, верагодна, на заняткі сельскай гаспадаркай. Да карчэмнай арэнды належаў таксама млын на 2 колах. Акрамя таго асобна ўказана, што мяшчане ня маюць права вырабляць алкагольныя напоі, а толькі купляць у арандатара [34, с. 13–13 адв.].

Найбольш яскарава прасачыць дынаміку яўрэйскага насельніцтва даводзіцца на прыкладзе Стрэшынскага маёнтка, бо па ім захавалася значная колькасць інвентароў. У 1714 г., відаць з прычыны разбурэнняў Паўночнай вайны са Швецыяй, мястэчка было зноў разбурана, яўрэйскае насельніцтва зноў тут знікае. Акрамя Стрэшына і Карпілаўкі згадана мястэчка Горваль, якое таксама сталася ўласнасцю віленскай капітулы [20, с. 1–15 адв.]. У 1727 г. у Стрэшыне мы бачым арандатараў карчмы з шынком і млыном. А вось у мястэчку Карпілаўка з’яўляецца сапраўдная яўрэйская калонія, вылучаная загалюкам «жыды карпілаўскай слабоды». Указанія 6 мяшчан: Давід Яўхімовіч, Цалін Гіршэвіч, Мердух Грановіч, Хрон Хаімовіч, Зелік Абрамовіч, Берка Ховіч, кожны з якіх меў вызваленне ад падаткаў на тэрмін ад 3 да 7 гадоў. Хрысціянскіх гаспадароў у мястэчку было 17, гэта значыць, яўрэі складалі трэцюю частку насельніцтва. Яўрэі трымалі карчму, у Стрэшыне і Карпілаўцы праводзіліся ярмаркі, падчас якіх было загадана пад пагрозай пакарання прыходзіць жыхарам з таварам. Віленская капітула была зацікаўленая ў павелічэнні насельніцтва мястэчак, бо некалькі разоў у інвентары паўтараюцца запрашэнні на слабоды хрысціян і яўрэяў, неабходнасць забудовы мястэчка дамамі і г.д. [21, с. 3 адв.–23 адв.]. У 1735 г. у Стрэшыне згаданы зноў толькі арандатар карчмы, а ў Карпілаўцы застаюцца 6 чалавек яўрэяў на 17 хрысціянскіх гаспадароў; суадносіны, такім чынам, застаюцца старымі. Акрамя карчмы, стрэшынскі арандатар трымаў таксама рудню з 3-ма млынамі [22, с. 1–17]. У 1755 г. сітуацыя ў мястэчках Стрэшын і Карпілаўка застаецца такая ж [23, с. 1–32]. У 1759 г. у Стрэшыне згаданы «жыд Хаўсей», які трымаў морг сенажатны і плаціў за яго 5 злотых, усяго ў мястэчку было 84 дымы. Мясцечка Карпілаўка мела 55 дымоў, лічба яўрэяў не ўказана, але яны разам плацілі 30 злотых чыншу, мяшчанін Борка Янкелёвіч быў звольнены ад чыншу. Што цікава, ён збудаваў свой дом коштам уладальнікаў мястэчка, за што павінен быў заплаціць на працягу 4 гадоў [24, с. 1–32].

У мястэчку Параф’янава ў 1737 г. згаданы арандатар карчмы, усяго гаспадароў было 7 [17, с. 9 адв.]. У 1739–1740 гг. паводле інвентароў у мястэчку Гадуцішкі яўрэі не пражывалі [4; 5]. У прэстыманяльным уладанні віленскага біскупства мястэчку Бакшты ў 1753 г. згаданы толькі арандатар карчмы, гаспадароў таксама 7, усяго жыхароў 15 [9, с. 1–3 адв.], у 1756 г. разам з карчмой арандатар трымаў таксама бровар і млын, гаспадароў 6, усяго жыхароў 19 [10, с. 1–2 адв.].

Рост насельніцтва беларускіх гарадоў у другой палове XVIII ст. быў звязаны са значным прытокам сюды яўрэяў, галоўным чынам з Украіны

і Польшчы. У канцы стагоддзя яўрэі складалі каля 20–30 % гарадскога насельніцтва [32, с. 30]. Падобная сітуацыя назіралася і ў духоўных уладаннях, часам нават пераўзыходзячы гэты адсотак. У 1767 г. у мястэчку Бяроза, належачым да ордэну картузаў, са 144 дымоў 24 належалі да яўрэйў, у 1775 г. лічба крыху зменшылася: са 111 да 18, да таго ж яўрэі мелі ў мястэчку сваю школу. З той прычыны, што яўрэі складалі значную лічбу мяшчан, інвентар утрымлівае спецыяльную павіннасць для іх. Так, яны былі вызваленыя ад усіх павіннасцей, пасылак, талок і гвалтаў, за гэта павінныя былі плаціць чынш і аддаваць пэўную колькасць напояў да кляштару картузаў «без ашуканства». Таксама яўрэйям было забаронена купляць землі ад сялян і мяшчан пад карай страты свайго пляца. Відавочная розніца ў падаткаабкладанні – яўрэі плацілі чынш у большай вялічыні, чым хрысціяне, нават калі б хрысціянін набыў пляц у «жыдоўскім Рынку», ён усё роўна плаціў бы як хрысціянін, гэта значыць, менш. Такім чынам, яўрэі былі пастаўленыя ў даволі жорскія рамкі, але ў гэтым таксама праяўлялася апека картузаў аб яўрэйскім гандлі, бо жыхары не маглі нідзе купляць алкаголь, акрамя яўрэйскіх карчмаў. Калі б падданья самі выраблялі напоі, павінныя былі б заплаціць арандатару [33, с. 13–13 адв.; 42, с. 110].

Мястэчка віленскай капітулы Ігумен у 1787 г. мела 83 дымы, з якіх 29 складалі яўрэйскія [12, с. 10–12]; у мястэчку Гадуцішкі ў 1790 г. яўрэі мелі школу і прывілей на яе ад віленскай Капітулы [6, с. 40].

Павялічваецца працэнт яўрэйў у згаданым вышэй Стрэшынскім маёнтку: у 1767 г. з 71 дыму ў мястэчку Карпілаўка яны мелі 26 (у Стрэшыне не пазначана, толькі арандатар) [25, с. 3–4 адв.], у 1779 г. у Стрэшыне ўжо сустракаем некалькі дзясяткаў яўрэйскіх жыхароў [26, с. 3–5]. У 1787 г. у Стрэшыне на 78 хрысціянскіх дымоў прыходзіліся 52 яўрэйскія, у Карпілаўцы лічба зменшылася: з 50 дымоў усяго 4 [27, с. 6–9, 17–18]. Чым дакладна абумоўлена з’яўленне ў Стрэшынскім маёнтку такой вялікай колькасці яўрэйў невядома, але можна дапусціць, што гэтаму паўплывала ўдалая палітыка ўраднікаў віленскай капітулы па запрашэнні навічкоў у свае ўладанні.

Але ў некаторых мястэчках назіралася не павелічэнне, а змяншэнне працэнту яўрэйў або нават іх знікненне. Так, у 1763 г. у мястэчку Лельчыцы ў Рэчыцкім павеце згадана толькі карчма, усяго налічвалася 59 дымоў [28, с. 3 адв.–20], у 1776 г. у мястэчку Параф’янава пражываў толькі адзін арандатар, усяго жыхароў было 29 [18, с. 6, 14]. У 1789 г. у сталовым уладанні віленскага біскупства ў Браслаўскім павеце Відзы меліся 2 карчомныя дымы, але ў інвентары пасля напісу «дамы, дзе жы-

вучь жыды» не прысутнічае аніякай інфармацыі [29, с. 1–3]. У 1794 г. у мястэчках Мядзведзіцы, Старынкi, што таксама ўваходзілі ў склад сталовых уладанняў віленскага біскупства, мы бачым толькі арандаваныя карчмы і млыны [13, с. 2 адв.–3 адв.]. У 1795 г. у мястэчку Германішкі ёсць звесткі пра арэнду карчмы [11, с. 1].

Пасля далучэння ў 1772 г. усходняй часткі тэрыторыі Беларусі да Расійскай імперыі некаторыя каталіцкія ўладанні апынуліся ў руках расійскіх улад, якія раздавалі іх сваім вайсковым або службовым асобам. Так сталася з часткай уладання Стрэшын, што парушыла цэласнасць маёнтка як адзінага эканамічнага арганізму. Таму найбольш прадпрымальная частка насельніцтва – менавіта яўрэі – пачынае спрабаваць нанова наладзіць гаспадарчыя сувязі. У кастрычніку 1780 г. невядомы яўрэй пад апекай нейкага расійскага генерала спрабаваў купляць дубы ў Стрэшыне, каб пасля іх апрацоўваць і прадаваць. Віленская капітула як уладальнік пагадзілася, але пад умовай, што кантракт той яўрэй падпіша на сваё імя і адказнасць [39, с. 373]. У той частцы Стрэшынскага маёнтка, якая засталася ў руках віленскай капітулы, справы таксама выглядалі не найлепей. У 1784 г. капітула была вымушана зменшыць арэндную плату яўрэю Шэндэру з мястэчка Карпілаўка з прычыны шкодаў, нанесеных расійскімі войскамі, што праходзілі праз уладанне: былі выпітыя ўсе напоі, разагнаны кірмаш, які існаваў тут з даўніх часоў [39, с. 380].

У 1791 г. канонікі Крушэўскі і Гаўвальт зрабілі вялікую справаздачу па Стрэшыне. Сярод іншай інфармацыі прысутнічае такое: «валасцяне ўбогія, дзякуючы ўпартай прыхільнасці спосабу гаспадаркі сваіх продкаў і гвалту жыдоў, якія галоцяць і нішчаць валасцяны» [39, с. 389]. У суме, нічога новага, ня толькі падданых ўважаюць яўрэяў за вінаватых у сваёй убогасці, але таксама і іх уладальнікі.

У выніку трох падзелаў Рэчы Паспалітай уся тэрыторыя Беларусі ўвайшла ў склад Расійскай імперыі, а разам з ёй і каталіцкія ўладанні. Пазней расійскімі ўладамі была вызначана «мяжа яўрэйскай аселасці», якая фактычна зводзіла тэрыторыю рассялення яўрэяў да межаў былой Рэчы Паспалітай, дзе яны даўно сталіся «тутэйшымі».

Такім чынам, можна вылучыць асноўныя асаблівасці пражывання і жыццядзейнасці яўрэяў у каталіцкіх гарадах і мястэчках на Беларусі. Перадусім, гэта адносна невялікая канцэнтрацыя насельніцтва ў параўнанні з хрысціянскім і спецыфіка тэрытарыяльнага рассялення. У большасці каталіцкіх гарадоў і мястэчак у сярэдзіне XVII – першай палове XVIII ст. адсотак яўрэяў складаў каля 1–2 % (па сутнасці, толькі арандатары карчмаў) і толькі ў некаторых уладаннях поўдня і цэнтру Беларусі у другой палове

XVIII ст. гэта лічба значна ўзрастае: Стрэшынскі маёнтак (мястэчкі Стрэшын і Карпілаўка) – каля 40 %, картузаўскай Бярозе – каля 17 % біскупскім уладанні Ігумен гэтая каля 20 % (Бяроза). Яўрэй мелі « апекуноў » у асобах уладальнікаў і аканомоў маёнткаў, якія давалі ім пераважныя або выключныя правы на гандаль і інш.: продаж алкаголю, арэнда і трыманне шынкоў, карчмаў і г. д. Гэта праяўлялася ў тым ліку і ў няроўным вымярэнні справядлівасці, бо правасуддзе часцей за ўсё было на баку яўрэяў. Некаторыя прадстаўнікі яўрэйскага насельніцтва займаліся сельскай гаспадаркай, аб чым сведчыць наяўнасць у іх моргаў і валок.

На жаль, з прычыны недахопу або адсутнасці крыніц па некаторых прамежках часу і мясцовасцях не даводзіцца зрабіць уяўленне аб жыцці яўрэяў у гарадах і мястэчках на Беларусі, што належалі да каталіцкай царквы, больш поўным і цэласным. Але мяркуем, што гэтая тэма яшчэ будзе прадметам спецыяльнага даследвання.

Спіс літаратуры

1. Адзел Рукапісаў Навуковай Бібліятэкі Акадэміі Навук Літвы (далей – АР НБ АНЛ). – Ф. 43, спр. 679.
2. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 3833.
3. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 3835.
4. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 3841.
5. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 3843.
6. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 3849.
7. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 6062.
8. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 6064.
9. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 6069.
10. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 6073.
11. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 8622.
12. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 8829.
13. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 8831.
14. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17424.
15. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 14659.
16. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 14671.
17. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 14680.
18. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17452.
19. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17484.
20. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17486.
21. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17490.
22. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17516.
23. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17595.
24. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17601.
25. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17608.

26. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17629.
27. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 17637.
28. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 18694.
29. АР НБ АНЛ. – Ф. 43, спр. 23789.
30. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею: в 15 т. / Под ред. Г. Карпова – СПб.: Типография Ф. Елконского и Ко., 1863–1892. – Т. 14 (дополнение к 3 т.): Присоединение Белоруссии (1654–1655). – 1889. – 902 с.
31. Вялікае княства Літоўскае. Энциклапедыя: у 2 т. / Рэдкал.: Г. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. 2-е выд. – Мінск: БелЭн, 2007–2010. – Т. 1: А–К. – 2007. – 688 с.; іл.
32. Города, местечки и замки Великого княжества Литовского / Научные редакторы: Ю. В. Баженов и др. – Минск: БелЭн, 2009. – 310 с.
33. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 1928, воп. 1, спр. 17.
34. НГАБ. – Ф. 1928, воп. 1, спр. 42.
35. НГАБ. – Ф. 1928, воп. 1, спр. 101.
36. Пруднікаў, А. А. Эканамічнае развіццё царкоўных гарадоў і мястэчак на Беларусі ў сярэдзіне XVII – XVIII ст. (на прыкладзе каталіцкіх) / А. А. Пруднікаў // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3: Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2014. – № 1. – С. 3–7.
37. Horn, M. Chronologia i zasięg terytorialny żydowskich cechów rzemieślniczych w dawnej Polsce (1613–1795) / M. Horn // Żydzi w dawnej Rzeczypospolitej. Ossolineum. Materiały z konferencji «Autonomia żydów w Rzeczypospolitej szlacheckiej». Międzynarodowy zakład historii i kultury Żydów w Polsce. Wrocław-Warszawa-Kraków, 22–26.IX.1986 / Uniwersytet Jagielloński. – Kraków, 1991. – 576 s.
38. Horn, M. Żydowskie bractwa rzemieślnicze na ziemiach polskich, litewskich, białoruskich i ukraińskich w latach 1613–1850 / M. Horn. – Warszawa, 1998. – 135 s., il.
39. Kurczewski, J. Kościół Zamkowy czyli Katedra Wileńska w jej dziejowym, liturgicznym, architektonicznym i ekonomicznym rozwoju: 3 cz. / J. Kurczewski. – Wilno, 1908–1916. – Cz. 3: Streszczenie aktów Kapituły Wileńskiej. – 1916. – 607 s.
40. Morzy, J. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w II połowie XVII wieku / J. Morzy. – Poznań, 1965. – 405 s.
41. Piechotkowie, M. i K. Oppidum Judaeorum. Żydzi w przestrzeni miejskiej w dawnej Rzeczypospolitej / M. i K. Piechotkowie. – Warszawa: Wydawnictwo Krupski i S-ka, 2004. – 296 s.
42. Popowska, M. Rys dziejów kartuzji bereskiej w latach 1648–1831 / M. Popowska // Ateneum Wileńskie: czasopismo naukowe, poświęcone badaniom przeszłości ziem Wielkiego Księstwa Litewskiego. – Rocznik 13, zeszyt 1. – 1938. S. 45–170.
43. Ternes, J. Mniejszości etniczne Rzeczypospolitej epoki Wazów w opiniach sejmików ziem ruskich / J. Ternes // Urzędy państwowe, organy samorządne i kościelne oraz ich kancelarie na polsko-ruskim pograniczu kulturowym i etnicznym w okresie od XV do XIX wieku: Materiały polsko-ukraińskiej konferencji naukowej w Okuninie koło Włodawy, 10–12 września 2007 r. / Avalon; pod red. H. Gminterka i J. Łosowskiego. – Kraków, 2010. S. 89–100.

Любы А. У.

АДНА ДЫНАСТЫЯ ДЛЯ ДВУХ ГІСТОРЫЙ: ПОЛЬСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ АБ ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ ЭПОХІ ЯГЕЛОНАЎ¹

У гонар Пястаў і Ягелонаў!

«*Hei, Orzel Biały!*»

Гінацый Ян Падэрэўскі

Гісторыя дынастыі заўсёды пачынаецца з міфа яе нараджэння. Усё можа з’явіцца з ніадкуль. Але не дынастыя. У падмурку Ягелонаў ляжала два ўзаемавыключныя міфы, пануючыя сярод польскіх інтэлектуалаў. Першы – гістарыяграфічны міф аб варвары-паганцы Ягайле, актуалізаваны ў працах ХХ ст. І другі – міф аб легендарным Палемоне, продку літвінскіх Гаспадароў, узгаданы і неаднойчы апісаны пачынаючы з часоў Яна Длугаша. Першы – з’яўляўся стэрэатыпным успрыняццем з боку польскай эліты ўсходніх суседзяў – жыхароў і ўлады Вялікага Княства Літоўскага. Другі – адбыўся ў якасці своеасаблівага інтэлектуальнага канструкта (верагодна з фларэнтыйскімі каранямі) па «выбельванню» гонара нашчадкаў караля Уладзіслава II, праз свядомы ўвод сувязяў з рымскай антычнай традыцыяй, па аналогіі з іншымі заходнееўрапейскімі пануючымі дынастыямі.

Нездарма кажуць, што па вопрадцы сустракаюць... Польская гістарыяграфія гісторыі Вялікага Княства Літоўскага перыяду канца XIV–XVI ст. моцна эвалюцыянавала за стагоддзі свайго існавання. Але пры дзяржаўных і ідэалагічных зменах захавала ўласцівыя ёй падыходы да вызначанага перыяду. Яны палягаюць на своеасаблівых трох кітах, якія і фарміруюць станючы вобраз Ягелонаў у польскай гісторыі: «чыстая» ў палітычных сувязях біяграфія Гедымінавічаў, прадвеснікаў уласна Ягелонаў; перамога пад Грунвальдам, якая паказала Еўропе не толькі моц польскай зброі, але і з’яўленне над войскам Ягайлы святога Станіслава; нарэшце, перыяд уніі паміж Каронай і Княствам, які фарміраваў польскі культурны ўплыў на Усходзе. Канешне, з цікавасцю навукі да працэсаў культуры і новых крыніц, у ХХ ст. дадаецца да спісу

¹ Праца з польскім матэрыялам стала магчымай у 2013 г. дзякуючы падтрымцы Міжнароднага Вышыградскага фонда. Аўтар выказвае падзяку супрацоўнікам кафедры інтэркультуральных даследаванняў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы Варшаўскага ўніверсітэта, асабіста – доктару габлітаванаму Юрыю Грыбоўскаму.

яшчэ і «залаты век» палітычнага аб'яднання Польшы, унутранага спакою і росквіту рэнесанснай культуры.

Але ці ўласна Вялікае Княства Літоўскае жыло ўсім гэтым у эпоху Ягелонаў? Якім чынам фарміравалася гістарыяграфічная традыцыя ўспрымання падзей і працэсаў, якія адбываліся ў палітыцы і культуры пэўнай эпохі? Не ўсё так проста, як бачылася адной пляядзе аўтараў, і не так скептычна як хацелася б паказаць іншай. Польская гістарычная школа заўсёды была моцна традыцыяй. Вучні і мэтры трымаліся за свае высновы і дакладна разумелі ролю вертыкальнай салідарнасці. Нездарма такі завужаны аб'ект польскай гістарыяграфіі як Вялікае Княства Літоўскае эпохі Ягелонаў меў значную колькасць адэптаў.

I. Погляд з плеч гігантаў

Пачатак інстытуцыянальных даследаванняў палітычнага жыцця і культуры ў эпоху Ягелонаў быў закладзены яшчэ ў канцы XVIII ст. Адамам Нарушэвічам, беларускім шляхціцам, выпускніком пінскага калегіўма, паэтам і набліжаным гісторыкам апошняга караля Рэчы Паспалітай Станіслава Аўгуста Панятоўскага. Менавіта запланаваная ім афіцыйная гісторыя дзяржавы – так званая «Гісторыя польскага народа» – павінна была ўтрымліваць чатыры часткі, адна з якіх і тычылася перыяду Ягелонаў [1, с. 11, etc.].

У першай трэці XIX ст. у эпоху Віленскага ўніверсітэта на тэрыторыі Беларусі і Літвы імкліва развіваўся працэс пошуку «мясцовай» гісторыі. Прафесар Віленскага ўніверсітэта Іахім Леявель аформіў на падставе сваіх лекцыйных накідаў абагульняючую працу, прысвечаную гісторыі Вялікага Княства Літоўскага [2]. Назваў эпоху Ягелонаў «Польшча якая квітнее» («Polska kwitnąca») у адрозненні ад вызначэння перыяду пасля 1587 г. – «Польшча якая зенепадае» («Polska upadająca») [3].

Ужо ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Вялікае Княства Літоўскае з'явілася для польскай гістарыяграфіі, раскіданай па розным навуковым цэнтрам розных дзяржаваў (Прусіі, Аўстрыйскай і Расійскай імперыі), своеасаблівай «зямлёй абяцанай». Менавіта гэта сярэднявечная дзяржава дала Польшчы караля Уладзіслава Ягайлу, Ягелонаў і «залаты час/век» польскай дзяржаўнасці і культуры. Галоўная ўвага надавалася паходжанню дынастыі Ягелонаў і яе папярэднікам-Гедымінавічам, якія арганічна ўключаліся ў польскі гістарычны наратыў, што праявілася ў даследаваннях біяграфій вялікіх князёў літоўскіх і цікавасці да вызначэння і класіфікацыі ўніі Польшчы з Вялікім Княствам Літоўскім у пра-
межак з 1385 па 1569 гг. [4; 5].

Вялікая ўвага на дзейнасць прадстаўнікоў дынастыі Ягелонаў у Вялікім Княстве Літоўскім была звернута ў польскай гістарыяграфіі ў першай трэці ХХ ст. З гэтым перыядам звязана творчасць такіх даследчыкаў польска-літвінскага Сярэднявечча як Казімір Стадніцкі, Станіслаў Смолька, Людвік Каланкоўскі, Фелікс Канечны, Людвік Фінкель, Оскар Халецкі, Фрыдэрык Папэ. У эпоху станаўлення польскай нацыянальнай дзяржавы (1918–1939) менавіта гісторыя дынастыі адыгрывала сваю кансалідуючую ролю. Фарміруецца ў гістарыяграфіі ўспрыняцце дзяржаўнай прасторы Польшчы (у межах тэрыторыі Рэчы Паспалітай да 1772 г.). Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага не разглядалася іначай, чым частка айчыннай гісторыі палякаў.

У Віленскім універсітэце імя Стэфана Баторыя (1919–1939 гг., адчынены польскім урадам у Заходняй Беларусі і закрыты ўрадам Літвы) пачынаюць свае даследаванні Вялікага Княства Літоўскага Хенрык Лаўмяньскі [6], Аттон Хедэман, Севярын Віслаух, Леанід Жыгковіч, вучыцца «зачараваны ў Вялікае княства» Юліуш Бардах. Галоўная ўвага надаецца сацыяльна-эканамічнаму падмурку існавання зямель Вялікага Княства Літоўскага ў XIV–XVI ст., гарадам і мястэчкам. Што павінна было быць падсумавана на старонках падрыхтаванай у 1939 г. калектыўнай манаграфіі «Акты віленскіх цэхаў», пры ўдзеле Станіслава Касцялкоўскага [7].

Дзякуючы намаганням прафесара і загадчыка кафедры гісторыі Сярэднявечча і дапаможных дысцыплін Віленскага універсітэта Казіміра Хадыніцкага развіваюцца даследаванні гісторыі хрысціянскіх канфесій на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага ў шырокім кантэксце, не завужаным да дзейнасці езуітаў на гэтых тэрыторыях Еўропы. (Магчыма «праваслаўнаму» акцэнту ў творчасці К. Хадыніцкага паспрыяў і «маскоўскі» перыяд яго выкладчыцкай кар’еры ў 1910-х гг.). Так паўстаюць даследаванні Праваслаўнай царквы і каталіцкіх місіі XIV ст. у Вялікім Княстве Літоўскім [8, 9].

Праяўляецца цікавасць да знешняй палітыкі дзяржавы, якая карэнным чынам змяняе суадносіны сіл ва ўсходняй частцы Еўропы: паражэнне Тэўтонскага ордэна, складанне дынастычнай садружнасці дзяржаваў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, т.зв. «уніі Ягелонаў», адносіны з Вялікім Княствам Маскоўскім і іншымі рускімі княствамі. Сярод персаналій Ягелонаў прыцягвае ўвагу каралева-літвінка Соф’я Гальшанская [10]. Адметную ролю ў прэзентацыі дасягненняў і адлюстраванні развіцця віленскай гістарычнай школы гісторыі Вялікага Княства Літоўскага адыграў, заснаваны ў 1920-я гг. прафесарам К. Хадыніцкім, часопіс «Atheneum Wileńskie».

Аднак Вялікае Княства Літоўскае ў польскім нацыянальным нара-тыве міжваеннага часу (у адрозненні ад XIX ст.) усёроўна заставалася адной з частак «вялікай» Польшчы, праўда своеасаблівай і адметнай гістарычна.

Другая Сусветная вайна стала ментальным падзелам у гістарыяграфіі, і ўнесла свае карэктывы ў фармат даследаванняў Вялікага Княства Літоўскага, яго месца ў афіцыйнай польскай гісторыі. Ад другой паловы 1940-х гг. гісторыя Вялікага Княства Літоўскага становіцца гісторыяй іншых краін (СССР, Беларускай ССР ці Літоўскай ССР) [11]. У 1970-я гг. Ежы Ахманьскім і Марцэліем Косманам будуць напісаны адпаведна гісторыі Літвы і Беларусі, у якіх гісторыя Вялікага Княства Літоўскага прызнана нацыянальнай гісторыяй савецкіх рэспублік-суседак [12–13]. І аб гэтым будуць шкадаваць многія прадстаўнікі польскай інтэлігенцыі другой паловы XX ст. [14, с. 277, etc.].

Адметны фармат гісторыя Вялікага Княства Літоўскага эпохі Ягелонаў атрымлівае ў працах Х. Лаўмянскага ў 1940-я гг. і пазней, у познаньскі перыяд яго навуковай творчасці. Мэтрам была падсумавана палітычная гісторыя Ягелонаў, унутраныя і знешнія канфлікты ў якіх бралі ўдзел прадстаўнікі дынастыі (хаця цалкам праца будзе апублікавана ўжо пасля смерці даследчыка) [15]. Падобны лёс спадкаюць і іншыя працы па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага і да-Ягелонскага перыяду гісторыі дзяржавы [16–18]. У гэтай сувязі цікавымі з’яўляюцца ўспаміны аб прафесары Лаўмянскім і літвінскай гісторыі, узгаданыя ўкладальнікам кнігі «Палітыка Ягелонаў» Кшыштафам Пяткевічам: пры сустрэчах са сваімі вучнямі Мэтр шкадаваў, што абставіны вымусілі яго закінуць свае даследаванні гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, распачатыя ў віленскі перыяд [15, с. V].

Нягледзячы на падобныя словы мусім не згадзіцца. Бо калі мы звернем увагу на Універсітэт імя Адама Міцкевіча ў Познані, то менавіта Х. Лаўмянскім была па-сур’ёзнаму створана школа даследчыкаў Вялікага Княства Літоўскага (магчыма адзіная на той час). Яе ўдзельнікі (тых, каго залічваюць да яе, і тыя, хто сам адносіць сябе да вучняў Х. Лаўмянскага) закраналі досыць шырокую праблематыку, пераважна гаспадарчага і культурнага жыцця Вялікага Княства Літоўскага XV–XVI ст. Так, Е. Ахманьскім былі зроблены спробы аналізу фарміравання ўсходняй балцка-славянскай мяжы (т.зв. літоўскіх плямёнаў) на Беларусі [19]. Распачынаецца свецкае вывучэнне гісторыі Каталіцкай царквы ў Вялікім Княстве Літоўскім [20–22]. Ахманьскага ў вывучэнні генезісу біскупска-парафіяльных структур падтрымаў Гжэгаш Блашчык [23].

Пачатковы перыяд станаўлення Каталіцкай царквы ў Вялікім Княстве Літоўскім разгледзіў М. Косман [24].

У 1970-80-я г. вывучэнне гісторыі дынастыі Ягелонаў у Польшчы перажывае свой уздым. Да праблематыкі звяртаюцца і іншыя навуковыя цэнтры Польшчы; ідзе працэс пераасэнсавання даследчыкамі метадалогіі і аб'ектаў даследавання. Паўстаюць зусім іншыя працы: рэлігійнае жыццё прадстаўнікоў манаршага двара першых Ягелонаў, раскрытае ў шэрагу прац Уршулі Баркоўскай [25–28]; мастацка-ідэалагічныя аспекты культуры часоў Уладзіслава Ягайлы і Казіміра Ягелончыка – мастацтвазнаўцай Аннай Бачкоўскай [29, 30]. Да біяграм прадстаўнікоў дынастыі звяртаецца Мар'я Багуцка [31–33]. Да знешніх войнаў і знешнепалітычных кантактаў – Мар'ян Біскуп, Кароль Гурскі і Кшыштаф Бачкоўскі [34–36].

У гэты перыяд былі закладзены асновы такіх междысцыплінарных накірункаў у даследаванні эпохі, як матэрыяльнае і духоўнае жыццё манаршага двара (у тым ліку і «літоўскага двара» Ягелонаў), архітэктурная і мецэнацкая актыўнасць асобных прадстаўнікоў дынастыі, кніжная і тэатральная культура [37–38].

Польская гістарыяграфія паступова навучылася «маскіраваць» ВКЛаўскі наратыў у працах па польскай гісторыі. Ідзе сумяшчэнне польскай і літвінскай частак гісторыі манархаў-Ягелонаў і тэрыторый, на якія распаўсюджваецца іх панаванне. Адаптацыя прывяла да злучэння культурнага і сацыяльнага, у меншай ступені палітычнага і эканамічнага, жыцця двух дзяржаваў. У час ПНР больш ярка правадзілася адмаўленне ад літвінскай складаючай у даследаваннях эпохі Ягелонаў. У ёй, натуральна, не бачылі неабходнасці для цэласнага разгляду польскай гісторыі. Але яшчэ не прыйшоў час бачыць у гісторыі Вялікага Княства Літоўскага альтэрнатыўнага, няяснага, развіцця польскіх сацыяльных і палітычных інстытутаў. Хаця ўжо падымалася пытанне аб адказнасці палітыкі манархаў Ягелонаў за прыцягненне да шляхецкай дэмакратыі літвінаў і дэградацыі праз гэта самой дзяржаўнай сістэмы.

II. На новы лад

Апошнія два дзесяцігоддзі па-новаму раскрываюць для нас погляд польскай гістарыяграфіі на эпоху Ягелонаў у Вялікім Княстве Літоўскім. Нягледзячы на рэабілітацыйны эмігранцкіх даследчыкаў і іх прац, размовы пра «ягелонскую ідэю», «сдружнасць Ягелонаў» – «вялікую палітыку» наогул – сыходзяць на другі план. Большую папулярнасць атрымліваюць даследаванні штодзённасці (палітычная культура, рэлігійнасць, шлюбны Ягелонаў і Ягелонак, жаночая гісторыя) [39–45].

На схіле ХХ ст. эфектна выглядаюць манаграфічныя працы, здольныя «закрыць тэму», падсумаваць назапашаны фактаграфічны і метадалагічны матэрыял. Да падобных прац варта аднесці «Дынастыя Ягелонаў у Польшчы» У. Баркоўскай і «Польшча і яе суседзі пры Ягелонах» К. Бачкоўскага [46, 47]. Пры розных падыходах да тэкста і рознай ступені вычарпальнасці тэматыкі, падобныя працы дазваляюць казаць аб пэўных дасягненнях цэлых навуковых школ і нацыянальнай гістарыяграфіі цалкам.

Праца У. Баркоўскай вылучаецца сваім акадэмічным падыходам да раскрыцця тэматыкі: класічны пачатак пра «Гедымінавічаў», характарыстыка ўлады «чатырох пакаленняў Ягелонаў», і традыцыйныя для аўтара «двор», «сям'я» і «рэлігійнасць». Кожны крок дазваляе разгледзіць дакладную праблему, ацаніць высновы аўтара на гэты конт.

Таго ж самага не скажаш пра манаграфію К. Бачкоўскага. Тут мы маем падборку асобных артукулаў розных гадоў, якія, сабраныя разам і пад агульнай вокладкай, адказваюць на пытанне, даюць карціну таго, што з сябе ўяўляла знешняя палітыка Ягелонаў.

Стварэнне спецыялізаваных энцыклапедый і лексіконаў, падводзіць гісторыю да масавага чытача [48–50]. Уласна хацелася б вылучыць праведзеную працу стваральніка «Ягелоны – лексікон біяграфічны» Малгажаты Дучмаль. Яе лексікон стаў сваеасаблівым падсумаваннем шматгадовым памкненням даследчыкаў, ад магістрантаў да дактароў навук, зазірнуць крыху глыбей, чым персоны якія насілі на сваіх галовах каралеўскія кароны Польшчы, Чэхіі, Венгрыі і г. д.

Часам, з-за неабходнасці падтрымання тэмаў выдання адпаведных навуковых і навукова-папулярных серый, перавыданні, нажаль, крыху губляюць у навуковасці, вылучаюцца пры гэтым сваёй эстэтычнай якасцю.

Але трэба абумовіцца, што спецыяльных абагульняючых прац па гісторыі Ягелонаў у Вялікім Княстве Літоўскім польская гістарыяграфія на сучасным этапе не ставарыла (выносім па-за дужкі змястоўныя нарысы М. Космана, якія друкуюцца праз 1990-я і 2000-я гг. ды спецыялізаваныя працы Х. Лаўмяньскага выдадзеныя ў апошнія два дзесяцігоддзі, але напісаныя Мэтрам задоўга да смерці) [17, 51].

Ды і, пэўна, польская гістарыяграфія не магла іх стварыць. Аб'ектыўна, гісторыя Вялікага Княства Літоўскага ўжо трывала ўспрымаецца польскай навуковай грамадскасцю як нацыянальная гісторыя іншай краіны: да 1991 г. – савецкай, а пасля – літоўскай, ці ў асобных выпадках (sic!) літоўска-беларускай. З іншага боку адраджаецца папулярнасць тэорыі

О. Халецкага аб Цэнтральна-Усходняй Еўропе, з прычыны чаго ўлада Ягелонаў разглядаецца як панаванне польскай дынастыі ў гэтым рэгіёне з паступовым зацягваннем Вялікага Княства Літоўскага ў склад адзінай з Польскім каралеўствам дзяржавы – Рэчы Паспалітай.

Але поўнага адмаўлення ад гістарычнай спадчыны Княства не адбылося. «Паланізацыя» гісторыі Вялікага Княства Літоўскага праходзіла праз цэлае стагоддзе фарміравання гістарыяграфічнай традыцыі ў польскай гістарычнай навуцы. Вялікую ролю адыграла таксама сістэма адукацыі, дзе пытанні польскай гісторыі канца XIV–XVI ст. увасобіліся ў тры тэматычныя блокі, якія ілюструюць працэс: уніі Польшчы і Вялікага Княства Літоўскага, род Гедыміна як першапачынальнік дынастыі Ягелонаў і, канешне, перамога пад Грунвальдам, якая змяніла сітуацыю ў гісторыі беззваротна, на карысць Ягайлы і Ягелонаў, але ў першую чаргу на карысць польскай дзяржаўнасці.

III. Навуковыя школы

У XIX–XX ст. мы не можам казаць пра непарарыўную традыцыю ў вывучэнні гісторыі Вялікага Княства Літоўскага (не звужаючы праблемнае поле толькі да дынастыі Ягелонаў) ні ў адным з польскіх навуковых цэнтраў. У розныя часы «літвінскую» праблематыку падымалі гісторыкі ў Варшаве, Кракаве, Львове. Гэта было звязана пераважна з увядзеннем у навуковы зварот новых крыніц па гісторыі старажытнай Літвы (спачатку па палітычнай гісторыі, потым адміністрацыйным кіраванні, царкоўным справам і ўнутраным сацыяльна-рэлігійным канфліктам; у сярэдзіне XIX ст. адбываецца «адкрыццё» статыстычных крыніц, якія ствараюць магчымым прарыў у вывучэнні сацыяльнай і эканамічнай гісторыі). З іншага боку ў сярэдзіне XIX ст. адбываецца пераход ад вывучэння гісторыі дзяржаваў да гісторыі народаў (нацыянальнай). Праз усё стагоддзе адбываюцца перамены ў біяграфічных даследаваннях (ад асобаў манархаў і пачынальнікаў магнацкіх радоў да біяграм герояў гістарычнага працэсу). Ствараецца цэлы канон вывучэння «навуковых бацькоў», што вядзе да стварэння традыцыі і ўласна навуковай школы (супольнасці вучняў і настаўнікаў).

Дзяржаўная мяжа ў рэгіёне былой Рэчы Паспалітай за малы час ад 1920-х да 1940-х гг. імкліва мянала свой колер і месца «рассячэння». У выніку людзі, народжаныя ў Другой Рэчы Паспалітай, аказаліся жыхарамі Савецкай Беларусі, а ўраджэнцы некаторых раёнаў БССР з 1946 г. апынуліся ў ПНР. Сітуацыя Вільна і Віленшчыны яшчэ больш драматычна, бо закранула не менш за тры сучасных нацыі (беларусаў, палякаў, літоўцаў).

Магчыма адсюль яшчэ адна акалічнасць, тэнтэнцыя ў вывучэнні гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. Папулярнасць пытання звязана ў польскай навуковай супольнасці другой паловы XX ст. таксама з вялікай колькасцю даследчыкаў, гістарычна ці фамільна, звязаных з Віленшчынай, з Паўночнымі ўскаінамі (*Kresy wschodnie*). Так лёс наканаваў выехаць з пасляваеннай Вільні сям’і Лаўмяньскіх у Лодзь і затым у Познань, Юліушу Бардаху ў Кракаў і Варшаву, Станіславу Александровічу ў Казахстан і толькі ў 1946 г. у Познань і Торунь. І такіх выпадкаў – не адзінкі (Т. Васілевіч, Л. Жытковіч і інш.). Але цікавасць навукоўцаў да малой радзімы толькі ўзмацнялася і, відавочна, што, вывучаючы гісторыю Вялікага Княства Літоўскага, яны вивучалі «сваю» гісторыю, гісторыю свайго краю. У некаторым сэнсе феномен гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, асабліва ў эпохі вялікіх зменаў, заключаецца ў тым, што яго «спадчыннікамі» становяцца тыя, хто адчувае тугу па згубленай малой і вялікай Радзіме (гэта можна заўважыць праглядаючы ўспаміны «апошніх жыхароў Вялікага Княства») [52, 53].

Сярод навуковых школ гісторыі Вялікага Княства Літоўскага на тэрыторыі Польшчы вылучаецца Познаньская, аб’яднаная ў часы ПНР вакол кафедры Усходняй Еўропы (з 1960-х гг. – гісторыі СССР) гістарычнага факультэта Універсітэта імя Адама Міцкевіча. Яе ўклад у развіццё гістарычнай літуаністыкі – дзесяткі манаграфій і абароненых магістарскіх і доктарскіх прац. Што несумненна ілюструе працэс зараджэння і фарміравання некалькіх пакаленняў навуковай супольнасці. Сёння познаньскі асяродак вивучэння гісторыі Вялікага Княства Літоўскага звязваецца пераважна з такімі гучнымі імёнамі як Збыслаў Вайткавяк, Марцэлі Косман, Кшыштаф Пяткевіч, а таксама Гжэгаш Блашчык, Ярослаў Нікодэм і інш. У апошнія два дзесяцігоддзі імі былі прадстаўлены цікавыя працы па польска-літвінскім адносінам [54–63]. Вялікая ўвага была нададзена апрацоўке спадчыны Х. Лаўмяньскага, якога на старонках сваіх успамінаў вучні называюць не інакш як Вучоны з вялікай літары.

Друк пазнаньцамі працаў Х. Лаўмяньскага «Прусы – Літва – Крыжакі» [16] і «Палітыка Ягелонаў» [15] аднавіў у 1990-ыя гг. папулярнасць тэмы ўтварэння і развіцця Вялікага Княства Літоўскага ў тагачасных умовах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы (на гэтым фоне цікавым выглядаюць своеасаблівыя ўгодкі «тысячагоддзя Літвы», адзначаныя спецыяльнымі юбілейнымі працамі) [64], звярнуў увагу да асобных персаналій дынастыі Гедымінавічаў і Ягелонаў, правядзення прасапаграфічных даследаванняў.

Сярод іншых польскіх навуковых асяродкаў адзначым як меней тры: Варшаўскі, Люблінскі і Кракаўскі. Узнікненне кожнага з іх абумовіла існаванне пэўнай традыцыі ўспрымання гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, якая склалася яшчэ ў папярэдні час і стымулявала развіццё даследаванняў гісторыі дзяржаўнасці і грамадства Вялікага Княства Літоўскага.

У Варшаве цягам двух стагоддзяў ад заснавання Гістарычнага таварыства, змянілася шмат ва ўспрыманні прасторы Вялікага Княства Літоўскага. У апошнія дзесяцігоддзі акцэнтны ў вывучэнні працесаў у Вялікім Княстве Літоўскім ссунуліся ў бок XVII–XVIII ст., перыядам займаецца цэлая пляяда даследчыкаў Новага часу: Мар’я Багуцка, Анджэй Рахуба, Хенрык Люлевіч, Уршуля Аўгустыняк, Хенрык Віснер і інш. Гісторыя дзяржавы Ягелонаў у пачатку XXI ст. разглядалася ў даследаваннях Войцех Фалькоўскага і Рафала Яворскі [65–67].

Вызначальную ролю ў наладжванні польска-літоўскіх навуковых кантактаў ствараюць канферэнцыі Літуаністычнай камісіі (Konferencji Komisji Lituanistyczna przy Komitecie Nauk Historycznych PAN), актыўная праца вядзецца ў Інстытутах гісторыі Варшаўскага ўніверсітэта і Польскай акадэміі навук. Адным з фарватараў – даследчым накірунку, у якім вядзецца праца, – з’яўляецца «кіт» польска-літвінскіх уній (што не ў малой ступені звязана і з юбілейнымі датамі з нагоды Люблінскай і Гарадзельскай уній шырока адзначанымі навуковай супольнасцю ў пачатку XXI ст.). Працэс вывучэння ўній быў падсумаваны ў асобнай гістарыяграфічнай працы Ганны Чарнецкай-Хаберкі «Польска-літоўскія ўніі ў польскай гістарыяграфіі» [5].

Даследаванне дынастыі Ягелонаў у Любліне ўзмацніла вучаніца Аляксандра Гейштара Уршуля Баркоўска, якая прынесла разам з сабой крыніцазнаўчы накірунак магістранцкіх штудый, а таксама праблематыку даследаванняў рэлігійнасці прадстаўнікоў дынастыі Ягелонаў. З-пад пяра самой выпускніцы Варшаўскага ўніверсітэта выйшлі працы па спаведнікам манаршага двара, малітоўнікам, выхаванню і пабожнасці прадстаўнікоў дынастыі [25, 28, 38]. У 2010 г. галоўныя вывады аўтаркі былі аб’яднаны ва ўжо ўзгаданай манаграфіі – «Дынастыя Ягелонаў у Польшчы» [46].

Прафесар У. Баркоўска бярэ актыўны ўдзел у нямецка-польскіх праектах па гісторыі штодзённасці, у тым ліку ў выданнях так званых «*Studia Jagellonica Lipsiensia*». З’яўляецца натхняльніцай стварэння серыі «*Praeclara stirps Jagiellonica*».

Міждысцыплінарны падыход пакрысе захапляе польскіх даследчыкаў гісторыі Ягелонаў. Асабліва гэта адбываецца на аспекце адлюстра-

вання элітарнай культуры. Паказальным прыкладам можа быць, ужо ўзгаданы намі, нямецка-польскі праект даследавання «Ягелонскай» часткі Еўропы (Mitteleurope ці Europa Srodkowa-Wschodnia). За 2006–2014 гг. ў серыі «Studia Jagellonica Lipsiensia» надрукавана семнаццаць зборнікаў навуковых артыкулаў, дзе пераважаюць матэрыялы па мастацтвазнаўству, гэта паказвае на тэндэнцыю – вывучэнны ў перыядзе XVI ст. пераважна бытавой (матэрыяльнай) культуры двара: вопрадка, кулінарыя, архітэктура, літаратурнае жыццё і кніжная традыцыя [68–70].

Падобнае штосьці мы назіраем і ў люблінска-сандамірскім праекце «Praeclara stirps Jagiellonica», дзе шырока прадстаўлены матэрыялы даследаванняў не толькі пра саміх Ягелонаў, але асноўны акцэнт пастаўлены на эпохе і перэферыі палітычнага жыцця дзяржавы ў XVI ст. Так пад рэдакцыяй А. Янушэж-Серацкай за 2009–2011 гг. выйшлі з друку тры зборнікі матэрыялыялаў «Curia Jagiellonica: даследаванні з гісторыі і культуры двара ў XV–XVI ст.», «Servicium et Amicitia: даследаванні з гісторыі кар’еры і кар’ернага росту ў Польшчы Ягелонаў», «Sigismundus Augustus Rex. Даследаванні і нарысы гісторыі панавання апошняга Ягелона» [71–73].

Кракаўская гістарычная школа ў галіне гісторыі Вялікага Княства Літоўскага традыцыйна была моцнай у пытаннях крыніц, а таксама біяграфічных даследаваннях, біяграмах прадстаўнікоў двара вялікіх князёў і палітычнай эліты. У пачатку XX ст. асновы яе закладаліся такімі вядомымі даследчыкамі як Станіслаў Смолька, Антоній Прахаска і інш., а выпускнікамі Jagiellonum’а былі Оскар Халецкі, Кароль Гурскі [74], навуковыя сувязі з Кракавам падтрымліваў і Юліуш Бардах.

У 1970–90-я гг. над пытаннямі стасункаў Ягелонаў з суседзямі актыўна працуе К. Бачкоўскі. У 2013 г. у кракаўскім выдавецтве «AVALON» друкуецца праца даследчыка «Польшча і яе суседзі...», якая ўяўляе зборнік ягоных артыкулаў за вышэйазначаны перыяд, прысвечаных знешняй палітыцы Ягелонаў [47].

У 2000-ыя гг. выдаецца шэраг прац Лідзіі Корчак, прысвечаных Гаспадарскай радзе Вялікага Княства Літоўскага; перыяду станаўлення ўлады дынастыі ў дзяржаве, а таксама абагульняючае даследаванне сістэмы ўлады ў перыяд панавання Ягелонаў у Вялікім Княстве Літоўскім [75, 76]. Звяртае на сябе ўвагу спроба правядзення аналізу персанальнага складу Рады Вялікага Княства Літоўскага XV ст. [77].

IV. На маргінэсах

Сёння відавочна, што гісторыя культурных трансфармацый Вялікага Княства Літоўскага пры Ягелонах пераважае над палітычнай, эканамічнай і іншымі складаючымі. (Хаця з падобным тэзісам не згаджаюцца прынамсі даследчыкі палітычнай гісторыі, вылучаючы ў сваім накірунку такія аб'екты даследавання як палітычная культура і ідэалогія) [78]. Гэта характэрна не толькі для польскай гістарыяграфіі, але і для ўсіх сучасных нацыянальных гістарыяграфій Цэнтральнай і Усходняй Еўропы.

Удалай у сваёй структуры і высновах з'яўляецца манаграфія Мар'і Барбары Тапольскай «Грамадства і культура Вялікага Княства Літоўскага ад XV ст. ...» [79]. У іншай працы «Трансфармацыя заходнееўрапейскага культурнага памежжа...» М. Б. Тапольска бярэ на ўзбраенне дыдактычны падыход Платона: пытанні і адказы [80]. Гісторыя культуры разбіваецца на часткі і вылучаюцца пытанні-маркеры, якія магчыма прасачыць на ўсім перыядзе існавання дзяржавы. Эпоха Ягелонаў – гэта пераход ад Сярэднявечча да Адраджэння, з яе мастацкай культурай, друкарскай справай, мецэнацтвам, пісьменніцкай актыўнасцю. А таксама стварэннем мастацкага вобраза-ідэала: жонкі, мужа, Гаспадара і г. д. У некаторым сэнсе ў спрэчках паміж двума часткамі дзяржавы Ягелонаў – Каронай і Княствам – нараджаецца і два сарматызма, уяўленні аб «італійскім» паходжанні шляхецкай дэмакратыі першых і арыстакратыі другіх.

Ваенная гісторыя Ягелонаў прадстаўлена ў 1990–2000-я гг. дастаткова абмежавана. Калі прадстаўнікі класічнага жанру апісальнай ваеннай гісторыі звяртаюць увагу на спісы канфліктаў і іх апісанне ў крыніцах (перыяд папярэдні Ягелонам і ў Польшчы, і ў Вялікім Княстве Літоўскім прадстаўлены апісаннем канфліктаў на польска-літвінскім памежжы) [81], то праз 2000-я гг. па шэрагу прац бачна, што змяняецца інтарэс аўтараў ад даследавання вайсковасці ранняй Ягелонаў да эпохі двух Жыгімонтаў, Старага і Аўгуста [82]. Увага надаецца не столькі ваенным дзеяннем і ўзбраенню, колькі складу ваенных кантынентаў (этнічнаму, сацыяльнаму).

Асобна можна казаць пра адраджэнне цікавасці да гісторыі канфесій на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага XV – першай паловы XVI ст., як да гісторыі рэлігійных і сацыяльна-адміністрацыйных супольнасцяў. Тут відавочным прарывам становіцца творчасць люблінскіх і беластоцкіх даследчыкаў. З ініцыятывы Ежы Клячоўскага была выдадзена «Рэлігійная гісторыя Польшчы» (вельмі ўдалая – па-французску, якую суправоджалі ўводзіны Жака Ле Гофа) [83]. Калектыўная манаграфія адлю-

стравала папярэднія напрацоўкі аўтараў і самага ўкладальніка. Значная ўвага была нададзена паўстанню і разгортванню дзейнасці манашаскіх ордэнаў Каталіцкай царквы на тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага пачынаючы ад XIV ст.

У апошнія дзесяць гадоў былі створаны спецыяльныя працы па гісторыі місіі манастыроў у рэгіёне Усходняй Еўропы (Д. Карчэўскі «Францыскане ў манархіі Пястаў і Ягелонаў») [84], узаемаадносінам улады і царквы (Л. Цвікля «Палітыка дзяржаўных ўладаў ў адносінах да праваслаўнай царквы і вернікаў [...]») [85], удзелу іерархаў каталіцкай царквы ў палітычных стасунках Польшчы і ВКЛ у XV ст. (Т. Графф «Царква ў Польшчы вакол канфлікта з крыжацкім Ордэнам у XV ст. [...]») [86]. Гісторыя Праваслаўнай царквы ў эпоху Ягелонаў неаднаразова закраналася ў працах беластокскага даследчыка Антонія Мірановіча [87, 88]. У сваіх працах аўтар падсумаваў увесь назапашаны за XX ст. матэрыял па гісторыі Праваслаўя на тэрыторыях былых Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай Абодвух Народаў, але таксама і вылучыў такія аспекты як умовы існавання царквы на памежжы цывілізацыйным, дзяржаўным і этнічным. Найбольш цікавым для нас з’яўляецца сумяшчэнне погляду на працэсы зменаў у Праваслаўнай царкве ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе ў фармаце палітычнай гісторыі дзяржавы і пераўтварэнняў у падпараткаванні епархіяльнай структуры Усходняй Еўропы. Што яскрава адлюстравалася ў вылучэнні адпаведных перыядаў у гісторыі царквы: ад Крэўскай уніі да падзелу кіеўскай мітраполіі; ад Казіміра да смерці Аляксандра; нарэшце, у часы двух апошніх Ягелонаў.

V. Замест заключэння

Увогуле, актывізацыя цікавасці да Ягелонаў у польскай гістарыяграфіі абуджаецца разам з палітыкай пашырэння розных наддзяржаўных палітычных структур на ўсход Еўропы. Ягелоны падсвядома разглядаюцца, як гістарыяграфічны канструкт, удзельнікамі заходнееўрапейскага пашырэння на Усход. Хаця такімі ніколі і не былі. Нездарма ў польскай гістарычнай думцы ад часоў Я. Длугаша і да сёняшніх падручнікаў для гімназій гісторыя дынастыі Ягелонаў мае літвінскі фармат (прагісторыя Ягелонаў пачынаецца з аповяду пра Гедымінавічаў) [89]. Пры гэтым успрыняцце вобраза Літвы ў стасунках з Польшчай істотна прэвалюцыянавала ад «Новай Польшчы» да дзяржавы-суседкі, на спадчыну гісторыі якой польская гістарыяграфія не прэтэндуе, а толькі вылучае свой ўплыў і ролю ў культурнай адаптацыі дзяржаўнасці і народу да заходнееўрапейскай культуры.

Беларусы... Их цяперашняе месца ў гісторыі Вялікага Княства Літоўскага Ягелонаў трапна ілюструецца словамі даследчыцы Ханны Дылангоўскай: «[беларусаў] выдавілі з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, дзе ёсць літоўская гісторыя і польская Вільня» [90, с. 153].

Спіс літаратуры

1. Grabski, A. F. Adam Naruszewicz (1733–1796) / A. F. Grabski // *Historycy warszawscy ostatnich dwóch stuleci* / pod red. A. Gieysztor, J. Maternickiego, H. Samsonowicza. – Warszawa: Czytelnik, 1986. – S. 11–33.
2. Lelewel, J. *Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Lublinie 1569 zawartej* / J. Lelewel / oprac. J. Ochmański; wstępem poprzedził H. Łowmiański. – Warszawa: Państw. Wydaw. Naukowe, 1969. – 254 s.
3. Lelewel, J. *Historia polska do końca panowania Stefana Batorego* / J. Lelewel / oprac. Z. Kolankowski. – Warszawa: Państw. Wydaw. Naukowe, 1962. – 540 s.
4. *Akta unji Polski z Litwą 1385–1791* / wyd. S. Kutrzeba i W. Semkowicz. – Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1932. – LVI, 570 s.
5. Czerniecka-Haberko, A. *Unie polsko-litewskie w historiografii polskiej* / A. Czerniecka-Haberko. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2013. – 341 s.
6. Łowmiański, H. *Wchody miast litewskich* / H. Łowmiański // *Dwa doktoraty z Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie*. – Poznań: Wyd. Poznańskie, 2005. – S. 19–147.
7. *Akty cechów wileńskich, 1495–1759*. Cz. 1–2 / Wyd. M. i H. Łowmiańscy przy udziale S. Kościałkowskiego. Wilno: [s.n.], 1939. 493 s.; *Akty cechów wileńskich 1495–1759* / zebrał i przygotował do druku H. Łowmiański przy współud. M. Łowmiańskiej i S. Kościałkowskiego; przedm. i skorowidzem opatrzył J. Jurkiewicz. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2006. – XC, [4], 493, [3], 320 s.
8. Chodyncki, K. *Geneza równouprawnienia schyzmatyków w Wielkim Księstwie Litewskim: stosunek Zygmunta Augusta do wyznania greco-wschodniego* / K. Chodyncki. – Warszawa: Księgarnia Gebethnera i Wolffa, 1919–1920. – 81 s.
9. Chodyncki, K. *Kościół Prawosławny a Rzeczpospolita Polska: zarys historyczny, 1370–1632* / K. Chodyncki. – Warszawa: Kasa im. Mianowskiego, 1934. – XXI, 632 s.
10. Maleczyńska, E. *Rola polityczna królowej Zofii Holszańskiej na tle walki stronniectw w Polsce w latach 1422–1434* / E. Maleczyńska. – Lwów: Towarzystwo Naukowe, 1936. – 118 s.
11. Ловмянський, Г. *История СССР в историографии народной Польши* / Г. Ловмянський, Л. Житкович // *История СССР*. – 1960. – №1. – С. 207–222.
12. Ochmański, J. *Historia Litwy* / J. Ochmański. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1967. – 346 s.; *Wyd. 2 popr. i uzup.* – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1982. – 412, [3] s.; *Wyd. 3, popr. i uzup.* – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1990. – 395, [1] s.
13. Kosman, M. *Historia Białorusi* / M. Kosman. – Wrocław [etc.]: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1979. – 404 s.

14. Kosman, M. Orzeł i pogoń: z dziejów polsko-litewskich XIV–XX w. / M. Kosman. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1992. – 379, [1] s.
15. Łowmiański, H. Polityka Jagiellonów / H. Łowmiański / do druku przygotował K. Pietkiewicz. – Poznań: Wyd. Poznańskie, 1999. – XII, 673 s.; Wyd. II. – 2006. – XII, 673 s.
16. Łowmiański, H. Prusy – Litwa – Krzyżacy / H. Łowmiański / wyboru dokonał, oprac., wstępem i posłowiem opatrzył M. Kosman. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989. – 480, [4] s.
17. Łowmiański, H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego / H. Łowmiański. – Poznań: Wydaw. Naukowe UAM, 1983. – 579, [1] s.
18. Łowmiański, H. Zaludnienie Państwa Litewskiego w wieku XVI: zaludnienie w roku 1528 / Henryk Łowmiański / do dr. przygot. A. Kijas i K. Pietkiewicz. – Poznań: Wyd. Poznańskie, 1998. – 225 s.
19. Ochmański, J. Litewska granica etniczna na wschodzie od epoki plemiennego do XVI wieku / J. Ochmański. – Poznań: UAM, 1981. – 82 s.
20. Ochmański, J. Biskupstwo wileńskie w średniowieczu: ustrój i uposażenie / J. Ochmański. – Poznań: Wydaw. UAM, 1972. – 118 s.
21. Ochmański, J. Powstanie i rozwój latyfundiów biskupstwa wileńskiego (1387–1550): ze studiów nad rozwojem wielkiej własności na Litwie i Białorusi w średniowieczu / J. Ochmański. – Poznań: Wydaw. Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1963. – 223 s.
22. Ochmański, J. Renta feudalna i gospodarstwo dworskie w dobrach biskupstwa wileńskiego od końca XIV do połowy XVI wieku / J. Ochmański. – Poznań: PWN, 1961. – S. 37–94.
23. Błaszczyk, G. Diecezja Żmudzka od XV do początku XVII wieku: ustrój / G. Błaszczyk. – Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1993. – 369 s.
24. Kosman, M. Primas Wielkiego Księstwa Litewskiego. Z badań nad miejscem diecezji wileńskiej w metropolii gnieźnieńskiej / M. Kosman // 1000 lat Archidiecezji Gnieźnieńskiej / pod red. J. Strzelczyka i J. Górnego. – Gniezno: Gaudentinum, 2000. – S. 283–292.
25. Borkowska, U. Codzienny i odświętny ceremoniał religijny na dworze Jagiellonów / U. Borkowska // Theatrum ceremoniale na dworze książąt i królów polskich: materiały konferencji naukowej zorganizowanej przez Zamek Królewski na Wawelu i Instytut Historii Uniwersytetu Jagiellońskiego w dniach 23–25 marca 1998 / pod red. M. Markiewicza i R. Skowrona; Zamek Królewski na Wawelu. – Kraków, 1999. – S. 61–85.
26. Borkowska, U. Fundacje kościelne Jagiellonów w świetle zapisów w Międzykoronnej 1447–1572 / U. Borkowska // Fundacje i fundatorzy w średniowieczu i epoce nowożytnej / red. E. Opaliński, T. Wiślicz. – Warszawa, 2000. – S. 58–73.
27. Borkowska, U. La cultir religieuse des Jagellons polonaise / U. Borkowska // L’Eglise le peuple chrétien dans les pays de l’Europe du Centre-Est et du Nord (XIVe–XVe siècles). – Rome, 1990. – S. 249–265.
28. Borkowska, U. Polskie pielgrzymki Jagiellonów / U. Borkowska // Peregrinationes. Pielgrzymki w kulturze dawnej Europy / red. H. Manikowska, H. Zarembka. – Warszawa, 1995. – S. 185–203.

29. Boczkowska, A. *Herkules i Dawid z rodu Jagiełłon.* / A. Boczkowska. – Warszawa: Zamek Królewski, cop. 1993. – 419 s.
30. Boczkowska, A. *Sarkofag Władysława II Jagiełły i Donatello: początki odrodzenia w Krakowie: sztuka, polityka, humanizm* / A. Boczkowska. – Gdańsk: Wyd. Słowo/Obraz Terytoria, 2011. – 446 s.
31. Bogucka, M. *Anna Jagiellonka* / M. Bogucka. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1994. – 178 s.
32. Bogucka, M. *Bona a rola dworu monarszego jako centrum kulturalno-obyczajowego 1518–1548* / M. Bogucka // *Triumfy i porażki* / Pod red. M. Boguckiej. – Warszawa, 1989. – S. 98–119.
33. Bogucka, M. *Kazimierz Jagiellończyk i jego czasy* / M. Bogucka. – Warszawa: PWN, 1981. – 288 s.; Warszawa: PIW, 1998. – 296, [4] s.; Kraków: Universitas, 2009. – 310, [1] s.
34. Baczkowski, K. *Walka o Węgry w latach 1490–1492 : z dziejów rywalizacji habsbursko-jagiellońskiej w basenie środkowego Dunaju* / K. Baczkowski. – Kraków: Nakł. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1995. – 168 s.
35. Baczkowski, K. *Wokół projektów mariaży dynastii Jagiellonów w końcu XV w.* / K. Baczkowski. // *Studia Historyczne.* – 1989. – № 32. – S. 347–367.
36. Biskup, M. *Kazimierz Jagiellończyk. Zbiór studiów o Polsce drugiej połowy XV wieku* / M. Biskup, K. Górski. – Warszawa, 1987. – 371 s.
37. Topolska, M. B. *Czytelnik i książka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku* / M. B. Topolska. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984. – 337 s.
38. Borkowska, U. *Królewskie modlitewniki: studium z kultury religijnej epoki Jagiellonów (XV i początek XVI wieku): rozprawa habilitacyjna* / U. Borkowska; Katolicki Uniwersytet Lubelski; Wydział Nauk Humanistycznych. – Lublin: Wyd. KUL, 1988. – 386 s.
39. *Listy króla Zygmunta Augusta do Radziwiłłów* / oprac., wstęp, koment. I. Kaniewska. – Kraków: Wydaw. Literackie, 1999. – 647 s.
40. Turska, K. *Stroje Jagiellonów podczas ceremoniału witania narzeczonych* / K. Turska // *Theatrum ceremoniale na dworze książąt i królów polskich: materiały konferencji naukowej zorganizowanej przez Zamek Królewski na Wawelu i Instytut Historii Uniwersytetu Jagiellońskiego w dniach 23–25 marca 1998* / pod red. M. Markiewicz i R. Skowrona; Zamek Królewski na Wawelu – Kraków: [s.n.], 1999. – S. 101–110.
41. Sypek, K. *Zagraniczni goście na weselu Zygmunta Augusta i Katarzyny Austriaczki w świetle Rachunow poselstw z 1553 r.* / K. Sypek // *Curia Jagellonica. Studia z dziejów dzoru i kultury dworskiej w XV–XVI w.* / red. A. Januszek-Sieradzka. – Lublin, 2009. – S. 101–119.
42. Kowalska, Z. *Formy komunikacji politycznej na przełomie średniowiecza i nowożytności. Habsburgowie i Jagiellonowie w czasach Maksymiliana I* / Z. Kowalska // *Polska i jej sąsiedzi w późnym średniowieczu* / pod red. Krzysztofa Ożoga, Stanisława Szczura. – Kraków: Towarzystwo Naukowe «Societas Vistulana», 2000. – S. 333–343.
43. Brzeska, A. *Inwentarz wypraw ślubnych kobiet z rodu Jagiellonów jako źródło do poznania wyposażenia wnętrz dworskich* / A. Brzeska // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej.* – 2008. – № 56. – S. 5–18.

44. Ferenc, M. Dwór Zygmunta Augusta: organizacja i ludzie / M. Ferenc. – Kraków: Towarzystwo Wydawnicze «Historia Jagellonica», 1998. – 311 s.
45. Graff, T. Episkopat monarchii jagiellońskiej w dobie soborów powszechnych XV wieku / T. Graff. – Kraków: Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego «Societas Vistulana», 2008. – 365 s.
46. Borkowska, U. Dynastia Jagiellonów w Polsce / U. Borkowska. – Warszawa: PWN, 2011. – 630 s.
47. Baczkowski, K. Polska i jej sąsiedzi za Jagiellonów / K. Baczkowski. – Kraków: AVALON, 2012. – XVII, 666 s.
48. Duczmał, M. Jagiellonowie – leksykon biograficzny / M. Duczmał. – Kraków: Wyd. Literackie, 1996. – 656 s.
49. Monarchia Jagiellonów: 1399–1586 / Red. nauk. tomu M. Derwich, U. Augustyniak. – Warszawa: Horyzont; Wrocław: Wyd. Dolnośląskie, 2003. – 262 s.
50. Bogucka, M. Jagiellonowie / M. Bogucka // *Dynastie Europy* / pod red. A. Mączka. – Wrocław, 1997. – S. 161–182.
51. Kosman, M. Polacy w Wielkim Księstwie Litewskim. Z badań nad mobilnością społeczną w dobie unii jagiellońskiej 1386–1569 / M. Kosman // *Spółczesność Polskie średniowiecznej*: T. 1–11. – 1981–2004. – T. 1. – S. 347–378.
52. Ostatni obywatele Wielkiego Księstwa Litewskiego / red. T. Bujnicki, K. Stępnik. – Lublin: Wydaw. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2005. – 341 s.
53. Pamiętnik wileński / Red. H. Chocianowiczowa, K. Okulicz i F. Wysłouch. – Londyn: PFK; Łomianki: Wydawnictwo LTW, 2010. – 402 s.
54. Wojtkowiak, Z. Maciej Strykowski: dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego: kalendarium życia i działalności / Z. Wojtkowiak. – Poznań: UAM, 1990. – 246 s.
55. Wojtkowiak, Z. Litwa Zawilejska w XV i pierwszej połowie XVI w. / Z. Wojtkowiak. – Poznań: Wydaw. Naukowe UAM, 1980. – 141 s.
56. Nikodem, J. Jadwiga król Polski / J. Nikodem. – Warszawa: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 2009. – 444, [1] s.
57. Nikodem, J. Polska i Litwa wobec husickich Czech w latach 1420–1433: studium polityce dynastycznej Władysława Jagiełły i Witolda Kiejstutowicza. – Poznań: IH UAM, 2004. – 442 s.
58. Nikodem, J. Zbigniew Oleśnicki w historiografii polskiej / J. Nikodem. – Kraków: PAU, 2001. – 271 s.
59. Pietkiewicz, K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka: studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku / K. Pietkiewicz. – Poznań: Wydaw. Naukowe UAM, 1995. – 256 s.
60. Pietkiewicz, K. Kieżgajłowice i ich latyfundiów do połowy XVI wieku: ze studiów nad rozwojem własności ziemskiej w Wielkim Księstwie Litewskim w Średniowieczu / K. Pietkiewicz. – Poznań: Wydaw. Naukowe UAM, 1982. – 163 s.
61. Błaszczyk, G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności / G. Błaszczyk. – T. 1. Trudne początki. – Poznań: Wydaw. Naukowe UAM, 1998. – 303 s.

62. Błaszczyk, G. Dzieje stosunków polsko-litewskich / G. Błaszczyk. – T. 2. Od Krewa do Lublina. – Cz. 1. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2007. – 935 s.
63. Błaszczyk, G. Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności: 1492–1569 / G. Błaszczyk. – Poznań: Wydaw. Poznańskie, 2002. – 336 s.
64. Poznań-Wilno: studia historyków w roku tysiąclecia Państwa Litewskiego / Pod red. Z. Wojtkowiaka. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2010. – 269 s.
65. Fałkowski, W. Elita władzy w Polsce za panowania Kazimierza Jagiellończyka (1447–1492). Studium aspektów politycznych / W. Fałkowski. – Warszawa: Wydaw. Fundacji «Historia pro Futuro», 1992. – 206 s.
66. Fałkowski, W. Pierwszy sejm Kazimierza Jagiellończyka / W. Fałkowski // Świat pogranicza / red. nauk. M. Nagielski, A. Rachuba, S. Górzyński; Instytut Historyczny Uniwersytetu Warszawskiego. – Warszawa: «DiG», 2003. – S. 81–88.
67. Jaworski, R. Dwór litewski Kazimierza Jagiellończyka (1440–1492) / R. Jaworski. – Rozprawa doktorska [Date of defence: Oct. 20, 2004].
68. Künstlerische Wechselwirkungen in Mitteleuropa / hrsg. von J. Fajt und M. Hörsch. – Ostfildern: Jan Thorbecke, 2006. – 495 s. (Studia Jagellonica Lipsiensia. Bd. 1)
69. Hofkultur der Jagiellonendynastie und verwandter Fürstenhäuser = The culture of the Jagiellonian and related courts / hrsg. von U. Borkowska und M. Hörsch. – Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag, 2010. – 388 s. (Studia Jagellonica Lipsiensia. Bd. 6)
70. Eine Jagiellonin als Reichsfürstin in Franken: zu den Stiftungen des Markgrafen Friedrich d. Ä. von Brandenburg-Ansbach und der Sophie von Polen / von A. Gąsior. – Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag, 2012. – 340 s. (Studia Jagellonica Lipsiensia. Bd. 10)
71. Curia Jagellonica: studia z dziejów dworu i kultury dworskiej w XV–XVI wieku / pod red. A. Januszek-Sieradzkiej. – Lublin; Sandomierz: Wydawnictwo Diecezjalne i Drukarnia, 2009. – 163 s. (Praeclara Stirpis Jagellonica. Vol. 1)
72. Sigismundus Augustus Rex. Studia i szkice z dziejów panowania ostatniego Jagiellona / Pod red. A. Januszek-Sieradzkiej. – Sandomierz, 2010. – 217 s. (Praeclara stirpis Jagellonica. Vol. 2).
73. Servitium et Amicitia: Studia z dziejów kariery i awansu w Polsce Jagiellonów / pod red. A. Januszek-Sieradzkiej. – Sandomierz, 2011. – 162 s. (Praeclara stirpis Jagellonica. Vol. 3)
74. Salamon, M. Oskar Halecki na Uniwersytecie Jagiellońskim (1909–1918) / M. Salamon // Oskar Halecki i jego wizja Europy. – T. 1. / pod red. Małgorzaty Dąbrowskiej; Instytut Pamięci Narodowej, Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu. – Łódź; Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2012. – S. 16–37.
75. Korczak, L. Monarcha i poddani : system władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesnojagiellońskim / L. Korczak. – Kraków: Towarzystwo Wydawnicze «Historia Jagellonica», 2008. – 207 s.
76. Korczak, L. Marszałkowie ziemscy w Wielkim Księstwie Litewskim w XV wieku / L. Korczak // Cracovia, Polonia, Europa: studia z dziejów średniowiecza ofiarowane Jerzemu Wyrozumskiemu w sześćdziesiątą piątą rocznicę urodzin

i czterdziestolecie pracy naukowej / kom. red.: Krzysztof Baczkowski et al.; red. nauk.: Waldemar Bukowski et al.; Instytut Historii Uniwersytetu Jagiellońskiego. – Kraków: Wydaw. i Drukarnia «Secesja», 1995 – S. 373–376.

77. Korczak, L. Litewska rada wielkksiążęca w XV wieku / L. Korczak. – Kraków: Nakł. PAU, 1998. – 119 s.

78. Falkowski, W. Niezmienna atrakcyjność historii politycznej / W. Falkowski // Spojrzenie w przeszłość: Konferencja Muzeum Historii Polski, Jadwisin, 25–26 października 2007 r. – T. 1, Średniowiecze, nowożytność / red. zespół pod kier. Pawła Skibińskiego i Agnieszki Przeszowskiej; J. Brodacki et al. – Warszawa: Muzeum Historii Polski, 2009. – S. 13–23.

79. Topolska, M.B. Społeczeństwo i kultura w Wielkim Księstwie Litewskim od XV do XVIII wieku / M.B. Topolska. – Poznań: Wyd. Naukowe; Zielona Góra: Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego, 2002. – 448 s.

80. Topolska, M.B. Przemiany zachodnioeuropejskiego pogranicza kulturowego pomiędzy Bugiem a Dźwiną i Dnieprem: (polsko-litewsko-białorusko-ukraińskie losy od XV do początku XX wieku): kurs 14 wykładów / M.B. Topolska. – Zielona Góra: Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego, 2009. – 498 s.

81. Plewczyński, M. Wojny Jagiellonów z wschodnimi i południowymi sąsiadami Królestwa Polskiego w XV wieku / M. Plewczyński. – Siedlice: Wyd. Akad. Podlaskiej, 2002. – 209 s.

82. Plewczyński, M. Ludzie Wschodu w wojsku ostatnich Jagiellonów / M. Plewczyński. – Warszawa: Bellona, 1995. – 165 s.

83. Histoire religieuse de la Pologne. – Paris: Le Centurion, 1987. – 998 p.

84. Karczewski, D. Franciszkanie w monarchii Piastów i Jagiellonów w średniowieczu: powstanie – rozwój – organizacja wewnętrzna / D. Karczewski. – Kraków: Avalon, 2012. – 521 s.

85. Ćwikła, L. Polityka władz państwowych wobec Kościoła prawosławnego i ludności prawosławnej w Królestwie Polskim, Wielkim Księstwie Litewskim oraz Rzeczypospolitej Obojga Narodów w latach 1344–1795 / L. Ćwikła. – Lublin: Wydawnictwo KUL, 2006. – 372 s.

86. Graff, T. Kościół w Polsce wobec konfliktu z zakonem krzyżackim w XV wieku: studium z dziejów kultury politycznej polskiego episkopatu / T. Graff. – Kraków: Księgarnia Akademicka, 2010. – 124 s.

87. Mironowicz, A. Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów / A. Mironowicz. – Białystok: Wyd. Uniwersytetu w Białymstoku, 2003. – 309 s.

88. Mironowicz, A. Biskupstwo turowsko-pińskie w XI–XVI wieku / Antoni Mironowicz. – Białystok: Trans Humana, 2011. – 358 s.

89. Polska i świat w dobie Jagiellonów XIV–XVI wiek / podręcznik dla gimnazjum. – Warszawa: JUKA, 2000. – 207 s.

90. Dylągowska, H. Wielkie Księstwo Litewskie w świadomości Polaków XIX–XX wieku / H. Dylągowska // Kultura Litwy i Polski w dziejach: tożsamość i współistnienie: Materiały międzynarodowej konferencji zorganizowanej w dniach 15–17 października 1998 r. – Kraków: Druk. UJ, 2000. – S. 145–154.

ПАЛІТЫЧНАЯ ГІСТОРЫЯ ПознаФЕАДАЛЬнай БЕЛАРУСІ ў ПРАЦАХ ВЫКЛАДЧЫКАў КАФЕДРЫ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ СТАРАЖЫТНАГА ЧАСУ І СЯРЭДНІХ ВЯКОў БДУ: ТРАДЫЦЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Познафеадальны перыяд на беларускіх землях, а да яго можна ўмоўна аднесці XVII, XVIII і першую палову XIX стст., быў надзвычай насычаны палітычнымі падзеямі. Гэта войны, канфедэрацыі, шляхецкія паўстанні, рэлігійная барацьба, рэфармаванне дзяржаўнага ладу і гаспадаркі, змена дзяржаўнай прыналежнасці і г. д. Аднак даследаваць часы Вялікага Княства Літоўскага, Рэчы Паспалітай, Расійскай імперыі беларускім савецкім гісторыкам дазвалялася пераважна ў сацыяльна-эканамічным плане, без закранання дзяржаўна-палітычных аспектаў, прычым і перыяд патрабавалася называць па прыналежнасці да адпаведнай грамадска-эканамічнай фармацыі – феадальным. Паводле Карла Маркса, «людзі маюць гісторыю таму, што яны павінны вырабляць...» [1, с. 29, заўвага], а пры федалізме асноўнымі вытворцамі матэрыяльных каштоўнасцей былі сяляне і рамеснікі. Значыць, гісторыя федалізму – гэта перш за ўсё гісторыя ніжэйшых станаў грамадства і іх вывучэнне для савецкіх гісторыкаў мела першаступеннае значэнне. Хоць ва ўмовах партыйнага кіравання гуманітарнымі навукамі нават гэтыя прыярытэты не забяспечвалі ні паўнаты, ні аб’ектыўнасці іх даследавання.

Пры ўсёй «дазволенасці» сацыяльна-эканамічнай праблематыкі, «у савецкі час і ў падручніках, і ў навуковых працах беларускае сялянства падавалася як нікчэмнае і забітае, якое падвяргалася бязлітаснай эксплуатацыі, і ў ежу якога штогод быццам бы дабаўлялася ўсё больш і больш мякыні і яловай кары ці іншых сурагатаў» [2, с. 39]. Куды тут было беларусам, а менавіта сацыяльныя нізы толькі імі і прызнаваліся, да ўдзелу ў палітычным жыцці. Затое так званая класавая барацьба нібыта набывала шырокі размах, бо «некаторыя гісторыкі ў адпаведнасці з ідэалагічнай кан’юнктурай імкнуліся літаральна кожнае зафіксаванае ў крыніцах выступленне сялян, працоўных горада, ледзьве не бойку прызнаць антыфеадальнымі і надаць статус “паўстання”, “выступлення” і г. д.» [3, с. 62]

Панаванне сацыяльна-эканамічнага падыходу пры разглядзе феадальнай эпохі савецкімі гісторыкамі бачна і з тагачасных нешматлікіх

гістарыяграфічных прац [гл.: 4, 5]. І гэта падавалася як дасягненне. Толькі ў часы перабудовы з'явіліся крытычныя ацэнкі стану гістарычнай навукі ў БССР. У прынцыпе можна згадзіцца з канстатацыяй «таго, што гісторыкі Інстытута гісторыі АН БССР і кафедры гісторыі БССР Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта вывучаюць галоўным чынам сацыяльна-эканамічную гісторыю. Вывучэнне гісторыі культуры Беларусі адведзена літаратуразнаўцам, філосафам, мастацтвазнаўцам, фалькларыстам, этнографам. Пры гэтым з поля зроку нашых гісторыкаў выпадаюць палітычная гісторыя, ваенная гісторыя, гісторыя права і г. д. ... Імкненне ўцячы ад вывучэння палітычнай гісторыі прывяло да таго, што на гэтым накірунку нашы гісторыкі адсталі ад сваіх калег у суседніх брацкіх рэспубліках і ў Польшчы» [6, с. 19].

І ўсё ж на створанай у 1958 г. ва ўніверсітэце кафедры гісторыі БССР склалася традыцыя вывучэння асобных аспектаў палітычнага жыцця нашых продкаў, нават пры феадалізме. Гэтую традыцыю запачаткаваў яе першы і шматгадовы загадчык Лаўрэнцій Сямёнавіч Абэцэдарскі, увогуле схільны да палітызацыі палітычных падзей («у кожнае сваё даследаванне ўносіў партыйны дух» [7, с. 89]). Ён востра палемізаваў з беларускімі замежнымі гісторыкамі [гл.: 8], «падваргаў крытыцы і працы асобных даследчыкаў, якія падыходзілі да асвятлення гісторыі БССР з пазіцыі пазакласавага аб'ектывізму» [7, с. 89], за што пазней ганьбаваўся ў публіцыстыцы перабудовачных часоў. Прычым, практычна аднаму Л. С. Абэцэдарскаму, ці найперш яму сталі прыпісвацца ўсе заганы савецкай гістарыяграфіі Беларусі, без уліку яго рэальнага ўкладу ў навуку.

Навуковыя зацікаўленні Л. С. Абэцэдарскага сягалі да другой паловы XVI – XVII стагоддзяў, у якіх ён вывучаў руска-беларускія адносіны, антыфеадальную барацьбу народных мас і асабліва паўстанні ў сярэдзіне XVII ст., падзеі вайны Расіі з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг., казацкія рухі і звязаныя з імі іншыя пытанні сацыяльна-палітычнага жыцця тых часоў. Гэтаму былі прысвечаны асноўныя манаграфічныя працы [9; 10], а таксама падрыхтаваны пад яго кіраўніцтвам зборнік дакументаў аб руска-беларускіх сувязях 1570–1667 гг. [11]. Найбольш важным укладам Л. С. Абэцэдарскага ў гістарычную навуку сучаснымі даследчыкамі прызнаецца кніга «Белорусы в Москве XVII в.» (Мінск, 1957), у якой пададзены звесткі аб іх пасяленнях у Маскве і Замаскоўным краі і выдатнай ролі ў развіцці культуры Маскоўскай дзяржавы. Такая, хоць у многім і палітычная праблематыка ў адпаведнай трактоўцы ўпісвалася ў курс Камуністычнай партыі на ўсямернае збліжэнне і зліццё народаў

Савецкага Саюза і таму афіцыйна віталася. Дастаткова ўзгадаць Тэзісы Цэнтральнага камітэта КПСС да 300-годдзя ўз'яднання Украіны з Расіяй 1954 г. – адзіны такога роду дакумент, прысвечаны дабальшавіцкай гісторыі. Праўда, «дазволенасць» тэмы зусім не азначала поўнай творчай свабоды аўтара ў яе асвятленні. «Нязручныя» факты, нахшталь масавага прымусовага вываду падчас вайны насельніцтва беларускіх зямель у Расію, належала замоўчваць ці прыходзілася падаваць завуаліравана. Такімі былі ўмовы працы савецкіх гісторыкаў і невыкананне іх пагражала рэрэсіямі і пазбаўленнем магчымасці прафесійнай дзейнасці. Таму гістарыёграфам варта не столькі крытыкаваць, колькі высвятляць, што змаглі зрабіць навукоўцы-гуманітары ў той няпросты час.

Калі асоба Л. С. Абэцэдарскага, шквал крытыкі якога паступова змяняецца больш уважанымі ацэнкамі [гл.: 3; 12, с. 68], даволі шырока вядома грамадскасці, то навуковая дзейнасць іншых выкладчыкаў кафедры, і асабліва ў галіне палітычнай гісторыі, чакае свайго асвятлення.

Пытанні беларуска-рускіх сувязей і грамадска-палітычнай барацьбы на беларускіх землях у другой палове XVII – XVIII стст. склалі сутнасць і змест манаграфіі [13] Аляксандра Пятровіча Ігнаценкі і падрыхтаванага ім зборніка дакументаў [14]. У манаграфіі даследчык засяроджваецца перш за ўсё на прадпасылках і прычынах гэтых з'яў: стане сельскай гаспадаркі і гарадской эканомікі, сялянскіх павіннасцяў, становішчы сялян і гараджан, нацыянальна-рэлігійных супярэчнасцяў. Разгляд тэмы паказаў, што Рэч Паспалітая ў цэлым і Беларусь як яе складовая частка ў гэты час перажывалі эканамічны заняпад і глыбокі палітычны крызіс. Нізкае паводле тэхнічнага ўзроўню земляробства, падарванныя ваеннымі спусташэннямі гарадское рамяство, унутраны і знешні гандаль – усё гэта прывяло да таго, што калісьці ўрадлівыя землі зарасталі хмызняком, а гарады, мястэчкі і вёскі пусцелі. Праўда, як сцвердзілі найноўшыя даследаванні, такая рэзкая ацэнка эканамічнай сітуацыі характэрна для перыяду да сярэдзіны XVIII ст., пасля чаго пачаўся працэс паступовага гаспадарчага аднаўлення і ажыўлення. Прычым, дзеля выхаду з крызісу рабіліся сур'ёзныя спробы рэфармавання эканомікі і дзяржаўнага ладу.

Асноўная ўвага нададзена фактам сацыяльна-класавай і нацыянальна-рэлігійнай барацьбы, прычым яны разглядаюцца праз прызму адносін несельніцтва Беларусі да Расіі. У рамках такога падыходу разглядаюцца ўцёкі сялян і гараджан у межы Расійскай дзяржавы і ва Украіну, напады сялян на феадальныя маёнткі, іх разбурэнні і падпалы, пакаранні аканомаў. Прасочваюцца сувязі беларускіх сялян з казацкімі атрадамі і сялянамі суседніх рускіх зямель, водгукі ў Беларусі на гайдамацкае

паўстанне і «Калііўшчыну», паўстанне пад кіраўніцтвам Сцяпана Разіна. Вялікую цікавасць уяўляюць апісанні буйных узброеных выступленняў сялян і гараджан у XVIII ст., перш за ўсё падзеяў у Крычаўскім старостве. Усё гэта зроблена на аснове разнастайнай базы крыніц, якая дазволіла істотна пашырыць нашы ўяўленні аб сацыяльна-палітычных працэсах у познафеадальным беларускім грамадстве.

Адметным з’яўляецца паказ палітычнай сітуацыі на беларускіх землях падчас паўстання 1794 г., бо яно лічылася з’явай польскай гісторыі і ў Беларусі не даследавалася. Прызнаючы, што паўстанне было падрыхтавана прагрэсіўнымі шляхецка-буржуазнымі коламі дзеля захавання самастойнасці Рэчы Паспалітай і правядзення ў жыццё рэформ, абвешчаных Чатырохгадовым соймам 1788–1792 гг., А. П. Ігнаценка заўважае неадназначныя адносіны да яго насельніцтва Беларусі і асабліва сялянства, ад пазіцыі якога ў рашаючай ступені залежаў поспех паўстання. Выдадзены Касцюшкам 7 мая Паланецкі універсал абяцаў ім асабістую свабоду і некаторае змяншэнне феадальных павіннасцяў, аднак у рэальнасці застаўся на паперы. Асноўная маса шляхты і тым больш землеўладальнікі не былі гатовы да кардынальных крокаў у сялянскім пытанні. У сувязі з гэтым, лічыў даследчык, удзел беларускіх сялян у паўстанні абмежаваўся пераважна прымусовай іх мабілізацыяй. Пры першай магчымасці, асабліва з набліжэннем расійскіх войскаў, яны беглі дадому. Прыводзяцца факты колькаснага прадстаўніцтва сялян у паўстанцкіх атрадах, заляцанняў да іх як шляхецкага кіраўніцтва, так і царскіх генералаў, якія, у сваю чаргу, імкнуліся выкарыстаць сялян у антыпаўстанцкіх мэтах. У шэрагу месц сяляне, скарыстаўшыся адміністрацыйнай неразбярэхай, ухіліліся ад выканання павіннасцяў і нават грамілі панскія маёнткі. Паказваюцца паводзіны і той часткі сацыяльных нізоў, якія надзеі на паляпшэнне свайго становішча звязвалі са зменай дзяржаўнай прыналежнасці, выяўляючы наіўныя спадзяванні на царызм. Дзякуючы раскрыццю гэтых сюжэтаў, у гістарыяграфіі ўпершыню прагучаў беларускі кантэкст паўстання Тадэвуша Касцюшкі, так актыўна раскрываемы зараз гісторыкамі.

Жорстка крытыкуючы палітыку кіруючых колаў Рэчы Паспалітай, А. П. Ігнаценка не ідэалізаваў і расійскі царызм, які эксплуатаваў этнічную і рэлігійную блізкасць усходнеславянскіх народаў у сваіх вялікадзяржаўна-імперскіх мэтах. Ён не хаваў фактаў сацыяльнай салідарнасці феадальных вярхоў абедзвюх дзяржаў у падаўленні шырокамаштабных рухаў украінскага і беларускага сялянства. Прыведзены матэрыялы сведчыць, што расійскі ўрад дзейнічаў вельмі асцярож-

на і ў звычайных (мірных) абставінах ніколі не рашаўся на адкрытае выкарыстанне і тым больш падаграванне тых унутраных канфліктаў, якія маглі б прывесці да змены сацыяльнага ладу Рэчы Паспалітай. Ён абмяжоўваўся ўлікам нацыянальна-рэлігійнага чынніка, мяркуючы, што сама розніца ў веравызнанні землеўладальнікаў і іх падданных ва ўсходніх рэгіёнах Рэчы Паспалітай забяспечыць пры неабходнасці падтрымку ўкраінскага і беларускага сялянства.

Такім чынам, А. П. Ігнаценка звязаў сацыяльна-класавую барацьбу на беларускіх землях з палітычным жыццём Рэчы Паспалітай, уключаючы і падзелы гэтай краіны суседнімі дзяржавамі. Праз пераважна новыя архіўныя дадзеныя выяўляецца палітычная роля народных нізоў у познафеадальны перыяд, што ўвогуле дае падставы для спецыяльнага вывучэння палітычнай гісторыі сялянства значна раней, чым яно было вызвалена ад прыгоннай няволі.

Безумоўна, пры абагульненні фактаў іншы раз не абыходзілася без катэгарычных высноў і стэрэатыпаў ды характэрных для савецкай гістарыяграфіі сувязяў з бягучай палітыкай.

Аб тым як, даследуючы сацыяльна-эканамічнае жыццё Беларусі канца XVIII – першай паловы XIX ст., нельга было абысціся без уплываючых на гэтае жыццё палітычных чыннікаў, сведчаць кнігі аб сельскай гаспадарцы [15] і сялянскім руху [16] В. У. Чапко. Больш таго, яна, удзельнічаючы ў падрыхтоўцы дакументальнага збору «Белоруссия в эпоху феодализма», запланаванага першапачаткова ў трох тамах, разам з дацэнтам кафедры гісторыі СССР БДУ В. У. Шацілам склала яшчэ і чацвёрты том, прысвечаны сацыяльна-палітычнай гісторыі першай паловы XIX ст. [17].

Найперш Валянціна Уладзіміраўна звярнула ўвагу на аграрную палітыку царскіх улад. Слушна заўважаўшы, што палітычныя перамены апошніх двух дзесяцігоддзяў XVIII ст. не прывялі да істотных змен у сацыяльным становішчы сялянства, бо як Рэч Паспалітая, так і Расійская імперыя былі феадальна-прыгонніцкімі краінамі, яна характарызавала дзеянні Кацярыны II і Паўла I наступным чынам: «Аграрная палітыка царскага ўрада ў Беларусі заключалася ў насаджэнні землеўладання рускага дваранства і пашырэнні памешчыцкага землеўладання наогул» [16, с. 5, 23]. Сярод прычын аграрных рэформ 1840-х – сярэдзіны 1850-х гг. прызнана небяспека для ўрада абвастрэння палітычнай сітуацыі ў сувязі з магчымасцю зліцця сялянскіх хваляванняў са шляхецкім вызваленчым рухам [15, с. 166, 175]. «Спробы ўрада ўрэгуляваць сялянскія павіннасці (правядзенне інвентарнай

рэформы), як паказана аўтарам, не далі вынікаў, некалькі палепшыўся стан гаспадаркі дзяржаўных сялян пасля правядзення люстрацыі і пераводу іх на аброчнае становішча» [4, с. 117]. Такая даволі ўзважаная ацэнка царскіх рэформаў дысаніравала з агульнай тэндэнцыяй савецкай гістарыяграфіі даводзіць, паводле Уладзіміра Леніна, «да якой ступені згаджанай выходзіць усякая справа з рук самадзяржаўнага ўрада» [18, с. 430].

Разглядаючы сацыяльна-класавую барацьбу – найважнейшую праблематыку савецкіх гісторыкаў адносна феадальнай эпохі – В. У. Чапко паспрабавала вызначыць яе спецыфіку падчас ваенна-палітычных падзей: французка-расійскай вайны 1812 г.; шляхецкага паўстання 1830–1831 гг.; галіцыйскага паўстання 1846 г. і еўрапейскіх рэвалюцый 1848–1849 гг. Сабраны і абагульнены цікавыя факты паводзін сельскіх жыхароў ва ўмовах палітычных узрушэнняў, асабліва каштоўныя сваёй навізнай аб агітацыі сярод сялян прадстаўнікоў разначыннай інтэлігенцыі, калі грамадскі рух дэмакратызаваўся. Аднак нярэдка гэтыя факты падаваліся няпоўна і аднабакова, каб пазбегнуць магчымых антырасійскіх акцэнтаў, чаго не прапусціла б пільная ідэалагічная цэнзура. Паводле тагачасных афіцыйных уяўленняў, на зыходзе феадальнаму пазіцыя народных мас Беларусі ў сацыяльным плане мусіла быць антыпрыгонніцкай, а ў палітычным – антырэчыпаспалітаўскай і прарасійскай. Гіпертрафіраваны класавы і імперскі падыходы практычна выключалі магчымасць з’яўлення ў гістарыяграфіі БССР грунтоўных прац па гісторыі дзяржаўнасці, шляхецкага саслоўя, канфесій. А менавіта ў гэтых сферах найперш акумулявалася палітычнае жыццё пазнафеадальнага беларускага грамадства.

На мяжы 1980–1990-х гг. спачатку аслабеў, а потым і знік партыйны дыктат над гуманітарнымі навукамі, што выклікала іх сапраўдны рэнесанс. Даследчыцкая думка, пазбаўленая ідэалагічна-цэнзурных путаў, разняволілася. Не стала забароненых тэм і сюжэтаў, што праявілася ў змяненні даследчыцкай праблематыкі кафедраў і выкладчыкаў гістарычнага факультэта, пошуках новых дакументаў і матэрыялаў не толькі ў айчынных, але і замежных архівах і бібліятэках, актывізацыі ўдзелу ў рэспубліканскіх і міжнародных навуковых канферэнцыях, пашырэнні спектру публікацый [гл.: 19, с. 160–203]. Асабліва ўвага звярталася на палітычную гісторыю Беларусі, гісторыю нацыянальнага руху, дзяржаўнасці, канфесій, этнакультурных працэсаў на беларускіх землях. Навукоўцы адкрыта павярнуліся да «ачалавечвання» гісторыі, шырокага і ўсебаковага разгляду ў ёй усіх без выключэння саслоўных

станаў і сацыяльных груп насельніцтва. Найперш гэта датычыла свядома замоўчваемай у савецкі час шляхты – носьбіта палітычнага жыцця феадальнай эпохі на беларускіх землях. Сталася магчыма нават паставіць праблему месца і ролі ў палітычным жыцці сялянства. Пакрыху набірала тэмпу «інтэлектуальная гісторыя», даследаванне якой раней было амаль што пад забаронай, бо савецкія ўлады не маглі сабе дазволіць акцэнтаваць увагу на ролі і месцы элітарнай часткі грамадства нават у навукова-адукацыйнай сферы, не кажучы пра палітычную.

У такой спрыяльнай атмасферы ішла падрыхтоўка да 200-годдзя паўстання 1794 г. на землях былой Рэчы Паспалітай пад кіраўніцтвам нашага знакамітага земляка Тадэвуша Касцюшкі, паўстання, глыбока распрацаванага ў Польшчы, але якому не знайшлося месца нават у пяцітомнай «Гісторыі Беларускай ССР» 1970-х гг. «Беларускі след» у паўстанні вырашыў выявіць Уладзімір Пятровіч Емяльянчык, пакінуўшы сваю ранейшую гісторыка-партыйную праблематыку. У яго манаграфіі [20] асвятляецца абстаноўка 90-х гг. XVIII ст. на Беларусі, якая прывяла да паўстання: гэта сацыяльна-эканамічны і палітычны стан грамадства Рэчы Паспалітай, спробы яго рэфармавання і выратавання краіны ад гібелі, нахабнае ўмяшанне суседніх дзяржаў ва ўнутраныя справы. Перад чытачом паўстаюць вобразы самаадданага барацьбітоў за захаванне Рэчы Паспалітай і Вялікага Княства Літоўскага, за «вольнасць, цэласць, незалежнасць» Айчыны. Паказана і здрадніцкая дзейнасць тых, хто ў цяжкі для «дзяржавы абодвух народаў» час прадаваў яе захопнікам. Зоркамі першай велічыні выступаюць асобы кіраўніка наўстання ў Літве і Беларусі Якуба Ясінскага і Тадэвуша Касцюшкі. Апошняму прысвечана спецыяльная кніга аўтара, напісаная разам з прафесарам Язэпам Юхо [21].

Даволі пераканаўча раскрыты падзеі паўстання 1794 г. на беларускіх землях, яго падрыхтоўка, пачатак, распаўсюджванне, маштабы і ход ваенных дзеянняў. Прагледжаны баявы шлях паўстанскіх атрадаў, рэальна ацэнены іх вайсковыя магчымасці, прааналізаваны памылкі ў агульным кіраўніцтве імі і рэальныя шансы ў барацьбе з пераўзыходзячымі сіламі расійскіх войскаў. Характарызуецца роля А. В. Суварова ў беларускай гісторыі, асоба якога была неапраўдана ўзвылічана і рамантызавана савецкай гістарыяграфіяй. Паўстанне падаецца як сапраўды народнае, з удзелам не толькі шляхты, але сялян і мяшчан.

Сялянству на старонках кнігі ўдзяляецца асабліва ўвага. І гэта не выпадкова, бо барацьба за сялянскія душы набыла шырокі размах. Касцюшка, Ясінскі, іншыя радыкальна настроеныя кіраўнікі былі гато-

выя да кардынальнага вырашэння сялянскага пытання, аж да поўнага скасавання прыгонніцтва. Аднак асноўная маса шляхты, і асабліва землеўладальнікі, да гэтага былі яшчэ не падрыхтаваны, што і абумовіла абмежаванасць Паланецкага ўніверсалу і тым больш магчымасці яго рэалізацыі. Царскія ж генералы давалі сялянам дэмагагічныя абяцанні і настройвалі іх супраць паўстанцкай шляхты, што, справядліва адзначыў аўтар, з’явілася адной з прычын абмежаванага ўдзелу сялян ў паўстанні і нейтральна-пасіўнай пазіцыі іх асноўнай масы.

Праз усю манаграфію праходзіць тэма самастойнасці паўстання на літоўска-беларускіх землях, г.зн. максімальная ўвага ўдзяляецца толькі цяпер паднятай па-сапраўднаму ў нашай гістарыяграфіі праблеме «ліцьвінскага сепаратызму». Як раз у гэтым так званым сепаратызме і высвечваецца месца і роля нашых зямель у паўстанні: што дала б нам перамога – далейшую паланізацыю ці адкрыла б перспектывы самастойнага дзяржаўнага ўладкавання? Перамогі не атрымалася, яле як бачна па матэрыялах кнігі, ліцьвінскі фактар у рознай ступені праяўляўся у дзейнасці розных кіраўнікоў паўстання, што тлумачыцца як ступенню іх агульнай паланізацыі, так і прывязанасцю да роднай зямлі і адданасцю мясцовым традыцыям. Дзяржавы ж, якія анексавалі тэрыторыю Рэчы Паспалітай і задушылі паўстанне Касцюшкі, руйнавалі дзяржаўнасць, якая стагоддзямі тут складвалася. У. П. Емяльянчык абагульніў вялікую колькасць навуковай літаратуры і апублікаваных матэрыялаў, што датычацца нашай тэрыторыі; зроблена даволі плённая спроба росшуку дакументаў у мінскім і маскоўскім архівах. Дарэчы, сучасны перыяд развіцця айчыннай гістарычнай навукі адкрыў практычна неабмежаваны доступ да замежных архівасховішчаў, аб чым маглі толькі марыць савецкія гісторыкі і без чаго немагчыма было паўнаважнае напісанне палітычнай гісторыі Беларусі часоў Рэчы Паспалітай.

З пачатку 1990-х гг. змяніліся даследчыцкія прыярытэты вядомага «аграрніка» П. А. Лойкі. У акадэмічных «Нарысах гісторыі Беларусі» ён піша ўжо не толькі і не столькі пра сялян, колькі пра палітычныя адносіны ў Вялікім Княстве Літоўскім [22] і палітычнае становішча беларускіх зямель у часы Рэчы Паспалітай [23]. Гэтым замацоўвалася тэндэнцыя вяртання нашаму народу ва ўсім аб’ёме яго палітычнай гісторыі, асноўнымі дзеячамі якой тады былі шляхціцы.

Для паглыбленай распрацоўкі гісторыі шляхты Павел Алегавіч абраў перыяд апошняй траціны XVI – першай траціны XVII ст., калі ў паслялюблінскіх умовах дробная і сярэдняя шляхта, пацяснёны магнатэрыю, стала вызначальнай сілай у Княстве. Менавіта тады,

да ўсталявання магнацкай алігархіі, шляхта беларускіх земляў найбольш актыўна і вынікова ўдзельнічала ў вырашэнні складаных унутраных і знешнепалітычных задач. Прычым, калі расійскія даследчыкі абмежавалі вывучэнне шляхты «Літоўска-Рускай дзяржавы» часамі да ўтварэння Рэчы Паспалітай, то польскія асноўную ўвагу ўдзялілі «Кароне», а падзеі ў «Літве» іх цікавілі толькі ў сувязі з польскімі землямі. Да таго ж, стаў лёгка даступным для даследчыкаў з краін СНД Галоўны архіў даўніх актаў у Варшаве, дзе сабраны асноўныя соймавыя дакументы.

Вынікам напружанай працы ў гэтым кірунку стала падрыхтоўка і выхад у 2002 г. манаграфіі аб удзеле шляхты беларускіх земляў у грамадска-палітычным жыцці [24]. У яе першым раздзеле «Стан шляхты беларускіх зямель у далюблінскі перыяд» паказаны працэс фарміравання і юрыдычнага афармлення гэтага саслоўя, што адбылося да сярэдзіны XVI ст. Адзначаны падзел прывілеяванага стану, паводле маёмаснай вагі і доступу да дзяржаўных пасадаў, прынамсі на тры катэгорыі: магнаты-латыфундысты, сярэдняя і дробная шляхта. Даведзена, што такі падзел абумоўліваў як неаднолькавую ступень удзелу катэгорый шляхты ў грамадска-палітычным жыцці дзяржавы, так і адрознасць іх сацыяльна-палітычных інтарэсаў.

Асноўнай часткай манаграфіі стаў другі раздзел «Палітычныя інтарэсы і сацыяльная актыўнасць шляхты беларускіх зямель у апошняя трэці XVI – першая трэці XVII ст.» З яе бачна, наколькі шырокім быў абсяг пытанняў, што ставіліся, абмяркоўваліся, вырашаліся на шляхецкіх сходах павятовага, ваяводскага, агульнавялікакняжацкага ўзроўняў. Гэта знешнепалітычныя ўзаемадачыненні, эканамічныя праблемы, удасканаленне судовай сістэмы, арганізацыя вайскавай справы, міжэтнічныя стасункі, кадравыя прызначэнні, канфесійныя канфлікты і шмат іншых. Палітычная актыўнасць «народу шляхецкага» была найвышэйшай. Інструкцыі паслам паведаў на вальны сойм не былі для цэнтральнай улады пустой паперай, а шляхціцы адчувалі сябе выпрацоўшчыкамі палітычнага курсу краіны. Палітычная эліта ВКЛ у першыя дзесяцігоддзі пасля Люблінскай уніі старалася, наколькі магчыма, дыстанцыявацца ад заходняга партнёра і вытрымліваць лінію на самастойнае бачанне і вырашэнне ўнутры- і знешнепалітычных праблем, хоць паступова адбывалася прыцірка і збліжэнне інтарэсаў «абодвух народаў» Рэчы Паспалітай.

Цікавейшым з'яўляецца завяршальны раздзел аб грамадска-палітычнай свядомасці нашай шляхты. Найперш, якім было для іх паняцце

Айчына. Як высвятляецца, напачатку даследуемага перыяду гэта толькі Вялікае Княства Літоўскае, а напрыканцы – ужо і Рэч Паспалітая («Рэч Паспалітая наша, Карона і Літва»). Шляхта лічыла сябе стваральнікам асноў дзяржавы, гарантам яе моцы і функцыянавання. Ідэалам унутры-дзяржаўнага становішча краіны ўяўляецца хатні мір і жыццё ў «міласці і згодзе». Дыктатура права павінна была гарантаваць вольнасці і роўнасць шляхецкага асяроддзя, да каштоўнасцей якога адносіліся грамадзянская адказнасць, справядлівасць, адданасць справе, адкрытасць, абмежаванасць у патрэбах, салідарнасць, мужнасць, абарончая ваяўнічасць, асабістая годнасць. Такі вобраз шляхціца відавочна не ставіцца з аднабаковай выявай яго ў савецкай гістарыяграфіі як этнічнага чужынца і эксплуататара – крывапіўца сялянскіх мас.

Адкрытая П. А. Лойкам даследчыцкая праблематыка патрабуе далейшай паглыбленай распрацоўкі і развіцця, што паспяхова ажыццяўляюць яго вучні.

Аўтар артыкула таксама пачынаў навуковую дзейнасць у савецкі час з «дазволенай» сацыяльна-дэмаграфічнай тэмы саслоўна-групавога складу сялянства, аднак у ходзе даследавання высветлілася, што гэты склад у вырашальнай ступені залежыў ад палітычных фактараў, аб чым сігналізуюць нават назвы глаў выдадзенай пазней манаграфіі: «Канфіскацыі памешчыцкіх маёнткаў»; «Раздачы і папаўненні дзяржаўнай вёскі»; «Секулярызацыя царкоўных уладанняў»; «Нівеліроўка спецыяльных катэгорый сельскага насельніцтва» [25]. Таму манаграфія набыла не толькі гісторыка-дэмаграфічны, але і выразна гісторыка-палітычны характар, бо па сутнасці сваёй раскрывае адносіны царскіх улад да ўсяго разнастайнага складу сялянства Беларусі і ўплыў на яго палітычных падзей.

Далейшае паглыбленне аўтара ў палітычную гісторыю з сялянскага ракурсу прывяло да агульнай высновы, што нягледзячы на крайнюю абмежаванасць рамкамі феадальнага ладу, у перыяд з канца XVIII да сярэдзіны XIX ст. палітычнае жыццё ў вёсцы несумненна мела месца, яно закранала не толькі эканамічную, але і саслоўную, рэлігійную, этнакультурную сферы, аж да барацьбы за дзяржаўную прыналежнасць і сацыяльную будучыню беларускіх зямель. Сяляне з'яўляліся самым шматлікім і найбольш прыгнечаным класам познафеадальнага беларускага грамадства. З-за неадукаванасці большасць з іх не валодала палітычнай свядомасцю і не праяўляла ў гэтым плане актыўнасці. Аднак на сялян прама ці ўскосна ўздзейнічалі розныя грамадскія сілы, што «гулялі» на палітычным полі, аж да іх, хоць часовага, уцягнення туды.

Прычым так званы заходні край, як ніякі іншы ў Расійскай імперыі, выдзяляўся насычанасцю палітычных падзей, зыход якіх у многім залежаў ад удзелу і паводзінаў сялянства. Увогуле, палітычнае жыццё вёскі тут было больш разнастайным, чым у цэнтральных губернях, узрасла на працягу акрэсленага храналагічнага перыяду і больш інтэнсіўна праяўлялася ў заходнім рэгіёне. Відавочна, палітычнае прабуджэнне мас садзейнічала агульнаму разняволенню і падрывала асновы феадальнага грамадства. А агульнае аслабленне феадальна-прыгонніцкай сістэмы на стады яго разлажэння стварала прадпасылкі для палітычнай актывізацыі сялянства. Таму пачатак палітызацыі жыцця сялян адпавядае сутнасці гэтага пераходнага да капіталізму, з яго грамадзянскай свабодай і юрыдычнай роўнасцю станаў, перыяду [падрабязней гл.: 26].

Новае пакаленне выкладчыкаў кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў, што выдзелілася ў 1994 г. з агульнай кафедры гісторыі БССР – Беларусі, ужо не мела савецкага гістарыяграфічнага досведу і змагло свабодна, зыходзячы толькі з навуковых падставаў, абіраць тэматыку сваіх даследаванняў. І палітычная гісторыя разглядаемага намі перыяду аказалася запатрабаванай, прычым у тых яе аспектах, якія раней гісторыкам БССР былі недаступнымі.

Алена Рыгораўна Дзянісава звярнулася да доўга замоўчваемай канфесійнай праблематыкі. У яе дысертацыі [27] упершыню комплексна разгледжана дзейнасць, у тым ліку ў грамадска-палітычнай сферы, праваслаўных манастыроў Турава-Пінскай епархіі да XVII ст. уключна. Аналіз і сістэматызацыя апублікаваных і архіўных крыніц, разам з абагульненнем дасягненняў дасавецкай гістарыяграфіі дазволілі вылучыць асаблівасці станаўлення і арганізацыі манаскага жыцця, рэканструяваць і даследаваць кірункі дзейнасці праваслаўных манастыроў епархіі, вызначыць іх ролю і значэнне ў тагачасных грамадскіх працэсах. Прычым асабліва яркава выступае сувязь і залежнасць манастырскага жыцця ад унутранай і знешняй палітыкі кіруючых колаў Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай.

Алена Васільеўна Дземідовіч выйшла на абсягі знешняй палітыкі Вялікага Княства Літоўскага, аб чым нават не смелі марыць гісторыкі савецкай Беларусі. Яна прысвяціла сваё дысертацыйнае даследаванне [28] вызначэнню месца і ролі ВКЛ у сістэме ўзаемадачыненняў Рэчы Паспалітай з Расіяй і Швецыяй у першай траціне XVII ст. Упершыню на аснове шырокага кола крыніц і літаратуры ацэнены пазіцыя і ўплыў Княства ў гэтых стасунках, паказана дынаміка стаўлення шляхты да ўвасаблення знешняй палітыкі ў жыццё, вызначаны асноўныя матывы,

якія абумоўлівалі пэўную пазіцыю вышэйшага саслоўя ВКЛ. Як высьвятляецца, магнаты і шляхта беларускіх зямель адыгрывалі важную ролю ў фарміраванні і рэалізацыі знешнепалітычнага курсу краіны, што падкрэслівае нашу суб'ектнасць у гісторыі.

У позні феадалізм «заглядаюць» і даследчыкі сумежных перыядаў. Так, сёлета убачыла свет калектыўная манаграфія, у якой былі адлюстраваны розныя бакі гісторыі шляхецкага роду Валовічаў за перыяд XV–XVIII стст. Аўтарам аднаго з раздзелаў, прысвечаных удзелу дадзенага роду ў палітычным жыцці Вялікага Княства Літоўскага другой паловы XVI – першай траціны XVII ст., з'яўляецца Уладзімір Аляксеевіч Падалінскі. Менавіта ў гэты час Валовічы занялі трывалыя і ўплывовыя пазіцыі ў палітычным народзе ВКЛ. У раздзеле прасочаны роля і актыўнасць прадстаўнікоў розных галінаў роду Валовічаў на лакальным і агульнадзяржаўным узроўнях палітычнага жыцця ВКЛ і Рэчы Паспалітай. Аўтарам былі вызначаны рэгіёны грамадскай дзейнасці і шляхі кар'ернага росту прадстаўнікоў роду Валовічаў, іх маёмаснае становішча, кліентальныя і сваяцкія сувязі, змены ў канфесійнай прыналежнасці [29].

У. А. Падалінскі даследуе таксама рэгіянальныя палітычныя эліты Вялікага Княства. У прыватнасці, ім быў праведзены аналіз персанальнага складу земскага суда Гарадзенскага павета канца XVI – пачатку XVII ст. Былі разгледжаны сацыяльны і маёмасны статус членаў гарадзенскага земскага суда, іх канфесійная прыналежнасць і этнічнае паходжанне, шляхі кар'еры і грамадска-палітычная дзейнасць. Акрэслены галоўныя кірункі далейшых даследаванняў гарадзенскіх судовых ураднікаў [30].

За «непапулярную» у пазнасавецкія часы гісторыю беларускіх яўрэяў узялася Юлія Валер'еўна Функ. Хоць асноўная ўвага была ўдзелена сацыяльнаму складу і эканамічнаму становішчу яўрэйскага насельніцтва на мяжы XIX–XX стст. [31], аднак даследчыца звярнула ўвагу і на некаторыя палітычныя пытанні папярэдняга перыяду. Напрыклад, быў праведзены аналіз узаемадачыненняў органаў мясцовага самакіравання з кагаламі на тэрыторыі беларускіх губерняў, іх правоў і абавязкаў адносна выплаты падаткаў, удзелу ў грамадскім жыцці. Зараз Ю. В. Функ цікавіцца сацыяльна-палітычным становішчам яўрэйскага насельніцтва ў ВКЛ і Рэчы Паспалітай XVI–XVII стст.

І такія прыклады можна доўжыць, асабліва калі звярнуцца да даследчыцкай праблематыкі магістрантаў, аспірантаў і суіскальнікаў кафедры.

Такім чынам, на кафедрах гісторыі БССР, гісторыі Беларусі, гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта яшчэ ў неспрыяльных для

навукоўцаў-гуманітарыяў савецкіх умовах была закладзена, а ў часы незалежнасці трывала ўсталявалася традыцыя даследавання палітычнай гісторыі пазнафеадальнага перыяду. Прычым, у артыкуле разгледжаны толькі манаграфічныя і дысертацыйныя працы выкладчыкаў старэйшага, сярэдняга і малодшага пакаленняў. Зараз іх вучні і паслядоўнікі ў сваіх шматлікіх артыкулах і выступленнях на навуковых канферэнцыях плённа развіваюць і паглыбляюць гэтую традыцыю.

Спіс літаратуры

1. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс // Сочинения. – 2-е изд. – Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 7–544.
2. Голубеў, В. Памяці сябра, Паўла Алегавіча Лойкі / В. Голубеў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 9. – С. 37–41.
3. Сташкевіч, М. Лаўрэнцій Абэцэдарскі: народжаны стаць гісторыкам / М. Сташкевіч // Беларуская думка. – 2011. – № 7. – С. 60–65.
4. Копыцкий, З. Ю. Историография БССР (эпоха феодализма): Учеб. пособие / З. Ю. Копыцкий, В. В. Чепко; под ред. Я. Н. Мараша. – Минск: Университетское, 1986. – 175 с.
5. Достижения исторической науки в БССР за 60 лет / под ред. З. Ю. Копыцкого, П. Т. Петрикова. – Минск: Наука и техника, 1979. – 80 с.
6. Грыцкевіч, А. Няўжо «забароненая зона»? / А. Грыцкевіч, В. Грыцкевіч, А. Мальдзіс // 3 гісторыяў на «Вы»: публіцыстычныя артыкулы / уклад. У. Арлова. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1991. – С. 17–27.
7. Баранава, М. Вучоны і педагог / М. Баранава, Н. Паўлава, В. Маскаленка // Народная асвета. – 1976. – № 7. – С. 88–90.
8. Абецэдарскі, Л. У святле неабвержных фактаў / Л. Абецэдарскі. – Мінск: Голас Радзімы, 1969. – 112 с.
9. Абецэдарскі, Л. С. Барацьба украінскага і беларускага народаў за ўз'яднанне з Расіяй у сярэдзіне XVII стагоддзя / Л. С. Абецэдарскі. – Мінск: Дзярж. выд. БССР, 1954. – 67 с.
10. Абецэдарскі, Л. С. Белоруссия и Россия: Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI – XVII в. / Л. С. Абецэдарскі; под ред. З. Ю. Копыцкого. – Минск: Вышэйшая школа, 1978. – 254 с.
11. Русско-белорусские связи: сборник документов (1570–1667 гг.). – Минск: Высшая школа, 1963. – 534 с.
12. Гістарычны факультэт. Да 70-годдзя заснавання / адк. рэд. С. М. Ходзін. – Мінск: БДУ, 2004. – 223 с.; іл.
13. Игнатенко, А. П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII – XVIII в.) / А. П. Игнатенко. – Минск: БГУ, 1974. – 192 с.
14. Русско-белорусские связи во второй половине XVII века (1667–1686 гг.): Сборник документов. – Минск: БГУ, 1972. – 376 с.
15. Чепко, В. В. Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX века / В. В. Чепко. – Минск: Наука и техника, 1966. – 220 с.

16. Чепко, В. В. Классовая борьба в белорусской деревне в первой половине XIX в. / В. В. Чепко. – Минск: Наука и техника, 1972. – 268 с.
17. Белоруссия в эпоху феодализма: Сборник документов и материалов. – Минск: Наука и техника, 1979. – Т. 4. – 376 с.
18. Ленин, В. И. Рабочая партия и крестьянство / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 4. – М.: Изд-во политической литературы, 1971. – С.429–437.
19. Бібліяграфічны даведнік навуковых работ супрацоўнікаў гістарычнага факультэта Белдзяржуніверсітэта (1921–1994 гг.). – Мінск, 1994. – 204 с.
20. Емяльянчык, У. Паланез для касінераў: 3 падзей паўстання 1794 г. пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі на Беларусі / У. Емяльянчык. – Мінск: Беларусь, 1994. – 160 с.
21. Юхо, Я. «Нарадзіўся я ліцьвінам...»: Тадэвуш Касцюшка / Я. Юхо, У. Емяльянчык. – Мінск: Навука і тэхніка, 1994. – 68 с.; іл.
22. Лойка, П. А. Палітычныя адносіны ў Вялікім княстве Літоўскім / П. А. Лойка // Нарысы гісторыі Беларусі: у 2-х ч. / рэдкал.: М. П. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1994. – Ч. 1. – С.114–140.
23. Емяльянчык, У. П. Палітычнае становішча. Канец Рэчы Паспалітай / У. П. Емяльянчык, П. А. Лойка // Тамсама. – С. 228–243.
24. Лойка, П. А. Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст. / П. А. Лойка. – Мінск: БДУ, 2002. – 99 с.
25. Сосна, У. А. Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / У. А. Сосна. – Мінск: БДУ, 2000. – 115 с.
26. Сосна, У. А. Палітычная гісторыя сялянства Беларусі канца XVIII – сярэдзіны XIX ст.: вынікі даследавання / У. А. Сосна // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – Вып. 4 (9). – Минск: РИВШ, 2007. – С.173–179.
27. Дзянісава, А. Р. Праваслаўныя манастыры Турава-Пінскай епархіі ў грамадскім жыцці на беларускіх землях у XI–XVII стст.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А. Р. Дзянісава; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2009. – 22 с.
28. Дземідовіч, А. В. Вялікае Княства Літоўскае ў знешнепалітычных адносінах Рэчы Паспалітай з Расіяй і Швецыяй у першай трэці XVII ст.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.15 / А. В. Дземідовіч; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2012. – 22 с.
29. Падалінскі, У. Валовічы ў палітычным жыцці ВКЛ другой паловы XVI – пачатку XVII ст. / У. Падалінскі // Unus pro omnibus: Валовічы ў гісторыі Вялікага княства Літоўскага XV–XVIII стст. / Склад. А.М. Янушкевіч; навук. рэд. А. І. Шаланда. – Мінск: Медысонт, 2014. – С. 315–332.
30. Падалінскі, У. Да характарыстыкі персанальнага складу гарадзенскага земскага суда ў канцы XVI – пачатку XVII ст. / У. Падалінскі // Гарадзенскі палімпсест. 2011. Асоба, грамадства, дзяржава. XV–XX стст. / пад рэд. А. Ф. Смаленчука, Н. У. Сліж. – Мінск: Зміцер Колас, 2012. – С. 135–147.
31. Функ, Ю. В. Евреи Беларуси в конце XIX – начале XX в. / Ю. В. Функ. – Минск: БелНИИДАД, 1998. – 105 с.

Источники

**CASTRUM NOSTRUM MENSKO.
ИЗ ИСТОРИИ ДИНАСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ
В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ
В 30-е ГОДЫ XV ВЕКА**

О борьбе князей Свидригайла Ольгердовича и Сигизмунда Кейстутовича за власть в Великом княжестве Литовском в 1432–1438 гг. написано немало. Однако многие важнейшие аспекты этого конфликта до сих пор остаются малоизученными. Так, за шумом сражений теряется представление о всей совокупности мер, при помощи которых оба «великих князя литовских» устанавливали и утверждали свою власть над землями одного из крупнейших государств Восточной Европы, о том, что способствовало этому и какие препятствия служили помехой на этом пути. Ответ на эти вопросы способен приблизить историков к пониманию самого феномена Великого княжества Литовского. Серьезная проблема состоит в том, что источники по истории династической войны в ВКЛ довольно слабо введены в научный оборот: многие из них не опубликованы, а те, что опубликованы, зачастую не были подвергнуты самому элементарному источниковедческому анализу¹. Один из таких источников, способный пролить свет на указанную проблематику, публикуется ниже. Его ценность, помимо всего прочего, состоит в том, что он содержит доселе неизвестное упоминание о Менске – нынешнем Минске.

В октябре 1432 г. князь Свидригайло Ольгердович, который незадолго до этого был свергнут с престола ВКЛ, но продолжал титуловаться «великим князем литовским, русским и проч.», сохранял виды на ви-

¹ Ср.: *Полехов, С. В.* «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4. Пользуясь случаем, отмечу неточность, допущенную в этой публикации: вопреки моему утверждению (С. 115. Прим. 19), послания Свидригайла и комтура Меве Людвига фон Ландзее из Полоцка от 3 июля 1433 г. (GStAPK, OVA 6540, 6541) написаны разными почерками. Однако это не отменяет факта, что данное послание Свидригайла – первое со времени его свержения, написанное на немецком языке. С осени 1432 г. по весну 1433 г. князь не располагал немецкоязычным писарем, его послания в Тевтонский орден писались либо на латыни, либо на западнорусском языке, и одно из них публикуется ниже.

ленский престол и на власть над всем Великим княжеством², а главное, признание подданных, населявших его русские земли, – выступил из Полоцка в свой первый поход с целью отвоевания Литовской земли и великокняжеского престола у своего соперника Сигизмунда Кейстутовича. 12 ноября, когда Свидригайло прибыл в Борисов, к нему явился князь Владимир (очевидно, Владимир Давыдович Городецкий³) со многими боярами из Литвы. Они сообщили свергнутому князю о переходе в руки его сторонников некоего замка, о чём тот не замедлил написать своему союзнику, на чью помощь возлагал большие надежды, – великому магистру Тевтонского ордена Паулю фон Русдорфу.

Это письмо сохранилось до наших дней, но до сих пор не публиковалось полностью. Его содержание стало известно историкам в 1820 г., после выхода в свет биографии Свидригайла, написанной прусским драматургом и историком-аматором Августом Фридрихом Фердинандом фон Коцебу. Он прочитал название замка, перешедшего к Свидригайлу, как *Ojrusko*⁴. Это вызвало некоторое замешательство среди профессиональных историков, обратившихся к данному сюжету. Игнатий Данилович предположил, что в загадочном замке следует видеть Овруч⁵, но уже Анатолий Левицкий отверг это предположение, заметив, что замок следует искать где-то на пути следования войск Свидригайла⁶, а спустя почти четверть века Оскар Халецкий отождествил *Ojrusko* с Бобруйском⁷.

² В публикуемом источнике об этом ярко свидетельствует употребление притяжательного местоимения «наш» (*nostrum*) по отношению к Менскому замку, фактически только что занятому для Свидригайла. См. об этой формуле в монарших документах соседней Польши второй половины XV в.: Węcowski P. Mazowsze w Koronie. Propaganda i legitymizacja władzy Kazimierza Jagiellończyka na Mazowszu. Kraków, 2004. S. 119–121. Впрочем, в документах Свидригайла сфера её употребления была шире (см.: *Палеха*); С. Пра князя Юрья Лынгвеневи́ча Мсціслаўскага і не толькі // Беларускі гістарычны агляд. Т. 18. Мінск, 2011. С. 306–307).

³ См. примечания к переводу источника, публикуемому ниже. За помощь при подготовке публикации приношу искреннюю благодарность М. А. Яницкому, Д. Антанавичюсу, П. В. Лукину и А. Шведе.

⁴ *Kotzebue A. von Switrigail. Ein Beytrag zu den Geschichten von Litthauen, Rußland, Polen und Preussen. Leipzig, 1820. S. 89.* В русском переводе – «Ожруско» (*Коцебу, А. Свитригайло, Великий Князь Литовский, или Дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб., 1835. С. 148*).

⁵ *Daniłowicz, I. Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, krolewskich, książęcych. T. 2. Wilno, 1862. № 1636. S. 145.*

⁶ *Lewicki, A. Powstanie Świdrygiełły. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną. Kraków, 1892. S. 331, przyp. 16.*

⁷ *Halecki, O. Litwa, Ruś i Żmudz jako części składowe Wielkiego Księstwa Litewskiego // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. T. 59. (Ser. 2. T. 34.) Kraków, 1916. S. 223.*

Несколько неожиданная разгадка находится при обращении к оригиналу документа, который благополучно сохранился в архиве великих магистров Тевтонского ордена⁸. Выясняется, что Коцебу, как это часто бывало, разобрал название замка неверно: на самом деле в документе написано *Mensko*⁹. Действительно, Менск (очевидно, сохранявший значение важного военного, административного, торгового и коммуникативного центра¹⁰), находился на пути следования Свидригайловых войск из Полоцка на Вильну и Троки через Ошмяны, где 8 декабря состоялось сражение с силами Сигизмунда. Сообщение о переходе Менска на сторону свергнутого князя косвенно подтверждается и другими источниками. Из переписки, современной событиям, выясняется, что Свидригайлово войско двигалось к центру ВКЛ очень быстро, не встречая сопротивления на своем пути¹¹. Судьбу Менска разделил мощный Кревский замок, также находившийся на этом пути. После того как Свидригайло потерпел поражение в Ошмянской битве 8 декабря 1432 г., Крево вернулось к Сигизмунду Кейстутовичу¹². Судя по позднейшим событиям, то же самое произошло и с Менском.

⁸ GStAPK, OBA 6251. Публикацию источника см. в приложении.

⁹ Возможно, в данном случае виною тому особенности почерка, которым написано послание. Точно так же вместо слов «cum pueris et thezauro» («с детьми и казной») Коцебу прочел бессмысленное «cum pueris et Thilanko» (*Kotzebue, A. Op. cit. S. 89*).

¹⁰ В конце XIV в. он был резиденцией Скиргайла и одним из главных административных центров его владений (*Лицкевич, О. В. Документы по истории Менской земли за 1386–1393 гг. // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 510-годдзя атрымання Менскам магдэбурскага права): матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, 4–5 верасня 2009 г. Мінск, 2010. С. 12–15*). В конце XIV или начале XV в. через Менск пролегал путь из Луцка в Полоцк (*Latvijas valsts vēstures arhīvs. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 79. Lp. 2*). Менск упоминается в двух произведениях паломнической литературы XIV–XV вв. среди других крупных русских городов, через которые пролегал путь в Святую землю, таких как Москва, Тверь, Смоленск, Великий Новгород, Луки, Витебск, Друцк и Слуцк. См.: *Хождение архимандрита Агреевья обители Пресвятыя Богородица, около 1370 года // ППС. Вып. 48. (Т. 16. Вып. 3.) СПб., 1896. С. 1*; *Сказание Епифания мниха о пути к Иерусалиму // ППС. Вып. 15 (Т. 5. Вып. 3.) С. 1*. В литературе встречаются разные точки зрения на время создания этих произведений и зависимость второго от первого, подробнее см.: *Прохоров, Г. М. Агреевский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 1 (А–К) / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988. С. 7*; *Он же. Епифаний // Там же. С. 210*.

¹¹ GStAPK, OBA 6247; *Codex epistolaris saeculi XV. T. 2 / Ed. A. Lewicki. Cracoviae, 1891. № 210*.

¹² *LUB. Bd. 8 (1429 Mai – 1435) / Hrsg. von H. Hildebrand. Riga; Moskau, 1884. № 646; Lietuvos metrika. Knyga Nr. 25. Užrašymų knyga 25 / Par. D. Antanavičius ir A. Baliulis. Vilnius, 1997. № 215. P. 268; ср.: Akta unji Polski z Litwą. 1385–1791 / Wyd. St. Kutrzeba i Wł. Semkowicz. Kraków, 1932. № 59. S. 94.*

Причиной такого развития событий была слабость позиций Сигизмунда на начальном этапе династической войны. Он занял престол «на Вилни и на Троцех» совсем незадолго до этого, благодаря действиям относительно узкой в масштабах государства, но очень влиятельной группировки князей и бояр ВКЛ. Однако это влияние еще предстояло реализовать в масштабах всего государства – иными словами, добиться признания власти Сигизмунда всеми его жителями. Бегство Свидригайла в Полоцк стало серьезной помехой на этом пути, растянув признание власти Сигизмунда на шесть лет. Но и сама правящая элита в целом не была единодушна: так, лояльность трокского воеводы Явна Волимонтовича заговорщики обеспечили, передав ему в придачу Виленское воеводство, а спустя всего два месяца он был казнён как участник заговора уже против Сигизмунда¹³. Новый господарь, в отличие от Свидригайла, не пользовался широкой известностью. Многие признали власть Сигизмунда, будучи уверенными, что Свидригайло погиб¹⁴. Его поход на Литовскую землю с большим войском в конце 1432 г. служил весомым аргументом в пользу признания его власти. Претензии Сигизмунда на все литовские и русские земли страны, которые он выражал с самого начала правления¹⁵, были далеки от действительности. Как видно из того же письма, Сигизмунд больше рассчитывал на стены нескольких замков исторического центра государства, чем на собственных подданных.

¹³ См.: *Petrauskas, R. Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: Sudėtis – struktūra – valdžia*. Vilnius, 2003. P. 178–181; *Полехов, С. В.* Свидригайло и литовская Русь: стереотипы историографии и свидетельства современников // *Studia z Dziejów Średniowiecza*. Nr 18. Warszawa, 2014. S. 190–194.

¹⁴ GStAPK, ОВА 6247. Эта ситуация повторялась и впоследствии. См. подробнее: *Палехаў, С.* Не толькі Гарадзенская унія. Да ацэнкі палітыкі вялікага князя літоўскага Жыгімонта Кейстутовіча (1432–1440) // *Arche*. 2014. № 11. С. 80–81. Об особенностях передачи информации в период династической войны ярко свидетельствует пассаж публикуемого ниже послания, в котором Свидригайло с удовлетворением упоминает «несогласия» в стане противника, казни и опалу некоторых литовских вельмож. Ирония ситуации состоит в том, что эти вельможи замыслили заговор с целью свержения Сигизмунда, столь ненавистного Свидригайлу.

¹⁵ Помимо его титула (GStAPK, ОВА 6210; *Skurvydaitė L. Lietuvos valdovo titulas ir valdžia XIV a. pab. – XV a. viduryje* // *Lietuvos istorijos studijos*. 1999. T. 7. P. 18, 21–23), об этом свидетельствует перечень земель ВКЛ в его привилее виленским местичам от 23 сентября 1432 г.: Собрание древних грамот и актов городов: Вильны, Ковна, Трок, православных монастырей, церквей, и по разным предметам (далее – СДГА). Ч. 1. Вильна, 1843. № 2. С. 2. Оригинал – *Lietuvos Mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos Rankraščių skyrius*, F 1–13. URL: <http://www.mch.mii.lt/mab/Kolekcija/Pergamentas.asp?txtSign=F1-13> (доступ свободный, дата обращения: 25.11.2012).

Несколько иную картину рисуют события следующего, 1433 г., в частности судьба того же Менска. По словам летописца-современника, работавшего в Смоленске, Свидригайло, возвращаясь в августе из литовского похода, «возме град Менеск и сожъже, а людии много в полон поведоша, мужи и жены»¹⁶. Это произошло уже после того, как отряд под командованием киевского воеводы Михаила Гольшанского разбил «литву», шедшую «погоню» за отступающим Свидригайловым войском¹⁷. И тем не менее, несмотря на только что одержанную победу Свидригайла над противником, Менск пытался ему сопротивляться. Иначе сложно было бы объяснить употреблённый летописцем глагол «возме», а также то, что Свидригайло не пытался установить над ним долговременный контроль, а перешёл к «тактике выжженной земли». То же происходило и с другими замками, через которые пролегал обратный путь князя на Русь. Все это говорит о том, что за время, прошедшее с конца 1432 г., Сигизмунд Кейстутович укрепил свои позиции в Литовской земле, даже несмотря на кампанию 1433 г., которая чуть не окончилась для него катастрофой. До окончательной победы Сигизмунда над противником было ещё далеко, однако это был один из важных шагов на пути к ней.

Обычно утверждение власти Сигизмунда связывают с расширением объема сословных привилегий и сферы их действия, что проявилось в таких мероприятиях, как выдача привилеев виленским местичам (1432 г.), русским князьям и боярам (1434 г.; привилей 1432 г., вопреки распространённому утверждению, так и не вступил в силу). Но привилей 1434 г. далеко не положил конца войне между двумя «великими князьями»; более того, известны случаи переходов на сторону Свидригайла князей и бояр, которые, по идее, имели возможность убедиться в благотворности этого привилея. Это касается, в частности, Луцкой земли, жители которой хорошо знали о сословных привилегиях соседнего Польского королевства – как благодаря родственным и соседским контактам, так и в результате недавнего кратковременного пребывания под властью польского короля. Однако важным средством утверждения власти Сигизмунда Кейстутовича были раздачи пожалований его подданным. Несколько таких раздач было произведено в 1434 г., одновременно с выдачей земского привилея и переходом под власть Сигизмунда

¹⁶ ПСРЛ. Т. 35. С. 34 (цитата), 57, 77, 107.

¹⁷ См. об этом сражении: *Варонін, В. А.* Да пытання аб часе і абставінах ухавання грашова-рэчывага скарбу каля вёскі Літва Маладзечанскага раёна Мінскай вобласці // *Studia Numismatica Albaruthenica*. Vol. 1 (Вып. 1). Мінск, 2011. С. 96–99.

Луцкой земли, когда он готовился к аналогичной акции на Киевщине и отражению очередного похода Свидригайла¹⁸. Сохранились сведения о таких пожалованиях и Менском повете (хотя и неизвестна их точная датировка)¹⁹.

После 1432–1433 гг. Менск исчезает со страниц источников вплоть до начала 40-х годов XV века, когда он упоминается в привилее великого князя Казимира Ягеллона среди крупнейших городов ВКЛ, где могли торговать виленские купцы²⁰. Перечень этих городов заметно изменился по сравнению с аналогичным перечнем в уже упоминавшемся привилее Сигизмунда Кейстутовича 1432 г.: добавились Троки, Полоцк, Витебск, Житомир, Слуцк, Дрогичин и Городно, исчезла «Подольская земля», изменился порядок перечисления. Это заставляет думать, что список отразил реальное значение перечисленных городов. Таким образом, объединение земель ВКЛ под властью Сигизмунда Кейстутовича во второй половине 30-х годов XV в. способствовало восстановлению традиционных торговых связей Менска²¹ и преодолению разрушительных последствий войны двух князей за литовский престол.

¹⁸ См. подробнее: *Палехаў*, С. Не толькі Гарадзенская унія. С. 77–86.

¹⁹ *Груша, А. І.* Ваколіцы Менска і іх уладальнікі ў 30-х гадах XV – пачатку XVI ст. // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада. Сацыяльныя структуры і паўсядзённасць (да 945-годдзя Мінска): зборнік навуковых артыкулаў. Мінск, 2012. С. 51, 52, 60.

²⁰ СДГА. Ч. 1. № 7. С. 9. Оригинал – Lietuvos Mokslų akademijos Vrublevskių bibliotekos Rankraščių skyrius, F 1–17. URL: <http://www.mch.mii.lt/mab/Kolekcija/Pergamentas.asp?txtSign=F1-17> (доступ свободный, дата обращения: 25.11.2012).

²¹ Так, в начале 80-х гг. XV в. менские купцы торговали с полоцкими (Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / сост. А. Л. Хорошкевич. Вып. 2. М., 1978. № 180. С. 92). О затруднениях в торговле, связанных с войной 30-х гг. XV в., см.: Там же. Вып. 1. М., 1977. № 55.

Приложение

1432 г. ноября 13. Борисов. – Послание великого князя литовского Свидригайла великому магистру Тевтонского ордена [Паулю фон Русдорфу] с сообщением о военных успехах и событиях в Литве

Подл.: GStAPK, OBA 6251. Бумага, водяной знак – голова быка с пятилучевой звездой на шесте между рогами (шест и звезда одноконтурные), 29,8 × 22,5 × 29,6 × 22,4. Документ реставрирован – с обеих сторон оклеен папиросной бумагой.

Упом.: *Kotzebue A.* Switrigail. Ein Beytrag zu den Geschichten von Litthauen, Rußland, Polen und Preussen. Leipzig, 1820. S. 88–89; *Коцебу А.* Свитригайло, Великий Князь Литовский, или Дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб., 1835. С. 148–149; *Daniłowicz I.* Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, krolewskich, książęcych. T. 2. Wilno, 1862. № 1636. S. 145; *Regesta historico-diplomatica Ordinis S. Mariae Theutonicorum* / Bearb. von E. Joachim, W. Hubatsch. P. 1. Vol. 1. Hbd. 1. Göttingen, 1948. № 6251. S. 388.

Прим.: *Послание написано тем же почерком, что и послание Свидригайла ливонскому магистру Тевтонского ордена от 3 сентября 1432 г. (GStAPK, OBA 6208; текст опубли.: LUB. Bd. 8. № 624).*

Принципы публикации. Сокращения раскрываются без дополнительных обозначений в соответствии с нормами оригинала, в основном сохраняются графические особенности средневековой латыни (написания типа *nuncii* вместо *nuntii*, *Russie* вместо *Russiae*, *swadere* вместо *suadere*), за исключением случаев двойного написания *-ii*. Знаки препинания расставляются согласно современным правилам. Фрагменты текста, утраченные в оригинале (поврежденные дырами на сгибах), восстанавливаются в квадратных скобках по копии первой половины XIX в., сделанной для Т. Нарбута и заверенной кёнигсбергским архивистом Й. Фойгтом²².

²² Lietuvos valstybės istorijos archyvas. F. 1135. Аурт. 4. В. 25. № 356. P. 133–134. Об этом комплекте копий см.: *Ekdahl S.* Archivalien zur Geschichte Ost- und Westpreußens in Wilna, vornehmlich aus den Beständen des Preußischen Staatsarchivs Königsberg // Preußenland. Jg. 30 (1992). H. 3/4. S. 46–47.

Schwitrigall, Dei gracia magnus dux Lithuanie, Russie etc. Venerabilis amice noster carissime. Heri venientibus nobis in Borissow, necdum sero facto, confugit ad nos dux Wladimir et quamplures alii de Lithuania boiari, referentes nobis, quomodo castrum nostrum Mensko, ut auditum fuit nos hic appropinquare, sine quavis resistencia est nobis presenta[tum et] est [in m] anibus fidelium nostrorum, quorum non pauca nos precedit multitudo, castra et hostes nostros subiugando. Prout statim post hoc cuiusdam Ywani Wladimiri, diri hostis nostri, uxor, regine Polonie germana, cum pueris et thezauro capti, ad nos sunt adducti, quod vestre venerabilitati in consolationem nunciamus specialem. Item hodie ex parte woiewode Walachie venerunt ad nos duo nostri et eiusdem alii duo nuncii referentes, quomodo, presentibus ipsis, idem woiewoda regem Polonie et suos diffidaverit, iamque procedant contra regnum suum, unde prius violata sunt pacis federa, quare bonum esset, quod et vestra venerabilitas, attenta presertim hac temporis comoditate et violatione federum treugarum, insurgeret in eum, quia, uti audivit vestra venerabilitas, Lithuani inter se sunt discordes et potiores ipsorum sunt captivati illeque palatinus Trocensis Jawnyus decollatus interiit, ipse vero fraudulentus dux Sigismundus cum sibi adherentibus comportant omnes thezauros cum pueris et uxoribus ipsorum ^{a)}ad castrum Trocense^{a)}, et nullus Polonorum in subsidium venit, ut auditur. Item, quia Samagite sunt vicini vestre venerabilitati, qui, ut audivimus, propter captivitatem Kynsgall capitanei ipsorum et alia in animo perplectuntur, petimus eandem vestram venerabilitatem velitis eis swadere, quatenus in assistendo nobis stabiles sint et firmi iuxta nobis eorum prestita iuramenta. Regraciamur preterea vestre venerabilitati et domino magistro Liwonie pro subsidio, quod nobis mittit, nobis plurimum desiderabili et accepto, nolentes tante amicicie et favoris opus unquam oblivisci, personam vestre venerabilitatis sanam faciat diu vivere Altissimus, ut optamus. Datum ibidem in Borissow feria quinta beati Briccii anno domini etc. XXXII°.

^{a)-a)} *Приписано на левом поле при помощи знака выноски*

В правом верхнем углу аккуратным почерком XIX в.: № 86. В правом нижнем углу по вертикали сверху вниз простым карандашом: 2. На обороте по вертикали сверху вниз (перпендикулярно тексту) адрес: Venerabili domino Paulo de Rusdorff, magistro generali Ordinis Sancte Marie domus Theutonicorum in Prussia, amico nostro carissimo, правее по вертикали сверху вниз пометка почерком XV в.: Swidrigals, in littera magistro Livonie, venit dominica post Nicolai anno 32, novitates et successa eiusdem²³; левее адреса по вертикали сверху вниз почерком

²³ Публикуемое послание Свидригайла великий магистр получил 7 декабря 1432 г. вместе с письмом ливонского магистра от 24 ноября (LUB. Bd. 8. № 639).

XIX в.: 1432 (аналогичные пометки XIX в. имеются на всех документах Кёнигсбергского архива, использованных А. Коцебу при написании биографии Свидригайла). У правого и левого краёв следы красновосковой прикладной печати с надписью по окружности, выполненной готическим минускулом ($D = 3,4$).

Перевод

Свидригайло, Божьей милостью великий князь литовский, русский и проч. Почтенный и любезнейший наш друг! Вчера после нашего прибытия в Борисов, ещё до наступления темноты, к нам перебежал князь Владимир²⁴ и многие другие бояре из Литвы, сообщившие нам, что замок наш Менск, когда стало известно о нашем приближении, безо всякого сопротивления был передан нам и находится в руках наших верных [сторонников], немалое число которых идёт впереди нас, подчиняя наших врагов и замки. Сразу же после этого к нам была приведена жена некоего Ивана Владимировича²⁵, нашего заклятого врага, родная сестра польской королевы²⁶, взятая в плен с детьми и казной, о чем извещаем вашу почтенную милость для особого утешения. Также сегодня от воеводы Молдавии²⁷ к нам явились двое наших и двое других его послов, сообщившие, что в их присутствии этот воевода оставил²⁸ польского короля и его [подданных] и уже выступает в поход против его королевства, чем досрочно был нарушен мирный договор, и поэтому было бы хорошо, если бы и ваша достопочтенная милость, пользуясь случаем

²⁴ Скорее всего, имеется в виду кн. Владимир (Володко) Давыдович, сын Давыда Дмитриевича Городецкого и Марии Ольгердовны, упоминаемый в 1433 г. (*Korczak L. Monarcha i poddani. System władzy w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie wczesnojagiellońskim. Kraków, 2008. S. 80, przyp. 142; s. 183*).

²⁵ Кн. Иван Владимирович, сын Владимира Ольгердовича, родоначальник князей Бельских, ум. после 1452 г. Его женой была Василиса, дочь кн. Андрея Ивановича Гольшанского, ум. незадолго до 1484 г. (*Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań; Wrocław, 1999. S. 90–93*).

²⁶ Софья Гольшанская, дочь кн. Андрея Ивановича Гольшанского, четвертая жена польск. кор. Владислава II Ягайла (с 1422), ум. в 1461 г. (*Tęgowski J. Przodkowie Zofii Holszańskiej, czwartej żony Władysława Jagiełły // Genelogia. Studia i Materiały Historyczne. T. 8. Poznań; Wrocław, 1996; idem. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 130–131*).

²⁷ Поскольку в данном случае «*Walachia*» означает Молдавию, имеется в виду молдавский воевода Илья, сын Александра Доброго. Молдавское войско участвовало в сражении подольского старосты кн. Федька Несвицкого с поляками на р. Мурахве 30 ноября 1432 г. (*Czamańska I. Mołdawia i Wołoszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV w. Poznań, 1996. S. 87–88*).

²⁸ Употребленный здесь глагол «*diffidare*» имел в средневековой латыни значения «отказываться от вассальной присяги, слагать с себя обязательства по отношению к сеньору», «расторгать мир, объявлять войну», «расторгать союз» (*Mediae latinitatis lexicon minus / Composuit J.F. Niermeyer. Leiden, 1976. P. 331*).

и нарушением перемирия²⁹, выступила против него, ибо, как слышала ваша почтенная милость, литовцы раздраемы междоусобиями, и их вельможи в заключении, и известный воевода трокский Явн³⁰ был обезглавлен, сам же лживый князь Сигизмунд и его сторонники свозят все свои сокровища со своими детьми и жёнами в Трокский замок, и никто из поляков, как говорят, не прибыл ему на помощь. Также, поскольку жомойты суть соседи вашей почтенной милости, и они, как мы слышали, из-за ареста их старосты Кезгайла³¹ и других [причин] нечто замышляют³², просим ту же вашу милость убедить их твердо и стойко помогать нам согласно присяге, которую они принесли нам. Сверх того, благодарим вашу почтенную милость и господина магистра Ливонии за подкрепление, которое он нам присылает, для нас желаннейшее и приятное³³, и не хотим когда-либо забыть дело такой дружбы и благосклонности и желаем, дабы Всевышний послал вашей почтенной милости долгие годы здравия. Дано там же, в Борисове, в четверг, в праздник блаженно-го Брикция в год от Рождества Господа 1432.

Сокращения

ППС – Православный Палестинский сборник.

GStAPK – Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. Hauptabteilung (Königsberger Archiv).

LUB – Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch.

OBA – Ordensbriefarchiv.

²⁹ Имеется в виду Чарторыйское перемирие, заключённое 1–2 сентября 1431 г. между Польшей, с одной стороны, и Великим княжеством Литовским и его союзниками Тевтонским орденом и Молдавией, с другой, сроком до 24 июня 1433 г. (*Kotzebue A. von. Preussens ältere Geschichte. Bd. 3. Riga, 1808. S. 477–83; Бучинський Б. Кілька причинків до часів вел. князя Свитригайла (1430–1433) // ЗНТШ. Т. 76. Львів, 1907. № II. С. 131–137; Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preussen im 15. Jahrhundert. Bd. 1 (1398–1437). 2. Aufl. / Hrsg. von E. Weise. Marburg, 1970. № 173. S. 185–187).*

³⁰ Явн Волимонтович, литовский боярин, сын Станислава Волимонта Бушковича, упоминается как трокский староста/воевода в 1412–1432 гг., одновременно с этим в сентябре – октябре 1432 г. был виленским воеводой. За подготовку заговора против Сигизмунда Кейстутовича осенью 1432 г. казнён (*Petrauskas R. Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: Sudėtis – struktūra – valdžia. Vilnius, 2003. P. 247–248).*

³¹ Кезгайло Волимонтович, литовский боярин, сын Станислава Волимонта Бушковича, упоминается в 1410 г. как вилькомирский староста, в 1412–1432, 1440 и 1443–1449 гг. – как жомойтский староста, в 1413 г. – как господарский маршалок, в 1444–1449 гг. – как виленский каштелян. Осенью 1432 г. участвовал в заговоре против Сигизмунда Кейстутовича, был арестован, однако вскоре освобождён. Ум. ок. 1449 г. (*Petrauskas R. Op. cit. P. 250–251).*

³² Возможный вариант перевода: «также и нечто иное замышляют».

³³ Ливонский магистр в начале ноября 1432 г. отправил Свидригайлу подкрепление – отряд под командованием комтуров Ашерадена и Дюнабургра (LUB. Bd. 8. № 636, ср. № 634).

*Гаркович Н. В.***КАТЕХИЗИС СТЕФАНА ЗИЗАНИЯ (ВИЛЬНА, 1595 г.)**

Настоящей публикацией предлагаем вниманию читателя одно из немногих сохранившихся произведений Стефана Зизания – так называемый «Катехизис». Известны два его издания – 1595 и 1618 гг., поэтому настоящая публикация этого уникального произведения является важной и актуальной научной задачей. Перед тем, как рассмотреть «Катехизис», необходимо сказать несколько слов как об его авторе, так и об исторических обстоятельствах, сопутствующих и во многом приведших к появлению памятника.

Стефан Зизаний (1550-е гг. – декабрь 1600 г.) был одним из авторитетных членов православного братского движения конца XVI в. Сначала он трудился при Львовском Успенском ставропигиальном братстве, позже – при Виленском Свято-Духовом, куда, по словам Боркулабовской летописи, его пригласили в 1592 г. (или в 1593 г.) «на поратунок, яко человека навчоного» [8]. Стефан был одним из инициаторов так называемого «Православного возрождения» в Речи Посполитой на рубеже XVI–XVII вв., талантливым педагогом, оратором, проповедником, православным богословом-апологетом [24, с. 114]. Творчество Стефана Зизания в свое время вызвало острую полемику, нападки со стороны оппонентов – иезуитов, а впоследствии и униатов. Полемика, следует признать, была не безуспешной – братский «казнодей» был обвинен в ереси и осужден на соборе в Новогрудке в январе 1595 года [1, с. 125, № 91]. Несмотря на то, что он был полностью оправдан на следующем соборе в Бресте [51], осудившем принявших церковную унию с Римом [1, № 105 от 8.10.1596], тема о правоверности православного богослова остается открытой, что бросает тень на все православное братское движение конца XVI в. [39, с. 260]. В историографии XIX в. не сложилось единое мнение о богословских взглядах Стефана, то же можно сказать и о современных исследованиях [см.: 40]. Причиной тому, как представляется, является активная антиуниатская позиция православного богослова-апологета, поводом – использование Зизанием оригинальной богословской терминологии при изложении догматического учения Православной церкви в контексте богословской дискуссии, развернувшейся в Речи Посполитой накануне и после Брестской церковной унии [о терминологии см.: 66, 11; ср.: 5, № 13, с. 361]. И так называ-

емый «Катехизис» Стефана Зизания, которому посвящена настоящая публикация, был одним из объектов полемики. Вскоре после появления в печати «Катехизиса», иезуит Феликс Жебровский издал произведение «Kaĳol», в котором автор полемизировал исключительно с «Катехизисом» Зизания [67]. В этом произведении были целенаправленно искажены богословские воззрения православного апологета. Следует отметить, что многие исследователи (М. Ботвинник, А. Аннушкин, О. Старовойт и др.) некритически восприняли едкое полемическое произведение Ф. Жебровского и сделали на его основании выводы о Стефане Зизании как о еретике, которые и утвердились в историографии.

Текст «Катехизиса» Стефана Зизания долгое время считался утерянным, и исследователи вплоть до настоящего времени черпали сведения о нем исключительно из произведения Ф. Жебровского. О том, что не сохранилось подробных сведений о «Катехизисе» Стефана Зизания писал, к примеру, исследователь Н. А. Алексютович в 1962 г. [2]. Новым этапом исследований библиографии Стефана Зизания стала публикация М. А. Корзо книги, посвященной катехитической традиции Речи Посполитой. В ней «Катехизис» Стефана Зизания 1595 г. был идентифицирован с произведением, напечатанным в 1618 г. в составе сборника «Собрание вкратце словес от Божественнаго Писания. И з объяснением изложения святых апостол двунадесяти артыкулов Православной Веры» (Угорцы, 1618 г.). Исследовательница проанализировала цитаты из «Катехизиса», помещенные в произведениях оппонентов Стефана Зизания, и соответствующие места в издании 1618 г., в результате чего почти во всех случаях было обнаружено буквальное совпадение. На основании этого анализа был сделан вывод, что издание 1618 г. является переизданием «Катехизиса» Стефана Зизания 1595 г. Мы не будем повторять анализ, ограничившись отсылкой к соответствующим страницам исследования М. А. Корзо [36, с. 245–251]. Таким образом, стало возможным обращение к уникальному, ранее не исследованному источнику, раскрывающему в полной мере как богословские взгляды Стефана Зизания, так и богословские ориентиры православного движения мирян Речи Посполитой конца XVI в.

Что же собой представляет «Катехизис» Стефана Зизания? Это произведение в публикации 1618 года называется «Объяснением Изложения Никейского, и Константинопольского Символу, двунадесяти артыкулов веры Христианское». Скорее всего, оно так же назвалось и в первом своем издании 1595 г., хотя при осуждении Зизания в 1595 г. произведение названо «Книжица на Римский Костел» [1, с. 125, № 91], что, видимо, было вызвано содержанием «книжицы». В «Катехизисе», как это и анонсиро-

вано названием, Зизаний последовательно изъясняет Никейский Символ Веры. Очень важно отметить, как подчеркивает М. А. Корзо, что «в православной традиции до середины XVI в. не существовало катехизиса как самостоятельного жанра религиозной письменности» [36, с. 210]. Потребность в нем осознали православные просветители, в числе которых были братья Стефан и Лаврентий Зизании. Братья Зизании были первыми, кто начал писать подобного рода тексты в собственном смысле слова в славянском восточнохристианском мире [там же, с. 216]. Очевидно, ими было осознана необходимость концентрированного изложения догматических и обрядовых различий Православия и иных исповеданий (католиков и протестантов). Это было обусловлено достаточно быстро меняющейся ситуацией в религиозно-политической сфере жизни общества.

Целью и поводом написания «Катехизиса» было противодействие попыткам со стороны католиков по присоединению православных верующих к Римской церкви. О цели «Катехизиса», полемизируя с Зизанием, писал Феликс Жебровский: чтобы «народ русской веры отклонить от... союза с Римскою церковью» [67, с. 14]. «Катехизис» содержит также полемику с различными еретическими движениями, широко распространенными в то время в Речи Посполитой, таким образом являя собой вероучительный ориентир для православных верующих в столь сложное время. Хочется обратить внимание читателя на то, насколько серьезно относился Зизаний к вероучению Церкви и насколько глубоко его знал: в произведении перечислены все значительные древние ереси, положения которых были очень популярны в конце XVI в. в Речи Посполитой в среде протестантов различных деноминаций. Интересно, что Стефан не называет ни одного имени современных ему еретиков, последователей либо распространителей неортодоксальных вероучений. Создается впечатление, что автор выбрал наиболее жесткий способ полемики – стопроцентно отождествить современные ему отклонения от вероучения Православной церкви с древними еретическими течениями и тем самым показать их ошибочность с точки зрения православного вероучения. Все ереси, упоминаемые Зизанием, были осуждены на Вселенских соборах в первом тысячелетии еще неразделенной Церковью как на Востоке, так на Западе. Как католики, так православные по сей день признают их несовместимыми с христианским вероисповеданием. «Катехизис» явился обоснованием и изложением православной веры согласно святоотеческому учению, Стефан Зизаний в произведении выступает против различного толка социан, антиринитариев и других ересей, популярных в его время в Речи Посполитой. Примечательно, что обвинения в адрес

Зизания выдвигались именно по поводу названных ересей [36, с. 237], хотя значительная часть христологии братского дидаскала была направлена как раз против искажения догмата о Троице [36, с. 237, 248].

К «черному списку» Стефана Зизания (теоретически – и всех православных верующих данного региона в конце XVI столетия) были отнесены и «латиняне», т.е. католики. Зизаний сделал особый акцент на догматических и обрядовых различиях между Православием и Католицизмом, в частности: опровергал *Filioque*, католическую сотериологию и эсхатологию (в том числе учение о чистилище), совершение литургии на пресном хлебе, недопущение младенцев до причастия Св. Таин. Таким образом, братский «казнодей» выступал против утверждения католических богословов о якобы незначительных расхождениях между православным и католическим исповеданиями. Например, епископ Ипатий Потей писал князю Константину Острожскому: «ничего нового... з стороны веры наше нет, опроч... церемони, которую... церков Божая отменити может» [53, с. 97]. Более того, братский казнодей отождествляет некоторые аспекты католической догматики с положениями древних ересей и, таким образом, ставит католичество на один уровень с ними. Это означало, что сама идея унии с Римом невозможна по очевидным причинам – абсурдно становиться «еретиком», принимать вероучение Католической церкви. Это и пытаются с такой настойчивостью и дотошностью донести до православных читателей Стефан в каждом из своих произведений. Таким образом, «Катехизис» был, кроме прочего, острым антикатолическим произведением.

Текст настоящего издания снабжен комментариями, в которых содержатся цитаты из двух других произведений Стефана – «Изложение о православной вере» (Вильна, 1595 г.) [25] и «Казанье об антихристе...» (Вильна, 1596 г.) [26] (далее «Изложение» и «Казанье»), а также цитаты догматических определений Вселенских соборов, подтверждающие еретичность упоминаемых Зизанием в «Катехизисе» ересей. Таким образом, настоящее издание «Катехизиса» дает возможность комплексно охарактеризовать богословские воззрения Стефана Зизания и увидеть степень их цельности, а также приверженность его к восточнохристианской ортодоксии. «Изложение» было издано в 1595 г. в виде вопросов и ответов «православного» и «странного» (т. е. неправославного, по смыслу вопросов – незнакомого/несогласного с православным вероучением). «Казанье» представляет собой комментарии к одной из гомилий св. Кирилла Иерусалимского [35] о знаках пришествия антихриста с расширенными комментариями о признаках приближения его прихода. В «Казаньи» это было представлено в соответствии с эпохой

и пониманием самого Стефана Зизания в контексте сложной политической и конфессиональной ситуации в Речи Посполитой того времени.

Текст был подготовлен к печати по переизданию 1618 года, которое было выявлено нами в Национальной библиотеке Беларуси в виде наполовину сохранившегося конволюта [Национальная библиотека Беларуси, Отдел рукописей, старопечатных и редких изданий, документ № 09/4191]. Первая часть конволюта называется «Собрание вкратце словес от Божественнаго Писания». Эта часть книги не сохранилась в экземпляре, которым пользовался автор настоящей публикации: была обнаружена лишь его вторая часть – текст «Объяснения изложения святых апостол двенадцати артыкулов Православной Веры». Это обстоятельство может указывать на ценность «Объяснения» для читателей: очевидно, что издание 1595 года к 1618 г. был настолько редкой и по-прежнему востребованной книгой, что понадобилось его переиздание. При подготовке древнего текста были сохранены все надстрочные знаки (кроме придыханий), титлы и выносные буквы.

Для перевода текста «Катехизиса» автор настоящей статьи опирался на текст, содержащийся в современном переводе православной литургии на русский язык, который выполнил Дмитрий Александрович Тимрот (иеромонах Тихон Тимрот) [см.: 7]. Все расхождения этого перевода с «Катехизисом» Стефана Зизания выделены жирным шрифтом. Они обусловлены правкой текста Символа Веры, произведенной патриархом Никоном и его сподвижниками в середине XVII в., что было учтено при переводе настоящего памятника. Текст Стефана Зизания, естественно, совпадает с дониконовским вариантом во всех расхождениях, что соответствует времени составления «Катехизиса» (1595 г.). Более подробно с текстологическими и смысловыми особенностями обоих вариантов Символа Веры можно ознакомиться в статье священника Константина Костромского «История славянского текста Символа веры через призму истории раскола XVII в.» [35a].

Публикация текста «Катехизиса» позволит вновь поставить вопрос о богословских взглядах Стефана Зизания, которые концентрированно представлены в данном произведении. Кроме того, становятся более понятными вероучительные ориентировки всего православного братского движения конца XVI века, так часто критикуемые за «неправоверность». Значение данного произведения трудно переоценить в контексте изучения истории конфессий, Реформации, конфессиональной полемики, истории Православной церкви на территории Речи Посполитой обозначенного периода.

Предлагаем читателю самостоятельно оценить богословские воззрения Стефана Зизания, столь ярко выраженные в данном его произведении.

<p>Обясненіе Изложєніа Никейского, и Константинопольского Символѹ Двѣнадцати Артыкулѹвъ Вѣры Хрѣтіанское.</p> <p>Събраніе В'краѣце Словеѣ ѿ Бжѣтвеаго писаніа * из Обясненіем Изложєніа Сѣых Апѣль, Двѣнадцати Артыкулѹвъ * Православной Вѣры *</p>	<p>Объяснение изложения Никео-Константинопольского Символа Христианской веры в двенадцати частях.</p> <p>Краткое собрание Слов из Божественного Писания с объяснением изложения двенадцати пунктов святых апостолов Православной веры</p>
<p>Выдрѹвано Кошто^м и накладом Благочестиваго его м^п П Алеѡа^мдра Шептиц^кого Зшепти^ч *</p> <p>Працею Істараньем Іеромонаха Павла Домжива Лютковича * Іеродіакона Селивестра *</p> <p>В УГОРЦАХЪ Рокѹа^х и^х Мѣца Ма^{рт}</p>	<p>Напечатано и издано за счет благочестивого его милости Пана Александра Шептицкого из Шептич.</p> <p>Работой и старанием Иеромонаха Павла Домжив-Лютковича, иеродьякона Сильвестра.</p> <p>В Угорцах года 1618 месяца марта</p>
<p>Артыкулѹль, Пѣрвѹый</p> <p>Пѣрвым Артыкулѹм^м Пѣрвѹю персѡнѹ вбозствѣ, тоєсть Единѡго бѣга ѿца визнаваем, ѿ которѡго все быти вѣрѹемъ не только сѣтворенные видѡмые и невидѡмые рѣчы, але и несѣтворєнные, сѣна и дѣа сѣаго, ѿ бѣ персѡнѣ ѿ единаго бѣга ѿца быти вѣрѹемъ * мнѡмчи * // <u>л. 12</u> Вѣрѹю вѣединаго бѣга ѿца вседєрѣжитєлѡ, тѡрѣца нѣбѹ и земли видимы^м же всѣмъ и невидимым. Тѹт</p>	<p>Часть первая</p> <p>В первой части Первое Лицо Божества, то есть единого Бога Отца исповедуем, от Которого, верим, произошло все бытие, не только сотворенные видимые вещи, но и нетварные, Сын и Дух Святой, веруем, что оба Лица – от единого Отца /существуют. – Н.Г./ {1}, говоря: // <u>л. 12</u> Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего и видимого и</p>

<p>полѣмлетъ цркви хва Полиѣиоу поганьскѣю посполѣ стѣми, котѣры мнѣго поча^тковѣ вбо^оство вводиачи, ѿдвоѣх персон, третѣю быти повѣдают * але нам ѿко Павел стѣй мѣвит * ѿ * по^с квр * гла^с * ѿ * Единѣ Бгъ ѿць, ѿкотѣрого все, и мы ѿнего и единъ гъ ѿс Хс * котѣрымъ все, и мы ним * и един дѣх стѣй вкотѣром все и мы внем единого тѣды бгѣ втрѣицы вѣрѣем * и ѿединое Персоны Двѣ быти вызнаваемъ ѿца ниѿкого * а Сна и дѣха стаго ѿ ѿца // <u>л. 12об.</u> бытнѣсть маючого *</p>	<p><i>невидимого. Здесь осуждает Церковь Христова многобожие языческое вместе с теми, кто много начал в Божество вводя, утверждают, что от двух Лиц – Третье {2}. Но нам Павел святой говорит 1 Кор. глава 8¹. Один Бог Отец, от Которого все, и мы от Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все /от Которого. – Н.Г./, и мы Им, и один Дух Святой, в Котором все, и мы в Нем, в одного тогда Бога в Троице веруем и исповедуем, что от одного Лица – Два есть. Отца ни от кого, а Сына и Духа Святаго от Отца // <u>л. 12об.</u> бытие имеющих {3}.</i></p>
<p>Арѣтыкѣль, в * И вѣединого гѣда ѿс Ха сѣна Бжѣм единорѣдного ѿже ѿ ѿца рожденнаго прѣждѣ вѣсѣх вѣкѣ * Вызнавает тѣт црковь хва втрѣю персонѣ бѣзства про ѿ ѿганѣючи блѣд савелѣтскѣй * и стѣми кѣтѣрыѣ неразделѣют значне персоны сино^сское ѿ ѿце^сское, але</p>	<p>Часть вторая <i>И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, от Отца рожденного прежде всех веков. Исповедует здесь Церковь Христова второе Лицо Бога, отвергая зablуждение савеллианское и тех,</i></p>

¹ Ср.: 1 Кор.8:6 «Ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много, но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им» (здесь и далее используется Синаодальный перевод Библии на русский язык [6]).

<p>вѣднѣ' персонѣ' зливаютьъ възглаго^м единого бо^зства * Потлѣмляеть ты^х невизнавающихъ пре^двѣчности снѣви бѣжомъ, кгда мѡвимъ * Ѡ Ѡца прѣжде всѣхъ вѣкъ оуж^деннаго * ѡко всобѣ през'Іван^аа стго мѡвить * Апокаи^н * гла^о * ѡв * Азь есм альфа и мѣкга, почѣток и конѣць // <u>л. 13</u></p>	<p>кто значительно не разделяет Лицо Сына и Отца, но в одно Лицо сливают, под видом одного Бога {4}. Осуждает тех, кто не исповедует предвечности Сына Божьего {5}, в то же время, мы говорим: от Отца рожденного пред всеми веками, как о Себе /Христос. – Н.Г./ через святого Иоанна говорит, Апок., гл. 22: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец»² // <u>л. 13</u></p>
<p style="text-align: center;">Артикѣль ѣ</p> <p>Свѣта Ѡсвѣта, Бгайстинна, Ѡбѣга истинна * рожденна, а несѣтворѣнна, единосущна Ѡцѣ ѣмже вслбыша * Ты^м арьтыкѣломъ доконца потопляет арианскѣю ересь, котѡрые невѣрѣют снѣа бѣго единѡи ѣстности бѣти сбѣгомъ Ѡцѣм, ани признавают Ѡ Ѡца рожденноаго, але сѣтворѣннаго * такѡе блѡ^знѣрство потлѣмляючи, снѣ бѣй мѡвить * Іва^н дѣ * Азь есмъ вѣѣци, а ѡцѣ вѣмнѣ * и надрѣгомъ мѣстцѣ Іоа^н, ѣ * ѡ, и ѡцѣ единѡ естесмо * А ѡ оуж^денѣи снѣа своѣго,</p>	<p style="text-align: center;">Часть третья</p> <p><i>Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, а не сотворенного, единосущного Отцу, через Которого все произошло. Той частью до конца уничтожает /Церковь. – Н.Г./ арианскую ересь, /представители которой. – Н.Г./ не верят, что Сын Божий – одна Сущность с Богом Отцом, и не признают, что Он от Отца рожден, но что сотворен. Такое богохульство осуждая, Сын Божий говорит (Иоанн 14): «Я в Отце, и Отец во Мне»³, и в другом</i></p>

² Имеется в виду стих 12–13.

³ Имеется в виду стих 10, 11.

<p>Бгъ Ѡцъ презпророка мовит * ра^л, рѣ^ѣ. * Изчрева прѣж^е денница роди^хтл * и lwa^н, г^л а * свѣд // л. 13об. чить мовачи * И видѣх^ом слав^у егѡ, слав^у ко Единоро^днаго Ѡца.</p>	<p>месте (Иоанн 10): «Я и Отец Одно»⁴. А о рождении Сына Своего Бог Отец говорит через пророка (псалом 109): «Из из чрева прежде денницы родил Тебя», и Иоанн (глава 1) свидетельствует, // л. 13об. говоря: «И мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца»⁵.</p>
<p>Артыкълъ, д * Насъ ради члкъ * и нашего ради спсѣніа, съше^дшаго сънбсь, и въплотившагосѧ Ѡдѣхѧ стѧ, и мрїа двѣ въчлчившагосѧ * Тѣтъ Аполлинаристѡв Геретикѡвъ потопляеть * котѡрыя повѣдають сна бжого небы^т досконалого члка, и дши разумное неимѣющого * самю толко матерію тѣла члчого взв^л моват * а вмѣсто дши бѡзство было * а длѧтогож хлѣбъ недосконалы", тоестъ, безквасъ и соли, нафѣр^ѣ оученикѡм своимъ приносить казалъ * Прѡто таковѣхъ Геретикѡвъ потл^млѧ // л. 14 ючи црковъ хѡа * досконалымъ хлѣбом ѡфѣр^ѣ стѣю чїнит * вызнавѡучы и скѣткомъ</p>	<p>Часть четвертая <i>Нас ради, людей, и нашего ради спасения сошедшего с небес, и воплотившегося от Духа Святого, и Марии Девы вочеловечившегося</i> {6}. Здесь аполлинаристов еретиков потопляет /Церковь. – Н.Г./, которые утверждают, что Сын Божий не есть совершенный Человек, и не имеет разумной души, /они. – Н.Г./ говорят, что только самую материю тела взял /Иисус. – Н.Г./, а вместо души было Божество {7}. И поэтому /будто. – Н.Г./ хлеб несовершенный, т.е. без закваски и соли, ученикам Своим заповедал приносить. Поэтому таких еретиков осуждая, // л. 14 Церковь Христова</p>

⁴ Имеется в виду стих 10, 11.

⁵ Имеется в виду стих 14.

<p>показѹючи * ѡжъ снѣ Бжїѡ досконáлым члвком стáлса маючимъ дшѹ розѹмнѹю всобѣ, ѡкото́рой сáмъ мóвит * Іѡа^н, ѡ * Маю влас^т дшѹ мою положіти и маю вла́сть за́се ей взáти *</p>	<p>на совершенном Хлебе Жертву /т.е. Евхаристию. – Н.Г./ совершает {8}, исповедая, и впоследствии указывая, что Сын Божий совершенным Человеком стал, имеющим в Себе разумную душу, о которой Сам говорит (Иоанн 11): «Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее»⁶.</p>
<p>Арътыкѹль, е * Распáтого зány, припонтїѡстем пилáтѣ * страда́вша и погребенна * Тым цркъв хва потоплеть Дїѡскорїаньскѹю е́ресь * кото́рой наслѣдѹю́ть ѡрмáне * Повѣда́ючи и^ж снѣ Бжїѡ натѹрою бо́скою, (кото́рѹю ѡднѹ мѣль оутѣрпѣль, оумѣрь, и погребѣнь * не // <u>л. 14об.</u> непризнава́ючи члове́ческое натѹры, воды приѡфѣрѣ невлива́ють вкѣлих * што́ ёст Великій блѹдъ абовѣм Бóзство нїкгды нетерпїть ани оумира́ет, áле Гдь на́шь Іс Хс бѹдѹчи правдївымъ Бгомъ, и досконáлым члком, члове́ченством утѣрпѣль з кото́рого и крóвь свою стѹю и водѹ вы́лалъ накрѣстѣ, оуказѹючи досконáлое</p>	<p>Часть пятая <i>Распятого за нас, при Понтии Пилате страдавшего и погребенного.</i> Тем Церковь Христова осуждает диоскорианскую ересь, которую восприняли армяне, утверждая, что Сын Божий Божественной природой (Которую одну имел) пострадал, умер и погребен, {9} // <u>л. 14об.</u> не признавая человеческой Природы, воду при /совершении Евхаристической. – Н.Г./ Жертвы в Чашу не вливают, что есть великое заблуждение {10}, ибо Божество никогда не страдает, не умирает {11}. Но Господь наш Иисус Христос, будучи истинным Богом, и</p>

⁶ Имеется в виду стих 18.

<p>чловечѣнство ко и бо³ство, и намъ ꙗко члвкѡмъ Крѡвь свою и в Винѣ а Тѣло своѣ в хлѣбѣ (небѡзство зснѣдати, але тѣло и крѡвь бѡзствомъ ꙗко желѣзо огне^м ѡгорнѣное) назбаве^не оуживати всѣмъ конѣ^не росказа^н мѡвѡчи * Іѡа^н ѣ * Ами^н ами^н глѡ ва^м если не снѣстѣ тѣла моего // <u>л. 15</u> и непіетѣ крѡви моеѣ животѣ небѡудете мѣти всѡбѣ. (котѡрыи крѡви снѣ бѡжого непію^м збавѣни быти немѡгѡт) с той наоѡки и росказа^н хѡго оучитисѡ мѡемѡ абы^гмосѡ стерегли ты^х котѡрыи людовѣ посполітомѡ недопущѡют піти крѡви егѡ сѡи на збавѣ^не их * Поданоѡи бѡвѣмъ кѣли^х оученикѡмъ своимъ, мѡвит Хс бѣрѣте и пі^{те} стѡгѡ вси * штѡ если бы единѡ снѣ мѣло быти ѡдѡ^н мѡвѡно * рѡчей тѡе * штѡ немаѣет ѡнои перестѡроги Збавітелевы (всѣ) кѡды бѡвѣмъ прѣч^тое тѣло своѣ подавѡлъ, по^дѡсѡбою хлѣба * нерѣкъ ѡже всѣ, але кѡды крѡвь по^дѡсѡбою винѡ, доложы^н, пійте ѡнеѡ всѣ * даюѡи перестѡрогѡ ѡж е^ли // <u>л. 15об.</u> ктѡ</p>	<p>совершенным человеком, человечеством пострадал, из которого /из тела человеческого. – Н.Г./ и Кровь Свою святую, и воду излил на Кресте, указывая /тем на Свое. – Н.Г./ совершенное человечество, как и Божество. И нам, как людям, Кровь Свою в Вине, а Тело Свое в Хлебе (не Божество вкусать, но Тело и Кровь, Божеством, словно железо огнем, охваченное) {12} во спасение вкусать всем обязательно заповедал, говоря (Ин. 6)⁷: Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Моей // <u>л. 15</u> и пить Крови Моей, жизни не будете в себе иметь⁸. (Те, кто Крови Сына Божьего не пьют, не могут быть спасенными). Ввиду этого научения и заповеди Христовой надо нам учиться, чтоб мы остерегались тех, кто простой народ не допускают, чтоб пили Кровь Его Святую во спасение их {13}. Ибо, подавая Чашу ученикам Своим, говорит Христос</p>
--	---

⁷ Имеется в виду стих 53.

⁸ Ср.: «Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6:53).

<p>небѣдетъ крѡви хвѡи пѣти збавень быти немѡжет ко сам мѡви^м Іѡа^н, глава, § * Если небѣдете поживати тѣла сѣа чловѣчего и если небѣдете пѣти крѡви егѡ животà небѣдете мѣти всобѣ, дѣй мою плоть и пѣй мою крѡвь имать живѡтъ вѣчный * и ѡ егѡ въскрешѹ в послѣдній дѣнь.</p>	<p>«берите и пейте из нее все», что {было бы} если бы одно из них было отобрано, скорее то, что не имеет одного предупреждения Спасителя (все), ибо когда пречистое Тело Свое подавал, под видом хлеба, не сказал «все», но когда кровь под видом вина, добавил «пейте от нее все», предостерегая, что если // <u>д.</u> <u>15об.</u> кто не будет Крови Христовой пить, спасен не может быть спасенным, как Сам говорит (Иоанн, глава б)⁹: «Если не будете есть тела Сына Человеческого и если не будете пить крови Его, жизни не будете в себе иметь, тот, кто ест мою плоть и пьет мою кровь имеет жизнь вечную, и я его воскрешу в последний день».</p>
<p>Артыкълъ, § * И въскрѣшшаго втретій днь пописаніихъ * Тѣтъ, потлѹмлет^м запамѣталыхъ жидѡв невѣрство * Котѡрые невѣратъ прр^окѡмъ, непризнаваіют абы сѣнь Бжїи змѣртвыхъ всталь * Котѡрый мѡцью бѡзства своѣго змѣртвхъ встѡвши и на^с</p>	<p>Часть шестая <i>И воскресшего в третий день, по Писаниям. Тут попирает /Церковь. – Н.Г./ забывчивых евреев неверие,</i> которые не верят пророкам, не признают, что Сын Божий воскрес, Который силою Божества Своего, из мертвых восстав, и нам точно</p>

⁹ Стих 54.

<p>пѣвными змѣрь // <u>л. 16</u> твѣхъ встанѣа и животѣ вѣчнаго оучинилъ, къ мѡвит апѣль Павелъ * ѿ * пос * кѡ^р * глав, * ѣи * къ вадѡмѣ вси оумирають, тѡкъ ѡхрѣтѣ всѣ вѣскреснѣтъ *</p>	<p>воскресение // <u>л. 16</u> и жизнь вечную соделал, как говорит апостол Павел (1 Кор. 15)¹⁰, «как о Адаме все умирают, так о Христе все воскреснут».</p>
<p>Артыкѣль, ѿ * Вшедшаго на нбса и сѣдѡщаго ѡдеснѣую Ѡца * Тѣтъ црковъ хѣа потлѣмляеть тыхъ геретикѡвъ, котѡрыи оуймуѣчи чѣти и владзы снѣ бѡжомѣ и единость хвалы егѡ збѡмѣ Ѡцѣмѣ, оуменьшѡють. Але црковъ хѣа, вызнавѡет бѣити, Снѡ бѡго збѡмѣ Ѡцѣм, единой хвалы, и единой мѡцы и влѣчества * ко сѡм наоучилъ нѡсъ, мѡвѡчи * ѡбы вси чтѣли Снѡ, къ чтѣтъ // <u>л. 16об.</u> Ѡца * а котѡрыи нечѣтъ Снѡ, нечѣтъ Ѡца послѡвшаго егѡ * Iwa^н, ѿ *</p>	<p>Часть седьмая <i>Восшедшего на небеса, и сидящего справа от Отца.</i> Тут Церковь Христова попирает тех еретиков, которые отнимают честь и власть у Сына Божьего и равночесную славу Его с Богом Отцом уменьшают. Но Церковь Христова исповедует быть Сыну Божьему с Богом Отцом равночесной славы и одной силы и величества, как Сам научил нас, говоря, чтобы все чтили Сына, как чтут Отца // <u>л. 16об.</u> Отца, а тот, кто не чтит Сына, не чтит Отца, пославшего Его, Иоанн, 6¹¹ {14}.</p>
<p>Артыкѣль, и * И пѡки грядѣщаго сѣсѡвою сѣдити живѣмѣ и мртѡмѣ * егѡже црѣтѣю нѣсть концѡ * Тѡмѣ артыкѣлом потлѣмляеть блѡ^г ѡный, котѡрые</p>	<p>Часть восьмая <i>И снова грядущего со славою, судить живых и мертвых, Его же Царству нет конца</i> {15}. Той частью попирает /Церковь. – Н.Г./</p>

¹⁰ Стих 22.

¹¹ Имеется в виду 5:22.

<p>повѣдають, абы ю^ж мель быти сѣдь, и абы ю^ж мѣли грѣшних дѣши мѣки, а справедливых заплѣты досконѣлые удѣржати * што ёсть противко писмѣ самомѣ * кгда^ж и сѣдѣл справедливый дла того прытѣ маёт, абы сѣди^л живые и оумѣрлые, тоёсть справедливые и грѣшные * и абы плати^л ко^ждомѣ ведла учынокѣ егѣ * къ мѣви^л Павел * // <u>л. 17</u> в * по^л * ко^л *, гла^л * ё * всѣм намѣ подобаетъ вѣтисл предсѣдомѣ хѣым, абы принѣл къждый стѣлом заплѣту, или дѣбрѣю, или злѣю *</p>	<p>зablуждение тех, которые говорят, что будто уже был суд, и будто уже имели грешные души муки, а праведные воздаяния совершенные получить {16}, что противоречит Письму самому. Тогда как и Судья праведный для того придет, чтобы судил живых и мертвых, которые праведные и грешные, чтобы воздал каждому соответственно дел его. Как говорит Павел // <u>л. 17</u> в послании к Коринф. гл. 5. Всем нам наделжит явиться пред Судом Христовым, чтобы принял каждый с телом воздаяние, или доброе, или злое.</p>
<p>Арѣтыкѣль, ѿ * Ивъ дѣа стѣго гѣда истиннаго животворящаго, иже ѿ ѿца исходящаго, иже съ ѿцемѣ исыном спокланѣма и сослѣвима гѣлвашаго пророки * Тѣт вѣрѣеть и визнааетъ црковь хѣа, трѣтию персѣону, бѣа досконѣлого Парѣклита Дѣа стѣго, а потлѣмлеть злослѣвого Геретика Маккедонѣл, котѣрый великого блѣдѣ удѣхѣ стѣм оучилѣ, мѣвлчи, ижѣ дѣхѣ стѣый неёсть персѣоною бѣзскою, ани</p>	<p>Часть девятая <i>И в Духа Святого, Господа Истинного Животворящего, от Отца исходящего, со Отцом и Сыном равно поклоняемого и славимого, говорившего чрез пророков {17}. Тут верит исповедует Церковь Христова Третею Лицо, Бога совершенного Параклита Духа Святого, а попирает злостливого еретика Македония, который великому заблуждению о Духе</i></p>

<p>сътворителе^м, але сътво // <u>л. 17об.</u> рѣньемъ * которѹю пневматомáхию црковъ хѣа потлѹмлѹючи * Ѡ Дхѹ сѹтомъ тákъ вѣрѹеть, ѡж ѣсть Бгъ вседержитель, и рѹвное власти сѹщемъ и зсном, Ѡ Ѡца исходачи^м, а на сѣбѣ почивáючи^м * Кдыжъ ко правдѣ втрѣхъ персѹнахъ, единáго бга вѣрѹемъ * тákъ тыж Ѡ единѹи персѹны двѣ бѣти визнаваѣм * неѠдвохъ еднѹ * абѣсмы двохъ вбѹзство поча^мковъ неоводѣли * А заты^м Манихѣйское, и Саве^ллианское ѣреси оуваровáлиса *</p>	<p>Святом учил, говоря, что якобы Дух Святой не есть Личностью Божественной, ни Творцом, но тварью, // <u>л. 17 об.</u> это духоборчество Церковь Христова попирая, о Духе Святом так верует, что есть Бог Вседержитель и равной власти с Отцом и с Сыном, от Отца исходящем /о Духе Святом – Н.Г./, а на Сыне почивающим. Когда же как истинно в трех Лицах в одного Бога верим, так так же в то, что от одного Лица – Два исповедуем. Не от Двух – Одно, чтобы мы двух в Божество начал не вводили, и тем манихейской и савеллианской ереси убереглись /бы. – Н.Г./.</p>
<p>Арѣтыкѹль, ѣ* Въединѹ сѣю съборнѹю апѣлскѹю Црквѹ * тѣтъ вѣрѹемъ ѡжъ еднá ѣсть црковъ, которáа всѣгды еднáко // <u>л. 18</u> ввѣрѣ трвáючи, никгды неблѹдить и всю вѣрѹ Ѡ хá и апѹстоловъ сѣихъ подáнѹю и Ѡцы сѣими през се^дмъ вселѣнскихъ собѹровъ оумоцнѣнѹю принѣвши вцáле ховáет * итѹ ѣсть еднá Каѹмлическаа и вселѣнскáа црковъ, Котѹраа вѣзстановѣной</p>	<p>Часть десятая <i>Во единую святую соборную апостольскую Церковь.</i> Тут веруем, что одна есть Церковь, которая всегда // <u>л. 18</u> в вере пребывая, никогда не забуждается и всю веру от Христа и апостолов святых преданию и то есть едина кафолическая {18} и вселенская Церковь, которая в установленной правде не отменяя, ничего не</p>

<p>п^равдѣ не ѿмѣннаѣ, ничо́го непридаючи ани оуи́мѹючи естѣ и бѹдетъ * Под еди́ною голово́ю и найвы́шшим Па́стыремъ Гдемъ на́шимъ Іс Хстомъ трв́аючи, ѿиеру́сали́мъ сво́й почáтокъ ма́ючаѣ и розстѣ́нна повсе́ велѣнной, ко свѣ́дчи(м) Лѹ́ка стѣй мов́ачи, глав * Ід * Почáвши ѿиеру́сали́ма вовсѣ́ нарѹды проповѣ́датисѣ бѹдетъ * То́е единое ѿха // <u>л. 18об.</u> бѣ́га нѣшего цр́кви кт́о сѣ ѿщѣ́пить збáвевъ быти немо́жет, ко чл́онокъ ѿ тѣ́ла ѿлѹ́ченъ немо́же быти живы́ *</p>	<p>добавляя и не убирая, есть и будет. Под единой главой и высшим Пастырем Господем нашим Иисус Христом пребывая, от Иерусалима свое начало имея и рассеяная по всей вселенной, как свидетельствует Лука святой, говоря, глава 24. «Начав от Иерусалима во все народы проповедать будет». Той единой Христа // <u>л. 18об.</u> Бога нашего Церкви кто себя отсоединит, спасен быть не может, как член от тела отлученный, не быть живым.</p>
<p>Арѣтыкѹль, аі * Исповѣ́дѹю еди́но крещѣ́ніе вовставлѣ́ніе грѣхвѣ * Тѹ́тъ потлѹ́млетъ црковъ хва новохрещѣ́нцѹвъ и ѿныхъ погáнь, кот́орыхъ мнѹго оумира́ет безкрещѣ́ніѣмъ сто́го, и без причáстїѣмъ тѣ́ла и кр́ови хвои * б́о мов́и Хс * Іѡа́ * г, г * Кт́о сѣ не ѿро́дитъ ѿ воды́ и дха немо́жетъ вни́ти вцр́тво неб́ное * тáкже кт́о непрї́ймѹетъ тѣ́ла и кр́ови хвои́ животá вѣ́чнѹго нешдѣ́ржитъ * Іѡа́ * гла́в * s // <u>л. 19об.</u></p>	<p>Часть одиннадцатая <i>Признаю одно Крещение, для прощения грехов.</i> Тут попирает Церковь Христова новокрещенцев и иных язычников, которых много умирает без крещения святого и без причастия Тела и Крови Христовой. Ибо говорит Христос, Иоанн глава 3. Кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царство Небесное. Также кто не принимает Тела и Крови Христовой, жизни вечной не получит. Иоанн, глава 6. // <u>л. 19об.</u></p>

Артыкълъ, ѿ *	Часть двенадцатая
<p>Чаю въскрѣніа мѣртыѣ и жызни бѣдѣщаго вѣка, Амѣнь * Оубѣгаемъ тѣтъ блѣдѣ садѣкейскаго и епѣкурскаго, котыры не вѣрѣтъ въскрѣсію мѣртыѣ, и жывота вѣкѣ прѣшлаго, и длѣа тѣога натѣома свѣтѣа своѣо не и спрѣсне безпѣкѣты вгрѣхѣхъ жыветѣ, и втѣомъ блѣдѣа сѣдѣа стѣога свѣта дѣчѣсне и вѣчѣне оумѣраіютъ * Але цѣркѣа хѣа оучѣтъ вѣрѣвати къ телѣ мѣртыѣ въскрѣсію, тѣакъ тежъ заплатѣа дѣшамъ и тѣлѣа послѣа веѣлѣа оучѣнкѣа кождѣога впрѣшлыѣ вѣкѣа, прѣнѣа тѣа бѣа вѣчекавати наоучѣетѣ * къ апѣлѣа Павелѣа дѣтѣомѣаа пишѣчи // <u>л. 19об.</u> мѣвѣтъ * Бѣгѣа моѣа доконалѣа, и вѣрѣа захѣвалѣа, адѣлѣа захѣвана мѣа естѣа корѣна прѣавды, котѣрѣа ѣдѣастѣа мѣа гѣдѣа вѣдѣнѣа оста^мнѣа, анѣтолѣо мнѣа але и всѣа мѣа милѣючи^ма прѣхѣдѣа егѣо * ѿ * по^с * кв^р * Тимо^с * гла^е, гѣ *</p>	<p><i>Ожѣдаю въскрѣсіа мѣртыѣ и жызни бѣдѣщаго вѣка. Амѣнь. Бежѣа тѣа заблѣждѣна сѣдѣкейскаго и епѣкурскаго, котыры не вѣрѣа въскрѣсіа мѣртыѣ, и жызни вѣка бѣдѣщаго, и потѣома на этѣомъ свѣтѣа своѣо вѣольно и бесстыдно безѣа мѣа /совѣстѣа. – Н.Г./ в грѣхѣа жыветѣ в тѣомъ заблѣждѣнѣа умѣраѣа, /во. – Н.Г./ вѣремени и /дѣла. – Н.Г./ вѣчѣности умѣраіютъ. Но Цѣркѣа Хрѣстоваа учѣа вѣрѣа какъ въскрѣсію телѣ мѣртыѣ, тѣакъ и возмѣздію вмѣсте дѣшамъ и телѣаа соотѣветѣвенно дѣла кождѣога в прѣошедшѣа вѣкѣа прѣѣтѣа отѣа Бога жѣдѣа учѣа, какъ апѣстѣола Павелѣа къ Мѣтѣфеюа пишѣа // <u>л. 19об.</u> гѣоверѣа: «Пѣтѣа моѣа совершѣа, вѣру сохрѣанѣа, а дѣальше – дѣла мѣаа корона (вѣнец) прѣавды (спрѣавдѣлѣвѣстѣа), котѣрѣауа отѣдѣа мнѣа Госѣодѣа в Дѣнѣа послѣднѣа, и не тѣолѣо мнѣа, но и всѣаа чѣающѣа Егѣо прѣхѣода»¹².</i></p>

¹² Ср.: 2 Послание к Коринфянам, к Тимофею, глава 3.

Комментарии

{1} Это высказывание Стефана Зизания напоминает о главном обвинении в ереси и его самого, и его брата Лаврентия Зизания. Как некоторыми исследователями, так и московскими «справщиками» «Большого катехизиса» Лаврентию приписывается «ошибочное трактование догмата о Пресвятой Троице» [29, с. 189; 9, 104–105; ср.: 36, с. 304–308]. Лаврентий был обвинен в том, что «на первом плане у него первое Лицо Пресвятой Троицы Бог Отец, к Которому Иисус Христос и Дух Святой относятся не как равные к равному, но как к подчиненные, низшие по своему достоинству лица» [29, с. 89]. Более вероятно, что эти претензии к Лаврентию возникли из-за следующего собственного высказывания: «Отец есть начало всему Божеству, и потому Он дает Сыну и Духу Святому все то, что Сам “имать”» [23, с. 21]. Тем не менее, такие воззрения Православная церковь не отвергает как еретические, они содержатся во многих авторитетных источниках: «Отец – Единственная Причина, и Корень, и Источник в Сыне и Святом Духе созерцаемого Божества... (Он) больший Сына и Духа лишь как Причина (Их), в остальном же всем Он с Ними равночестен» [13]. Святые Иоанн Дамаскин, Василий Великий, Григорий Богослов, Дионисий Ареопагит пишут о том же: Отец «Сам от Себя имеет бытие и из того, что имеет, ничего не имеет от другого; напротив, Он Сам есть для всех начало – итак, все, что имеет Сын, и Дух имеет от Отца, даже самое бытие (не по времени, а по происхождению)...» [14]; «Отец – Его (Христа) Начало и Вина... то же естество Отца и Сына и Святаго Духа, и Божество Их едино, но именованья различны» [10]; «И Отцу, и Сыну, и Святому Духу суть общи неначинаемость бытия и Божественность; но Сыну и Духу принадлежит иметь бытие от Отца» [12]; «Источником сверхсущественной божественности является Отец» [22]. Стефан Зизаний в «Изложении» более чем прозрачно излагает свою позицию по троичному догмату, отвечая на вопрос «странного» о лицах Пресвятой Троицы «есть ли которая ипостась першая от другой, или последняя»: «не единой не есть першой а не последней, але все три равно суть предвечны, равно честны, равно сильны. Кды был Отец, тогда ж был и Сын и Дух Святой» [25, л. 43, ср.: 38].

{2} Это высказывание, очевидно, направлено против католического учения о Filioque. Имеется в виду то, что если придерживаться учения об исхождении Святого Духа «и от Сына», в Божество «вводится» много начал, о чем писал свт. Фотий, патриарх константинопольский (IX в.). Интересно, что текст Стефана практически слово в слово совпадает с тем, что написано в пункте 11 «Слова тайноводственного о Святом

Духе» патриарха Фотия: «Кроме того, если в Богоначальной и Всевышней Троице будут представляемы два начала (*ατία* – причина, начало); то где будет многопрославляемая и богоприличная держава единоначалия? Не явится ли и теперь безбожие многобожия? Не выступит ли, вместе с дерзающими говорить это, под видом христианства, суеверие языческаго заблуждения» [55]. Этим мыслям созвучно «Изложение» Стефана Зизания: «Иная есть персона и имя Отец, иная Сын, а иная Дух Святый» [25, л. 436]; «Станный: В Святой Троице персон бозских яковый порядок, котрая есть персона от которой? Православный: «Як есть Бог Един, также и от единой персоны две суть, то есть от Единого Отца Сын родится и Дух Святый исходит. Станный: А от Сына для чого Дух Святый не мает исходити? Православный: Для того, абы два початки и две вине исхождению не были» [25, л. 40об.].

{3} Ср.: «Станный. Што есть православная вера? Православный. Во единого Бога Отца и в единого Господа Иисуса Христа Сына Божого, и в Единого Духа Святого Господа правоверити. Ищи в первом и втором вселенском соборе» [25, л. 39]. «Станный. Колко състав, то есть ипостасий албо персон (в Боге визнаваем. – *Н. Г.*)? Православный: Три, Отца и Сына и Святого Духа. Станный: Як же ты православный веришь в Единого Бога? Православный: Верую въ единого Бога въ Троице Славимого, в Отца нерожденна, в Сына родившагося от Него Бога, и в Духа Святого отъ Отца Единого исходящаго Бога. Станный: Як может Богъ быти Един въ Троице? Православный: Ведле единой ипстности бозства Единъ Богъ, а ведле трох персонъ есть Святая Тройца» [25, л. 39об.–40].

{4} Учение последователей Савеллия (жил в III в. н.э.) было осуждено Церковью на Александрийском соборе в 261 г. и на Римском – в 262 г. На II Вселенском соборе (381 г.) осуждение было подтверждено: «да предастся анафеме всякая ересь, и именно – ересь евномиян или аномеев, и ариан или евдоксиан, и полуариан или духоборцев, также и савелиан, и маркелиан, и фотиниан, и аполлинариан» [20]. Основной тезис учения Савеллия – один и тот же есть Отец, и Сын, и Святой дух, это три имени одной ипостаси. Единство Отца и Сына еретик выразил в высказывании «Сыно-Отец» (*Γυιόπατερ*) [47, с. 151]. Ср.: Из слова на II Вселенском соборе свт. Григория Назианзина: «мы не хотим как Савеллиевым учением об Едином вооружаться против Трех и худым соединением уничтожать деление, так Ариевым учением о Трех ополчаться против Единого и лукавым делением извращать единство» [21]. Тексту «Катехизиса» созвучны слова из «Казанья» Стефана Зизания (1596 г.): «формос папа в Рыме спомочниками своими зопсовати

(*рок 794, а посемом соборе в сто лет Никифор Хартофилакес), а исхождение Святому Духу и от Отца приложити смел... и от Сына... учинил Отцем Сына Святому духу. Очом святыи Кирилл мовит: отступили люди от правои вери, и едины сыно отчее визнавают, сына отцем чинят (*Сына другим Отцем, а Духа Отцеви внуком). Што есть наибольшее еретичество иерове отсупление. Абовем... письмо сведчит, и самая правда Сын Божий о исхождени Святого Духа рекл (*иоанн 15), на том непереставают. Але учинили два начатки Духови Святому, то есть от двох Персон Третьей быти поведают окаянныи. Не розумючи же яко едино есть *Божества жрудло* и един Бог, также и от единой персоны две бытност свою мают. Абовем сам Отец пред всеми веки Сына роди. И духа Святого (сам) испущает. Един бовем есть, як Сыну родитель и духу Святому испущатель... То есть от единого Отца Сын и Дух Святыи» [49, с. 116–117]; «Един Бог есть в трох Персонах также от единой персоны две сут, то есть от единого и самого Отца Сын ся родит, а Дух святыи походит, а на Сыне пребывает» [49, с. 119]; «Отступили люде от правои веры. И едины **Сыно отчее** визнавают (*еретицы Сына испущателем Параклиту поведают и тым Сына Отцем чинят), другие Христа от неытности на бытность приведена смеют мовити» [49, с. 115–116]. Те же мысли отражены в «Изложении» Стефана: «Две Персоне ведле Единого Бога, вместо Единой не могут ли быти от Которых и Дух Святыи як от единого початку могли бы исходити? Православный: Не могут, абовем не сливаем во Святой Троици Персон яко Савелии, а не разделяем истности, як Арий» [25, л. 41]. В «Изложении» Стефана Зизания представлены четкие мысли о Святой Троице: «Станныи: Што есть православная вера? Православный: Во единого Бога Отца и в единого Господа Иисуса Христа Сына Божого, и в Единого Духа Святого Господа правоверити. Ищи в первом и втором вселенском соборе» [25, л. 39]; «Станныи: Колко състав, то есть ипостасий албо персон (в Боге визнаваем. – *Н. Г.*)? Православный: Три, Отца и Сына и Святого Духа. Станныи: Як же ты православный веришь в Единого Бога? Православный: Верую в единого Бога в Троици Славимого, в Отца нерожденна, в Сына родившагося от Него Бога, и в Духа Святого отъ Отца Единого исходящаго Бога. Станныи: Як может Богъ быти Един в Троици? Православный: Ведле единой истности бозства Единъ Богъ, а ведле трох персонъ есть Святая Троица» [25, л. 39об.–40]. Становится очевидным, что Троичный догмат отстаивался во всех произведениях Стефана Зизания и всяческие обвинения Стефана в ереси антитринитаризма несостоятельны.

{5} Тема спредвечности Бога-Сына Богу-Отцу была очень актуальной в религиозной полемике XVI в. Это учение созвучно древней арианской ереси (IV в.): «Арий начал учить так: «Было время, когда Сына Божия не было» [18]. Кроме прочего арианство предполагало, что «Сын Божий сотворен из несущего, а никак не рожден из сущности Отца; причем рожден во времени, а не от вечности, не как Бог истинный от Бога истинного, но сотворен как орудие для создания прочих тварей; он и по естеству ниже Отца и по воле изменяем; называется же Сыном Божиим не по естеству, а по усыновлению, как послушный воле Отца» [там же]. Церковь на I Вселенском соборе в 325 г. осудила арианскую ересь: «говорящих же, что было время, когда не было (Сына), что Он не существовал до рождения, и произошел из не сущего, или утверждающих, что Сын Божий имеет бытие от иного существа или сущности; или что Он создан, или изменяем, или преложим (трелтос) таковых предает анафеме кафолическая и апостольская Церковь» [19]. В тексте «Казанья» так же, как и в «Катехизисе», очевидно высказывается приверженность к определениям Вселенских соборов: «все двояко у Господе нашем Иисус Христе замыкает ся, то есть, двоякое рождение, едино от Бога *пред веки*, а другое от Девица по летом» [49, с. 41]. «Изложение» также не противоречит этим мыслям: «Колко естеств исповедаеш в Сыне Божием? Православный. Две, Бозское и человеческое. Странный. Колко рождений? Православный. Две, едино от Бога Отца *пред веки*, а другое от Богородице мати под леты» [25, л. 44]; «Странный. Есть ли которая Ипостась першая от другой или последней? Православный. Не единой не есть першой, а не последней, але все три равно суть предвечны, равно честны, равно сильны. Кгды был Отец, тогдыж был и Сын и Дух Святый. А не было того часу, коли бы не была которая колвек Персона от Святой Троице» [25, л. 43об.].

Появление антитринитарных веяний в Речи Посполитой в XVI в. связано прежде всего с такими именами как Ф. Лисманин, Охино и Дж. Бяндрата. Последний прибыл сюда в 1558 г., покинув Кальвина. Будучи главой кальвинских собраний (gmin), он противопоставлял себя схоластической приверженности догмату о Троице [62, s. 292–30]. Последовавший стопами Фауста Социна Бяндрата прибыл сначала в Польшу, а затем пристал ко двору Радзивилла. Его проповедь произвела смущение в среде литовских реформаторов. Однако на соборе в Вильно в 1560 г. он успешно защищался и склонил к новому учению пасторов виленской общины Мартина Чеховича, Станислава Судровского и Николая Вендроговского. Социниане, как известно, отрицали также

и Божество Христа. Среди них находим и Симона Будного, заявившего о своем разрыве с кальвинистами в 1567 г. [56, с. 54–55]. Кроме них антиринитаризм распространяли Я. Алциата, прибывший в 1561 г., Ф. Негри, юристы Лелий Социн и М. Гибальдо, Ян Джентилис и ученик Лозанской академии Петр Страторий (старший), который был родом из Франции [62, s. 292–30]. Переломным событием для антиринитариев «западноевропейского происхождения» в вопросах вероучения стало выступление Петра Стратория на синоде в Пиньчове в 1561 г., где он публично выступил против учения о Св. Троице [там же, s. 27]. Его поддержало много участников того собрания, однако отдельный «збор» польских ариан, протовоставший Троичному догмату возник только в 1562–1565 гг. [там же, s. 27]. Это был т.н. «малый собор», «великим» назывался кальвинизм. Польские реформаты на синоде в Кракове 1563 г. окончательно отделились от антиринитариев, то же сделали и кальвинисты в Вильно, несмотря на все попытки князя Радзивилла примирить партии. Обе стороны обвиняли друг друга в искажении смысла Св. Писания и служении сатане вместо Бога [56, с. 56; 63, s. 328–349]. Католические и протестантские полемисты, а также группа арианских теологов, представлявших тритеизм и дитеизм, давала в связи с этим вопросом ответ, что Сын Божий рожден от Отца перед веками, унитарии же, отрицая такую возможность, указывали только на его рождение во времени от Марии [62, s. 47]. Наиболее видным унитарием в Речи Посполитой был Симон Будный, который называл учение о предвечности Христа «никчемной плеткой Оригенской и жидовскими баснями» и приводил «130 свидетельств» из Священного Писания, противоречащих этому утверждению [там же, с. 47]. На синоде в Ивье в Литве, собранном в январе 1568 г. (не приведшем к согласию в среде ариан. – *Н. Г.*), Будный выдвигал уже тогда свою теорию о происхождении Христа от Иосифа [там же, s. 49]. Оппоненты унитариев полемизировали «с мнением о том, что проявлением милости Божьей есть сотворение человека (т. е. Христа. – *Н. Г.*) Своим Сыном и Богом, которому было вверено дело спасения всего человечества. По мысли Петра Гонензского и Фарновского такое адопционистское понимание искупления было бы скорее делом делом Божьей мудрости, чем милости. Классическим, однако, текстом, свидетельствующим о предвечности Христа, был для тритеистов и дитеистов, а также католических и протестантских полемистов, текст Ин. 8:58» [там же, s. 53].

Несомненно, такие яркие события и религиозные верования не могли не возбуждать в Стефане Зизании беспокойства о православных ве-

рующих Речи Посполитой, о чем он не преминул сказать в «Казаньи»: «И перше явны были геретикове, а **тепер их полна церков таячих ся...** Отдалили ся люде от справ добрых и **болше зезволяют на довнеманое** а нежели похваляют самую истоту» [49, с. 115]. Как видим, Зизаний противопоставил вышеперечисленным учениям четкую ортодоксальную позицию по отношению к предвечности Сына Божия и другим важнейшим вопросам христологии. Тем не менее, в современных исследованиях в еретичности Зизания зачастую нет и тени сомнения: «главным центром сопротивления против объединения с Римской церковью был Острог. С ним был связан Стефан Зизаний, дидакал львовский и казнодей Успенской церкви, человек светский с явными протестантскими симпатиями. Из-под его пера вышел пропитанный арианским учением, популярный в свое время «Катехизис» (1595)» [65, с. 30]; «Виленский дидакал Зизаний повторял за арианами выпады против римского антихриста, за которые его остро критиковал иезуит Жебровский ... незнанием веры страдали ... православные ... такие, как Зизаний, которые расшатывали церковный догматизм, так что иезуиты, такие как Лашч, были вынуждены этому противостоять» [61, с. 142, 275]; «Религиозно-философское содержание «Катехизиса» не ограничивается критикой католицизма и униатства, оно характеризует отход Зизания от ряда положений официальной православной догмы» [45, с. 184].

{6} В «Казаньи» Зизаний также признает боговоплощение, цитируя слова апостола Павла: «в Нем (Христе) мешкает всяка зуполность Бозтва телесне, и абысте в Нем были зуполни. Который есть главою всякого преложенства, и владзы» [49, с. 73]; ср.: «ибо в Нем (во Христе. – *Н. Г*) обитает вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти» (Кол. 2:9–10). Основные аспекты христологии Стефана Зизания тезисно представлены также в его «Изложении»: «Странный. Чого пристит перестерегати в вочловечении Господни абы не впасти в ересь? Православный. Двох речий, едина абы не смешавати естеств, то есть не чинити единого естества, ане бозскаго як Евтихий и Диоскор, а не человеческого, як Арий и Ебнон проклятыи еретици. Другая абы не розделяти ипостаси, то есть абы не чинити двох сынов, единого Сына божого Бога, а другого сына человеческого человека, як проклятыи еретици несторияне верят» [25, л. 44]. Как видно из последующих комментариев, в XVI в. в среде различных протестантских исповеданий древнехристианский догмат о боговоплощении подвергался серьезной критике и сомнению. Однако Зизаний в данном вопросе также не отступил от догматики Вселенских соборов.

{7} Церковь в самом деле осудила «аполлинаристов»: «предается анафеме всякая ересь, и именно – ересь евномииан или анамеев, и ариан или евдоксиан, и полуариан или духоборцев, также и савелиан, и маркелиан, и фотиниан, и аполлинариан» [15]. Сущность учения Аполлинария Лаодикийского была в том, что у воплощенного Иисуса Христа тело и душа – от человека, а дух – Логос Божий [47, с. 367]. IV Вселенский собор (451 г.) кроме прочего, отказался от аполлинарской формулы «одна природа воплотившаяся», этой формуле была противопоставлена формула «одна ипостась Бога Слова в двух природах – божественной и человеческой». Каждая природа сохраняет полноту своих свойств, но Христос не делится на личности, оставаясь единой Ипостасью Бога Слова [28].

{8} Жертва – евхаристическая жертва. Для служения литургии подавляющее большинство католиков использует пресный хлеб, а не квасной (как в восточном обряде). Это давнее обрядовое расхождение Востока и Запада, на него обращал внимание еще свт. Фотий Константинопольский (IX в.). На первый взгляд – это в самом деле обрядовое расхождение, которое не разделяет христиан на тех, кто достоин либо недостоин Спасения. Однако в историческом контексте этот вопрос представляет собой более серьезную проблему (см. комментарий ниже). Можно предположить, что Стефан Зизаний руководствовался именно теологическими традициями по поводу пресного/квасного хлеба, которые имели необычайную важность в Восточной церкви. На эту мысль настраивает достаточно жесткая позиция Зизания по данному вопросу: «а потом Кров Сына Божого келих нового тестаменту, спасене, отнял» [49, с. 101]. В развернутом виде она представлена в «Казаньи», где Стефан Зизаний уделяет проблеме целый «Знак шестый» (один из признаков пришествия антихриста) [там же, с. 101–113]. Согласно исследованию Дж. Х. Эриксона, для церковника XI или XII веков принципиальной спорной точкой был не примат папы римского, а вопрос об опресноках [60, с. 134]. Он пишет, что сегодня проблема хлеба Евхаристии является наиболее нейтральным вопросом литургического обряда, но для византийца XI в. это был вопрос истинного благочестия, поэтому никакое человеческое постановление не могло дать право использовать опресноки. Согласно словам Никиты Стифата, «использовать хлеб без дрожжей значит иметь в виду, что Христос не имел человеческой души и, таким образом, уклоняться в ересь Аполлинария». Из числа древних авторов об этом писал не только он: «использовать пресный хлеб – значит отрицать, что Христос был Богом, так же, как и человеком, и таким

образом уклоняться в ересь Нестория»; митрополит киевский Иоанн II (ум. в 1089 г.) писал папе Клименту III: «использовать пресный хлеб значит отрицать реальность воплощения, и таким образом уклоняться в ереси Мана, Валентия, Аполлинария, Павла Самосатского, Евтихия, Диоскора, Севира, Сергия и Пирра». Использование квасного хлеба на Евхаристии было обязательной гарантией православной (в этом контексте – правоверной) христологии. Позиция Византии была ясно высказана Никитой Стифатом (обращение к «латинянам»): «вы, принимая опресноки, не едите того хлеба, который единосущен Богу и надсуществен для нас. Потому что на самом деле опресноки безжизненны (не имеют души)» [цитаты приведены по: 60, s. 134].

{9} Мнение о том, что «Сын Божий страдал Божественной природой, которую одну имел», логически следует из учения монофизитов. Если человечество Христа не было совершенным (его, следуя этой логике, и не было), то страдал Бог (Бог-Отец), т.е. имеет место так называемое «патрипассианство». Ср.: «Владыка Христос добровольно принес Себя в жертву, принес же Самого Себя по человечеству, и Сам принял жертву как Бог вместе со Отцом и Духом». [52, см. также комментарий № 3].

{10} Имея в виду все обстоятельства, указанные в предыдущих комментариях, неудивительно, что Стефан Зизаний, христианин восточной традиции, возводит служение литургии на пресном хлебе в ранг ереси. Еще более важным было то, что соседи византийцев, армяне, были монофизитами и использовали опресноки в Евхаристии как символ единственной Божественной природы во Христе [см.: 60]. Стефан не забыл и про «ормян», немалая их диаспора жила во Львове еще с середины XIII века. В 1367 г. армянский епископ Григорий был утвержден специальной королевской грамотой на перенесенной из Слуцка во Львов кафедре, и, таким образом, в городе было основано армянское епископство. В первой половине XVII в. во Львове проживало более 2000 армян [37, с. 164; 4; 44, с. 62–63]. В этом городе Зизаний провел значительную часть своей жизни и не мог не столкнуться с вероучительными отличиями Армянской церкви.

{11} В «Казаньи» Стефан Зизаний писал: «диоскорианскую ересь, которую восприняли армяне, утверждая, что Сын Божий Божественной природой (т. е. Божеством. – *Н. Г.*) (Которую одну имел) пострадал, умер и погребен, не признавая человеческой природы» [49, ч. 5, л. 15–15об.]. Зизаний пишет, что указанное действие за Божественной литургией очень важно, т.к. оно подтверждает, что «Господь наш Иисус Христос, будучи истинным Богом и совершенным человеком, человечеством по-

страда, из которого (т. е. из тела человеческого. – *Н. Г.*) и Кровь Свою святую, и воду излил на Кресте, указывая совершенное человечество, как и Божество» [там же, ч. 5, л. 15об.]. Зизаний под «диоскорианской ересью» понимает монофизитство (от древнегреческого *μόνος* (один, единственный) и *φύσις* (природа)), однако Диоскор не был единственным распространителем данного учения. Это христологическое учение возникло в V веке. Его основной тезис – наличие только Божественной природы у Иисуса Христа, отвергается его совершенное человечество. Вопреки православному вероучению, монофизитство исповедует, что Христос – Бог, но не человек (его человеческий вид как будто лишь обманчивый, призрачный [см.: 41]). Диоскор, епископ александрийский, был осужден на IV Вселенском соборе (491 г.) «не за веру, но за то, что отлучил господина архиепископа Льва и, будучи вызываем в третий раз, не пришел; за это и низложен» [15]. На IV Вселенском соборе было также определено: «Итак, последуя святым отцам, все согласно поучаем исповедывать одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в божестве и совершенного в человечестве, истинно Бога и истинно человека, того же из души разумной и тела, единосущного Отцу по божеству, и того же единосущного нам по человечеству, во всем подобного нам кроме греха, рожденного прежде веков от Отца по божеству, а в последние дни ради нас и ради нашего спасения от Марии Девы Богородицы – по человечеству, одного и того же Христа, Сына, Господа, едиnorodного, в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого (*συυχητως, τρηπτως, διαρητως, χωρητως*)» [16]. Армян, о которых сказано выше, Зизаний также признает за монофизитов. После IV Вселенского собора Армянская церковь отделилась не только от национально-культурной опеки Византии, она разорвала связь со всем вселенским единством Церкви. Армяне приблизились к монофизитам, применили ряд нововведений литургического характера, которые основывались на догматических положениях монофизитов. Например, использование пресного хлеба, освященного за литургией вина, не разведенного водой и т. д. [33]. Для восточного (византийского) христианства характерно на литургии перед освящением разбавлять водой красное виноградное вино. После освящения осуществляется еще одно разбавление. Это, как и пресный/квасной литургический хлеб, также основывается на сакрально-символическом толковании. Вино Евхаристии является Кровью Христа, разбавление вина с водой объясняется тем, что из ребра Иисуса истекли кровь и вода. Кроме того, как писал апостол Иоанн (1 Ин, 5:6–7): «Ибо три свидетельствуют на небе:

Отец, Слово и Святой дух, и Сии три суть едино. И три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь; и сии три об одном». Символично-теологическое толкование греческой традицией разбавления вина водой стало для Византийской церкви еще одним поводом для упреков после IV Вселенского собора в адрес Армянской церкви. Такой традиции разбавления вина водой у армян никогда не было ни в сакральном, ни в бытовом употреблении. Поэтому преемники византийской традиции придерживались разработанной ей богословской системой восприятия/толкования таинств. Ср. у Зизания: (древний змий) «напервей... в Риме вызнанне веры соборное ниценское взрушил, а потом кровь Сына Божого келих нового тестаменту, спасене отнял, оферу досконалую покинул» [49, с. 101]. Таким образом, Стефан Зизаний – яркий представитель византийской богословской традиции, теологически оценивающий данное обрядовое расхождение Восточной и Западной церквей.

{12} Этот образ – один из самых популярных у восточных богословов для объяснения тайны Евхаристии [см., напр.: 14, IV. 13.].

{13} Восточная церковь сохранила с древних времен и санкционировала обычай причащения мирян под двумя видами (Тело и Кровь), хотя при домашнем причащении мирянами и монахами (древняя практика) допускалось причащение только под одним видом – Телом Христа. Запад достаточно рано стал на путь причащения мирян под одним видом – Телом (известен пример IX в.), а с 1415 г. это стало нормой [33]. Осуждение причащения мирян под двумя видами было соборно представлено в Западной церкви во время сессии 13–15 июня 1415 г. на Констанцском соборе: «несмотря на то, что это таинство верующими принималось под двумя видами в ранней церкви, тем не менее, позже его получали под обоими видами только те, кто его совершали, а миряне – только под видом хлеба» [59]. За этим стоит разделение (в прошлом очень сильное) Католической церкви на церковь учащую и церковь учащуюся – клир и мирян. Первым были даны особые права (например, читать целиком Священное Писание), в том числе – разный способ причащения [42].

{14} В полемизирующем с «Катехизисом» Стефана Зизания «Каколе» иезуит Феликс Жебровский приводит из него цитату Стефана (возможно, содержащуюся в издании «Катехизиса» 1595 г.), которая несколько отличается от комментируемого текста (издание 1618 г., перевод со старопольского): «Мы осуждаем различных еретиков, которые умаляя достоинство Сына Божьего etc. называют Его ходатаем (przyszcynca) перед Отцом. Поэтому мы веруем (в) сидящего одесную Отца и обладающего равной славой и достоинством с Богом Отцом, а (и) не мень-

шей властью. *И не (является) ходатаем, т.к. тот, кто ходатайствует перед кем-то, не может ни восседать с ним, ни иметь равного с ним достоинства*» [67, с. 15, л. 7]. Далее по тексту Жебровский обвинил Зизания в том, что тот отрицает заступничество Христа за христиан. Кроме Жебровского митрополит Ипатий Потей в «Гармонии Восточной Церкви с Костелом Римским» (1608 г.) писал: «Не вем же, откуль новый теолог, а старый баламут Стефанко Зизаний тое выдрал, и написал в своих книжках, иж Христос теперь, седечи на правицы Бога Отца Своего, вже не ходотойствует о нас, против ясному писму апостольскому и против всим светым богоносным отцем Церкви Восточное и Латинское [30, л. 11об.]. Таким образом, Зизаний обвиняется в том, что он не признает предстательство Богочеловека за людей перед Богом-Отцом. Мелетий Смотрицкий в униатский период повторяет мысли Жебровского о еретичестве Зизания: «Богохульствует на Христа, говоря, что его священство и ходатайство уже прекратилось...» [64, л. 101]; «Зизаний не признает в Иисусе Христе священнического и посреднического достоинства» [там же, л. 40]. В «Rozprawie» авторства Смотрицкого на л. 43 [цит. по: 5, № 10, с. 284] приводится мнение братского дидакалла о единокрадности Жертвы/ходатайства Христова, что «Христос – не Ходатай», без пояснений, для доказательства того, что Зизаний допускает еретические мнения в своей христологии. Коротко говоря, ариане Речи Посполитой придерживались мнения, что Христос – Посредник, но неравный Богу-Отцу как Бог, хотя в среде протестантов различных толков (унитарии, тритеисты, антитринитарии) велись споры о характере и качестве посредничества Христа [62, s. 121–129]. В данном случае Христос признавался Ходатаем-тварью перед Богом-Отцом за падшее человечество. И в этом смысле только Он Ходатай, а не святые, посредничество которых отрицалось (и отрицается) протестантами. Подобные мнения (Христос – не Ходатай) высказывали протестанты различных деноминаций, что дало возможность оппонентам Стефана Зизания воспользоваться в полемике с ним его же произведениями, вырвав из контекста нужные фразы. Этого было достаточно для осуждения и диффамации на религиозно-политической арене авторитетного и активного православного богослова. В результате в определении Новогрудского собора, осудившего Стефана за ересь, было сказано: «учил людей ... иж дей (будто бы. – Н. Г.) Господь наш Иисус Христос Ходатаем нашим до Отца Бога не есть» [1, № 91 от 27.01.1596].

Против решения церковного суда, осудившего Стефана Зизания и его сподвижников как еретиков, осужденными была написана «Протеста-

ция», в которой они утверждали: «мы в Сына Божьего Единородного так верим и людей так учим, как *держит* и учит Святая апостольская кафолическая Церковь православия греческого, ясно о Воплощении Его, как и святой Златоуст учил и написал в книге «Маргарит» [1, с. 128, № 92]. Важным представляется то, что издатели «Актów, относящихся к истории Западной России» [1] не напечатали текст «Протестации» целиком. Причиной, думается, послужило не вполне корректное понимание богословских взглядов и терминологии Стефана Зизания. Как об этом написал украинский исследователь М. Капраль, слова, которые опустили издатели, «в России в середине XIX века рссмаривали бы как еретические, которые не попадают под официальную версию Русской православной церкви» [31, с. 307–309]. «Протестация» в полном варианте содержит цитату из сочинений Иоанна Златоуста, которую братчики привели в свое оправдание. В ответ на обвинения в ереси, они соглашались с тем, что «Сын Божий единородный, сходатаивши нам спасение взышол превыше небес всех, и к тому немолится вжо занами до Отца, але седит направицы Его, нипроповедует, нимолится, толко от всех православных с Отцем и Духом Святым поклоняемый сславимый есть, а кто Его причинкою до Отца и своим молебником и *неровной влады с Отцом* бытии верити учит, то есть от святых Богоносных отец давно проклят» [57, л. 2; 31, с. 307–309]. Нет стопроцентной уверенности в том, что в издании 1595 года вообще присутствовала фраза о Христе, Который «не является Ходатаем». Однако в контексте, указанном Жебровским, она нисколько не компрометирует Зизания.

Для этого следует обратиться к двум другим текстам Стефана. В «Казаньи» он пишет: «... яко не иншая владжа Отцева от Сыновской, Сынова от Отцевской, але едьна и таяжь» [49, с. 160, «Знак Семей»]. Опровергая антитринитарные мнения, Зизаний признает за Христом Его миссию ходатайства – воссоединения, примирения человека с Богом, в смысле уникального Совершителя единократного воссоединения с Богом падшего человечества, когда Он Собой избавил людей от грехов, прежде всего – от первородного [49, с. 176–178]. Стефан на протяжении всего «Казанья» акцентирует единократность Жертвы Христовой (на кресте), после чего Сын воссел одесную Отца, будучи равностепенным Отцу [см.: там же, с. 175–176, 179, 181, 186, 189]. Вместе с тем, Зизаний не признает ходатайство Христово, т.е. моление в смысле просьбы слабейшего к сильнейшему или подчиненного к господину. Стефан утверждает, что, совершив примирение человека с Богом, Христос пребыл и остается равным Богу-Отцу по Божеству «и больш, молясь, не ходатаем, так как

Сам всех окончательно спасти может, посему не Ходатаем («причинцей»), а Спасителем нашим Он есть» [там же, с. 178]. Подробно терминологию «Казанья» Стефана Зизания изучила немецкая исследовательница Н. Тилеман. Она пришла к выводу о сложном терминологическом и смысловом различии Христа-Ходатая в «Казаньи» [66; см. также: 11].

{15} Интересно, что в «Казаньи» в этой же части Символа Веры сказано «егоже царствию *не будет* конца» [49, с. 46].

{16} Мнение о том, что Стефан Зизаний отрицает частный суд над душами после смерти присутствовало в произведениях его оппонентов-современников. Действительно, Зизаний говорит о неприемлимости «*roiedynkowego*», однократного суда над душами после смерти, однако отрицает его как окончательное решение Бога о судьбе умершего, т. е. в таком случае не было бы необходимости ждать Всеобщего Суда [49, с. 64]. Хотя Зизаний не отрицает воздаяния душам умерших после смерти: праведные «в руках Божиих», а грешные «в вензении» – т. е. разделяет их участь.

Основной «оппонент» Стефана иезуит Ф. Жебровский писал о трех главных заблуждениях Стефана Зизания в эсхатологии: «что нет суда частного сразу после смерти (*Że sądu osobnego zaraz po śmierci niemasz*), «что грешные сразу после смерти никаких мук не претерпевают (*Że dusze grzesznych zaraz po śmierci mąk żadnych nie cierpią*)», «что души праведных перед Судным днем награды не получают (*Że dusze sprawiedliwych przed dniem sądnym zapłaty nie odnoszą*)» [67, с. 20]. Кроме него униатский митрополит Ипатий Потей писал в одном из своих произведений: «А тут ми ся годить припоменути проклятую ересь тогож Стефана Куколя, который и то смел написати в книжках своих, иж светые Божые еще не суть в небе и не мают заплаты от Бога взглядом душ своих, але ее аж на судном дни приймут с телом посполу, по воскресению из мертвых, *а теперь суть в руках Божых*. Што если так есть, тогды – ничего по всих книгах, которые маем в церкви! Ничого по стихирех, тропарех, кондаках, канонах, которые вси яснее визнавают: иж светые Божые суть в небе и смотрят на лице Божие и предстоят Светей Жывоначальной Троицы, и молятся за нами!» [30, л. 13–13об.]. В протестантском «Катихизисе» Сымона Будного 1562 года говорится нечто подобное: «Так есть, иж вси святи благодатию Божією спасени и вечного живота дошли...» [32, с. 48]. «А што мовит о умерлых, – пишет далее Ипатий Потей, – иж не без нас совершении будут, тое розумеется о доконалой заплате оной по воскресению из мертвых с телом, же на он час и тело заплату свою прыймет. А тепер вже души верных и светых

Божьих смотрят на лице Боже в небе. А якаяж над то болша заплата быти может?! Ку тому еслибы еще не были в небе, а для чогож бесьмы их мели просити о прычину до Бога, мовечы: «ты бо молиши о нас Христа» [30, л. 14]. Мелетий Смотрицкий в свой униатский период писал: «там, где опровергается чистилище, он (Зизаний. – *Н. Г.*) считает учение о частном суде еретическим...» [64, s. 14]. Смотрицкий утверждал, что «Зизаний даже признание частного суда считал еретическим заблуждением... Не богохульство ли и грубое еретическое заблуждение посеяно Стефаном Зизанием в нашей русской церкви, – непризнание частного суда?» [цит. по: 5, № 10, с. 273–274].

Такое отношение к эсхатологии Стефана Зизания было принято авторами статьи о братьях Зизаниях в Православной энциклопедии: «Опровергая учение о чистилище, С. З. отвергает представление о частном суде и как вывод из этого отрицает мздовоздаяние душам умерших блаженством в Небесном Царствии или мучением в аду до всеобщего Суда. Стефану Зизанию приходится придумать для душ скончавшихся праведников некий «земной рай», души грешников он помещает в ад, отличающийся от «пекла», куда попадут грешники после всеобщего Суда. ... Точку зрения Стефана Зизания в вопросе о месте пребывания душ умерших до Страшного Суда нельзя признать приемлемой» [24]. О «земном рае» Стефана Зизания в Православной энциклопедии также приводится цитата Мелетия Смотрицкого [24, ср.: 65, л. 14]. При этом авторы статьи о Зизаниях упоминают о том, что само понятие о «частном суде» в Православии – западное позднее влияние (XVII в.), и, таким образом, противоречат самим себе. Если Зизаний отрицает частный суд в контексте католического богословия, то почему его точку зрения «нельзя считать приемлемой» при условии, что это понятие было позднее введено в богословский аппарат Православной церкви? В Православной энциклопедии делается вывод: «Опровергая учение о чистилище, Стефан Зизаний отвергает представление о частном суде и как вывод из этого отрицает мздовоздаяние душам умерших блаженством в Небесном Царствии или мучением в аду до всеобщего Суда» [24]. Однако стоит обратить внимание на то, что Зизаний терминологически различает «Цаство Небесное» и «рай», «ад» и «пекло», разделяя таким образом состояние душ до всеобщего Суда.

Подробно эсхатологическую концепцию Стефана Зизания изучила Татьяна Анатольевна Опарина в статье о соотношении всеобщего и частного суда в «Казаньи» Зизания [43]. Кратко представим основные выводы и наблюдения Т. А. Опариной. 1) Схема потустороннего мира,

созданная Стефаном Зизанием, устраняла все традиционные несоответствия общехристианского канона в согласовании вынесения приговора душе немедленно после смерти и предопределенности Страшного Суда, и, кроме того, бестелесности души с материальным характером мучений. Она логично соединяла частный суд и Страшный Суд (придавая им значение двух последовательных этапов воздаяния), убедительно обосновывала необходимость молитв за умерших и несостоятельность католического учения о чистилище. 2) Концепция Стефана Зизания являлась прямым продолжением православных учений XIV–XV вв. о посмертных состояниях души. Различие в наименования ада и рая до Страшного Суда и после было характерной чертой этих текстов. 3) Новацией для православной традиции была желание Стефана Зизания построить внутренне непротиворечивую систему, понимаемую рационально. Отход от православного канона состоял в слишком четко и безусловно разработанной системе. 4) Сочинения Стефана Зизания и его брата Лаврентия, в которых придавалось значение Страшному Суду, для католиков воплощали очевидную ересь. Четырехчастная система загробного мира выходила за рамки католического взгляда на соотношение индивидуального и всеобщего суда. Однако она не была еретичной для Православия, почему эсхатологические концепции «Казанья» Стефана Зизания (а также, через рукописную традицию, и «Катехизиса» Лаврентия Зизания) быстро была принята русской книжностью и оказала влияние на развитие богословской мысли России. После раскола Церкви в 1667 г. эти произведения получают необыкновенную популярность в старообрядческой традиции.

Таким образом, Т. А. Опарина не увидела еретичности в эсхатологии Стефана Зизания и справедливо отметила, что она была безусловно еретической только для *католических оппонентов* Зизания. Что касается официальной оценки богословия Стефана Зизания, Т. А. Опарина говорит лишь об одном церковном решении по поводу Зизания – о Новогрудском соборе иерархов Киевской митрополии (участники которого вскоре подписали Брестскую унию), на нем Стефан Зизаний был объявлен еретиком. Однако следует отметить, что, во-первых, на Новогрудском соборе речь шла о христологических воззрениях Стефана Зизания¹³, а, во-вторых, он был полностью оправдан в 1596 г. следующим

¹³ «...учыл людей... иж дей (что будто бы. – Н. В.) Господь наш Иисус Хрыстос ходатаем нашим до Отца Бога не есть, аргументуючы далей не письмом слова... Божественного и апостольского и учителей церковных... а только силогизую...» [1, № 91 от 27 января 1596 г.].

собором в Бресте, аннулировавшем решение собора о его осуждении. Таким образом, не существует противоречий в официальных оценках богословия Стефана Зизания в Речи Посполитой и Московском государстве – церковный собор Московской патриархии 1613 г. рекомендовал православным читать его произведения во избежании перехода в униатскую церковь. Собор в Бресте 1596 г., осудивший подписавших унию, похвалил его за стояние в благочестии [см.: 43; 1, с. 142, № 105].

Говоря о претензиях оппонентов к Зизанию (см. выше) и к его эсхатологической концепции отметим следующее. Стефан Зизаний в самом деле не пишет о том, что частный суд есть, однако признает разделение душ умерших на праведных и грешных: «душе святых в раи на высоком месци где на вежаеть свет облича Божого (Dusze świętych w Raiu na wysokom u roskoszmym mieyscu gdzie nawiedza światłość Oblicza Bożego)... Рай абовем душам юж дал, который ест в опат'рности и в руках Божиих (Ray abowiem z ktorego by Adama wygnał y zawarł, znowu skoro za grzech Adamow umarszy otworzył y wwiwszy do niego dusze Zboyce, Adama, y inych tam im mieszkanie dał, których ma w ręku y w opatrności swoiey)» [49, с. 61–62]; «дьябли и душе грешных в аду сут в безднах (Dijabli y dusze grzesznych są w Adzie w ciemnościach)» [49, с. 55, сноска 4]. Стоит обратить внимание, что вопрос о соотношении частного и всеобщего Суда и картина загробного мира были источником противоречивых толкований. Осознанная неясность вопроса кратности судов появилась в средневековой схоластике XIII века. Западная церковь со временем приняла учение о «промежуточном» состоянии – «чистилище», где можно было раскаяться и впоследствии получить более благополучную участь [см.: 44]. В русской традиции разделение «места» нахождения умерших на рай и ад оформляется к XIV веку [там же]. Таким образом, Зизаний не выходил за границы теологической системы Восточной церкви, отрицая чистилище и временные в нем муки. Ф. Желтецкий обвинял Зизания в отрицании мук грешников после смерти. Здесь приходится не согласиться с иезуитом: Стефан Зизаний все-таки упоминает о муках грешников и падших ангелов до страшного Суда: «При том Златоусный святыи пишет. Смотри як ся ангелы згрешивши мучат, абвем гды пришел Христос з Неба, теды што преднейших бесов запер в пропасть... А в день приходу его *выведет их на бол'шыи муки*, и што тепер запер их в' пропасти, то на тот час дасть их огню вечному (Patrz iako sye Anyeli zgreszywszy męczą abowiem gdy przyszedł Chrystus z nieba, tedy co przednieysze Dyabły zawarł w przepaść... А в dzień przyścia iego wywiedzie ich na więtdze męki) [49, с. 57]. Грешники находятся

в аду вместе с бесами: «неверных там з бесы зоставил (niewiernych tam z Diabły dusze grzesznych)» [там же, с. 56]. Таким образом, Зизаний, определяет ад как «взяне темности где немаш Божей ласки (więzienie ciemności gdzie nie masz bożej łaski)» [там же, с. 57], т. е. «место» – где «в темности седят до суду», что, все-таки подразумевает мучения. Еще одно обвинение Зизания со стороны Ф. Жебровского – праведники не получают воздаяния от Бога до Страшного Суда. Однако само разделение на ад и рай говорит о многом. И если в аду существуют, согласно Зизанию, муки, логично предположить, что рай – нечто от этого отличное. Стефан Зизаний говорит о том, что в раю до Страшного Суда «душе праведных в руках Божиих, и не доткнется их мука (duszesprawiedliwych w ręku Bożych y iuż sye ich nie dotknie męka)» [там же, с. 62]. Можно сказать, что оппоненты Зизания опустили его акцентирование на том, что воздаяние, которое имеют праведники, еще не окончательное: «Але ту еретик речет, иж Павел и все стый юж с Христом сут, то есть доступили вечной заплаы и царства небеснаго (ale tu Heretik rzecze iż Pawiel y drudzy Święci iuż są z Chrystusem, tho iest, dostapili wieczney zapłaty Królestwa niebieskiego)» [там же, с. 59]. Это не может означать, что Зизаний отрицал воздаяние праведникам до Страшного Суда. Стефан Зизаний суммируют «блуды еретицкие», т. е. еретические заблуждения по этому вопросу. Приведем перевод оригинала на современный русский язык ввиду его сложности для восприятия: «Стали очевидны три факта еретического заблуждения: 1) Первое. Нет мук временных (земных). Иначе бы и дьяволы, долго мучившись и за грех достаточно потерпев, избавились бы потом [этих мук]. Как Ориген с помощниками своими лжет... 2) Второе. Суда частного (частичного) Бог ни над кем не совершает. Если бы это было так, то уже не стоило бы ждать Суда [Страшного, Последнего]. Но это заблуждение, ибо Бог, как мы верим, со славой придет судить живым и мертвым, т. е. всех в одно время. 3) Третье. Вечных воздаяний Царствия Небесного сами души, без тела, до воскресения еще не приняли. Ибо если бы душу без тела прославили (как говорят проклятые еретики), то телу незачем воскресать» [там же, с. 64].

Кратко описывая этот важный момент богословия Стефана Зизания, можно сказать, что он терминологически разделяет состояние душ умерших людей и демонов до Суда и после него («ад»/«пекло», «рай»/«царство небесное»), что сознательно игнорируют его оппоненты [5, № 11, с. 284]. Четырехчастная система загробного мира выходила за рамки католического взгляда на соотношение индивидуального и всеоб-

щего Суда, но она не была еретичной для Православия [ср.: 44, 5, № 13, с. 361].

{17} В «Изложении» Стефан повторяет те же мысли: «Странный: все што колвек Отец Мает и Сын мает, а Отец мает Духа Святого испущати, то и Сын? Православный. Штож колвек стегается взглядом прироженя и истности, яко царство, сила, слава, и прочая мает не толко Сын, але и Дух Святый» [25, с. 46].

{18} «Н Καθολική Εκκλησία» – в славянском переводе Символа Веры этот термин переведен как «Соборная Церковь». Константинопольский собор 381 г. ввел его в Символ Веры, после этого он стал основным экклезиологическим термином на Востоке и Западе, им себя обозначает Западная церковь.

Как видим, публикуемый памятник было ярким полемическим произведением, богословски грамотным и насыщенным проблемными вопросами для современников. Как показывает краткий анализ «Катехизиса», он полностью отражал мировоззрение Стефана Зизания, представленное в других его произведениях – «Изложении» и «Казаньи». Критика, обрушившаяся на Стефана Зизания в различные эпохи, во многом является результатом «грамотной» работы его оппонентов, сознательно искажавших взгляды львовского дидаскала. Их труды пользовались популярностью у многих исследователей последующих периодов и сильно повлияли на оценку теологии Стефана Зизания. Можно сказать, что «Катехизис» Стефана Зизания – зеркало всего богословского сообщества православных верующих Речи Посполитой конца XVI в. Интересен и «языковой» аспект сочинений Зизания. Ввиду того, что язык «русский» не до конца сформировался к концу XVI века для богословской дискуссии, Стефан Зизаний не боялся заимствовать полонизмы, латинизмы, чехизмы. Таким образом, он перенимал западную богословскую лексику и встраивал ее в богословскую систему Восточной церкви [66]. Анализируя настоящий памятник можно увидеть, какие проблемы стояли перед православными верующими восточноевропейского региона, на каком уровне развития богословия они находились, какое исповедание веры и какие церковные источники были для них авторитетными. Очевидно, что Стефан Зизаний в «Катехизисе» представил вероисповедание, присущее Восточной церкви, основанное на постановлениях Вселенских соборов. Мы надеемся, что с публикацией данного уникального произведения будут сняты многие вопросы по оценке не только мировоззрения самого Стефана Зизания, но и в целом православных церковных братств, членом и активным деятелем которых он являлся.

Список литературы

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. / под ред. И. И. Григоровича, И. П. Тарнаво-Боричевского, Н. И. Костомарова. – Т. IV: 1633–1699. – СПб., 1851. – 583 с.
2. Алексютович, Н. А. Культурно-просветительская деятельность братьев Зизаниев / Н. А. Алексютович // Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии / по общ. ред. В. А. Сербента, В. М. Пузикова, П. Д. Пузикова. – Минск: АН БССР, 1962. – С.126-133.
3. Арианство // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/text/857912.html>. – Дата доступа: 17.07.14.
4. Армяне на Руси и в Польше // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Евфрона. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/6393/%D0%90%D1%80%D0%BC%D1%8F%D0%BD%D0%B5/. – Дата доступа: 20.08.2014.
5. Беляновский, А. Д. Стефанъ Зизаний / А. Д. Беляновский // Вольнския Епархиальные ведомости за 1887 г. № 1–18. – Типография Почаевской Лавры, 1887. – 613 с.
6. Библия. Синодальный перевод [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://days.pravoslavie.ru/Bible/>. – Дата доступа: 12.08.2014.
7. Божественная Литургия святого отца нашего Иоанна Златоуста // Всенощное бдение и Литургия / Переводы богослужебных книг / Православное богослужение / пер. Тихон (Тимрот), иеромонах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://azbyka.ru/bogosluzhenie/liturgiya/>. – Дата доступа: 12.08.2014.
8. Боркулабовская летопись [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov01.htm#barkul>. – Дата доступа: 25.08.2004.
9. Ботвинник, М. Б. Лаврентий Зизаний / М. Б. Ботвинник. – Минск: Наука и техника, 1973. – 200 с.
10. Василий Великий. Письмо 202 (210). К неокесарийским ученым, абзац 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.golden-ship.ru/knigi/1/Vasiliu_v_pisma_D.htm#_Тoc222909099. – Дата доступа: 20.08.2014.
11. Гаркович, Н. В. К вопросу о формировании «русской» богословской лексикологии: «еретическая» терминология Стефана Зизания» / Н. В. Гаркович // Материалы 1-й международной ежегодной летней школы молодых ученых «Русский язык: горизонты сотрудничества» / редкол.: Т. В. Винниченко [и др.]. – Архангельск: КИРА, 2009. – С. 23–28.
12. Григорий Богослов. Слово 25. В похвалу философу Герону, возвратившемуся из изгнания, абзац 17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pagez.ru/lsn/bogoslov/025.php>. – Дата доступа 20.08.2014.
13. Григорий Палама. Исповедание веры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/716>. – Дата доступа: 20.08.2014.

14. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Глава VIII: О Святой Троице, абзац 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.orthlib.ru/John_of_Damascus/vera1_08.html. – Дата доступа 20.08.2014.

15. Деяния Вселенских соборов. Том 1. Константинопольский первый, Вселенский второй. Правила ста пятидесяти святых отцов, собравшихся в Константинополе, во время консульства Флавия Евхерия и Флавия Евагрия. Послание святого собора к благочестивейшему императору Феодосию Великому, с приложением постановленных отцами правил [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Pravila_Svjatyh/dejanija-vselenskikh-soborov-tom1/2_1. – Дата доступа: 15.09.2014.

16. Деяния Вселенских соборов. Том 4. Деяние пятое. Определение Халкидонского собора. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Pravila_Svjatyh/dejanija-vselenskikh-soborov-tom4/1_2_1. – Дата доступа: 15.09.2015.

17. Деяния Вселенских соборов. Том 4. Четвертый Вселенский собор. Деяние пятое [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Pravila_Svjatyh/dejanija-vselenskikh-soborov-tom4/1_2_1. – Дата доступа: 15.09.2014.

18. Деяния Вселенских соборов. Собор Никейский, Вселенский первый. Начало. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Pravila_Svjatyh/dejanija-vselenskikh-soborov-tom1=1. – Дата доступа: 15.09.2014.

19. Деяния Вселенских соборов. Собор Никейский, Вселенский первый. Соборное изложение веры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Pravila_Svjatyh/dejanija-vselenskikh-soborov-tom1=1_9. – Дата доступа: 15.09.2014.

20. Деяния Вселенских Соборов. Собор Константинопольский первый, Вселенский второй. Правила ста пятидесяти святых отцов, собравшихся в Константинополе, во время консульства Флавия Евхерия и Флавия Евагрия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Pravila_Svjatyh/dejanija-vselenskikh-soborov-tom1=2_2. – Дата доступа: 15.09.2014.

21. Деяния Вселенских соборов. Собор Константинопольский первый, Вселенский второй. Слово св. Григория Назианзина, произнесенное в присутствии ста пятидесяти епископов собора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Pravila_Svjatyh/dejanija-vselenskikh-soborov-tom1=2_1. – Дата доступа: 15.09.2014.

22. Дионисий Ареопагит. О Божественных именах. Глава 2, п. 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hesyachasm.ru/library/dar/tname.htm#gl2>. – Дата доступа: 20.08.2014.

23. Заседание в Книжной палате 18 февраля 1627 г. по поводу исправлений Катихизиса Лаврентия Зизания. – СПб.: Типография В.С. Балашева. 1878. – 46 с.

24. Зизании (Куколи) // Православная энциклопедия: продолж. изд. / ред. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. – Москва, 2000–2009. – Т. 20: Зве-

рин в честь Покрова Пресвятой Богородицы, женский монастырь – Иверия. – С. 117–120.

25. Зизаний, Стефан. Изложение о православной вере / Стефан Зизаний // Наука к чтаню и розуменю писма словенского / Лаврентий Зизаний, Стефан Зизаний. – Вильна, 1596. – Л. 38об.–44об.

26. Зизаний, Стефан. Казанье святого Кирилла патриархи Иерусалимского о антихристе и знаках его, з расширеньем науки против ересей розных / Стефан Зизаний // Памятки полемичного письменства кінця XVI і початку XVII в. – Львів, 1906. – Т. 1. – С. 41–200.

27. Зизаний, Стефан. Объяснение Изложения Никейского, и Константинопольского Символу, двнадесяти артыкулов веры Христианское / Стефан Зизаний // Собрание вкратце словес от Божественнаго Писания. И з объяснением изложения святых апостол двнадесяти артыкулов Православной Веры. – Угорцы: Типография Павла Домжив Лютковича, 1618. – Л. 12об.–19об.

28. Илларион (Алфеев), митр. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. Христос веры: две природы / Митр. Илларион (Алфеев) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/hristianstvo/dogmaty/alfeev_tainstvo_veru_34g-all.shtml. – Дата доступа: 26.08.14.

29. Ильинский, Ф. М. Большой катихизис Лаврентия Зизания / Ф. М. Ильинский. – Киев: Тип. Горбунова. 1899. – 143 с.

30. Ипатий Потей. Гармоний Восточной Церкви с Костелом Римским // Русская Историческая Библиотека: в 39 т. – Т. 7: Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Кн. 2. – СПб., 1882. – С. 169–222.

31. Капраль, М. Неопублікований фрагмент документа стосовно релігійних поглядів Стефана Зизанія / М. Капраль // Записки Наукового товариства імені Т. Г. Шевченка. – Т. 255. – Львів, 1993. – С. 307–309.

32. Катэхізіс: Помнік беларускай Рэфармацыі / Сымон Будны. – Мінск: Юніпак, 2005. – 312 с.

33. Киприан (Керн), архим. Евхаристия. Причащение. Причащение мірян / Архим. Киприан (Керн) [Электонный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/sem_tserkovnyh_tainstv/prichaschenie/kiprian_evkharistiia16-all.shtml. – Дата доступа: 26.08.14.

34. Киприан (Керн), архим. Евхарістія. Б. Византийская группа. 2. Армянская литургия святого Григория / Архим. Киприан (Керн) [Электонный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/sem_tserkovnyh_tainstv/prichaschenie/kiprian_evkharistiia16-all.shtml. – Дата доступа: 26.08.14.

35. Кирилл Иерусалимский Огласительное поучение семнадцатое [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.orthlib.ru/Cyril/oglas17.html>. – Дата доступа: 20.08.2014.

35а. Костромской, К. История славянского текста Символа веры через призму истории раскола XVII в. / К. Костромской // Христианское чтение. – № 3. –

Специальный выпуск: История Русской Православной Церкви. – СПб., 2012. – С. 32–65.

36. Корзо, М. А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI – XVII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований / М. А. Корзо. – М.: Канон+, 2007. – 671 с.

37. Крипякевич, И. П. К вопросу о начале армянской колонии во Львове / И. П. Крипякевич // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. – Вып. 2. – Киев, 1965. – С. 163–171.

38. Лосский, В. Н. Догматическое богословие (Часть 5). Происхождение лиц и Божественные свойства / В. Н. Лосский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://old.portal-slovo.ru/rus/theology/6236/11482/\\$print_text/&part=5](http://old.portal-slovo.ru/rus/theology/6236/11482/$print_text/&part=5). – Дата доступа: 17.09.14.

39. Лукашова, С. С. Миряне и Церковь: религиозные братства Киевской митрополии в конце XVI века / С. С. Лукашова. – М.: Институт славяноведения РАН, 2006. – 319 с.

40. Ляўшун, Л. В. Светапогляд Стефана Зизанія / Л. В. Ляўшун // Весці НАН Беларусі. – Серыя гуманітарных навук. Асобны адбітак. – № 4. – 2000. – С. 102–109.

41. Монофизитство, монофизиты // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gatchina3000.ru/brockhaus-and-efron-encyclopedic-dictionary/068/68364.htm>. – Дата доступа: 26.09.2014.

42. Огицкий, Д. П. Особенности римско-католического учения о Таинствах / Д. П. Огицкий // Православие и западное христианство. Римский Католицизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/theology/37694.php>. – Дата доступа: 26.19.2014.

43. Опарина, Т. А. Соотношение всеобщего и частного суда в «Казанье об антихристе» Стефана Зизания / Т. А. Опарина (рукопись, в печати).

44. Осипян, А. Л. Возникновение армянских торговых колоний во Львове и Каменце-Подольском и их роль в торговле со странами Причерноморья и Восточного Средиземноморья во второй половине XIII – первой половине XV в. / А. Л. Осипян // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 5. – Минск, 2012. – С. 53–83.

45. Подокшин, С. А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы (вторая половина XVI – начало XVII в.) / С. А. Подокшин. – Минск: Наука и техника, 1970. – 222 с.

46. Помазанский, М. Православное догматическое богословие. Ереси, волновавшие христианскую Церковь в первое тысячелетие / М. Помазанский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/15p/romazansky/dogmata/154.html>. – Дата доступа: 26.09.2014.

47. Поснов, М. Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.) / М. Э. Поснов. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1994. – 614 с.

48. Савченко, С. До релігійного світогляду братів Зизаніїв / С. Савченко // Київська старовина. – № 4. – Київ, 2009. – С. 3–21.

49. Стефан Зизаний. Казанье святого Кирилла патриархи Иерусалимского о антихристе и знаках его, з расширением науки против ересей розных // Памятки полемичного письменства кінця XVI і початку XVII в. – Т. 1. – Львів, 1906. – С. 41–200.

50. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие. Христос веры: две природы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wco.ru/biblio/books/alfeev2/Main.htm>. – Дата доступа: 16.09.2014.

51. Теплова, В. А. Брестский церковный собор и Брестский церковный синод 1596 г. в свете православной экклезиологии / В. А. Теплова // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 1. – Минск, 2008. – С. 173–183.

52. Томос и определения Константинопольского собора 1157 г. Томос 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/?Pravila_Svjatyh/tomos_konstantinopolskogo_sobora_1157. – Дата доступа: 18.09.2014.

53. Уния в документах / сост. В. А. Теплова, З. И. Зуева. – Минск: Лучи Софии, 1997. – 520 с.

54. Фомин, А. В. Загробная жизнь [Электронный ресурс] / А. В. Фомин. – Режим доступа: <http://pravkniga.ru/intlibs.html?id=1781#жизньидвавг>. – Дата доступа: 26.09.14.

55. Фотий Константинопольский, патриарх. Слова тайноводственные о Святом Духе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://agios.org.ua/wiki/index.php>. – Дата доступа: 26.09.2014.

56. Хотеев, А. Концепция «золотого века» и Реформация в Беларуси // Сектоведение. – Т. 1. – Жировичи, 2011. – С. 51–64.

57. Центральний державний історичний архів України, Львів. – Ф. 129: «Ставропигийский институт», оп. 1. – № 294: «Протестация священников Виленського брацтва Зизания Степана, Василя та Накривала Герасима проти видлучення их вид церкви и позбавлення священничого сану Киивским митрополитом Рогозою Михаилом. Витяг з новгородських гродських актив. 9 лютого 1596 г.».

58. Шустова, Ю. Э. Документы Львовского Успенского Ставрипигийского братства (1586–1788): Источниковедческое исследование / Ю. Э. Шустова. – М., 2009. – 648 с.

59. Council of Constance under Pope John XXIII / Session 13–15 June 1415: Condemnation of communion under both kinds, recently revived among the Bohemians by Jakoubek of Stribro [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – // <http://www.ewtn.com/library/COUNCILS/CONSTANC.HTM#4>. – Дата доступа: 10.09.2014.

60. Erickson, J. H. The Challenge of Our Past: Studies in Orthodox Canon Law and Church History / J. H. Erickson. – Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 1991. – 174 s.

61. Grabowski, T. Literatura aryańska w Polsce 1560–1660 / T. Grabowski. – Kraków 1908. – 498 s.
62. Misiurek, J. Spory chrystologiczne w Polsce w drugiej polowie XVI wieku / J. Misiurek. – Lublin, 1984. – 287 s.
63. Sipayło, M. Akta synodów różnowierczych Posce / M. Sipayło. – T. II. – Warszawa, 1972. – 413 s.
64. Smotrycki, Meletiusz. Apologia peregrinathey do Kraiów Wschodnych / M. Smotrycki. – W Monasteru Dermaniu, 1628. – 129 s.
65. Stradomski, J. Spory o „wiarę greckę” w dawniej Rzeczypospolitej / J. Stradomski. – Kraków: Skriptum, 2003. – 341 s.
66. Tielemann, N. Die sprachliche Situation in der sudwestlichen Rus’ Ende des XVI. Jarhunderts im Beispiel der christlichen Terminologie im Stefan Zyzanijs «Kazanье o antichtiste» / N. Tielemann // Anzeiger für slavische Philologie (XXXII), 2004. – S. 127–166.
67. Zebrowski, F. Kąkol, który rozśiewa Stephanek Zizania w Cerkwiach Ruskich w Wilnie. Wilno, 1595 / F. Zebrowski // Памятки полемичного письменства кінця XVI і початку XVII в. – Т. 1. – Львів, 1906. – С. 13–29.

РЕЦЕНЗИИ

*Глинский Е. С.***«STUDIA SLAVICA ET BALCANICA
PETROPOLITANA»: 2007–2014 гг.**

Научное издание «Studia Slavica et Balcanica Petropolitana» («Петербургские славянские и балканские исследования», далее – SSBP) выходит с 2007 г. с периодичностью 2 раза в год (вначале нередко были случаи выхода «сдвоенных» номеров). И своим названием, и кругом лиц, непосредственно участвующих в подборке материалов (редакционная коллегия), SSBP тесно связано с Санкт-Петербургским государственным университетом, его исторической школой и ее научными приоритетами. Однако это не привело к превращению сборника в узконаправленное, локально ориентированное издание. Наоборот, очевидной положительной стороной SSBP является широта рассматриваемой на его страницах проблематики. Редакционная коллегия старается придерживаться «тематического» принципа при формировании содержания отдельных выпусков. Данная стратегия была задана, начиная с первого номера (2007 г., № 1–2), посвященного проблеме подлинности «Слова о полку Игореве» в контексте очередной «изобличительной» книги Эдварда Кинана. Тем не менее, необходимо отметить определенную трансформацию такого «тематического» оформления номеров. Так, в первых номерах прослеживалась тенденция к организации номера вокруг определенной, остро дискуссионной историографической проблемы – та же аутентичность «Слова о полку Игореве», дискуссия вокруг книги Флориана Курты «The Making the Slavs» (2008 г., № 2). Но постепенно возобладал принцип задания довольно широкой темы («Религиозный вопрос в Королевстве Польском, Великом княжестве Литовском, Речи Посполитой в Средневековье и Новое время» (2008 г., № 1), «Формирование средневековой государственности в Центральной и Восточной Европе» (2012 г., № 1)), только намечающей контуры возможных публикаций. Кроме того, некоторые номера построены вокруг тех или иных памятных дат, например, 70-летие нападения Германии на Польшу и начала Второй мировой войны (2009 г., № 1–2), 600-летие Грюнвальдской битвы (2010 г., № 2).

Структурно каждый выпуск состоит из ряда частей. К основной относятся статьи, связанные с главной темой номера, также присутствуют рубрики «Disputatio», содержащая отзывы ряда ученых о той или иной работе, и «Miscellanea», в которой публикуются материалы по темам, не связанным с магистральным направлением номера. Кроме того, каждый

выпуск содержит несколько рецензий. Отдельно стоит упомянуть о похвальном стремлении к публикации источников на страницах SSBP.

Как уже отмечалось, отдельные выпуски SSBP имеют самую разнообразную направленность (часто довольно специальную, например, «Карпатские русины и русинская идентичность от Средневековья к Новому времени», 2010 г., № 1). Поэтому, не умаляя значимости ни одной из заявленных на страницах издания тем, на наш взгляд, в рамках данной рецензии целесообразно избрать определенное проблемное «поле», принадлежащее к которому статьи и будут анализироваться. Исходя из этого, нами будет обращено основное внимание на статьи, связанные с белорусистикой и литуанистикой, что обусловлено как субъективными научными предпочтениями автора данных строк, так и тем, что по понятным причинам именно такое проблемное «поле» наиболее интересно для белорусской историографии в целом.

Как говорилось выше, уже один из первых выпусков издания (2008 г., № 1) был посвящен «религиозному вопросу» в ВКЛ и Речи Посполитой. Сама возможность выделения такой темы для целого номера говорит об интересе, имеющемся в российской историографии к проблеме межконфессиональных отношений в полиэтничных и поликонфессиональных ВКЛ и Речи Посполитой. Этот интерес уходит своими корнями еще в историографию периода Российской империи, где, очевидно, основное внимание уделялось положению православной церкви в ВКЛ и Речи Посполитой. В определенной степени такая концентрация внимания на православной церкви характерна и для современной российской историографии. Поэтому неудивительно, что «православная» тематика была существенно представлена и на страницах этого номера SSBP. Так, один из крупнейших российских исследователей положения православной и униатской церквей в Речи Посполитой **Михаил Дмитриев** в статье «Религиозные войны в Речи Посполитой? К вопросу о последствиях Брестской унии 1596 года» солидаризуются с историографической концепцией об усугублении межрелигиозного противостояния в Речи Посполитой именно из-за провозглашения унии. Автор отмечает, что ее сторонники не осознавали глубины различий между католиками и православными как в догматическом, так и в ментальном отношении, что привело к острому конфликту. Интересна сама постановка исследователем проблемы описания послеунионных противоречий в категориях «религиозных войн», однако, историк ограничился анализом отдельных столкновений и не задался вопросом выделения критериев «религиозной войны», применимых для случая Речи Посполитой первой трети XVII века. **Лариса Аржакова** в статье «Диссидентский вопрос и падение Речи Посполитой (дореволюционная отечественная историография проблемы)» наглядно демонстрирует, как на протяжении XIX века российская

историография выработала и закрепила идею о том, что главной причиной вмешательства России во внутренние дела Речи Посполитой, а затем и участия в разделах, было стремление защитить православных. Автор отмечает, что первоначально (например, у Николая Карамзина) отторжение Россией от Речи Посполитой белорусских и украинских земель легитимизировалось отнюдь не заботой о православных, а «правом силы». Также в статье подчеркивается, что среди представителей российской дореволюционной историографии фактически только Николай Чечулин и Василий Ключевский открыто заявляли, что «диссидентский вопрос» был только предлогом для подчинения Речи Посполитой.

Кроме «православной» тематики в номере присутствуют и материалы, посвященные иным конфессиям на территории Речи Посполитой. Так, украинская исследовательница **Оксана Задорожна** («Роль социальных структур в распространении протестантизма в Киевском воеводстве в XVI–XVII вв.») исследует на примере магнатских родов Горностаев и Немиричей, как принятие ими протестантизма способствовало его проникновению (в кальвинистском и частично антиринитаристском варианте) на земли Киевщины. Автор выделяет следующие пути появления протестантизма: принятие его клиентами вслед за конверсией патронов (Горностаев и Немиричей), брачные связи с протестантами, переселение под опеку протестантских магнатов изгнанных из других земель протестантов, в том числе проповедников и публицистов.

Завершает главную рубрику статья **Михаила Долбилова** «Русскоязычное католическое богослужение в Западном крае империи: практика перевода (1860–1870-е гг.)». В ней подчеркивается, что российские власти рассматривали русский язык как элемент лояльности, для чего и осуществлялись попытки сделать его языком костельной службы. Однако отмечается, что осуществление этой задумки столкнулась с проблемами не только в виде противодействия самих католиков, но и сложности корректного перевода латинских молитв на русский язык.

В целом, следует отметить высокий уровень статей в «тематической» части этого выпуска. Тем не менее, присутствует некоторое сужение проблематики «религиозного вопроса» в Речи Посполитой. Так, на наш взгляд, общую картину прекрасно бы дополнил материал о положении униатской церкви во второй половине XVII–XVIII в. (ее ранняя история представлена в работе М. Дмитриева)¹.

¹ По нашему мнению, более удачный (хотя, естественно, не лишенный избирательности) подход в подборе материалов по данной проблематике представлен в: On the Border or the Worlds. Essays about the Orthodox and Uniate Churches in Eastern Europe in the Middle Ages and the Modern Period / Ed. by A. Gil, W. Bobryk. – Siedlce; Lublin: Akademia Podlaska; IESW, 2010. – 186 p.

Кроме того, в номере представлена дискуссия по поводу статьи **Виталия Ананьева**, в которой автор утверждает, что сложность межгосударственных отношений Речи Посполитой и Московского государства в конце XVI – начале XVII в. (в том числе, провал идеи «унии» этих государств) был обусловлен различием их «политической культуры». Большинство участников обсуждения статьи (**Дмитро Вырский, Виктор Якубский, Константин Ерусалимский**) негативно оценили такой подход, отметив, что автор находится в плену историографических стереотипов и не использует новейшую историографию проблемы внутриполитического устройства Речи Посполитой и Московского государства. Менее категорична была **Наталья Слиж**, тем не менее, отметившая, что В. Ананьев не обращает внимания на другие факторы, имевшие значение в межгосударственных отношениях. Фактически только **Михаил Кром** поддержал подход исследователя, но и он высказал некоторые замечания.

Наконец, в данном номере опубликована обзорная статья польского историка **Анджея Закшевского**, в которой автор перечисляет основные польские центры изучения истории ВКЛ, а также наиболее значительные работы по данной проблематике. Среди прочего, автор отмечает, что современные представители «познанской школы» изучения ВКЛ, в отличие от ее родоначальников Генрика Ловмянского и Ежи Охманьского, куда в меньшей степени заинтересованы экономической историей. Также, по мнению А. Закшевского, в некотором кризисе находится «краковская школа» литуанистики. Очевидно, что такие очерки состояния исследований за пределами России будут весьма полезны для российского (и не только) читателя. В подобном ключе выполнена статья белорусского исследователя **Олега Дзярновича** «“Литва” и “Русь” XIII–XVI вв. как концепты белорусской историографии» (2009 г., № 1–2), в которой автор знакомит с подходами представителей белорусской исторической науки к исследованию смыслового наполнения понятий «Литва» и «Русь». В начале статьи историк дает короткую справку о дискуссии по вопросу локализации «Литвы», имевшей место в первой половине 1990-х гг. Затем дается характеристика подхода историков Михаила Спиридонова и Вячеслава Носевича, которые на основании изучения источников XVI в. выдвинули тезис, что для того времени географические «Литва» и «Русь» не совпадали ни с этническими границами, ни с границами воеводств и поветов. В свою очередь, Игорь Марзалюк подчеркивал этнический компонент понятий «Литва» и «Русь», что вызвало острую критику со стороны Геннадия Сагановича. Также в статье характеризуется попытка Алеся Белого выделить критерии «политической Литвы» для периода первой половины

XVI в. Кроме того, отмечается работа Георгия Голенченко, в которой ставится под сомнение использование жителями Беларуси в XVI–XVII вв. этнонима «литвины» в качестве самоназвания.

Следующий ориентированный на белорусистику и литуанистику номер (2010 г., № 2) был посвящен 600-летию Грюнвальдской битвы. Статьи данного выпуска четко разделяются на два тематических блока – Грюнвальдская битва в контексте международных отношений начала XV в. и историческая память о ней. К первому из них относятся следующие материалы. Статья **Юрия Селезнева** («Деятельность хана Джелаль-ад-Дина в контексте международных отношений эпохи Грюнвальдской битвы») освещает усилия сына Тохмамышы Джелаль-ад-Дина по возвращению власти в Орде, приведшие его к союзу с великим князем литовским Витовтом и участию в сражении под Грюнвальдом. Также историк отмечает, что по возвращении на ханский престол Джелаль-ад-Дин, вероятно, вступил в антиосманскую коалицию с императором Сигизмундом Люксембургским, а также наладил связи с московским великим князем Василием Дмитриевичем. Шведско-немецкий исследователь **Свен Экдаль** в своем материале делает акцент на том, что одной из причин поражения Тевтонского ордена был неорганизованный набор наемников, так как магистр Ульрих фон Юнгинген готовился не столько к войне, сколько к переговорам, которые император Сигизмунд предлагал провести в июле 1410 г. в Торуня. **Игорь Возный** приходит к выводу о схожести Куликовской и Грюнвальдской битв по следующим параметрам – численность и организация войск, боевые построения и тактика. Однако выглядит несколько поспешным и необоснованным его мнение о том, что опыт Куликовской битвы «прямо или косвенно» был использован в битве при Грюнвальде.

Блок, посвященный памяти о Грюнвальде, составляет материалы, отличающиеся интересными, новаторскими подходами, сочетающимися с серьезной проработкой темы. Так, белорусский филолог **Жанна Некрашевич-Короткая** («Художественное осмысление исторического значения Грюнвальдской битвы в героической поэме «Прусская война» (1516) Яна Вислицкого») показывает, как в своей интерпретации сражения поэт подчеркивает роль короля Владислава Ягайло в победе в нем, тем самым создавая возвышенный образ всей Ягеллонской династии и, прежде всего, тогдашнего правителя Сигизмунда I Старого. **Лариса Аржакова** («К вопросу об этнических аспектах Грюнвальдской битвы») прослеживает, как Грюнвальдская битва вписывалась в дискурс российской и советской историографии по мере того, как в первой из них ВКЛ начало рассматриваться как часть «русского мира», а во второй в конце

1930-х гг. появилась необходимость отразить вечное немецко-славянское противостояние. **Александр Касович** в статье «Празднование юбилеев Грюнвальда в XX веке» характеризует торжества по поводу 500-летия битвы, проходившие в Кракове в 1910 г., и отмечает, что они являлись своего рода протестом против германизации поляков в Германской империи. Также в статье утверждается, что в Российской империи в 1910 г. официальных торжеств не было, но в связи с юбилеем повысился интерес российской общественности к Грюнвальдскому сражению, при этом подчеркивалось значение «русских» в победе войск Польши и ВКЛ. В свою очередь, с большим размахом праздновался юбилей Грюнвальда в 1960 г. в ПНР. Актуальность события 550-летней давности для периода середины XX в. состояла в том, что ФРГ не признавала потерю после Второй мировой войны значительных территорий в пользу Польши, поэтому польским властям выгодно было сделать акцент на «вечном» немецком империализме. Это отразилось в фильме режиссера Александра Форда «Крестоносцы», где по сравнению с оригиналом – романом Генрика Сенкевича – добавлены еще более сильные антинемецкие мотивы.

К этому блоку примыкает и статья **Олега Дзярновича**, посвященная отражению битвы под Улой (1564 г.) в малоизвестной в науке поэме Мацея Стрыйковского. Подчеркивается, что Стрыйковский описывает победу войск ВКЛ над московской армией как триумф не династии, но коллективного шляхетского Отечества. Однако сложно согласиться с тезисом автора, что одной из задач хрониста и поэта было вписывание истории ВКЛ в контекст мировой истории. Приводимые в качестве аргументов сравнения полководцев ВКЛ с античными героями являются обыкновенными топосами, характерными для ренессансной литературы. Ознакомительный характер носит статья белорусского историка **Руслана Гагуа** «Источники для исследования Грюнвальдской битвы 15 июля 1410 года». В ней автор перечисляет и характеризует достаточно известные всем специалистам по Грюнвальду источники.

Кроме «грюнвальдских» материалов в номере нашлось место и для статьи украинского исследователя **Леонтия Войтовича** «Тевтонский орден в политике Галицко-Волынского княжества». В ней осуществляется попытка пересмотреть устоявшееся в историографии мнение о постоянной враждебности между Галицко-Волынской Русью и Орденом. Но обоснованно концепция о союзнических отношениях между этими государствами выглядит только для периода первой трети XIV в. Для более раннего периода автор может выделить только кратковременные совместные акции Даниила Романовича и Ордена против ятвягов и монголо-татар. В целом, история

Галицко-Волынского княжества является одной из постоянных тем издания. Среди статей на эту тему стоит выделить исследование **Александра Майорова** «Коронация Даниила Галицкого: Никея и Рим во внешней политике галицко-волынских князей» (2011 г., № 1). В ней отмечается, что одной из предпосылок согласия Даниила Романовича на коронацию были проходившие в то же время переговоры между папой римским и Византийской (фактически – Никейской) империей по вопросу унии церквей.

Темой одного из следующих номеров (2011 г., № 2) стала «Великое княжество Литовское и Беларусь глазами российских и польских ученых». Статья польского историка **Станислава Росика** «Святополк I, князь Турова и Киева, в свете «Хроники» Титмара. Из источников о происхождении Беларуси» является, по сути, сравнением повествований о жизни туровского князя Святополка «Окаянного» из хроники Титмара Мерзебургского и «Повести временных лет». Интересную гипотезу о зависимости жизнеописания князя Войшелка из Галицко-волынской летописи от «Повести о Варлааме и Иоасафе» предложил в своей статье **Алексей Кибинь**. Неоднозначное впечатление оставляет материал **Ирины Михайловой** «К вопросу о «Смоленском взятии» 1514 г.». Сначала автор подает интересные размышления об идеологическом оформлении (освобождении от «католической» власти) занятия московским войском Смоленска. Но затем исследовательница уверенно заявляет о большом количестве сторонников Москвы в Смоленске, что подкрепляется ссылками только на явно тенденциозные источники московского происхождения. Тему войны 1512–1522 гг. продолжает **Алексей Лобин**, выделяющий «историографические мифы», существующие в белорусской науке относительно Оршанской битвы 1514 г., а именно преувеличение численности московского войска, тезисы о решающей роли «белорусских» воинов и большом значении битвы для распада антиягеллонской коалиции. По мнению автора, эти «мифы» основываются на некритическом восприятии информации источников. В качестве решения проблемы историк предлагает активнее использовать источники, происходящие не от заинтересованных сторон в конфликте (то есть ВКЛ, Польши и Московской державы), такие, например, как документы архива магистров Тевтонского ордена. Однако, как замечает сам автор, они также имеют очевидные недостатки. В целом, необходимо отметить, что стоит поставить вопрос о возможности в принципе достижения непротиворечивого понимания такого фальсифицированного в источниках события как Оршанская битва (впрочем, это относится не только к данной битве). В свою очередь, как кажется, Алексей Лобин попросту спекулирует на данной тематике, «сражаясь» с «мифами белорусской историографии», арти-

кулированными публицистами или даже профессиональными историками, отнюдь не являющимися специалистами по истории Оршанской битвы.

Так или иначе, следует отдать должное **Алексее Лобину**, опубликовавшему на страницах SSBP ряд интересных материалов по истории армии Московского государства (например, в соавторстве **Михаилом Бенциановым** в № 2 за 2013 г.), а также целый ряд источников по внешней политике Великого княжества Московского в 1510–1520-е гг.

Польский историк **Филип Воляньский** в статье «Проповеди в Ордене бернардинцев в Великом княжестве Литовском в XVIII веке» характеризует процесс обучения бернардинских проповедников, а также отмечает, что проповеди обычно были связаны с конкретными событиями (например, коронация иконы). Также подчеркивается наличие значительного числа проповедей на погребениях, что связывается с особенностями шляхетской ментальности. Кроме того, автор приходит к выводу, что популярными мотивами проповедей были описание Страстей Господних (и аллегории на них), а также прославление Девы Марии. Еще один польский исследователь Богдан Рок характеризует дневники и мемуары путешественников XVIII в. из ВКЛ. Он выделяет религиозные путешествия (среди них особое внимание обращено на воспоминания бернардинца Ювеналиса Харкевича), «вынужденные» путешествия (например, нахождение Криштофа Сеницкого в Сибири), путешествия женщин (мемуары Саломеи Русецкой и дневники Теофилы-Констанции из Радзивиллов Моравской), а также один пример статистико-топографического описания – произведение Ксаверия Богуша.

Александр Сребраковский исследует присутствие белорусов среди студентов польского Виленского университета в межвоенный период. Он отмечает, что относительно количества проживавших на «Кресах» белорусов их число среди студентов было непропорционально малым. Ученый стремится объяснить это общим низким образовательным уровнем белорусского населения II Речи Посполитой, но не утаивает и влияния ассимиляционной политики властей. Также в работе рассматриваются белорусские студенческие организации, находившиеся под влиянием различных политических сил – просоветской БКРГ, белорусских христианских демократов, а также лояльного режиму Юзефа Пилсудского «Центросоюза» («белорусской санации»).

Статьи **Гжегожа Страухольда** («История Беларуси в XX веке в польской историографии 1989–2011 гг.») и **Эльжбеты Косьцик** («Исследования миграции после Второй мировой войны и заселения северо-восточных земель Польши (на примере переселения из Беларуси)»)

Проблематика Смутного времени в истории Российского государства и участие в нем Речи Посполитой также отразилась на страницах SSBP (2012 г., № 2). **Игорь Тюменцев** («К вопросу о «скрытой интервенции» Речи Посполитой против России в 1604–1605 гг.») полемизирует с существующим в историографии мнением о руководящей роли властей Речи Посполитой в организации похода Лжедмитрия на Москву. Отмечается, что в результате противодействия коронного канцлера Яна Замойского этот поход превратился фактически в «частную» инициативу Ежи Мнишка. Украинский исследователь **Виталий Масненко** («Украинский фактор в событиях Московской Смуты в начале XVII в.>) замечает, что «украинское» присутствие в событиях Смуты не ограничивалось только казаками, но в него входила и «русская» служилая элита Речи Посполитой. Однако после этого автор концентрируется, прежде всего, именно на казацком участии в событиях начала XVII в. В статье подчеркивается, что для казаков не имела большого значения конфессиональная близость к населению Московской Руси. При этом, по мнению автора, именно участие в московской «авантюре» способствовало усилению этнического самосознания украинских казаков, а также легитимизации их претензий к властям Речи Посполитой. **Геннадий Коваленко** сравнивает деятельность на территории Московского государства польского и шведского полководцев – соответственно Станислава Жулкевского и Якоба Делагарди. Делается вывод, что оба они имели поддержку в определенных слоях российского общества (Жулкевский у части московской элиты, а Делагарди среди новгородского боярства), а также предлагали реалистичные планы действий (Жулкевский – сторонник возведения на московский трон не непосредственно Сигизмунда III Вазы, а его сына Владислава, Делагарди ратовал за кандидатуру шведского принца Карла Филиппа), которые не были реализованы. **Виктор Мауль** («Тело Лжедмитрия I в контексте русской и западной культурных традиций») предлагает гипотезу, что определенные черты внешности Лжедмитрия (бородавка на лице, длинный нос, отсутствие бороды) не позволяли русскому обществу воспринимать его как «настоящего» царя. К этому же добавлялись его иностранные обычаи и противоречивое поведение (приписываемые ему похоть и склонность к излишним увеселениям). Статья представляет собой пример достаточно интересного, во многом новаторского подхода, но не лишена и некоторых существенных методологических противоречий. Прежде всего, все негативные описания Лжедмитрия исходили от его врагов и (или) написаны после его гибели, поэтому многие черты «ненастоящего» царя могли быть подчеркнуты намеренно. Нако-

нец, **Жанна Некрашевич-Короткая** показывает, как оформлялся образ Москвы и ее правителей в латиноязычной поэзии ВКЛ.

Отдельно следует отметить работу эстонского исследователя **Анти Селарта** «“Русские бояре” в Эстляндии (конец XVI – начало XVII в.)», в которой автор продемонстрировал процесс адаптации русских родов (Барановы, Насакины, Росладины/Разладины), переселившихся на территорию Шведского королевства во времена Ливонской войны. Историк отмечает, что эти роды относительно быстро приняли лютеранство и шведские обычаи, активно вступали в матримониальные связи с местной аристократией, но при этом не забывали о своем русском происхождении. Эстонский ученый опубликовал еще одну статью в SSBP («Иван Грозный, кайзер Ливонский? К истории возникновения идеи о российском вассальном государстве в Ливонии», 2013 г., № 2), в которой описал проходившие во время Ливонской войны переговоры с царем со стороны германского магистра Тевтонского ордена на предмет освобождения предпоследнего главы Ливонского ордена Вильгельма фон Фюрстенберга. На этих переговорах предполагалось, что в таком случае Ливония станет вассалом Москвы. Кроме того, позднее, в 1570 г., «королем Ливонии» был провозглашен герцог Гольштейнский Магнус, также признававший Ивана IV своим сеньором. Но, как отмечается в статье, идея создания вассального Москве Ливонского государства на практике реализована не была.

В рамках тематического номера «Борьба за Юго-Восточную Прибалтику между Россией и Речью Посполитой в раннее Новое время» (2014 г., № 1) **Алексей Лобин** («Планы военного сотрудничества Тевтонского ордена и России в 1517–1522 гг.») рассматривает в целом неудачную попытку сотрудничества Москвы и Тевтонского ордена, однако, отмечает, что Орден все-таки оказал поддержку Московской державе в борьбе с ВКЛ, так как оттянул на себе внимание Польского королевства. **Вячеслав Шапошник** («Борьба за власть в Москве после смерти Василия III и внешняя политика Русского государства») выступает против бытующего в исторической науке мнения о желании выходцев из ВКЛ при московском дворе сохранить мирные отношения с «Литвой» в середине 1530-х гг. Автор считает, что «пролитовские» симпатии могут быть прослежены только у относительно недавно выехавшего в Москву князя Федора Михайловича Мстиславского. Главным мотивом действий московского боярства (в том числе, выходцев из ВКЛ – Глинских, Бельских и других) после смерти Василия III, по мнению В. Шапошника, являлось стремление установить свою власть при малолетнем Иване IV. В статье **Виталия Пенского** делается попытка пересмотреть устоявшееся мнение о приоритете Ливонской войны во

внешней политике Ивана Грозного – по мнению автора, куда большее значение имел юго-восточный вектор, а именно отношения с Крымом и «татарский вопрос» в целом. Член редакционной коллегии SSBP, постоянный автор издания, Александр Филюшкин в своей статье рассмотрел новшества, использованные воюющими сторонами во времена Ливонской войны. Также следует отметить, что данный автор практически в каждом номере публиковал ценные источники (или комментарии к ним) по истории Ливонской войны. Очень интересным представляется небольшой материал **Александра Филюшкина** «Особенности рассказа о Ливонской войне хроники Иоганна Реннера» (2011 г., № 1), в котором показывается, как создавался дискурс, в рамках которого Ливония воспринималась как часть западного христианского мира, а русские концептуализировались как его враги. Также в одной из своих статей («Мифология и реалии битвы под Невелем 1562 г.») историк анализирует, как незначительное столкновение под Невелем в 1562 г. было позднее использовано Польшей и ВКЛ в качестве примера собственного «триумфа» на фоне, в действительности, незавидного положения после утраты Полоцка в феврале 1563 г. В целом, история войн XVI в. (прежде всего, войны 1512–1522 гг. и Ливонской войны) является одной из постоянных тем SSBP. В данном ключе, кроме вышеприведенных работ А. Лобина и А. Филюшкина, необходимо вспомнить ряд публикаций источников, выполненных **Мариной Бессудновой**.

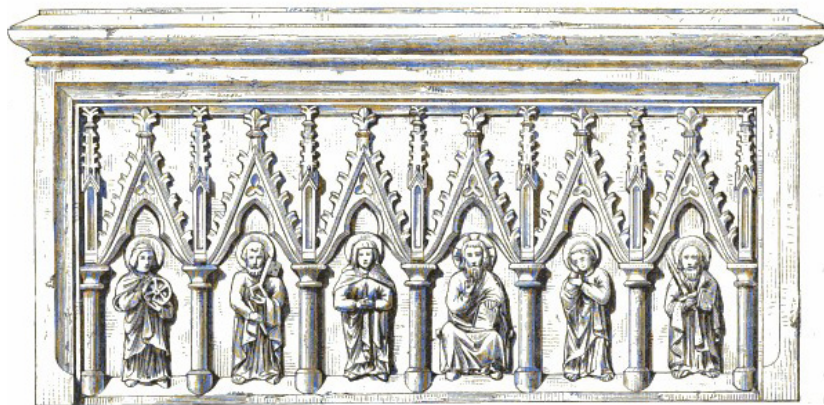
Данный номер SSBP содержит несколько работ польских историков. **Дариуш Купиш** («Русско-ливонское пограничье в стратегических планах Стефана Батория в 1578–1582 гг.») характеризует планы Стефана Батория по наступлению на Полоцк (1579 г.), Великие Луки (1580 г.) и Псков (1581 г.). В статье отмечается, что существовали и иные проекты ведения войны. Так, гетман Криштоф Радзивилл в 1579 г. выступал за концентрацию сил на территории Ливонии, а в 1580 г. представители ВКЛ настаивали на походе на Смоленск, но против этого выступила польская сторона. **Януш Доробиш** («Томаш Замойский и шведский вопрос в 1624–1635 гг.») характеризует позицию Томаша Замойского как сторонника борьбы за занятие Сигизмундом III шведского трона и противника подписания мира со Швецией на условиях, согласованных в Альтмарке в 1629 г. **Мацей Франц** затрагивает малоизученный аспект участия украинских казаков в противостоянии Речи Посполитой со Швецией в 1620–1630-е гг. Так, за участие в кампании 1635 г. предводителю казаков Константину Волку было пожаловано шляхетство. **Мирослав Нагельский** раскрывает приоритеты Российского государства в войне с Речью Посполитой 1654–1667 гг., включавшие в себя занятие Смоленщины и Северщины, а также удержание части Украины. Поэтому, по мнению автора,

Москва согласилась на возвращение Речи Посполитой по Андрусовскому перемирию Динабурга, важной крепости на Балтийском море.

Кроме того, в выпуске опубликована работа российского историка **Бориса Флори**, в которой автор исследует идеи украинского трактата «Пересторога» (1669 г.), который, по мнению ученого, выражает взгляды части казацкой старшины Левобережной Украины, включавшие в себя ориентацию на союз с Россией, установление сильной власти, способной навести порядок, в том числе сдерживать социальные выступления представителей нижних слоев общества.

Отдельно следует упомянуть нашуевшую в свое время статью **Алексея Кибиня** «Ятвяги в X–XI вв.: «Балтское племя» или «Береговое братство?»» (2008 г., № 2), в которой исследователь попытался доказать, что ятвяги не являлись сообществом, объединенным на основе этнического признака, а представляли собой разнородную группу людей, контролировавших торговый путь по Неману. Кроме того, в SSBP (2012 г., № 1) была опубликована статья литовского историка **Римвидаса Петраускаса** «Правящий род и знать: к вопросу о предпосылках формирования Литовского государства», в которой автор излагает свою концепцию становления ВКЛ. Так, на основании концепции «ранней средневековой монархии», исследователь подчеркивает, что в такой монархии главную роль играют не институты (еще не сложившиеся), а межличностные отношения. В их рамках династия великих князей начала формироваться Миндовгом, но его род в качестве постоянных правителей не утвердился. Фактически только при Гедимине возникла концепция Литовского государства как «собственности» правящей династии. Кроме того, в статье Р. Петраускас подробно излагает один из главных своих тезисов о континуитете литовской знати, а не «создания» ее Витовтом, как предполагалось ранее.

Представленная характеристика отдельных номеров и материалов SSBP позволяет утверждать, что данное издание является одной из главных российских научных площадок для обмена мнениями по белорусоведческой и литуанистской проблематике. К сильным сторонам периодика следует отнести разнообразие подходов и мнений, озвучиваемых на его страницах, наличие публикаций наработок не только российских, но также белорусских, польских, украинских, в меньшей степени литовских исследователей. В качестве перспективных направлений развития издания видится более частое и систематическое обращение к истории ВКЛ и Речи Посполитой второй половины XVII – XVIII в., создание специальных выпусков, посвященных проблематике интеллектуальной истории и истории ментальности.

Научная жизнь

Дзярновіч О. І.

**КАК РОЖДАЮТСЯ ТРАДИЦИИ?
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕМИНАРА «АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ
ИСТОРИИ» В 2007–2014 гг.**

В любом процессе организации научной деятельности есть своя рутина, краткие моменты открытий и постоянное стремление к упорядочению хаоса пере-открывателей. Насколько попытки институализировать творческие процессы являются результативными, остается дискуссионным для представителей разных научных дисциплин. На один эксперимент, проводимый в Минске, стоит обратить внимание.

В 2007 г. в Минске появился семинар, который выдержал испытание на полезность – он сохранился, не исчез, как многие подобные инициативы, и более того – развивается. Семинар под довольно политкорректным названием «Актуальные проблемы изучения и преподавания истории» был создан на базе кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (РИВШ). Непосредственно идея и инициатива семинара исходили от заведующего кафедры Алексея Мартынюка. В определенном смысле можно сказать, что это семинар – авторский проект.

Семинар «Актуальные проблемы изучения и преподавания истории» работает уже 8 лет, он уже имеет определенные традиции и статистику. Заинтересованные исследователи знают, что в разгар учебного года, один или два раза в месяц, обычно по четвергам, стоит подъехать в РИВШ. Интересные информация и дискуссия вам обеспечены.

Изучение тематики докладов тоже позволяет сделать некоторые наблюдения (список тематики докладов прилагается). Всего на протяжении 2007–2014 годов было озвучено 64 доклада, которые по тематической направленности можно разбить на соответствующие группы. Кроме того, стоит приложить и статистику по этим группам:

Номер группы	Тематическое направление	Количество докладов
1.	Медиевистика и история раннего Нового времени	37
2.	Проблемы историографии	4
3.	История XIX–XX вв.	12
4.	Историческая дидактика	4
5.	Актуальные проблемы религиоведения	2

Как видим, проблематика медиевистики и раннего Нового времени, что в условиях Беларуси датируется обычно IX–XVII вв., явно лидирует. Но эта тенденция выявилась не сразу, а только на третий год работы семинара. Что еще очень важно отметить: в общую канву отечественной истории была вплетена западно- и восточноевропейская медиевистика.

Современной белорусской историографией достигнуты серьезные результаты в изучении истории Великого княжества Литовского как суверенного периода (до Люблинской унии 1569 г.), так и в составе Речи Посполитой. Несколько обособленно существовали медиевистические исследования Руси, в том числе Полоцка и Турова. Совершенно своей небольшой корпорацией существуют в Беларуси исследователи западноевропейского Средневековья, сосредоточенные преимущественно в Белорусском государственном университете. И тут возникла очень ценная возможность неформально «объединить» – свести в одном дискуссионном пространстве – специалистов этих все же разных направлений исторической науки Беларуси. Я думаю, это был очень удачный опыт.

Абсолютной удачей стало то, что обсуждения на семинаре вылились и в более фиксированную форму: можно сказать, что фактически из недр семинара возник новый специализированный ежегодник «*Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы», первый номер которого появился в 2008 г., а до сегодняшнего дня вышло 6 выпусков. Многие из озвученных на семинаре выступлений прошли апробацию в дискуссиях и обрели текстовую форму именно в «Студиях». В таком практическом смысле мы имеем очень редкую форму трансляции специализированного обсуждения, и совсем немногие постоянно действующие академические семинары могут похвастаться подобным обеспечением и подобной результативностью.

Как общий итог работы семинара можно отметить возникшее интердисциплинарное информационное поле, которое позволяет белорус-

ским историкам в неформальной, но одновременно институализированной форме выйти за границы своей специализации. Похоже, этого очень долго не хватало историкам Беларуси.

Восемь лет существования семинара – не такой уже и малый срок. Фактически можно говорить уже об основании новой традиции интеллектуальной коммуникации. У многих белорусских историков появился шанс выйти за формализованные и действенные границы своих институтов и университетов и попытаться создать среду общей профессиональной заинтересованности. В любом случае семинар «Актуальные проблемы изучения и преподавания истории» заслуживает сохранения, а его опыт полезно распространить в других регионах Беларуси.

Тематика докладов на семинаре «Актуальные проблемы изучения и преподавания истории»

2007 год:

- «Историческое образование в университетах Германии: организация учебного процесса и возможности использования немецкого опыта» (докладчик к.и.н. Алексей Мартынюк)
- «Забывтые страницы истории Белорусского государственного университета» (докладчик: к.и.н. Олег Яновский)
- «Идеологические акценты польской историографии» (докладчик: к.и.н. Василий Воронин)
- «Историческая наука и образование в XXI веке» (докладчик: к.и.н. Сергей Ходин)

2008 год:

- «Мифы и мифологемы белорусской истории» (докладчик: д.и.н. Георгий Голенченко)
- «Влияние Ливонской войны на развитие внутренних процессов в ВКЛ» (докладчик: к.и.н. Андрей Янушкевич)
- «Стефан Зизаний и его время» (докладчик: Наталья Гаркович)
- «Татарский фактор во взаимоотношениях государств Восточной Европы в конце XV – начале XVI в.» (докладчик: Алена Любая)
- «История России XIX века в трудах белорусских исследователей» (докладчик: к.и.н. Александр Загорнов, Брест)
- «Реализация научных проектов по истории Беларуси: проблемы и перспективы» (докладчик: к.и.н. Андрей Любый)
- «История Беларуси в новом стандарте социально-гуманитарных дисциплин» (докладчик: к.п.н. Сергей Панов)

- «Конфессиональная ситуация в Республике Беларусь: теоретические проблемы сектоведения» (докладчик: доктор теологии Владимир Мартинович)
- «Немецкие источники по истории Беларуси XIII–XV веков» (докладчик: к.и.н. Геннадий Саганович)
- «Методика разработки исторических карт» (докладчик: к.и.н. Виктор Темушев)
- «Прибалтийско-немецкие хроники между нарративом и провиденциализмом» (докладчик: к.и.н. Олег Дзярнович)
- «Великое княжество Литовское: проблемы генезиса государственности» (докладчик: д.и.н. Юрий Бохан)
- «Учебное и научное книгоиздание по истории: проблемы и перспективы» (докладчик: к.и.н. Алексей Мартынюк)

2009 год:

- «Развитие городского самоуправления в городах Беларуси XIV–XVII вв.» (докладчик: к.и.н. Максим Макаров)
- «Проблемы формирования письменной культуры в деловой и правовой сферах ВКЛ в XIII – первой трети XVI в.» (докладчик: к.и.н. Александр Груша)
- «Неизвестные письменные памятники XV–XVII вв. по истории Беларуси» (докладчик: д.и.н. Георгий Голенченко)
- «Неизвестный Стрыйковский: рукопись поэмы “Битва под Улой” в собрании Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге» (докладчик: к.и.н. Олег Дзярнович)
- «Беларусь второй половины XIX века как объект национального соревнования» (докладчик: к.и.н. Александр Загорнов, Брест)
- «История Великого княжества Литовского в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века» (докладчик: к.и.н. Алексей Мартынюк)
- «От gutans до gūdas: метаморфозы трансформации племенного названия готов в древнее литовское определение белорусов» (докладчик: к.и.н. Олег Дзярнович)
- «Millenium Литвы: путешествие Бруно на границу христианского мира» (докладчик: др. Инга Леонавичюте, Вильнюс, Литва)
- «Неизвестный подлинник грамоты Василия Наримонтовича конца XIV века» (докладчик: к.и.н. Александр Груша)

2010 год:

- «Крестьянское правосудие в Беларуси во второй половине XIX века» (докладчик: к.и.н. Александр Загорнов, Брест)

- «Проблема существования “Киевского каганата”»: аргументы за и против» (докладчик: к.и.н. Степан Темушев)
- «Ислам и национальная турецкая идентичность» (докладчик: к.и.н. Сергей Олюнин)
- «Феномен “своей античности” в истории Великого княжества Литовского в XIV веке» (докладчик: Олег Голубев)
- «Князья Свирские в истории Великого княжества Литовского» (докладчик: Витас Янкаускас, Каунас, Литва)
- «Исследования по истории России и стран СНГ в Принстонском университете» (докладчик: Франциска Экселер, Принстон, США)
- «Русский князь у истоков могущества Габсбургов» (докладчик: к.и.н. Алексей Мартынюк)
- «Неизвестное соглашение между великим князем литовским Казимиром и князем Михаилом Ивановичем Новосильским и Одоевским 1481 г.» (докладчик: Александр Казаков)

2011 год:

- «Документы по истории общественной жизни Беларуси в период Первой мировой войны» (докладчик: к.и.н. Александр Гронский)
- «Хан Ших-Ахмат в Великом княжестве Литовском: новые материалы» (докладчик: к.и.н. Алена Любая)
- «Светскость и религиозность – краеугольные камни турецкой национальной идентичности» (докладчик: к.и.н. Сергей Олюнин)
- «Герб как исторический источник по истории ВКЛ» (докладчик: к.и.н. Алексей Шаланда)
- «Белорусские Нобили: фондация Гильзенев-Шадурских в истории отечественной благотворительной деятельности и образования конца XVIII – начала XX в.» (докладчик: к.и.н. Андрей Самусик)
- «Религия и светская наука: поиски путей сотрудничества» (встреча с архимандритом Ефремом, игуменом Ватопедского монастыря Святой Горы Афон)
- «Древнерусское оружие: находки на территории Беларуси» (докладчик: к.и.н. Николай Плавинский)

2012 год:

- «История Берестейского замка» (докладчик: к.ф.-м.н. Анатолий Гладышук, Брест)
- «Белорусские земли на путях “из варяг в греки” и “из варяг в арабы”» (докладчик: Мария Самонова)

- «Эффективность государственного управления на территории Беларуси в XIX веке: к постановке проблемы» (докладчик: к.и.н. Сергей Шимукович)
- «Внутриполитический кризис в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века» (докладчик: к.и.н. Сергей Полехов, Москва, Россия)
- «Йоган Христоф Бротце и начало изучения кириллических актов рижского архивного комплекса *Moscovitica-Ruthenica*» (докладчик: к.и.н. Олег Дзярнович)
- «Правовое положение московских иммигрантов в ВКЛ (вторая половина XV – первая половина XVI в.)» (докладчик: к.и.н. Александр Казаков)
- «Вальный сойм Речи Посполитой и шляхта Великого княжества Литовского: от партикуляризма до интеграции» (докладчик: к.и.н. Владимир Подолинский).

2013 год:

- «“Завещание Гедимины”: достоверность и контекст хроникальных сообщений о последней воле Гедимины и распределении уделов между его сыновьями» (докладчик: Олег Лицкевич)
- «Архитекторы и скульпторы из Северной Италии в Великом княжестве Литовском» (докладчик: др. Рустис Камунтавичус, Каунас, Литва)
- «Йоганн Авентин: историк и его миф» (докладчик: к.и.н. Андрей Доронин, Москва, Россия)
- «Проблема термина “бюрократия” в контексте институализации властных структур ВКЛ в эпоху Ливонской войны» (докладчик: Лауринас Шедвидис, Каунас, Литва)

2014 год:

- «“Письма одного офицера”: неожиданные находки в архивах Беларуси» (докладчик: к.и.н. Анатолий Стебурако)
- «Функционирование налогово-даннической системы в Древней Руси» (докладчик: к.и.н. Степан Темушев)
- «Роль социально-культурной антропологии в современном историческом исследовании» (докладчик: к.и.н. Степан Захаркевич)
- «“Ездец московский” и его “двойник литовский”: историко-геральдическое и историко-сфрагистическое исследование феномена происхождения позднесредневекового княжеского герба» (докладчик: д.и.н. Сергей Рассадин)

- «Первая мировая война и Беларусь» (докладчики: др. Дмитрий Романовский, Бохум, Германия; Я. Пиносова, Бонн, Германия)
- «Беларусь и белорусы глазами немцев в годы Первой мировой войны» (докладчик: Ольга Волкова)
- «Ибрагим Тимирчич: личность на стыке стран, народов культур» (докладчик: к.и.н. Алена Любая)
- «Австрия и государства Восточной Европы в XIII – начале XVI в.: к постановке проблемы» (докладчик: к.и.н. Алексей Мартынюк)

Мартынюк А. В.

**У ПОДНОЖИЯ СПИШСКОГО ГРАДА
(V Международная научная конференция из серии
Colloquia Russica «Русь и Центральная Европа в XI–XIV вв.»)**

16–18 октября 2014 г. в городе Спишке-Подградье (Словакия) состоялась V Международная научная конференция из серии Colloquia Russica. Тема конференции была обозначена как «Русь и Центральная Европа в XI–XIV вв.» и приурочена к 800-летней годовщине Спишского договора 1214 г. между венгерским королем Андреем II и краковским князем Лешекком Белым, который стал важным этапом политической борьбы вокруг Галицко-Волынского княжества. Неоднократно в докладах звучали имена и события, имеющие прямое отношение как к договору 1214 г., так и к той эпохе в целом. Великолепная громада замка Спишский Град, нависающая над городом, придавала всей конференции совершенно неповторимый исторический колорит.

Конференция была организована совместными усилиями Университета Коменского (Братислава) и Ягеллонского университета (Краков) при поддержке Вышеградского фонда. Именно этим организациям участники конференции обязаны замечательными условиями для работы и насыщенной культурной программой. Следует отметить широкую географию участников конференции – с докладами выступили ученые из Словакии, Польши, Украины, Беларуси, России, Литвы, Чехии, Венгрии и Сербии. Спецификой Спишской конференции (как и всего проекта Colloquia Russica) было то, что каждая «национальная курия» участников конференции была представлена как уже состоявшимися учеными, так и их учениками – молодыми историками, магистрантами и аспирантами. Это позволило не только заслушать доклады и обсудить их в дискуссии, но и провести своеобразные мастер-классы по критическому разбору представленных докладов – с анализом источников, системы аргументации и т. д. Следует отметить критические, но при этом корректные и доброжелательные выступления в дискуссиях д-ра Виталия Нагирного (автора концепции и главного организатора конференции, Краков, Польша), профессора Дариуша Домбровского (Быдгощ, Польша), д-ра Иеронима Грали (Варшава, Польша), профессора Марты Фонт (Печ, Венгрия), д-ра Йитки Комендовой (Оломоуц, Чехия), доцента Мирослава Волощука (Ивано-Франковск, Украина), д-ра Витаса Янка-

ускаса (Каунас, Литва), д-ра Дьюры Гарди (Нови-Сад, Сербия) и других известных историков-медиевистов. Таким образом, прошедшую конференцию можно сравнить с рыцарским турниром: если молодому историку удавалось выдержать критический «удар копьем» признанного специалиста и остаться в седле – значит его «боевое крещение» состоялось, и он мог с честью возвращаться домой со «Спишского турнира». Впрочем, без всякой натяжки можно сказать, что большинство докладов молодых ученых были настолько хороши, что критические замечания могли лишь уточнить какие-то аспекты проблемы. Для многих молодых историков это уже не первое участие в конференциях серии *Colloquia Russica*, что, несомненно, станет важным этапом их научной биографии.

Перефразируя слова Льва Николаевича Толстого, можно сказать, что все неудавшиеся конференции (увы, не столь уж редкий случай) похожи друг на друга, но зато каждая удавшаяся конференция – всегда индивидуальна. Секрет успеха Спишской конференции можно сформулировать так: удачная концепция – требовательный отбор участников – работа на перспективу. Хочется надеяться на продолжение традиции конференций серии *Colloquia Russica* и формирования благодаря им кумулятивного эффект для восточноевропейской медиевистики.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бессонов Игорь Александрович – кандидат филологических наук (Москва)

Брыль Антон-Франтишек – краевед (Лондон)

Дедук Андрей Владимирович – специалист I категории отдела обеспечения сохранности и государственного учета документов Российского государственного архива древних актов (Москва)

Гаркович Наталья Викторовна – соискатель кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск)

Глинский Евгений Станиславович – магистр гуманитарных наук, аспирант кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков Белорусского государственного университета (Минск)

Дзярнович Олег Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории НАН Беларуси (Минск)

Келлер Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков Тюбингенского университета (Тюбинген)

Любый Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков Белорусского государственного университета (Минск)

Мартынюк Алексей Викторович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск)

Полехов Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Прудников Александр Александрович – магистр истории, аспирант кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета

Рассадин Сергей Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета (Минск)

Русина Елена Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев)

Сосно Владимир Аркадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков Белорусского государственного университета (Минск)

Темушев Степан Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета (Минск)

Трачук Алексей Васильевич – соискатель Переяслав-Хмельницкого государственного педагогического университета имени Григория Сковороды (Киев)

Шершнёва-Цитильская Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации (Москва)

РЕЗЮМЕ

(в квадратных скобках – дата поступления статьи в редакцию)

Трачук А.В. *Металлургия хорватов, уличей и тиверцев Поднестро-
вья в VIII–X вв.* [20.08.2014]

Опираясь на материалы раскопок гнезд поселений райковецкой археологической культуры бассейна Днестра и летописей, рассмотрен вопрос производства кричного железа у племен хорватов, тиверцев и уличей в VIII–X вв. На правом берегу Днестра удалось определить племенные металлургические центры: у хорватов – 17, у тиверцев – 4. В дальнейшей перспективе систематические исследования племенного ремесла дадут возможность вместо абстрактных археологических культур (райковецкой, волынцевской, роменской) анализировать историю реально существовавших, известных из летописей союзов племен: хорватов, тиверцев, уличей, северян и других.

Бессонов И.А. *Религиозный и культурный контекст «движения волхвов» в 1060–70-е гг.* [30.08.2014]

Темой статьи является исследование выступлений волхвов, имевших место в Киеве, Новгороде и Ростовской земле в 1060–70-е гг. Источником пророчеств киевского волхва по всей видимости стала Псалтирь, чтение которой он мог слышать во время церковной службы. Волхв, явившийся в Новгороде, претендовал на повторение евангельских чудес, и, вероятно, был членом секты павликиан, считавших своих учителей равными Иисусу Христу. Движение в Ростовской земле имело более сложный характер. Действовавшие там ярославские волхвы занимались поиском ведьм, по местным народным представлениям виновных в гибели урожая. Тем не менее, рассказанная ими легенда о сотворении человека свидетельствует о влиянии на них воззрений, происходящих из народного православия и неортодоксальных учений Византии и Болгарии.

Дзярнович О.И. *Византийское изгнание: эпопея полоцких князей в XII в. и позже* [27.09.2014 г.]

Драматическая история высылки практически всего Полоцкого княжеского дома Изяславичей в 1129 г. в Византию по-прежнему оставляет много вопросов политического и правового характера. В соответствии с одной из доминирующих концепций, высылка Изяславичей стала за-

кономерным результатом борьбы двух враждебных линий княжеского дома Рюриковичей за право контроля над Полоцкой землей. Остается вопрос, в какой степени такой тип наказания как ссылка был архаичским, или же произошла его трансформация в условиях средневековой государственности. Кроме того, тема сосланных полоцких князей фигурировала в историописании и в последующем, в частности, в московском летописании XVI в. (Воскресенская летопись). Это уже пример инструментального использования исторических сюжетов.

Темушев С.Н. *Проблема образования Древнерусского государства в ранних исторических трудах (до начала XIX в.)* [31.08.2014 г.]

В статье рассматривается эволюция взглядов на образование Древнерусского государства от древнерусских летописцев до первых представителей формирующейся российской исторической науки. Анализируется содержание и происхождение этногенетических мифов и легенд о формировании правящей на Руси династии. Достижением раннего этапа развития российской исторической науки признается отказ от искусственных мифов «Сказания о князьях Владимирских», Киевского синопсиса и др. Значительное внимание уделено формированию двух историографических направлений в оценке роли скандинавского фактора в генезисе Древнерусского государства – норманизма и антинорманизма.

Шершнёва-Цитульская И.А. *Политико-правовая доктрина «симфонии властей» в истории российских государственно-церковных отношений X–XVI вв.* [10.09.2014]

В статье анализируется рецепция византийской «симфонии властей» в теории и практике российских государственно-церковных отношений допатриаршего периода. «Симфония властей» рассматривается как часть доктринального оформления процесса объединения русских земель вокруг Москвы. Автор приходит к выводу о том, что до середины XV века Россия была знакома с «симфонией властей», но не могла реализовать ее на практике из-за отсутствия суверенитета как светской, так и церковной власти. Только освободившись от ига и провозгласив автокефалию церкви, возникли условия для реализации «симфонии» на практике, что подтверждается рецепцией принципов указанной доктрины в российском праве.

Келлер О.Б. *Сфера распространения и влияния права средневековой Германии на землях Тевтонского ордена и в Ливонии* [20.09.2014]

Статья состоит из трех крупных разделов. Раздел первый посвящен истории появления и распространения немецкого права на землях Тевтонского Ордена. Здесь, в частности, описаны те формы немецкого права, которые имели место в данном регионе, а именно: Кульмское право (одна из разновидностей Магдебургского городского права) и Любекское городское право. Раздел второй уделяет значительное внимание появлению немцев в Ливонии и общей характеристике городского права Ливонии. В нем анализируется Любекское городское право в Ливонии и «Саксонское Зерцало» как источник «Лифляндского Зерцала». Раздел третий – заключение с соответствующими выводами.

Мартынюк А.В. *Под стягом святого Георгия: австрийские крестоносцы в походах на Литву и Русь* [8.09.2014]

В статье рассматривается участие крестоносцев из Австрии в рейзах на Великое княжество Литовское и русские земли (Новгород, Псков, Галицко-Волынское княжество) в XIV веке. На основании привлечения разнообразных источников (хроники, рыцарская поэзия, документальные материалы, визуальные источники) удастся назвать имена многих крестоносцев и показать значение походов на «литовских язычников и русских схизматиков» в рыцарской культуре средневековой Австрии. Образ святого Георгия является при этом своеобразным «кодом», структурирующим информацию источников о крестовых походах на восток Европы.

Рассадин С.Е. *«Ездец московский» и его двойник литовский* [15.09.2014]

В статье исследована проблема происхождения геральдического всадника Восточной Европы. Установлено, что впервые он появляется на древнерусских печатях XII в. Этот символ складывается как под византийским, так и под западноевропейским влиянием. Из Новгорода Великого различные варианты данного изображения (всадник с мечем, всадник с копьем, всадник-охотник с хищной птицей) проникают как в Великое княжество Московское, так и в Великое княжество Литовское.

Дедук А.В. *Договорная грамота рязанского великого князя Ивана Васильевича и рязанского князя Федора Васильевича 1496 г.: историко-географический комментарий* [7.09.2014]

Статья посвящена разбору или локализации топонимов, упомянутых в договорной грамоте 1496 г. Благодаря этому была реконструирована территория Рязанского княжества конца XV – начала XVI в., установлены границы уделов Ивана и Федора Васильевичей. В ходе исследования выдвинута гипотеза о формировании территории станов Рязанского уезда.

Русина Е.В. *Литературные памятники XV–XVI вв.: наблюдения и заметки* [18.09.2014]

В статье рассматривается достаточно скромная литературная продукция средневековых «русских» книжников, работавших в пределах Великого княжества Литовского (хотя автор не упускает из виду возможность ее обеднения за счет войн, пожаров и пр.). Основное внимание уделяется таким литературным произведениям, как панегирики, адресованные великому князю Витовту и князю Острожскому, и послание киевского митрополита Мисаила папе Сиксту IV (1476 г.). Автор анализирует их источники и призывает повысить внимание к роли, сыгранной в литературном процессе XV–XVI вв. писцами литовской великокняжеской канцелярии.

Брыль А.-Ф. *Назва «Murata Gyeranony» ў дакументах 1510–1523 гг. і датыроўка Геранёнскага замка* [5.09.2014]

Эпитет «Murata», применяемый к Гераненам в письменных источниках, привлекает внимание исследователей истории Гераненского замка, давая косвенные сведения о времени появления этого памятника архитектуры. В данной статье предпринята попытка выявить наиболее ранние упоминания такой формы названия. Самым старым из обнаруженных упоминаний оказывается документ 1510 г., что позволяет предположить, что строительство замка к этому времени было уже по крайней мере начато.

Прудников А.А. *Евреи в католических городах и местечках на Беларуси в середине XVII–XVIII в.* [10.08.2014 г.]

Статья посвящена изучению истории евреев на территории городов и местечек Беларуси, в середине XVII – XVIII в. принадлежавших католической церкви. Автор уделяет внимание времени появления этого народа на территории Беларуси и духовных владений в частности, их основным занятиям, особенностям и отличиям от местного населения.

Также предпринята попытка оценки количества еврейского населения и его динамики во владениях католической церкви и особенностей территориального расселения.

Любый А.В. *Одна династия для двух историй: польская историография о Великом княжестве Литовском эпохи Ягеллонов* [30.09.2014 г.]

В статье рассматривается становление и развитие традиции восприятия Великого княжества Литовского в польской исторической науке, выявляются ключевые проблемы, которые не сходят со страниц историографии на протяжении столетия. Акцентируется внимание на смене проблематики в изучении эпохи Ягеллонов в Польше в конце XX в., особенностях исследований начала XXI в. Автор определяет проблемное поле польской историографии Великого княжества Литовского эпохи Ягеллонов и показывает его место в современном польском национальном нарративе.

Сосно В.А. *Политическая история позднефеодальной Беларуси в трудах преподавателей кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков БГУ: традиция и современность* [29.09.2014 г.]

Двадцать лет назад кафедра истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета выделилась с созданной еще в 1958 г. общей кафедры истории БССР, наследуя и развивая ее традицию исследования политической истории XVII, XVIII и первой половины XIX вв. Эта традиция воплотилась в научных трудах старшего (Л. С. Абецдарский, А. П. Игнатенко, В. В. Чепко), среднего (В. П. Емельянчик, П. О. Лойко, В. А. Сосно) и младшего (Е. Г. Денисова, Е. В. Демидович, В. А. Подолинский, Ю. В. Функ) поколений преподавателей кафедры. Сдерживаемая и ограничиваемая в советское время, политическая история феодальной эпохи получила возможность всестороннего, объективного рассмотрения в Республике Беларусь.

Полехов С.В. *Castrum nostrum Mensko. Из истории династической войны в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века* [18.09.2014 г.]

В работе публикуется и анализируется послание свергнутого великого князя литовского Свидригайла, написанное во время похода на Литву 13 ноября 1432 г. и адресованное великому магистру Тевтонского ордена Паулю фон Русдорфу. Известия об успехах Свидригайла, событиях

в Литве и сопредельных государствах позволяют лучше понять характер войны, отношение общества к воюющим сторонам. Источник интересен также благодаря упоминанию Менска – нынешнего Минска, которое ранее не использовалось в историографии.

Гаркович Н.В. Катехизис Стефана Зизания (Вильна, 1595 г.) [30.09.2014 г.]

Настоящая статья представляет собой публикацию уникального памятника – «Катехизиса» Стефана Зизания (Вильна, 1595) – по переизданию 1618 года, ранее не издававшегося. Текст снабжен комментариями и историческими справками, автор публикации ставит вопрос о еретичности Стефана Зизания и на основании анализа «Катехизиса» и двух других произведений Зизания приходит к выводу о соответствии его мировоззрения вероучению восточной церкви.

SUMMARY

Trachuk A.V. *Metallurgy of the Croats, Ulichy and Tivertsy from the area of the Dniester River in the 8th–10th centuries*

Based on the excavation's materials of settlements' group ("nests") of Raykovitz archaeological culture at the Dniester Basin and chronicles, the question about the iron production of tribes Croats, Tivertsy and Ulichy at 8th–10th centuries was considered. On the right bank of the Dniester were able to determine tribal metallurgical centers: at Croats – 17, at Tivertsy – 4. In the longer term, systematic studies of tribal handicraft production will enable to analyze the history of actually existed, known in the chronicles tribal alliances: Croats, Tivertsy, Ulichy, Northmen and others, instead of abstract archaeological cultures (Raykovetska, Volyntsevskaya and Romenska).

Bessonov I.A. *Religious and cultural background of «volkhvy movement» in 1060–70s.*

The article is devoted to the investigation of volkhvy uprisings, which took place in Kiev, Novgorod and Rostov area in 1060–1070s. The prophecies of Kievan volkhv are likely to be borrowed from Psalter, which recitation could be heard by him during the church service. Novgorod volkhv claimed to replicate the Gospel miracles. We can suppose, that he was a member of paulician sect, who treated their leaders as equal to Jesus Christ. Movement in Rostov area had more complex background. Yaroslavl volkhvy, who acted

there, were engaged in looking for witches, who spoiled the crop according to the local folk believes. Nevertheless the legend about the creation of man, which was recounted by the volkhvy, witnessed the influence of Byzantine and Bulgarian popular orthodoxy and heterodox doctrines on their outlook.

Dziarnovich A.I. *Byzantine exile: epic of Polotsk princes in the 12th century and later*

The dramatic story of the expulsion of almost all the Iziaslavičy Polotsk princely house in 1129 to Byzantium still leaves many questions of political and legal nature. The thresholds and one of the dominant concepts, the expulsion of the Iziaslavičy princes was the logical result of the struggle between two hostile lines of the princely house of Rurik for the right to control the Polotsk land. The question remains to what extent this type of punishment as exile was archaic, or its transformation has occurred in the conditions of medieval statehood. In addition, the theme of the exiled princes of Polotsk featured in historical and subsequently, in particular in the Moscow chronicles of the 16th century (Voskresenskaya chronicle). This is an example of tool use historical subjects.

Temushev S.N. *The problem of the Old Russian state formation in the early historical works (up to the beginning of 19th century)*

The article examines evolution of attitudes the formation of the ancient Russian state of ancient chroniclers before the first representatives of the emerging Russian historical science. Analysis of the content and origin ethnogenetical myths and legends about the formation of the ruling dynasty in Rus. Achievement of the early stage of development of the Russian historical science recognizes the rejection of artificial myths «Tales of the Princes of Vladimir», Kiev synopsis and others. Considerable attention is paid to the formation of two historiographical trends in assessing the role of Scandinavian factor in the genesis of the Old Russian state – normanism and antinormanizm.

Shershneva-Citulskaya I.A. *Political and Legal Doctrine of «Symphony of the Authorities» in the History of Russian State and Church Relationships in the 10th–16th centuries*

The article analyzes the reception of Byzantine doctrine of «Symphony of the Authorities» in the theory and practice of the Russian state and church relationships in the period before the establishment of the Moscow

Patriarchate. «Symphony of the Authorities» is considered as part of doctrinal designation of Process of the consolidation process of Russian lands around Moscow. The article analyzes the reception of Byzantine doctrine of «Symphony of the Authorities» in the theory and practice of the Russian state and church relationships in the period before the establishment of the Moscow Patriarchate. «Symphony of the Authorities» is considered as part of doctrinal designation of Process of the consolidation process of Russian lands around Moscow. The author comes to the conclusion that until the middle of 15th century Russia was familiar with the «Symphony of powers», but could not implement it in practice because of the lack of sovereignty of both secular and ecclesiastical authority. Only freed from the yoke and proclaimed autocephaly of the Church, there are conditions for the implementation of the «Symphony» in practice, as evidenced by the reception of the principles specified doctrine in Russian law.

Keller O.B. *The Scope and Influence of the Medieval German Law in the Lands of the Teutonic Order and in Livonia*

The article consists of three main parts. Section 1 is devoted to the history of the origin and spreading of German law in the lands of the Teutonic Order. It describes the forms of German law which were usual for this region, i.e. the Kulm law, a variant form of the Magdeburg urban law, and the Lübeck urban law. Section 2 contains description of the arrival of Germans in Livonia and general description of the Livonian urban law. In this section, the development of the Lübeck urban law in Livonia and the Saxon Mirror as a source of the Livland Mirror are analyzed. Section 3 contains conclusions of the paper.

Martyniuk A.V. *Under the flag of Saint George: Austrian Crusaders in Lithuania and Russia*

The article deals with the participation of Austrian Crusaders in the reysas on the Grand Duchy of Lithuania and Russian lands (Novgorod, Pskov, Principality of Galicia-Volhynia) in the 14th century. On the basis of a variety of sources (chronicles, chivalrous poetry, documentary materials, visual sources) we manage to name plenty of the Crusaders and show the importance of crusades on «Lithuanian pagans and Russian schismatics» in chivalric culture of the medieval Austria. And the image of Saint George here is a kind of a «code» that regulates information of the sources about crusades on the East of Europe.

Rassadin S.E. *«The Horseman of Moscow» and his Lithuanian counterpart*

The paper studies the problem of the origin of the heraldic horseman of Eastern Europe. It was established, that for the first time it appears on the Old Russian seals of the 12th century. This symbol was shaped under Byzantine and Western European influence. From Novgorod the Great various versions of the image (a horseman with a sword, a horseman with a spear, a horseman-hunter with a bird of prey) penetrated into the Grand Duchy of Moscow and the Grand Duchy of Lithuania.

Deduk A.V. *The treaty charter of Ryazan Grand Prince Ivan Vasilyevich and Ryazan prince Fyodor Vasilyevich dated 1496: historical-geographical comment*

The article is devoted to the analysis or localization of toponyms mentioned in the treaty charter in 1496. Thanks to this territory of the Ryazan principality of late 15th – beginning of 16th century was reconstructed, the borders of Ivan's and Fedor's principalities were set. In the course of the study the formation of camps' territories of the Ryazan district was hypothesized.

Rusina E.V. *Some Observations and Remarks regarding Literary Monuments of the 15th–16th centuries*

The paper deals with a rather modest literary output of medieval Ruthenian bookmen from the terrains of the Grand Duchy of Lithuania (though author takes into account its hypothetical losses caused by wars, fires etc.). The stress is laid on such literary works as panegyrics to Grand Duke Vitovt and Prince Ostrozhski and the letter sent by the Metropolitan of Kiev Misail to Pope Sixtus IV (1476). Rusina analyzes their sources and concludes with a call for closer investigation of the role played by the scribes of the state chancellery of the Grand Duchy of Lithuania in the literary process of 15th–16th centuries.

Bryl A.-F. *The name «Murata Gieraniony» in the documents of 1510–1523 and the dating of Gieraniony castle*

The Latin adjective «Murata», applied to the manor of Gieraniony in many written sources, attract the attention of historians, as it provides indirect information about the construction date of the Gieraniony castle. This paper attempts to identify the earliest uses of this form of the name. The oldest document among those found has the date 1510, which allows us to assume that the construction of the castle was at least started before this date.

Prudnikau A.A. *Jews in the Catholic cities and towns of Belarus the middle of 17th–18th century*

The article is dedicated to the study of the history of Jews in the cities and towns of Belarus, which were belonging to the Catholic Church in the middle of 17th–18th century. The author pays attention to the time of appearance of this folk on the territory of Belarus and in particular their spiritual possession, main employment characteristics and differences from the local population. Also the number of the Jewish population was estimated, as well as dynamics of its extension in the Catholic Church possession and character of the territorial settlement.

Liuby A.U. *One dynasty for two histories: Polish historiography of the Grand Duchy of Lithuania during the Jagiellonian dynasty*

The article deals with the creation and development of the tradition of perception of the Grand Duchy of Lithuania in Polish historical science, it identifies the key issues that do not descend from the pages of historiography during the centuries. The attention is focused on the change of perspectives in the study of the era of Jagiellonian in Poland in the late of 20th century, as well as on the features of researches in the beginning of 21st century. The author identifies the problem field of Polish historiography of the Grand Duchy of Lithuania during the Jagiellonian dynasty and shows why it is not excluded from the modern Polish national narrative.

Sosna U.A. *Political history of late feudalistic Belarus in the works of the professors of Department of Belarus History of the Ancient Time and the Middle Ages of BSU: tradition and modernity*

Twenty years ago, Department of Belarus History of the Ancient Time and the Middle Ages of the Faculty of History of Belarusian State University segregated from the common Department of History of the Byelorussian SSR, which was established in 1958, inheriting and developing its tradition of the study of political history of the 17th, 18th and early 19th centuries. This tradition was embodied in scientific works of the older (L. S. Abetsedarsky, A. P. Ignatenko V. V. Chepko), medium (V. P. Yemialyanchyk, P. O. Loiko, U. A. Sosna) and junior (E. G. Denisova, E. V. Demidovich, V. A. Podolynsky, U. V. Funk) generations of professors of the department. Being restrained and limited during the Soviet era, the political history of the feudalistic era now got an opportunity to develop a comprehensive and objective review in the Republic of Belarus.

Polekhov S.V. *Castrum nostrum Mensko. From the history of the dynastic war in the Grand Duchy of Lithuania in the 1430s*

The letter of the deposed grand duke of Lithuania Švitrigaila written during his Lithuanian campaign on the 13th November 1432 to the grand master of the Teutonic order Paul von Rusdorf is published and analyzed in the paper. The news of Švitrigaila's successes, the events in Lithuania and neighbour states make it possible to better understand the nature of the war and the relation of the society to the belligerents. The source is also interesting due to a mention of Mensk – the present-day Minsk, which was not used in the historiography before.

Garkovich N.V. *The «Kathehizis» of Stefan Zizanij (Vilno, 1595)*

The paper is actually considered the publication of unique work of Stefan Zizanij „Kathehizis” (Vilno, 1595, Ugorcy 1618) which was never republished. The text contains comments and historical descriptions. The author of the article tries to answer the question if Stefan Zizaiiy really had a heretical views and has come to conclusion that Zizanij's theology is completely based on the Eastern Christian theology.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного сборника «*Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*» объявляет о подготовке к печати седьмого выпуска сборника. К участию в сборнике приглашаются ученые Беларуси, России, Украины и других стран, чьи научные интересы лежат в сфере исследования истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (до конца XVI века).

К публикации принимаются статьи (до 2 п.л.), рецензии (до 0,5 п. л.) и иные материалы. Рабочие языки сборника – русский и белорусский. К статье необходимо приложить справку об авторе (ученая степень и звание, должность, место работы, контактная информация) и резюме до 10 строк на русском и английском языках. Заявки на участие в альманахе и тексты материалов принимаются **до 30 сентября 2015 года** по e-mail: a.martyniounk@mail.ru или по адресу: 220007, г. Минск, ул. Московская 15, Республиканский институт высшей школы, кафедра историко-культурного наследия Беларуси, каб. 205.

Просим Вас обратить внимание на нижеследующие требования к оформлению материалов, которые продиктованы требованиями ВАК Беларуси.

ПРАВИЛА

оформления статей

1. В редакцию предоставляется электронный файл с текстом статьи (название файла – фамилия автора). Текст статьи следует набирать в редакторе Word (гарнитура – Times New Roman, кегль – 14, интервал – 1,5, поля со всех сторон – 20 мм).

2. Ссылки на использованную литературу и источники приводятся в порядке цитирования, порядковый номер и страница даются в квадратных скобках после цитаты/упоминания (например: [1, с. 44]). Список использованной литературы прилагается в конце статьи и должен быть оформлен в соответствии с требованиями ВАК Беларуси. Более подробно с инструкцией по оформлению списка литературы можно ознакомиться на сайте ВАК Беларуси www.vak.org.by.

3. При необходимости использовать в статье иллюстрации, таблицы, графики и т. д., автор должен обратиться в редакцию за дополнительными сведениями об их должном оформлении.

4. В случае передачи статьи автору на доработку, в редакцию необходимо вернуть первоначальный и окончательный варианты.

5. Представленные к печати материалы проходят независимое рецензирование. Редакция оставляет за собой право отбора статей по теме издания.

6. Статьи, оформленные с нарушением вышеприведенных правил, редакцией не принимаются.

С уважением, Редакция

Научное издание

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Научный сборник

Выпуск 7

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. А. Любая*
Компьютерная верстка *С. С. Руховой*

На обложке: святой Георгий. Фрагмент фрески из замка Нойхаус (Чехия)
(к статье А. В. Мартынюка «Под стягом святого Георгия:
австрийские крестоносцы в походах на Литву и Русь»)

Подписано в печать 29.12.2014. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 19,7. Уч.-изд. л. 22,7. Тираж 100 экз. Заказ .

Адрес редакции: ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.

Республиканский институт высшей школы,
кафедра историко-культурного наследия Беларуси.

Тел.: +375(17) 219-06-68. E-mail: a.martyniouk@mail.ru.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.